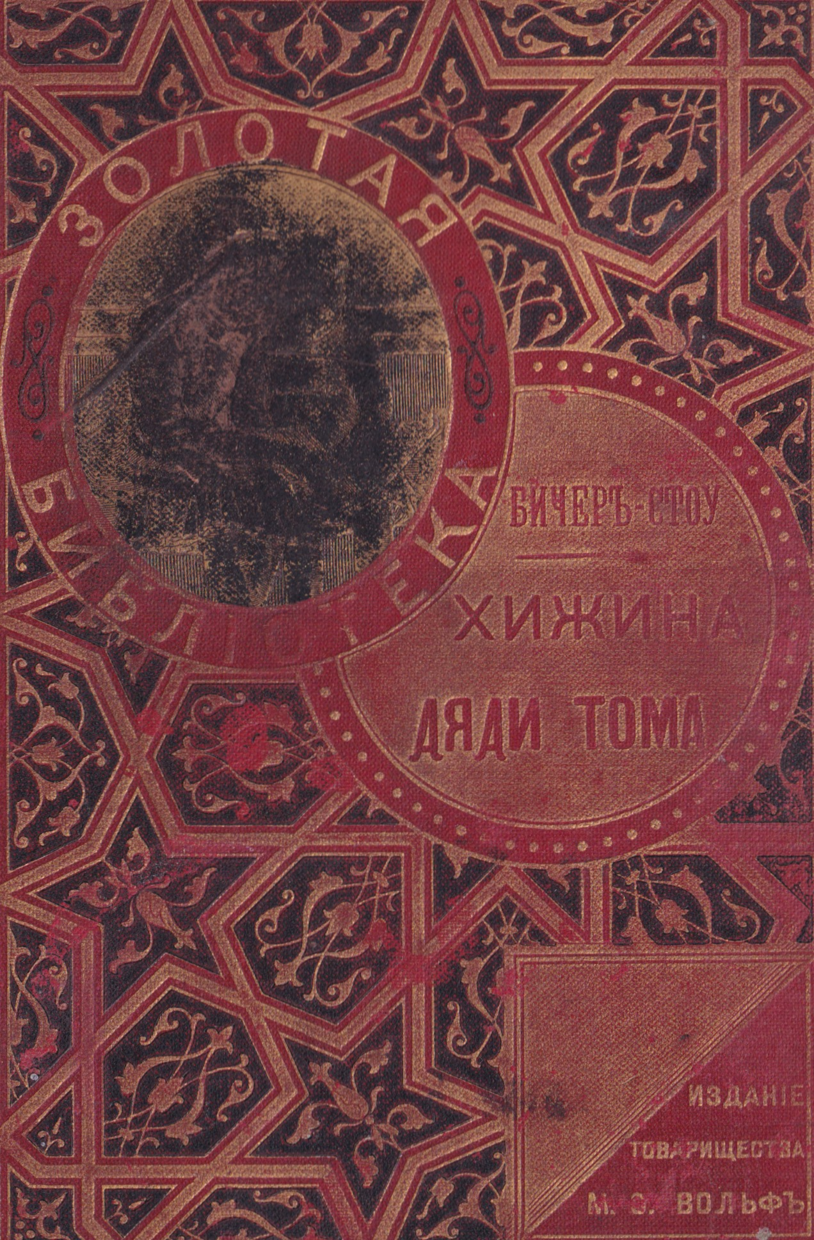
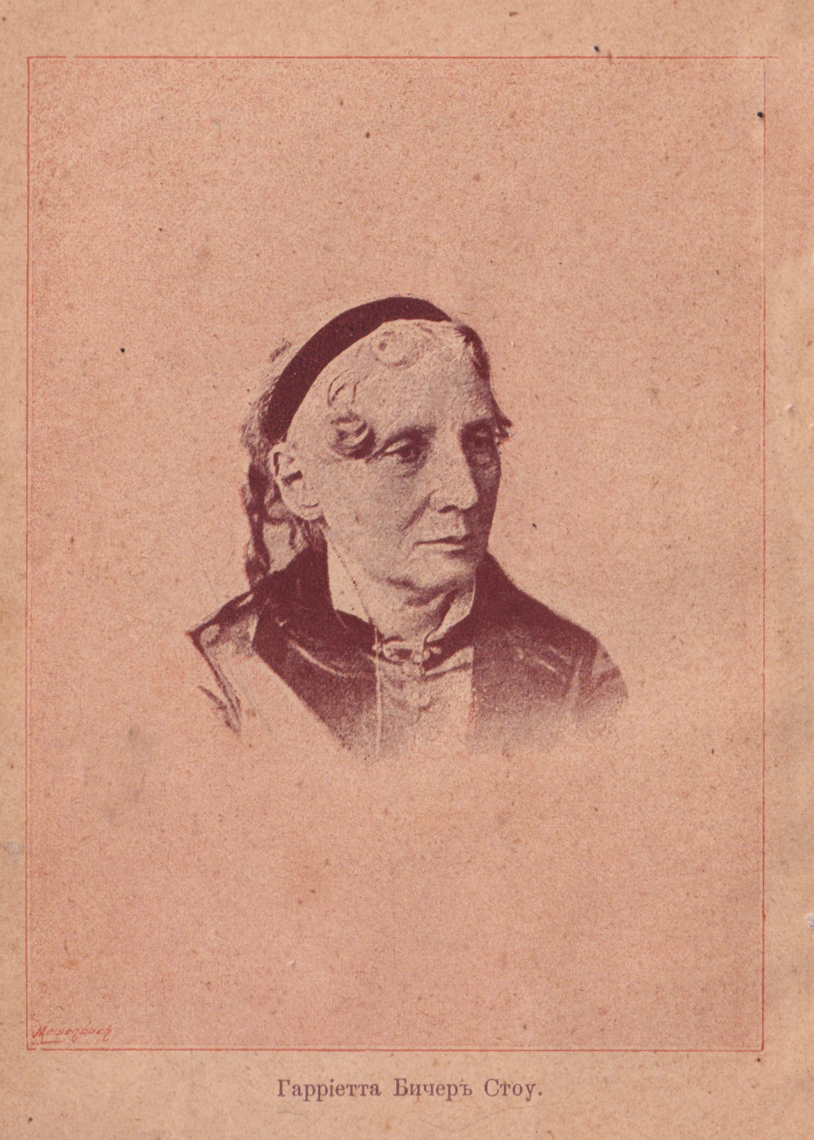

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА
БИЧЕРЪ-СТОУ
ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА
ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА
М. О. ВОЛЬФЪ

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

Гарріетта Бичеръ Стоу.

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

СОЧИНЕНІЕ

БИЧЕРЪ-СТОУ

ПРИМѢНЕННОЕ КЪ ДѢТСКОМУ ВОЗРАСТУ

М. Л. ПЕСКОВСКИМЪ

Съ 79-ю иллюстраціями въ текстѣ, 20-ю отдѣльными картинами и портретомъ автора.

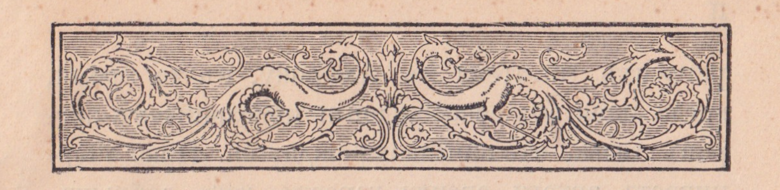
ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. дв. 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.

Дозволено цензурою. Спб., 27 ноября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. 5—7.

ГАРРІЕТА БИЧЕРЪ-СТОУ

И ЕЯ КНИГА.

Есть книги, никогда не старѣющіяся, содержаніе которыхъ не утрачиваетъ интереса съ теченіемъ времени, давность которыхъ какъ-бы даже увеличиваетъ силу нравственнаго ихъ вліянія.

Къ числу такихъ книгъ, весьма не многочисленныхъ, принадлежитъ и „Хижина дяди Тома“.

Романъ этотъ написанъ около 45 лѣтъ тому назадъ. И если почтенная уже давность имѣла въ этомъ случаѣ какое-либо вліяніе, то развѣ въ томъ отношеніи, что дала возможность перевести это прекрасное произведеніе на всевозможные языки,—помогла распространить его почти во всѣхъ государствахъ, почти у всѣхъ народовъ, умѣющихъ читать и печатать книги.

Авторъ романа, Гарріета Бичеръ-Стоу, пе-

реноситъ читателя въ Америку, въ то время, когда идея объ освобожденіи невольниковъ-негровъ только-что начала зарождаться. Ярко очерчиваетъ авторъ своихъ героевъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, рельефно изображаетъ бытъ негровъ, страданія ихъ въ неволѣ и ужасныя несправедливости въ отношеніи ихъ. Авторъ увлекаетъ читателя и заставляетъ его переживать всѣ мученія подневольныхъ негровъ, несправедливо лишенныхъ свободы и содержавшихся почти на положеніи скотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ на каждомъ шагу даетъ возможность читателю убѣдиться, что негры—такіе-же люди, какъ и бѣлокожіе, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и лучше бѣлыхъ.

Романъ написанъ тепло, задушевно, въ высоко-христіанскомъ духѣ, — и имѣлъ въ свое время громадное вліяніе на освобожденіе негровъ.

Въ предисловіи къ первому изданію „Хижины дяди Тома“, Бичеръ-Стоу, между прочимъ, говоритъ: „Мы передаемъ эту книгу въ руки публики, надѣясь, что столь страшный грѣхъ (т.-е. невольничество) скоро будетъ искорененъ и что статутныя книги Сѣверной Америки (т.-е. собраніе законовъ) будутъ очищены отъ тѣхъ страницъ, которыя вносятъ въ законы страны противорѣчіе и сумасбродство“

Надежды талантливой писательницы исполнились. Книга ея, въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ, выдержала 20 изданій, въ первые-же два-три года разошлась уже въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, произвела необычайно сильное впечатлѣніе,—и негры были освобождены: имъ предоставили гражданскія права, наравнѣ съ бѣлыми.

Прошло уже тридцать лѣтъ со времени освобожденія негровъ. Въ теченіе этого промежутка времени, негры, бывшіе невольники въ Штатахъ Сѣверной Америки, доказали уже, что они могутъ съ успѣхомъ соперничать съ бѣлыми на поприщѣ науки, литературы, искусства, хозяйственно-промышленной и торговой дѣятельности, а также—и въ сферѣ государственнаго служенія. Бывшіе невольники-негры немало дали изъ своей среды людей даровитыхъ и полезныхъ въ общественной и государственной дѣятельности, какъ то: сенаторовъ, губернаторовъ, прокуроровъ, проповѣдниковъ, педагоговъ, ораторовъ, ученыхъ, музыкантовъ, художниковъ и пр.

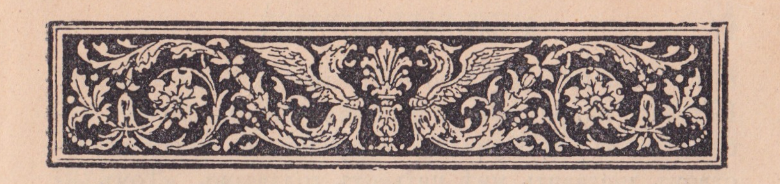
Такая перемѣна въ положеніи негровъ нисколько не ослабила значенія „Хижины дяди Тома", такъ-какъ этотъ прекрасный романъ учитъ, прежде всего, любить человѣка вообще, особенно-же—несчастныхъ, угнетенныхъ людей.

Книга эта имѣетъ вѣчное, не умирающее значеніе. Во всѣ времена она будетъ поучать человѣчество, что любить другихъ, любить всѣхъ людей—первѣйшій и высшій долгъ человѣка, что этою именно любовью держится все человѣчество. Только тогда и могутъ быть сносны условія жизни въ каждой отдѣльной странѣ, когда населеніе ея согрѣвается сознаніемъ важности и необходимости такой любви; въ противномъ-же случаѣ, всякое человѣческое общество будетъ представлять собою подобіе звѣринца, съ необыкновеннымъ развитіемъ несправедливости, насилія и всякой жестокости.

Гарріета Бичеръ-Стоу родилась въ Америкѣ, въ Конектикутѣ. Отецъ ея былъ проповѣдникомъ и далъ ей прекрасное образованіе. Сначала она была учительницей, но затѣмъ вышла замужъ за профессора библейской литературы, Кольвана Стоу, и начала писать.

Ея перу принадлежитъ много произведеній, свидѣтельствующихъ о даровитости писательницы; но „Хижина дяди Тома“ — самое замѣчательное изъ нихъ. Этотъ знаменитый романъ дѣлаетъ неувядаемою славу Гарріеты Бичеръ-Стоу во всѣ времена, у всѣхъ образованныхъ народовъ.

М. Песковскій.

ГЛАВА I.

Добрый человѣкъ.

Вечеръ холоднаго февральскаго дня. Два джентльмена въ хорошо меблированной столовой въ городѣ П*, въ штатѣ Кентукки, въ Сѣверной Америкѣ. Прислуги не было; джентльмены, сидѣвшіе близко другъ къ другу, повидимому, вели серьезную бесѣду о чемъ-то.

— Такъ-то я устроилъ бы дѣло,—проговорилъ господинъ Шельби.

— Но я не могу торговать такъ... рѣшительно не могу,—отвѣчалъ другой, глядя на свѣтъ черезъ стаканъ съ виномъ.

— Несомнѣнно, Гели, Томъ—удивительный человѣкъ и безспорно стоитъ этой суммы... Онъ энергиченъ, честенъ, смышленъ и прекрасно управляетъ всей моею фермой.

— Честенъ? т.-е. честенъ какъ негръ?—замѣтилъ Гели.

— Нѣтъ,—болѣе того. Томъ—добръ и набоженъ, какъ истинный христіанинъ. Я поручаю ему все, что имѣю: деньги, домъ, лошадей. Онъ управляетъ всѣмъ,

и я всегда находилъ его честнымъ и благороднымъ. Недавно, напримѣръ, я посылалъ его одного въ Синсиннети съ нѣкоторыми порученіями и обязательствомъ доставить мнѣ пятьсотъ долларовъ. «Томъ, — сказалъ я ему:—я довѣряюсь тебѣ, какъ христіанину, и убѣжденъ, что ты не обманешь меня». И Томъ

возвратился, — въ чемъ я былъ напередъ увѣренъ... Какіе-то негодяи говорили ему: «Томъ, зачѣмъ ты не бѣжишь въ Канаду?» — «О, я не могу сдѣлать этого, потому что господинъ мой довѣряетъ мнѣ». По правдѣ сказать, мнѣ жаль разстаться съ Томомъ. Вы должны-бы взять Тома за весь долгъ, и вы, Гели, сдѣлали бы это, будь у васъ совѣсть.

— У меня ея столько, сколько нужно торговому

человѣку, чтобы клясться, — отвѣтилъ онъ шутя. — Для друзей я готовъ сдѣлать все, что позволяетъ благоразуміе; но теперь, знаете, времена ужь очень трудныя.

Водворилось молчаніе.

— Такъ на чемъ же, Гели, мы порѣшимъ?—спросилъ Шельби послѣ неловкаго молчанія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

— А нѣтъ-ли у васъ, въ придачу къ Тому, еще чего-нибудь—мальчика или дѣвочки?

— Лишняго у меня никого нѣтъ. Правду сказать: я продаю, лишь уступая крайней нуждѣ. Увѣряю васъ, что ужасно не люблю разставаться съ моими работниками.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ маленькій мулатъ *), лѣтъ четырехъ-пяти. Наружность его была замѣчательно красива, даже привлекательна. Черные, мягкіе, какъ шелкъ, волосы блестящими локонами окаймляли пухлыя его щечки съ ямочками; большіе, умные черные глаза, горѣвшіе огнемъ и лаской, были оттѣнены длинными, густыми рѣсницами. Красивая одежда изъ пунцоваго съ желтымъ, тщательно сшитая, еще болѣе оттѣняла его красоту. Дѣтская-же увѣренность, смѣшанная съ застѣнчивостью, обнаруживала въ немъ баловня и любимца въ этомъ домѣ.

— А, вороненокъ! — проговорилъ Шельби, свиснувъ и бросивъ ему кисть винограда.—На, лови!

Ребенокъ во всю прыть бросился за лакомствомъ, а Шельби смѣялся.

— Иди сюда, Джимъ!—сказалъ онъ.

---

*) Мулатами называютъ потомковъ негровъ и европейцевъ.

Ребенокъ подошелъ. Шельби погладилъ его кудрявую головку и ласково взялъ за подбородокъ.

— Теперь, Джимъ, покажи этому джентльмену, какъ ты пляшешь и поешь.

Чистымъ, звонкимъ голосомъ запѣлъ мальчикъ какую-то дикую, странную пѣсню, распѣваемую неграми, и сопровождалъ пѣніе комическими движеніями рукъ, ногъ и всего тѣла въ тактъ пѣсни.

— Браво! — воскликнулъ Гели и бросилъ ему кусокъ апельсина.

— Теперь, Джимъ, покажи, какъ ходитъ дѣдушка Кёджо, когда его мучитъ ревматизмъ, — сказалъ Шельби.

Гибкіе члены ребенка моментально приняли уродливый, безобразный видъ. Дѣтское личико покрылось болѣзненными морщинами, на спинѣ образовался горбъ; ребенокъ, взявъ въ руку палку своего господина, принялся ходить по комнатѣ, какъ дряхлый старикъ, прихрамывая и шатаясь изъ стороны въ сторону.

Оба джентльмена дружно разсмѣялись.

— Джимъ, — сказалъ Шельби, — покажи намъ, какъ поетъ въ церкви старикъ Роббинзъ, нашъ церковный староста.

Круглое лицо ребенка сильно вытянулось, и онъ,

съ невозмутимымъ спокойствіемъ, протяжно запѣлъ въ носъ.

— Браво! Превосходно! Молодецъ! — воскликнулъ Гели.—Увѣряю васъ, изъ него выйдетъ славный малый. Послушайте,—оживленно проговорилъ онъ, ударивъ мистера Шельби рукою по плечу: — дайте мнѣ въ придачу этого мальчика, — и мы будемъ квиты... Да?

Дверь осторожно отворилась и въ комнату вошла молодая мулатка, лѣтъ двадцати пяти.

Невозможно было ошибиться, что она — мать ребенка. У ней были такіе-же блестящіе, выразительные черные глаза съ длинными рѣсницами, такіе-же шелковистые черные волосы, падавшіе локонами. Сквозь смуглый цвѣтъ лица пробивался яркій румянецъ. Платье ея, сидѣвшее безукоризненно, обнаруживало гибкій станъ. Красивая, нѣжная рука, маленькая нога также не ускользнули отъ опытнаго, проницательнаго взгляда торговца.

— Что скажешь, Элиза?—спросилъ хозяинъ, замѣтивъ ея нерѣшительность.

— Извините, сударь, я пришла за Гарри...

Ребенокъ бросился къ ней, показывая лакомства, которыя онъ держалъ въ полѣ своего платья.

— Возьми его!—сказалъ мистеръ Шельби.

Она взяла ребенка и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Клянусь Юпитеромъ,—съ жаромъ воскликнулъ торговецъ:—отличный товаръ! Вы могли бы сдѣлаться богачомъ, если-бы захотѣли продать эту женщину въ Нью-Орлеанѣ.

— Я не желаю разбогатѣть этимъ путемъ,—сухо

отвѣтилъ Шельби. Желая дать разговору другой оборотъ, онъ откупорилъ новую бутылку и поинтересовался узнать мнѣніе собесѣдника о винѣ.

— Отличное, милостивый государь, первый сортъ! —воскликнулъ торговецъ. Затѣмъ, обратившись къ Шельби и фамильярно ударивъ его по плечу, прибавилъ: — сколько возьмете за эту женщину? Сколько дать вамъ за нее?

— Я, г-нъ Гели,—не продамъ ее,—отвѣтилъ Шельби.—Моя жена ни за что не разстанется съ нею.

— Э, э!.. Женщины всегда говорятъ такъ. А растолкуйте-ка имъ, сколько часовъ, перьевъ и бриліантовыхъ вещей можно купить на золото, вырученное за одного невольника, — и онѣ сейчасъ же перемѣнятъ мнѣніе.

— Перестанемъ, Гели, говорить объ этомъ! Я не продамъ ее... нѣтъ и нѣтъ!—рѣшительно проговорилъ Шельби.

— Отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, мальчика,—сказалъ торговецъ.—Согласитесь, что я не требую лишняго.

— Но зачѣмъ вамъ мальчикъ?—спросилъ Шельби.

— У меня есть пріятель, скупающій красивыхъ мальчиковъ и воспитывающій ихъ для продажи, какъ предметъ роскоши. Ихъ продаютъ для прислуги богачамъ, платящимъ за нихъ хорошія деньги. Красивый мальчикъ, отворяющій двери и прислуживающій, составляетъ украшеніе дома. Этотъ-же чертенокъ такой фокусникъ и музыкантъ, что его можно продать съ большимъ барышомъ.

— Но я не хотѣлъ бы продать его,—проговорилъ Шельби въ раздумьѣ. — Я — человѣкъ добрый и не могу рѣшиться разлучить ребенка съ матерью.

Ферма Шельби.

— Да, конечно, голосъ природы... Я васъ вполнѣ понимаю. Съ женщинами иногда очень трудно справляться. Я самъ всегда чувствовалъ отвращеніе къ ихъ крикамъ и слезамъ... Обыкновенно я избѣгаю женщинъ. Можно, напримѣръ, отправить мать куда-нибудь на день или на недѣлю... и дѣло будетъ кончено прежде, чѣмъ она возвратится. Ваша жена подаритъ ей серьги, новое платье или, вообще, какую-нибудь бездѣлицу,—и она успокоится.

— Нѣтъ, дѣло тѣмъ не кончится.

— Кончится, какъ нельзя лучше! Это вѣдь чернокожіе, а не бѣлые люди. Они переносятъ все, если только вести дѣло, какъ слѣдуетъ... Я никогда не могъ поступать такъ, какъ поступаютъ нѣкоторые люди. Я видѣлъ торговцевъ, вырывавшихъ изъ рукъ женщины ребенка, чтобы продать его... Бѣдная женщина кричитъ, какъ сумасшедшая... Это дурной пріемъ, вредный даже для самой торговли. Насколько возможно, я всегда стараюсь избѣгать непріятностей. Продавая ребенка, напримѣръ, я удаляю мать. Когда нѣтъ предмета передъ глазами, то и не думаешь о немъ. Не такъ-ли? А послѣ того уже, какъ дѣло сдѣлано и перемѣнить ничего нельзя,—легче свыкаются съ новымъ порядкомъ вещей. Да вѣдь это-же не бѣлые люди, съ малолѣтства привыкшіе къ мысли, что они никогда не разлучатся со своими дѣтьми, женами и проч. Негры-же, какъ извѣстно, если они воспитаны должнымъ образомъ, не имѣютъ такихъ мыслей и легко переносятъ случаи, о которыхъ мы говоримъ.

— Значитъ, мои негры не воспитаны, какъ слѣдуетъ,—сказалъ Шельби.

— Очень можетъ быть. Вы, жители Кентукки,

портите вашихъ негровъ. Вы воображаете, что обращаетесь съ ними хорошо, тогда какъ дѣйствительно хорошее обращенiе состоитъ вовсе не въ томъ. Негръ созданъ для того, чтобы быть проданнымъ Тому, Дику и всякому другому. А потому не слѣдуетъ вбивать ему въ голову различныхъ идей и надеждъ, не слѣдуетъ хорошо воспитывать его, такъ какъ бѣдствiя, которымъ онъ можетъ подвергнуться впослѣдствiи, покажутся ему еще болѣе тягостными. Я увѣренъ, что ваши негры чувствовали-бы себя несчастными тамъ, гдѣ негры другихъ плантацiй веселятся, какъ сумасшедшiе. Конечно, каждый считаетъ себя правымъ, — и я думаю, что обращаюсь съ неграми, какъ слѣдуетъ.

— Счастливъ тотъ, кто доволенъ собою, — проговорилъ, пожавъ плечами, Шельби, не стараясь скрыть непрiятнаго впечатлѣнiя, произведеннаго на него собесѣдникомъ.

— Такъ что-же скажете вы на мое предложенiе?— спросилъ, наконецъ, Гели послѣ нѣкотораго молчанiя.

— Мнѣ нужно подумать и переговорить съ женой... Но я совѣтую вамъ, Гели, не разглашать здѣсь, какимъ дѣломъ занимаетесь вы, если хотите, чтобы все шло такъ тихо и спокойно, какъ вы говорите. Увѣряю васъ, что если мои люди провѣдаютъ о вашемъ занятiи,—вы не получите добромъ ни одного изъ нихъ.

— Понятно. Лучше всего никому не сообщать объ этомъ. Но я долженъ сказать, что у меня чертовски мало времени и мнѣ хотѣлось бы знать какъ можно скорѣе—могу-ли я разсчитывать здѣсь на что-нибудь,—проговорилъ торговецъ, вставая и надѣвая свое пальто.

— Прошу васъ сегодня вечеромъ, часовъ въ шесть-семь,—и я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

Торговецъ поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Съ какимъ удовольствіемъ я сбросилъ-бы съ лѣстницы этого негодяя съ его нахальною самоувѣренностью! — гнѣвно сказалъ самому себѣ Шельби, когда за Гели затворилась дверь. — Но онъ знаетъ, что я нахожусь въ его власти. Если-бы когда-нибудь сказали мнѣ, что я принужденъ буду продать Тома на югъ, одному изъ этихъ презрѣнныхъ торговцевъ,— я, конечно, отвѣтилъ-бы: «Развѣ вашъ покорнѣйшій слуга собака, что онъ станетъ поступать такимъ образомъ?...» Теперь-же я вижу, что это должно случиться... А сынъ Элизы? Я знаю, что у меня будетъ непріятность съ женой изъ-за этого ребенка и изъ-за Тома также... Ахъ, долги, долги!.. Гели знаетъ свое преимущество и... пользуется имъ!

Въ штатѣ Кентукки невольники находились, сравнительно, въ хорошемъ положеніи. Преимущественно сельскія занятія, мирныя и правильныя, не вызывали лихорадочной торопливости, требовавшейся при занятіяхъ негровъ въ южныхъ штатахъ. Вслѣдствіе этого положеніе негра въ Кентукки, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, согласовалось съ тѣмъ, чего требовало здоровье и благоразуміе. Съ другой стороны, владѣлецъ рабовъ довольствовался умѣреннымъ доходомъ, не прибѣгалъ къ суровымъ требованіямъ, овладѣвающимъ человѣческой душою, когда на одной чашкѣ вѣсовъ— надежды на быстрое обогащеніе, на другой же—только интересы беззащитныхъ и безпомощныхъ рабовъ, или негровъ.

Но и надъ кентуккскими невольниками, подобно

всѣмъ другимъ ихъ собратьямъ, тяготѣлъ ужасный законъ, дозволявшій продавать ихъ и покупать, словно вещь.

Шельби былъ человѣкъ добрый. Со всѣми окружавшими онъ обходился ласково и снисходительно, постоянно заботился обо всемъ, что было необходимо для здоровья и благосостоянія негровъ его плантаціи. Къ несчастью, онъ пустился въ обширныя спекуляціи, потерпѣлъ большія потери и вошелъ въ обременительные долги. Наконецъ, денежныя его обязательства (векселя) попали въ руки Гели...

Элиза, подойдя къ дверямъ и услышавъ нѣсколько словъ, поняла, что торговецъ предлагалъ ея господину продать какого-то невольника.

Когда она вышла со своимъ сыномъ изъ комнаты, ей очень хотѣлось остановиться у дверей и подслушать разговоръ; но въ это время госпожа позвала ее.

Ей, однакожъ, казалось, что торговецъ хотѣлъ купить именно ея сына... Могла-ли она ошибиться? Сердце ея сильно билось, и она инстинктивно съ такою силой прижала своего Гарри къ груди, что бѣдняжка съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать.

— Элиза! Что, милая, сегодня съ тобой? — спросила ее госпожа, удивленная, что Элиза, опрокинувъ кувшинъ съ водою и рабочій столикъ, подала, наконецъ, своей госпожѣ длинный ночной капотъ вмѣсто шелковаго платья, которое она приказала ей принести.

Элиза вздрогнула.

— О, миссисъ!—вскричала она, поднявъ глаза къ небу и заливаясь слезами, наконецъ съ рыданіями опустилась на стулъ.

— Дитя мое, да что съ тобой? — опять спросила ее госпожа.

— О, миссисъ, миссисъ! — воскликнула молодая женщина.—Въ столовой торговецъ... онъ разговаривалъ съ мистеромъ...

— Ну, такъ чтожъ изъ того?

— Ахъ, миссисъ! неужели же мой господинъ продастъ Гарри?

И несчастная женщина зарыдала съ еще большимъ отчаяніемъ.

— Про-дать его!?.. Разумѣется, нѣтъ, глупенькая! Да ты-же знаешь, что твой господинъ не имѣетъ никакихъ дѣлъ съ южными торговцами и никогда не продаетъ своихъ невольниковъ, если они ведутъ себя хорошо. Притомъ, дурочка, кто купитъ твоего Гарри?

Напрасно ты думаешь, что весь свѣтъ смотритъ на него твоими глазами!... Не плачь же, утри слезы и застегни мнѣ платье... Такъ!... Теперь заплети мнѣ волосы, какъ тебя выучили этому, и никогда больше не подслушивай у дверей.

— Но вы... вы никогда не дадите вашего согласія?...

— Ну, конечно же нѣтъ! Зачѣмъ ты говоришь объ этомъ?... Какъ могу я согласиться продать твоего ребенка?...

Тонъ, которымъ говорила госпожа, успокоилъ Элизу. Она проворно и ловко одѣла свою госпожу и даже сама посмѣялась надъ своими опасеніями.

Мистриссъ Шельби была замѣчательной женщиной и по высокимъ нравственнымъ своимъ качествамъ, и по уму. Съ великодушіемъ и благородствомъ она соединяла твердыя высоко-нравственныя правила, религіозныя чувства и убѣжденія, отъ которыхъ не отступала ни въ чемъ. Ея мужъ, не отличавшійся особенною религіозностью, не только высоко цѣнилъ чистоту ея убѣжденій, но даже благоговѣлъ предъ ея мнѣніями. Онъ предоставилъ ей полную свободу во всемъ, касавшемся воспитанія и устройства быта невольниковъ, и почти не вмѣшивался въ это дѣло.

Понятно, что, послѣ разговора съ торговцемъ, мистеръ Шельби не могъ не чувствовать особенной тяжести на душѣ. Нужно было сообщить о своихъ намѣреніяхъ женѣ, — а онъ хорошо сознавалъ, съ какимъ негодованіемъ отнесется она къ нимъ.

Г-жа Шельби была вполнѣ увѣрена въ добротѣ своего мужа. Ничего не знавшая о затруднительныхъ его обстоятельствахъ, она искренно разувѣрила Элизу

въ ея подозрѣніяхъ. Приготовляясь къ вечернему визиту, миссисъ Шельби совершенно забыла о своемъ разговорѣ съ Элизой.

ГЛАВА II.

Мать.

Будучи еще ребенкомъ, Элиза попала въ домъ своей госпожи и пользовалась всегда большимъ ея расположеніемъ.

Подъ благосклоннымъ покровительствомъ г-жи Шельби, Элиза, достигши совершеннолѣтія, была выдана замужъ за молодого, ловкаго красавца-мулата, Джорджа Гарриса, жившаго на сосѣдней плантаціи.

Этотъ молодой человѣкъ былъ отданъ, какъ рабочій, своимъ господиномъ на фабрику, занимавшуюся изготовленіемъ мѣшковъ. Благодаря своимъ способностямъ, онъ сталъ тамъ первымъ работникомъ. Онъ изобрѣлъ машину для очистки пеньки. Имѣя въ виду его воспитаніе и общественное положеніе, нельзя не признать, что изобрѣтеніемъ этой машины Джорджъ Гаррисъ обнаружилъ такую же геніальность, какъ Уитни изобрѣтеніемъ машины для очистки хлопчатой бумаги.

Джорджъ былъ общимъ любимцемъ на фабрикѣ. Но такъ какъ, по закону, онъ считался не человѣкомъ, а вещью, то всѣ его высокія духовныя качества находились во власти его господина, — грубаго, тупоумнаго деспота. Когда онъ узналъ объ изобрѣтеніи Джорджа, то явился на фабрику, чтобы взглянуть на дѣло рукъ своего невольника. Владѣлецъ фабрики съ

восторгомъ принялъ тирана и поздравилъ его съ такимъ неоцѣненнымъ невольникомъ.

Джорджъ водилъ своего господина по фабрикѣ, показывалъ ему свою машину. Воодушевленный похвалами, невольникъ говорилъ такъ краснорѣчиво, съ такою увѣренностью, казался такимъ обаятельнымъ, что господинъ его почувствовалъ, наконецъ, свое ничтожество... Зачѣмъ онъ позволяетъ своему невольнику блуждать по странѣ, изобрѣтать машины и подымать голову въ обществѣ джентльменовъ?... Этому необходимо положить конецъ. Нужно взять его къ себѣ, заставить рыться въ землѣ—и тогда онъ перестанетъ «важничать»...

Владѣлецъ фабрики и рабочіе были чрезвычайно изумлены, когда тиранъ вдругъ потребовалъ жалованье Джорджа и объявилъ о намѣреніи взять своего невольника.

— Но, — возразилъ владѣлецъ фабрики, надѣясь поколебать его намѣреніе,—мы этого никакъ не ожидали...

— Это ничего не значитъ... Развѣ онъ не принадлежитъ мнѣ?

— Мы охотно, милостивый государь, увеличимъ ему вознагражденіе.

— Для меня это не имѣетъ никакого значенія. Я не имѣю надобности отдавать внаймы кого-либо изъ моихъ невольниковъ, если мнѣ это не нравится.

— Но, милостивый государь, онъ, очевидно, чрезвычайно способенъ къ этому дѣлу.

— Пусть даже и такъ. Онъ никогда не былъ особенно способенъ къ тому дѣлу, которое я поручалъ ему. Это—безспорно.

— Но не забудьте о машинѣ, которую онъ изобрѣлъ! — неудачно замѣтилъ одинъ изъ работниковъ.

— Такъ что-же?... Изобрѣлъ машину, чтобы сберечь трудъ? Не такъ ли?... Я нисколько не удивляюсь этому!... Только негръ и способенъ изобрѣтать

такія машины!... Да что-же такое сами негры, какъ не машины?... Нѣтъ, — онъ долженъ отправиться домой!...

Джорджъ былъ страшно пораженъ, узнавъ о приговорѣ, которому онъ даже и права не имѣлъ противиться. Онъ скрестилъ руки, сжалъ губы — и цѣлый вулканъ мучительныхъ чувствъ кипѣлъ въ его груди,

наполняя бурнымъ негодованіемъ все его существо. Онъ тяжело дышалъ; большіе черные его глаза горѣли огнемъ. Онъ готовъ былъ тутъ-же дать волю своему негодованію, забывъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, но добрый владѣлецъ фабрики подошелъ къ нему и, взявъ его подъ руку, тихонько проговорилъ:

— Ты долженъ уступить, Джорджъ!... Иди теперь съ нимъ... Мы будемъ стараться, чтобы ты возвратился къ намъ.

Тиранъ подмѣтилъ этотъ шопотъ и смекнулъ о значеніи его, хоть и не слыхалъ словъ. Это еще болѣе укрѣпило его въ намѣреніи—сохранить полную власть надъ своей жертвой.

Джорджа взяли домой, гдѣ онъ исполнялъ самыя тяжелыя работы на фермѣ. Положимъ, никто не слышалъ отъ него непочтительнаго слова, но пылающіе взоры, мрачный нахмуренный видъ ясно изобличали душевное настроеніе молодого человѣка. Этого Джорджъ никакъ не могъ пересилить въ себѣ, — и это доказывало, что человѣка нельзя сдѣлать вещью.

Въ лучшую пору своей жизни, когда онъ былъ на фабрикѣ, Джорджъ познакомился съ Элизой и женился на ней. Пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ владѣльца фабрики, онъ могъ уходить и приходить, когда хотѣлъ. Бракъ встрѣтилъ полное сочувствіе г-жи Шельби, чрезвычайно обрадованной, что она выдаетъ замужъ свою красавицу-фаворитку за человѣка, повидимому, во всемъ подходящаго ей. Свадьбу справляли въ залѣ мистриссъ Шельби, которая сама же убрала померанцевыми цвѣтами чудные волосы невѣсты, сама же приколола къ прелестной головкѣ подвѣнечный уборъ. Не было недостатка ни

въ бѣлыхъ перчаткахъ, ни въ пирожномъ, ни въ винѣ, ни въ гостяхъ, удивлявшихся красотѣ невѣсты и великодушiю и щедрости ея госпожи.

Въ теченiе двухъ лѣтъ супружества, Элиза часто видѣлась съ мужемъ. Ихъ счастье было нарушено только утратой двухъ грудныхъ дѣтей, къ которымъ Элиза была сильно привязана.

Однако, когда явился на свѣтъ Гарри, горе Элизы по утраченнымъ малюткамъ мало-по-малу утихло. Все существо ея, сосредоточившись на маленькомъ Гарри, прiобрѣло, повидимому, свою силу и крѣпость,—и Элиза опять была счастлива до того момента, когда мужъ ея былъ деспотически отнятъ у добраго владѣльца фабрики и подпалъ подъ ужасное иго своего законнаго господина.

Хозяинъ фабрики, вѣрный своему обѣщанiю, недѣли черезъ двѣ посѣтилъ мистера Гарриса, т.-е. хозяина Джорджа. Добрый человѣкъ разсчитывалъ, что вспышка гнѣва прошла... Онъ истощилъ всѣ доводы, чтобы склонить жестокаго господина — вновь отпустить своего невольника на фабрику.

— Вы напрасно утруждаете себя,—упорствовалъ тиранъ.—Я знаю, сударь, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать.

— Я и не думалъ указывать вамъ. Я предполагалъ, что вы найдете выгоднымъ для себя отпустить вашего невольника на предлагаемыхъ мною условiяхъ.

— О, я прекрасно понимаю, въ чемъ дѣло! Я вѣдь видѣлъ, какъ вы мигали ему и перешептывались съ нимъ, когда я бралъ его съ фабрики... И вы ничего не добьетесь. Мы живемъ въ странѣ свободной. Этотъ человѣкъ принадлежитъ мнѣ, — и я могу дѣлать съ нимъ, что хочу!...

Словомъ, погибла послѣдняя надежда Джорджа... Онъ видѣлъ предъ собою жизнь, исполненную труда и бѣдствій, отравляемую безчисленными мелочными придирками и оскорбленіями, на которыя такъ изобрѣтателенъ былъ деспотъ.

ГЛАВА III.

Мужъ и отецъ.

Мистриссъ Шельби уѣхала въ гости. Элиза была на галлереѣ и грустнымъ взоромъ слѣдила за удалявшейся каретой. Вдругъ она почувствовала, что кто-то опустилъ руку на ея плечо. Она оглянулась, и красивое лицо ея засвѣтилось радостной улыбкой.

— А, Джорджъ! Ты испугалъ меня!... Какъ я рада видѣть тебя! Миссисъ уѣхала на весь вечеръ. Пойдемъ въ мою комнатку,—я совершенно свободна.

Элиза увела Джорджа въ маленькую комнатку, на галлерею, рядомъ съ комнатами ея госпожи. Здѣсь обыкновенно шила Элиза и могла явиться по первому зову своей госпожи.

— Какъ я счастлива!... Но почему-же ты не улыбнешься?... Посмотри на Гарри... Какъ онъ растетъ! Ребенокъ держался за платье матери и украдкой бросалъ сквозь локоны робкіе взгляды на отца.

— Не правда-ли, онъ — красавецъ? — спросила Элиза, расправляя длинные волосы ребенка и цѣлуя его.

— Зачѣмъ онъ родился на свѣтъ? — съ горечью произнесъ Джорджъ.—Зачѣмъ я родился на свѣтъ?...

Молодая женщина съ удивленіемъ и испугомъ смотрѣла на мужа. Затѣмъ она опустила голову на его плечо и заплакала.

— Какъ я нехорошо поступаю, огорчая тебя,

бѣдняжка! — нѣжно произнесъ онъ. — Да, это очень дурно. Лучше бы было, еслибъ ты никогда не видѣла меня...

— Джорджъ, Джорджъ! Какъ можешь ты говорить такимъ образомъ?... Ужь не случилось ли съ тобою

чего-нибудь ужаснаго? Мы, однакожъ, такъ недавно еще были очень счастливы.

— Да, дорогая, были счастливы! — отвѣтилъ Джорджъ. Затѣмъ, посадивъ ребенка на колѣно къ себѣ, онъ пристально посмотрѣлъ въ его прелестные черные глаза и погладилъ его длинныя кудри.

— Онъ совершенно похожъ на тебя, Элиза. Ты— такое прекрасное, такое доброе существо, какого я никогда не встрѣчалъ. Но было бы лучше, если-бы мы не знали другъ друга...

— О, Джорджъ! что ты говоришь?

— Это—правда, Элиза. Куда ни оглянусь, всюду вижу только бѣдствія. Жизнь моя горьче полыни,—и это сжигаетъ меня. Я — бѣдный, несчастный невольникъ, беззащитный, безпомощный. И слѣдомъ за собою я увлекаю и тебя въ свое несчастье... Намъ даже не для чего стараться предпринимать что-нибудь, учиться чему-нибудь, быть чѣмъ-нибудь... не для чего даже жить на свѣтѣ!... Ахъ, зачѣмъ я еще живу?...

— Перестань, милый Джорджъ! прошу тебя!... Знаю, какъ тяжела для тебя потеря мѣста на фабрикѣ, знаю, какъ жестокъ твой господинъ... Но не унывай же, потерпи еще немного... быть-можетъ...

— Терпѣть! — прервалъ онъ жену. — Развѣ я не терпѣлъ?... Я ни слова не сказалъ, когда онъ безъ всякой причины взялъ меня съ фабрики. Я отдавалъ ему жалованье до послѣдней копѣйки, и всѣ находили, что я работалъ хорошо.

— Это ужасно! Но что же дѣлать? Вѣдь онъ — твой господинъ!...

— А кто поставилъ его господиномъ надо мною?...

Какое право имѣетъ онъ владѣть мною? Вѣдь я — такой же человѣкъ, какъ и онъ. Нѣтъ, — я даже лучше его! Я гораздо выше его въ дѣлѣ, въ работѣ, читаю и пишу несравненно лучше его, — и всему этому выучился самъ, ничѣмъ не обязанъ ему, даже больше: выучился наперекоръ постояннымъ его препятствіямъ. По какому-же праву онъ обращаетъ меня въ ломовую лошадь?... Онъ хочетъ унизить, уничтожить меня!... Вотъ для чего онъ даетъ мнѣ труднѣйшія работы, грязныя и унизительныя!

— Джорджъ, Джорджъ! Ты пугаешь меня! Прежде ты никогда не говорилъ такъ. Я боюсь, чтобы ты не рѣшился на что-нибудь ужасное... Я горячо сочувствую тебѣ; но... будь же остороженъ, прошу тебя!... Побереги себя ради меня, ради Гарри!...

— Я былъ очень остороженъ и терпѣливъ, но мое положеніе со-дня-на-день становится хуже и хуже... Ни мое тѣло, ни душа моя не могутъ болѣе переносить этого... Я думалъ, что онъ оставитъ меня въ покоѣ, если я буду хорошо работать, что мнѣ удастся поучиться и почитать, по окончаніи работы... Нѣтъ! Чѣмъ больше я работаю, тѣмъ больше наваливаютъ на меня работы! Онъ говоритъ, что хоть я и молчу, но онъ видитъ, что во мнѣ сидитъ бѣсъ, — и онъ непремѣнно изгонитъ его... И онъ правъ! Бѣсъ этотъ скоро выйдетъ изъ меня, но тиранъ не обрадуется этому выходу...

— Боже мой! Что же намъ дѣлать? — съ отчаяніемъ произнесла Элиза.

— Вчера, напримѣръ,—продолжалъ Джорджъ,—я накладывалъ въ телѣгу камни. Молодой господинъ, Томъ, стоялъ недалеко отъ лошади и такъ сильно

хлопалъ бичомъ, что она безпрестанно пугалась. Я, какъ можно вѣжливѣе, попросилъ его перестать хлопать. Но онъ нарочно сталъ хлопать еще громче и чаще. Я снова попросилъ его перестать. Но онъ повернулся ко мнѣ и началъ бить меня. Я схватилъ его за руку; онъ закричалъ, сталъ бить ногами, побѣжалъ къ отцу и сказалъ, будто-бы я побилъ его. Тотъ, взбѣшенный, прибѣжалъ ко мнѣ. «Я, — говоритъ, — заставлю тебя понять, кто твой господинъ!» Сказавъ это, онъ привязалъ меня къ дереву, нарѣзалъ розогъ для сына и позволилъ ему сѣчь меня, пока не устанетъ,—что тотъ и сдѣлалъ... Этого ужь я ему никогда не прощу и не забуду.

Лицо Джорджа сдѣлалось такимъ мрачнымъ, глаза его такъ зловѣще заблистали, что молодая женщина затрепетала въ испугѣ.

— Кто поставилъ этого человѣка господиномъ надо мною—вотъ, что я желаю знать.

— Но,—печально произнесла Элиза,—какъ христіанка, я всегда думала, что должна повиноваться своему господину и своей госпожѣ.

— Быть-можетъ, ты и права въ отношеніи себя. Они воспитали тебя, какъ своего ребенка... Они кормили тебя, одѣвали, ласково обходились съ тобою, учили тебя... Все это даетъ имъ нѣкоторыя права надъ тобою. Но я—совсѣмъ другое дѣло! Пинки, толчки, ругательства, проклятія и полнѣйшее пренебреженіе — вотъ, чѣмъ я обязанъ имъ! Я въ сотни разъ заплатилъ имъ то, во что обошлось мое содержаніе — и я не намѣренъ болѣе переносить этого... не намѣренъ! — грозно воскликнулъ онъ, насупивъ брови и сжавъ кулаки.

Элиза дрожала и не произносила ни слова. Она никогда еще не видала своего мужа въ такомъ ужасномъ состоянiи.

— Крошечный Карло,—продолжалъ Джорджъ,—котораго ты подарила мнѣ, былъ единственнымъ моимъ утѣшенiемъ дома. И ночью, и днемъ онъ постоянно былъ со мною, смотрѣлъ на меня всегда такъ нѣжно, словно понималъ, какъ я страдаю. Но представь: намедни кормлю я его крошками, подобранными около кухни. Вдругъ увидѣлъ насъ господинъ, сказалъ, что я кормлю собаку его добромъ, и приказалъ мнѣ бросить ее въ прудъ, повѣсивъ ей на шею камень.

— Да неужели же, Джорджъ, ты сдѣлалъ это?

— Нѣтъ!... Но онъ... онъ сдѣлалъ это! Самъ господинъ и сынъ его забросали каменьями несчастное тонувшее животное, смотрѣвшее на меня такъ грустно, какъ бы удивляясь, почему я не спасаю его?... Я-же получилъ побои за то, что не утопилъ собаки. Но битьемъ не подѣйствуешь на меня. Тиранъ узнаетъ, что я не изъ тѣхъ, которыхъ смягчаютъ розгами. Часъ возмездiя наступитъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ очнуться.

— Ты рѣшился на что-то?... О, Джорджъ, не дѣлай ничего дурного!

— Сердце мое полно горечи,—и я не могу болѣе терпѣть.

— Но, Джорджъ, мы должны вѣровать... Моя госпожа говоритъ, что все, посылаемое намъ отъ Бога, къ лучшему, хотя намъ и кажется иногда, что все противъ насъ.

— Но несомнѣнно, что всякiй, ставши на мое

мѣсто, сказалъ-бы то-же, что и я. Я желаю быть добрымъ, но чувствую, что сердце у меня горитъ,— и не могу примириться съ своею участью. Да и у тебя не хватитъ терпѣнія, когда узнаешь все, что я имѣю сообщить.

— Что-же еще?

— Слушай! Недавно тиранъ говорилъ, что напрасно позволилъ мнѣ жениться на дѣвушкѣ, принадлежащей другимъ господамъ. Онъ говорилъ, что терпѣть не можетъ рода Шельби и всего его дома, потому что они горды и поднимаютъ носъ передъ нимъ. Онъ говорилъ, что я отъ тебя набираюсь гордости, что онъ больше не будетъ пускать меня сюда; я долженъ бросить тебя и взять себѣ другую жену. Вчера онъ окончательно объявилъ мнѣ, что я долженъ жениться на Минѣ, или иначе — онъ продастъ меня на югъ.

— Но вѣдь мы повѣнчаны, какъ вѣнчаются бѣлые?—простодушно возразила Элиза.

— Развѣ же ты не знаешь, что невольникъ не имѣетъ права быть женатымъ?... Господинъ во всякое время можетъ разлучить насъ. Вотъ почему я и сожалѣю, что узналъ тебя!... Вотъ почему я сожалѣю, что родился на свѣтъ!... Лучше было бы намъ не знать другъ друга, лучше было бы и этому несчастному ребенку не родиться на свѣтъ. Развѣ съ нимъ не можетъ повториться того же?...

— О, нашъ господинъ такой добрый!...

— Но вѣдь онъ можетъ умереть, и ребенокъ будетъ проданъ Богъ знаетъ кому. Какое намъ утѣшеніе, что онъ красивъ, уменъ и милъ? О, Элиза! всякое доброе качество, обнаружившееся въ ребенкѣ,

будетъ для тебя ударомъ ножа... Онъ будетъ слишкомъ дорогъ, слишкомъ цѣненъ, — и тебѣ не позволятъ наслаждаться имъ.

Элизѣ моментально представился торговецъ; она поблѣднѣла, дыханіе ея прервалось, словно ей нанесли смертельный ударъ. Боязливо посмотрѣла она на галлерею, куда вышелъ ребенокъ и гдѣ онъ беззаботно ѣздилъ на тросточкѣ мистера Шельби. Элизѣ очень хотѣлось сообщить мужу свои опасенія, но она воздержалась.

«Нѣтъ,—подумала она,—онъ и безъ того, бѣдный, такъ несчастливъ... Нѣтъ, я ничего не скажу ему. Да это и неправда... Госпожа никогда не обманываетъ насъ».

— И такъ, Элиза, душа моя,—грустно произнесъ ея мужъ,—будь терпѣлива и прощай! Я иду!...

— Идешь?... Но куда же, Джорджъ?...

— Въ Канаду, — отвѣтилъ онъ, пересиливая волненіе. — Когда я буду тамъ, я выкуплю тебя... Это послѣдняя наша надежда. У тебя добрый господинъ: вѣроятно, онъ не откажется продать мнѣ тебя и нашего ребенка... Съ помощью Бога, мнѣ, быть-можетъ, удастся исполнить это.

— О, какъ это ужасно!... А если тебя схватятъ?

— Нѣтъ, Элиза, меня не схватятъ... Я умру прежде... Или я добьюсь свободы, или умру!...

— Но самъ ты не наложишь на себя рукъ?

— Мнѣ не нужно будетъ дѣлать этого: они убьютъ меня и безъ того... но живого не продадутъ на югъ.

— Ради Бога, Джорджъ, будь остороженъ! Не дѣлай ничего дурного... не налагай рукъ ни на себя,

ни на кого-нибудь другого! Ты въ слишкомъ большомъ искушеніи, но... борись!... Бѣжать ты долженъ, но будь-же остороженъ! Проси Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ!

— Я исполню, Элиза, твою просьбу. Но теперь— слушай о моихъ намѣреніяхъ. Мой тиранъ послалъ меня мимо васъ съ запиской къ мистеру Симзу, живущему съ милю отсюда. Конечно, онъ увѣренъ, что я зайду сюда и буду жаловаться тебѣ на него. Онъ въ восторгѣ, что это можетъ огорчить все «отродье» Шельби, какъ онъ называетъ ихъ... Я же возвращусь домой такимъ спокойнымъ, словно утратилъ всякую надежду... Понимаешь?... Я уже сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія... Есть и люди, готовые помочь мнѣ. Спустя около недѣли, я буду въ числѣ «пропавшихъ безъ вѣсти»... Молись за меня, Элиза! Да услышитъ милосердый Творецъ твою молитву!...

— О, Джорджъ! молись и ты Ему, надѣйся на Него,—и Онъ охранитъ тебя отъ всего дурного!

— Такъ прощай-же! —воскликнулъ Джорджъ и, схвативъ Элизу за руки, неподвижно глядѣлъ ей въ глаза.

Нѣсколько минутъ стояли они безмолвно... Опять нѣсколько прощальныхъ словъ, тяжкихъ вздоховъ и горькихъ слезъ... Прощались люди, надежда которыхъ на свиданіе не крѣпче паутины...

Мужъ и жена разстались...

ГЛАВА IV.

Въ хижинѣ дяди Тома.

Хижина дяди Тома — маленькое бревенчатое строеніе, стоявщее близъ самаго дома хозяевъ. Предъ хижиной находился хорошенькій садикъ, гдѣ, благодаря тщательному уходу, водились роскошная клубника и малина, вмѣстѣ съ разными другими плодами и овощами. Лицевая сторона хижины была покрыта пунцовыми бегоніями и разноцвѣтными розами, которыя, переплетясь между собою, почти совершенно закрывали неровныя бревна маленькаго строенія. Въ этомъ садикѣ былъ удѣленъ уголокъ различнымъ ярко-цвѣтущимъ однолѣтнимъ растеніямъ, гдѣ они красовались во всемъ блескѣ, составляя восторгъ и гордость тетушки Хлои.

Въ *домѣ* (такъ негры называли жилище своихъ господъ) уже окончили ужинъ. Тетушка Хлоя, распоряжавшаяся его изготовленіемъ, какъ главная повариха, предоставивъ кухоннымъ прислужникамъ чистку и мытье посуды, отправилась въ свою уютную хижину готовить ужинъ старику-мужу. Стоя у очага, она заботливо посматриваетъ на разныя яства, прыгающія отъ жара на сковородкѣ и, отъ-времени-довремсни, поднимаетъ, съ особенно важнымъ видомъ, крышку у котелка, изъ котораго вылетаетъ паръ, дающій знать, что тамъ изготовляется что-то вкусное. Лицо ея,—круглое, черное и до такой степени блестящее, что могло казаться смазаннымъ яичнымъ бѣлкомъ, словно чайный сухарикъ собственнаго ея приготовленія,—такъ и сіяетъ самодовольствомъ подъ

Тетушка Хлоя.

сильно накрахмаленной клѣтчатой головной повязкой. Въ немъ чувствуется отблескъ самосознанія, которое вполнѣ къ лицу лучшей во всемъ околодкѣ поварихѣ, какою всѣ признавали тетушку Хлою.

Она съ увлеченіемъ была предана поварскому дѣлу, и пріѣздъ гостей, приготовленіе парадныхъ обѣдовъ возбуждали въ ней всѣ силы души.

Въ одномъ углу хижины стояла кровать, тщательно покрытая бѣлымъ, какъ снѣгъ, одѣяломъ; предъ ней, на полу, довольно большой коврикъ. Коверъ и постель, возлѣ которой онъ лежалъ, точнѣе — весь этотъ уголокъ хижины, очевидно, составлялъ предметъ особенной ея заботливости и оставался почти недоступнымъ для набѣговъ другихъ. Уголъ этотъ можно назвать гостиною хижины. Въ другомъ углу тоже находилась постель, но не такая изысканная по убранству и, очевидно, предназначенная для ежедневнаго отдыха. Стѣна надъ каминомъ была пестро убрана картинками изъ Священнаго Писанія и портретомъ генерала Вашингтона, такъ сильно раскрашеннымъ, что этотъ великій герой не мало былъ бы удивленъ, если-бы ему пришлось увидѣть свое изображеніе.

Въ этомъ углу два курчавыхъ мальчика, съ черными, блестящими глазами, съ толстыми и лоснящимися щеками, возились съ ребенкомъ, уча его ходить. Малютка устанавливался на ноги, уравновѣшивался на минуту и потомъ кувыркался, — что вызывало громкіе возгласы одобренія, словно ребенокъ дѣлалъ нѣчто чрезвычайно умное.

Предъ каминомъ находился покоробившійся столъ, покрытый скатертью, на которомъ были разставлены чашки, блюдечки и другія принадлежности предстояв-

шей трапезы. За столомъ сидѣлъ дядя Томъ—правая рука мистера Шельби и главное лицо въ нашемъ

разсказѣ. Это былъ плотный, широкогрудый, крѣпкосложенный мужчина, густой черноты, съ лоскомъ. Африканскія черты его лица служили выраженіемъ положительнаго и твердаго здраваго смысла, соединеннаго съ кротостью и добротой. Во всей его фигурѣ чувствовалось какое-то самоуваженіе и достоин-

ство, въ связи съ довѣрчивымъ и покорнымъ простодушіемъ.

Въ этотъ моментъ Томъ былъ чрезвычайно занятъ надъ аспидною доской, на которой тихо и съ особеннымъ стараніемъ выводилъ какія-то буквы, подъ наблюденіемъ молодого мистера Джорджа, бойкаго и смышленнаго тринадцатилѣтняго мальчика, который, повидимому, вполнѣ понималъ свою роль учителя.

— Нѣтъ, не сюда, дядюшка Томъ. Не въ эту сторону! — съ живостью вскричалъ онъ, замѣтивъ, что дядя Томъ съ усиліемъ повернулъ хвостикъ своего *g* не въ томъ направленіи.—Видишь-ли—такъ вышло *q*.

— Ахъ, Господи! Да неужели-же въ самомъ дѣлѣ!— проговорилъ дядя Томъ, съ уваженіемъ глядя на своего юнаго учителя, быстро писавшаго безчисленное множество *q* и *g*, и затѣмъ снова принялся за работу грифелемъ, не слушавшимся толстыхъ его пальцевъ.

— Какъ эти бѣлые люди ловко дѣлаютъ всѣ эти штуки! — воскликнула тетушка Хлоя, прервавъ на минуту смазку сковороды кускомъ свиного сала, торчавшаго у ней на вилкѣ и съ гордостью посматривая на мистера Джорджа.—Какъ онъ дома пишетъ, какъ читаетъ! А потомъ еще сюда прибѣжитъ вечеромъ и дастъ намъ урокъ!.. Такой хорошій!..

— Будетъ тебѣ, тетушка Хлоя! Я вотъ страхъ какъ проголодался,—отвѣтилъ Джорджъ.—Загляни-ка въ котелокъ,—не готово-ли тамъ?..

— Почти готово, мистеръ Джорджъ, — отвѣтила Хлоя, приподнявъ крышку и заглянувъ въ котелокъ.— Важно подрумянивается, самой прелестной корочкой.

Черезъ минуту, тетушка Хлоя сбросила крышку съ котелка и открыла превосходно изготовленный пирогъ. Повидимому, онъ составлялъ главную часть угощенія, такъ какъ, исполнивъ ее, тетушка Хлоя начала торопливо хлопотать и собирать къ ужину.

— Мося и Петя, прочь съ дороги, черномазые! Уйди, Полли, и ты, моя сладкая. Вотъ погоди немножко, я дамъ чего-нибудь своей крошкѣ... Вы, мистеръ Джорджъ, бросьте всѣ ваши книги и сади-

тесь ужинать съ моимъ старикомъ... Я мигомъ подамъ вамъ сосиски и блинцы, прямо со сковородки.

— Мнѣ велѣли домой придти ужинать, — сказалъ Джорджъ,—но я знаю, тетя Хлоя, что̀ хорошо и что̀ лучше.

— Ну, да, конечно-же, знаешь, хорошо знаешь, милый ты мой!—отвѣтила тетушка Хлоя, накладывая ему на тарелку дымящихся блинцовъ, — знаешь, что твоя старуха-тетка прибережетъ для тебя, что̀ получше...

Тетя Хлоя, говоря это, даже ткнула Джорджа пальцемъ, въ знакъ особеннаго своего удовольствія, и опять проворно занялась своими сковородами.

— Ну, теперь давай пирожокъ!—сказалъ Джорджъ, когда суета со сковородами поутихла, и баричъ взмахнулъ при этомъ большимъ ножомъ надъ поданнымъ печеньемъ.

— Ахъ, Боже мой! что съ вами, мистеръ Джорджъ?—вскричала Хлоя, схвативъ его за руку.— Ужь не этимъ-ли большимъ, тяжелымъ ножомъ хотите вы рѣзать? Да вы совсѣмъ испортите, раздавите пирогъ. Погодите. У меня вотъ есть тоненькій, старый ножикъ, преострый: я нарочно берегу его для этой цѣли... Начинайте теперь... Видите, какъ рѣжетъ,—такъ и отдѣляются ломтики, словно перышки! Кушайте на здоровье. Лучше этого вы ничего не найдете.

— Томъ Линкольнъ увѣряетъ, — пробормоталъ Джорджъ, набивъ себѣ полонъ ротъ,—что его Джинни стряпаетъ лучше тебя.

— Ужь эти мнѣ Линкольны!—презрительно отвѣтила тетушка Хлоя.—Много они значатъ, напримѣръ,

въ сравненіи съ нашими господами. Въ обыкновенномъ смыслѣ, они почтенные люди; но чуть коснется чего-нибудь поважнѣе, — такъ ужь нѣтъ: они и понятія-то не имѣютъ! Ну, можно-ли сравнить г. Линкольна съ г. Шельби?.. Какая громадная разница! А возьмите г-жу Линкольнъ... Гдѣ-же ей такъ войти въ гостиную, какъ войдетъ моя барыня!..

Тетушка Хлоя вскинула при этомъ голову, какъ человѣкъ, который что-нибудь да знаетъ о томъ, какъ должно быть на свѣтѣ.

— Но вѣдь ты же мнѣ сама говорила, — возразилъ Джорджъ,—что Джинни очень и очень порядочная кухарка.

— Дѣйствительно говорила, — отвѣтила тетушка Хлоя,—и теперь скажу, что Джинни годится въ хорошія, простыя, обыкновенныя кухарки... Она можетъ испечь хорошій каравай хлѣба, можетъ такъ кое-что еще... ну, пирожки порядочные, только незамысловатые... Что же касается высокихъ блюдъ,— ума не приложу—что такое можетъ она сдѣлать? Она стряпаетъ пирожки, дѣйствительно стряпаетъ, — что же это такое? какая на нихъ корочка? Я недѣлю глазъ не сомкнула бы, еслибъ испекла такіе пироги... Они, положительно, никуда не годятся.

— Но я думаю, что Джинни считаетъ ихъ весьма хорошими.

— Конечно, считаетъ хорошими и сдуру всѣмъ ихъ показываетъ. Это-то и доказываетъ, что Джинни ничего не понимаетъ. Да и семья-то тамъ пустая. Чему ей тамъ научиться! Ахъ, г. Джорджъ, вы не знаете и половины преимуществъ вашей фамиліи, не знаете и того, чему въ ней можно научиться!

Тетушка Хлоя вздохнула и съ чувствомъ подняла глаза къ небу.

Джорджъ между тѣмъ дошелъ уже до того, что не въ состояніи былъ проглотить болѣе ни одного куска,— и тогда только онъ обратилъ вниманіе на цѣлую кучу курчавыхъ волосъ и блестящихъ глазъ, смотрѣвшихъ на него съ жадностью изъ противоположнаго угла хижины во все время, пока онъ ѣлъ.

— Петя, Мося, подите сюда!—сказалъ онъ, отламывая большіе куски пирога и бросая ихъ дѣтямъ.—Хотите вы пирога? Тетя Хлоя, испеки имъ, пожалуйста.

Джорджъ и Томъ перешли и усѣлись на спокойное мѣстечко, подлѣ самаго камина. Тетушка же Хлоя, приготовивъ еще цѣлую стопку блинцовъ, взяла на колѣни къ себѣ самаго маленькаго ребенка и начала попеременно набивать то его, то свой ротъ блинцами, раздавая ихъ въ то же время Петѣ и Мосѣ, которые, повидимому, находили больше удовольствія ѣсть ихъ подъ столомъ, валяясь на полу, толкая другъ друга и дергая за ноги малютку, бывшую на рукахъ у матери.

— Тише вы тамъ! перестаньте! — говорила имъ мать, толкая ихъ наугадъ ногой подъ столомъ, когда они начинали надоѣдать ей.

Но это, повидимому, не производило вліянія на проказниковъ.

— Ахъ, какіе избалованные мальчишки!—сказалъ дядя Томъ.—Всегда шалятъ,—минуты не могутъ побыть смирно.

Дѣти въ это время вылѣзли изъ-подъ стола, съ перепачканными руками и лицами, и принялись наперерывъ цѣловать малютку.

— Отстанете-ли вы отъ нея?—говорила мать, толкая ихъ въ курчавыя головы. — Вы просто липнете одинъ къ другому и не вытретесь. Бѣгите къ ручью и вымойтесь хорошенько! — заключила она, сопровождая свои слова подзатыльниками, которые вызвали у дѣтей еще большій смѣхъ, когда они со всѣхъ ногъ кувыркались во входныхъ дверяхъ прямо во дворъ, гдѣ и разразились громкимъ хохотомъ.

— Ну, скажите на милость, видѣли-ли вы гдѣ-нибудь такихъ негодныхъ мальчишекъ?—добродушно замѣтила тетушка Хлоя.

Взявъ старое полотенце, она смочила его водой и вытерла лицо и руки малюткѣ, такъ что маленькое ея личико заблестѣло. Хлоя посадила ребенка на колѣни къ Тому и принялась убирать остатки ужина. Малютка тормошила отца за носъ, царапала ему лицо, запускала свои полныя ручонки въ курчавые его волосы и, казалось, находила въ этомъ особенное удовольствіе.

— Не милашка-ли?—сказалъ Томъ, поднявъ надъ собой ребенка, чтобы полюбоваться имъ.

Потомъ онъ всталъ, посадилъ ребенка къ себѣ на широкія плечи и началъ съ нимъ прыгать и плясать въ то время, какъ Джорджъ махалъ передъ нимъ носовымъ платкомъ, а Мося и Петя, снова появившіеся въ комнатѣ, бѣгали за нимъ съ такимъ гамомъ и крикомъ, что тетушка Хлоя, наконецъ, объявила, что они просто *снимутъ съ нея голову* своимъ крикомъ.

— Надѣюсь, вы теперь уходились,—проговорила мать, выдвинувъ складную кровать изъ огромнаго ящика. — Мося и Петя, спать скорѣе! Теперь скоро придутъ сюда наши друзья помолиться.

— Мы не хотимъ, маменька, спать, мы хотимъ посмотрѣть, какъ будутъ молиться: это такъ любопытно! Мы это такъ любимъ!..

— Позволь имъ, тетя Хлоя, и убери эту кровать! Пусть ихъ сидятъ, — сказалъ Джорджъ, отодвигая кровать въ сторону.

Тетушка Хлоя, казалось, сама была рада позволить дѣтямъ остаться и укладывала ихъ спать только ради приличія.

Вскорѣ комната наполнилась пестрою компаніей, начиная съ сѣдого патріарха въ восемьдесятъ лѣтъ до мальчиковъ и дѣвочекъ лѣтъ пятнадцати.

Черезъ нѣсколько минутъ началось пѣніе, къ очевидному удовольствію присутствующихъ. Нѣсколько непріятныхъ, гнусливыхъ звуковъ не могли портить эффекта прекрасныхъ и сильныхъ отъ природы голосовъ, раздававшихся и страстно, и дико въ одно и то-же время... Пѣли обыкновенные, всѣмъ извѣстные церковные гимны, или заимствованные у странствующихъ миссіонеровъ.

Во всемъ, касающемся религіи, Томъ считался въ околодкѣ чѣмъ-то въ родѣ патріарха. Моральная сторона въ немъ преобладала: его умъ былъ обширнѣе и выше того, какой обыкновенно предполагаютъ въ негрѣ, и потому онъ былъ предметомъ всеобщаго уваженія; къ нему обращались, какъ къ священнику. Простой, теплый и искренній слогъ его поученій способенъ былъ тронуть людей даже и наиболѣе образованныхъ. Выше же всякой похвалы была его молитва, полная трогательной простоты и юношескаго увлеченія, дополняемая текстами изъ Св. Писанія, которые онъ всегда приводилъ кстати, хотя и читалъ

ихъ какъ бы безсознательно. По мнѣнію негровъ, его молитва всегда доходитъ до Бога. Она производила обыкновенно чрезвычайно сильное впечатлѣніе на

присутствующихъ, такъ что нерѣдко ее заглушали громкіе рыданія и возгласы, раздававшіеся вокругъ Тома со всѣхъ сторонъ.

Когда происходила эта сцена въ хижинѣ невольника, совершенно иное творилось въ домѣ хозяина.

Торговецъ неграми и г. Шельби сидѣли другъ противъ друга въ столовой, за столомъ, покрытымъ бумагой и другими принадлежностями письма. Г. Шельби перебиралъ и разсматривалъ цѣлую связку купчихъ бумагъ и, сосчитавъ ихъ, придвинулъ торговцу, попросивъ его тоже счесть ихъ.

— Все въ порядкѣ, — произнесъ послѣдній. — Остается только подписать.

Г. Шельби проворно схватилъ бумаги, подписалъ ихъ, какъ человѣкъ, торопящійся свалить съ себя тяжелое бремя, и поспѣшилъ передать торговцу подписанный актъ въ полученіи денегъ. Гели вынулъ изъ стараго бумажника пергаментъ и, посмотрѣвъ на него съ минуту, предложилъ его г. Шельби. Послѣдній торопливо схватилъ его.

— Дѣло кончено,—проговорилъ Гели, вставая.

— *Кончено!* — повторилъ Шельби въ раздумьи и, глубоко вздохнувъ, повторилъ еще разъ:—*кончено!*

ГЛАВА V.

Съ какими чувствами человѣкъ переходитъ въ собственность отъ одного владѣльца къ другому.

Супруги Шельби къ концу вечера ушли къ себѣ въ комнату. Мужъ отдыхалъ въ большомъ покойномъ креслѣ, пересматривая письма, полученныя послѣ обѣда; жена стояла передъ зеркаломъ, распустивъ искусственные свои косички и локоны, въ которые утромъ убрала ей волосы Элиза. Элизу же она отпустила спать, замѣтивъ ея безпокойство и блѣдность, и отказавшись поэтому отъ ея услугъ.

— Артуръ, кто этотъ неотесанный господинъ, котораго ты притащилъ сегодня къ обѣду?—обратилась г-жа Шельби къ мужу.

— Это — Гели, — отвѣтилъ тотъ, неловко повернувшись въ своемъ креслѣ и не отрывая глазъ отъ письма.

— Но что́ это за человѣкъ? По какому дѣлу онъ здѣсь.

— У меня были съ нимъ кое-какія дѣла въ послѣднее время, когда я былъ въ Начезѣ.

— Неужели-же одно это давало ему право пріѣхать, быть принятымъ, словно домашній человѣкъ, и даже обѣдать у насъ?

— Я пригласилъ его. У насъ были съ нимъ счеты.

— Онъ здѣсь торгуетъ неграми? — продолжала допросъ Шельби, замѣтивъ въ мужѣ нѣкоторое смущеніе.

— На что тебѣ, моя милая, эти свѣдѣнія?—отвѣтилъ Шельби, взглянувъ, наконецъ, на жену.

— Элиза сегодня, послѣ обѣда, прибѣжала ко мнѣ въ страшномъ отчаяніи. Она говорила, что сама слышала, какъ купецъ предлагалъ тебѣ продать ему Гарри...

— Она слышала? — переспросилъ Шельби, снова

принимаясь за бумаги, въ которыя, казалось, пристально вглядывался, хотя держалъ ихъ вверхъ ногами. «Нѣтъ средствъ скрыть,—подумалъ онъ:—рано или поздно все откроется».

— Я сказала Элизѣ,—продолжала Шельби, расчесывая свои волосы,—что она, глупенькая, понапрасну пугаетъ себя, что у тебя никогда не можетъ быть никакихъ дѣлъ съ людьми такого рода.

— Да, Эмилія, я самъ всегда думалъ такъ и говорилъ; но, въ послѣднее время, мои дѣла таковы, что мнѣ придется продать кого-нибудь изъ моихъ людей.

— Продать этому человѣку!.. Да быть-же не можетъ, господинъ Шельби!.. Вы шутите?..

— Къ несчастью—не шучу. Я намѣренъ продать Тома.

— Какъ? нашего Тома!.. Этого добраго, честнаго Тома, который съ дѣтства былъ вѣрнымъ слугою тебѣ?.. О! господинъ Шельби!.. вы же обѣщали отпустить его на волю... Мы оба сколько разъ повторяли ему это обѣщаніе... Теперь я вѣрю даже и тому, что вы въ состояніи продать маленькаго Гарри—единственнаго ребенка Элизы!—проговорила г-жа Шельби тономъ, въ которомъ слышались и скорбь, и негодованіе.

— И это правда, если ты желаешь знать все... Дѣйствительно, я рѣшился продать Тома и Гарри; но не понимаю, почему считать меня такимъ чудовищемъ за то, чтó всѣ ежедневно дѣлаютъ.

— Но почему-же выборъ палъ на нихъ, а не на другихъ? Съ какой стати изъ всѣхъ нашихъ людей продавать именно ихъ, если, дѣйствительно, необходимо продать кого-нибудь.

— Потому что ихъ дороже цѣнятъ. Увѣряю тебя, мнѣ ничего не остается, какъ продать Тома и Гарри или продать всѣхъ. Торговцу Гели какъ-то досталась моя закладная. Если я не полажу съ нимъ, — у меня отнимутъ все, чѣмъ я владѣлъ до заключенія закладной. Я употребилъ всѣ старанія, собиралъ гроши, занималъ, выпрашивалъ — и

все-таки необходимо пожертвовать этими двумя, чтобы покончить расчетъ. Другого выхода у меня не было. Гели, которому понравился мальчикъ, согласился покончить дѣло не иначе, какъ такимъ способомъ. А я былъ въ такой зависимости отъ него, что не могъ отказать ему. Это какой-то каменный человѣкъ, для котораго ничего не существуетъ на свѣтѣ, кромѣ барышей,—холодный, какъ могила, неумолимый, какъ смерть. Онъ продастъ родную мать за деньги, сдѣлаетъ это очень спокойно и еще пожелаетъ ей всякаго благополучія.

— И такой презрѣнный человѣкъ владѣетъ теперь Томомъ и сыномъ Элизы!?..

— Да, мнѣ самому тяжело, мнѣ непріятно подумать объ этомъ!.. Гели торопится съ окончаніемъ этого дѣла, и завтра же вступаетъ въ свои права. Я завтра уѣду рано куда-нибудь... Сознаюсь, я не могу видѣть Тома. Ты также отлучись куда-нибудь и удали Элизу. Лучше, если не будетъ ея...

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтила г-жа Шельби.—Я ни въ какомъ случаѣ не буду сообщницей въ этомъ ужасномъ дѣлѣ... Я навѣщу бѣднаго Тома, — да поможетъ ему Богъ въ его несчастіи!.. Пусть мои люди знаютъ, по крайней мѣрѣ, что госпожа ихъ сочувствуетъ имъ. Объ Элизѣ я даже и подумать боюсь, Боже, прости насъ! За какіе грѣхи наказаны мы такою жестокою необходимостью?..

Этотъ разговоръ былъ подслушанъ третьимъ лицомъ. Въ смежной комнатѣ находился чуланъ, изъ котораго дверь вела въ коридоръ, выходившій на крыльцо. Когда г-жа Шельби отпустила Элизу спать, лихорадочное, въ высшей степени возбужденное со-

стояніе заставило ее скрыться въ чуланѣ, приложивъ ухо къ скважинѣ двери, — и она слышала весь разговоръ своихъ господъ отъ-слова-до-слова.

Когда разговоръ прекратился, она привстала и украдкой прошла черезъ комнату. Блѣдная, дрожащая, съ оцѣпенѣвшими чертами лица и сжатыми губами, она нисколько не походила на то кроткое, боязливое существо, какимъ была прежде. Осторожно прокравшись по коридору, она возвратилась въ свою

комнату. Ея уютный уголокъ находился въ одномъ этажѣ съ комнатой госпожи. Свѣтлое окно, у котораго она такъ часто пѣла за шитьемъ; шкапчикъ съ книгами, на которомъ были разставлены разныя бездѣлушки; рождественскіе подарки, комодъ съ ея простенькимъ гардеробомъ, — вотъ ея уголокъ, съ которымъ она сжилась, гдѣ была такъ счастлива. Здѣсь-же въ кроваткѣ спалъ ея мальчикъ. Длинные кудри его разбросались въ безпорядкѣ по безмятежному личику и розовыя губки были полураскрыты; маленькія, пухленькія ручки покоились на одѣялѣ; улыбка, словно солнечный лучъ, озаряла все его лицо.

— Бѣдное, несчастное дитя мое! Тебя продали,— шептала Элиза,—но мать спасетъ тебя!..

Она не проронила ни одной слезы. Въ такія отчаянныя минуты—не до слезъ. Элиза схватила клочокъ бумаги и поспѣшно принялась писать:

«О, моя дорогая госпожа! Не считайте меня неблагодарной, не думайте дурно обо мнѣ. Я слышала все, что вы говорили вчера съ бариномъ. Я хочу спасти моего сына,—не осудите меня! Пусть благословитъ васъ Богъ и наградитъ за вашу доброту!»

Торопливо сложивъ письмо и надписавъ на немъ адресъ, Элиза вынула изъ комода дѣтскую одежду. Свернувъ ее въ узелокъ, она крѣпко обвязала его вокругъ себя. Материнская заботливость ея была такъ велика, что, даже и въ этотъ критическій моментъ, она не забыла положить въ узелокъ нѣсколько любимыхъ игрушекъ сына, оставивъ лишь раскрашеннаго попугая, чтобы развлечь ребенка, когда онъ проснется.

Трудно было разбудить малютку. Наконецъ, онъ разгулялся, усѣлся на кровати и началъ играть своимъ попугаемъ. Мать надѣла шляпу и шаль.

— Мама, куда ты идешь?—спросилъ онъ, когда она подошла къ постели съ его платьицемъ и шляпой. Она такъ пристально посмотрѣла ему въ глаза, что у мальчика невольно явилась догадка о чемъ-то необыкновенномъ.

— Тише, Гарри!—сказала мать.—Не говори такъ громко, а то насъ услышатъ. Злой человѣкъ хочетъ отнять тебя у меня и унести въ темное мѣсто; но я не отдамъ тебя: я одѣну своего мальчика, убѣгу съ нимъ,—и злой человѣкъ не догонитъ насъ.

Говоря это, она торопливо одѣвала мальчика. Затѣмъ, взявъ его на руки, шепнула ему, чтобы онъ былъ какъ можно тише. Отворивъ дверь своей комнаты, выходившую на крыльцо, она, словно тѣнь, выскользнула изъ дома.

Была морозная, звѣздная ночь. Мать крѣпко обернула шалью ребенка, присмирѣвшаго въ безотчетномъ страхѣ и повисшаго на ея шеѣ.

Большая ньюфаундлендская собака, Бруно, спавшая на крыльцѣ, у входа въ галлерею, заслышавъ шаги, поднялась и начала было ворчать. Элиза тихонько позвала Бруно, и старый любимецъ ея, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, завилялъ хвостомъ и послѣдовалъ за нею, хотя его немудрая, собачья голова, казалось, очень недоумѣвала по поводу такой поздней прогулки... Слѣдя за Элизой, онъ останавливался, поглядывая то на нее, то на домъ... Въ нѣсколько минутъ они дошли до хижины дяди Тома. Элиза слегка постучала въ окно.

Молитвенная сходка у дяди Тома продлилась въ этотъ вечеръ болѣе обыкновеннаго; по окончаніи же ея, дядя Томъ долго еще распѣвалъ самъ. Поэтому, хотя было уже за полночь, но онъ и его достойная супруга еще не спали.

— Господи! что такое? — проговорила тетушка Хлоя, поспѣшно вставъ и отдернувъ занавѣску.—Да вѣдь это Элиза? Ну-ка, старина, одѣвайся поскорѣй! Вонъ и старый Бруно... Что это значитъ? Пойду-ка отопру дверь.

Дверь отворилась, и свѣтъ отъ свѣчи, которую зажегъ Томъ, упалъ на встревоженное лицо и блуждающіе глаза бѣглянки.

— Господь съ тобою, Элиза! На тебя страшно смотрѣть! Здорова-ли ты? Или случилось что-нибудь?..

— Бѣгу, дядя Томъ и тетя Хлоя!.. Бѣгу съ моимъ ребенкомъ... Баринъ продалъ его...

— Про-далъ е-го!—воскликнули оба съ ужасомъ, поднявъ руки кверху.

— Да, продалъ, — повторила Элиза твердымъ голосомъ.—Я подслушала у дверей, какъ баринъ говорилъ барынѣ, что продалъ моего Гарри и тебя тоже, дядя Томъ, купцу... Баринъ уѣдетъ утромъ, а торговецъ придетъ за тобой и моимъ ребенкомъ.

Томъ стоялъ съ поднятыми кверху руками, вытаращивъ глаза. То, что онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему сномъ. Очнувшись, онъ медленно опустился на стулъ и склонилъ голову къ колѣнямъ.

— Боже! умилосердись надъ нами!—воскликнула Хлоя. — Да неужели-же это правда? Чѣмъ-же провинился Томъ, что господинъ хочетъ продавать его?

— Онъ ничѣмъ не провинился... Господинъ не желалъ-бы продавать его, и госпожа наша добра: я слышала, какъ она просила за насъ. Но господинъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать, что онъ въ долгу у этого человѣка, совсѣмъ въ рукахъ у него, такъ что, если не расплатится съ нимъ, — долженъ будетъ продать всю усадьбу, всѣхъ людей и остаться безъ пристанища. Да, я слышала, какъ онъ говорилъ, что ему придется или продать тебя, дядя Томъ, и моего сына, или всѣхъ... Господинъ говорилъ, что ему очень жаль. А если бы вы слышали, какъ говорила госпожа! Ужь если она не христіанка, ужь если она не ангелъ, — такъ видно ихъ и не бывало на свѣтѣ! Я очень виновна, что оставляю ее, но

что-жъ дѣлать?.. Она же сама говорила, что душа человѣческая дороже всего на свѣтѣ. У моего сына есть также душа. Если его возьмутъ у меня, Богъ знаетъ, что станется съ его душою. Кажется, я правильно поступаю; а если такъ, то Богъ проститъ меня. Я ужь и не знаю, что дѣлать.

— А ты, старикъ, — проговорила тетя Хлоя, — развѣ не думаешь бѣжать? Или ты будешь ждать, чтобы тебя сплавили внизъ по рѣкѣ, туда, гдѣ нашего брата негра мучають до смерти тяжелою работой и голодомъ? Лучше умереть, чѣмъ идти туда!.. Ступай съ Элизой! У тебя есть видъ, и ты можешь идти во всякое время. Ну, снаряжайся, а я соберу твои вещи.

Томъ медленно поднялъ голову и грустно повелъ глазами.

— Нѣтъ, я не пойду! — отвѣтилъ онъ. — Пусть Элиза идетъ, она поступаетъ правильно, и я не стану останавливать ее... Ты слышала, что́ она сказала: или меня продать, или всѣхъ здѣсь въ усадьбѣ и все погубить. Такъ ужь лучше пусть продадутъ меня Отчего-же мнѣ не перенести того, что́ пришлось бы переносить всѣмъ прочимъ? — прибавилъ онъ, между тѣмъ какъ что-то похожее на рыданіе судорожно подымало его широкую грудь. — Господинъ всегда находилъ меня тамъ, гдѣ мнѣ слѣдовало быть, и теперь будетъ то-же. Я всегда былъ вѣрнымъ человѣкомъ, никогда не пользовался своимъ билетомъ противъ даннаго мною слова, — и теперь не сдѣлаю этого. Пусть лучше одного меня продадутъ, чѣмъ всѣхъ. Господинъ не виноватъ, Хлоя, онъ позаботится о тебѣ и о несчастныхъ...

Онъ обернулся къ кровати изъ которой высовы-

Онъ облокотился на спинку стула и закрылъ лицо руками...

вались маленькія, курчавыя головы, и голосъ его прервался. Онъ облокотился на спинку стула и закрылъ лицо руками. Раздались тяжелыя, громкія рыданія, и крупныя слезы потекли сквозь его пальцы...

— Моего мужа, — сказала Элиза, стоя уже въ дверяхъ, — я видѣла передъ вечеромъ. Тогда я не знала еще, что выйдетъ такая бѣда. Его окончательно измучили, и онъ сбирается бѣжать. Постарайтесь повидаться съ нимъ; скажите ему, какъ я ушла и почему, да передайте еще, что я буду пробираться въ Канаду. Скажите ему, что я люблю его и, если мы не увидимся больше...

Она отвернулась и, черезъ минуту, прибавила задыхающимся голосомъ:

— Скажите ему, чтобъ онъ старался быть добрымъ, чтобы мы могли встрѣтиться въ Царствіи Небесномъ... Позовите къ себѣ Бруно. Не выпускайте его, чтобы онъ не ушелъ за мною.

Еще нѣсколько прощальныхъ словъ и слезъ, напутствій и благословеній... Затѣмъ, схвативъ на руки своего испуганнаго ребенка, Элиза отправилась въ путь.

ГЛАВА VI.

Неожиданность.

Шельби не скоро заснули послѣ бывшаго между ними разговора и на другой день проснулись позже обыкновеннаго.

— Не понимаю, куда дѣвалась Элиза? — сказала г-жа Шельби, нѣсколько разъ принимавшаяся звонить, но Элиза не являлась на ея зовъ.

Г-нъ Шельби стоялъ противъ зеркала и правилъ бритву на ремнѣ. Дверь отворилась; молодой мулатъ подалъ воду для бритья.

— Андрей, — сказала г-жа Шельби, — постучись къ Элизѣ и скажи ей, что я уже три раза звонила. Бѣдная женщина! — тихо прибавила она, вздохнувъ.

Андрей очень скоро возвратился съ испуганнымъ лицомъ.

— Боже мой! — воскликнулъ мулатъ. — У Элизы всѣ ящики комода выдвинуты, вещи разбросаны... Она, кажется, ушла.

Словно молнія, блеснула истина въ головѣ супруговъ Шельби.

— Она догадалась... и... убѣжала!—воскликнулъ г. Шельби.

— Слава Богу!—сказала г-жа Шельби.—Какъ я была бы рада этому!..

— Жена, ты говоришь, какъ безумная!.. Въ случаѣ побѣга, я буду въ большомъ затрудненіи. Гели видѣлъ, что я колебался продать ему этого мальчика, и можетъ подумать, что я причастенъ къ этому побѣгу. Дѣло, значитъ, касается моей чести.

Г. Шельби поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Въ домѣ поднялась бѣготня, хлопанье дверьми. Люди самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ суетились и бѣгали по дому.

Одна только старшая кухарка Хлоя могла бы объяснить многое въ этомъ дѣлѣ, но не сказала ни слова. На ея лицѣ, всегда веселомъ, лежало облако. Молча приготовляла она сухари къ завтраку, какъ будто не видала и не слыхала ничего, чтò происходило вокругъ нея.

Цѣлая дюжина ребятишекъ усѣлись, точно воронье, на ступеняхъ крыльца, и каждому изъ нихъ хотѣлось раньше другихъ сообщить купцу Гели вѣсть о постигшей его неудачѣ.

— Вотъ увидите, онъ рехнется съ досады,—сказалъ Андрей.

— То-то будетъ браниться!—замѣтилъ маленькій, черномазый Джакъ.

— О, да! Онъ все ругается,—подхватила въ свою

очередь курчавая Менди.—Я слышала это вчера за обѣдомъ. Слова не проронила, забившись въ горенку, куда госпожа убираетъ посуду... Все слышала!

Вотъ пріѣхалъ и Гели, въ сапогахъ со шпорами, и со всѣхъ сторонъ былъ встрѣченъ зловѣщею новостью.

Ожиданія шалуновъ оправдались: ругательства такъ и сыпались съ языка Гели, къ большому удовольствію насмѣшниковъ, державшихся, впрочемъ, поодаль, такъ, чтобы онъ не могъ достать ихъ своимъ бичемъ. Затѣмъ они, кувыркаясь одинъ черезъ дру-

гого, высыпали на измятый дернъ двора съ криками, гиканьемъ и кривляньемъ.

— О, чертенята!—ворчалъ про себя Гели. — Попадись вы мнѣ только!..

— Просто чудеса, Шельби!—проговорилъ торговецъ, безцеремонно входя въ гостиную. — Дѣвка-то вѣдь дала тягу со своимъ ребенкомъ.

— Господинъ Гели, здѣсь моя жена!—съ достоинствомъ остановилъ его Шельби.

— Извините, сударыня!—проговорилъ нахмурившись Гели съ легкимъ поклономъ. — Но здѣсь носятся странные слухи... Правда-ли это, милостивый государь?

— Если вамъ, сударь, угодно переговорить со мною, прошу держать себя, какъ прилично джентльмену. Андрей, возьми шляпу и бичъ г. Гели... Садитесь...

— Да, я, къ сожалѣнію, долженъ подтвердить, что эта молодая женщина, вѣроятно, подслушала или догадалась въ чемъ дѣло и ушла въ эту ночь со своимъ сыномъ.

— Признаюсь, я надѣялся, что въ этомъ дѣлѣ со мною будетъ поступлено честно.

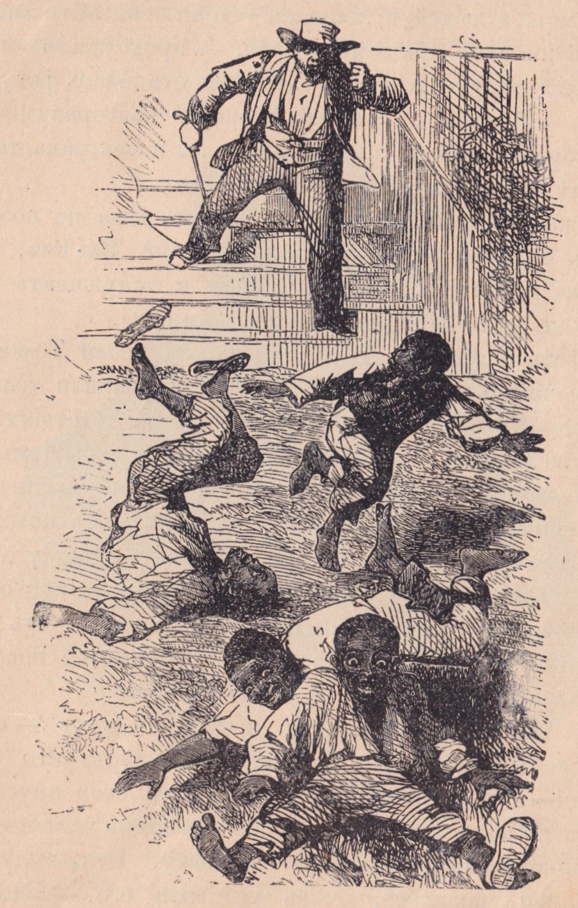
— Какъ?—проговорилъ Шельби, быстро подходя къ нему. — Что вы хотите этимъ сказать?.. У меня одинъ отвѣтъ тѣмъ, которые сомнѣваются въ моей чести...

Торговецъ разомъ присмирѣлъ и отвѣтилъ, понизивъ тонъ:

— Но непріятно же человѣку, сдѣлавшему хорошую покупку, очутиться въ такомъ положеніи.

— Милостивый государь, — сказалъ Шельби,—

если-бы я зналъ, что вы упрекаете меня въ нарушеніи условій сдѣлки,—я не допустилъ бы невѣжливаго

вашего входа сейчасъ въ мою гостиную и считаю необходимымъ замѣтить, что я не потерплю никакого подобнаго намека съ вашей стороны: мою чест-

ность, сударь, заподозривать нельзя!. Но я считаю себя обязаннымъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Возьмите моихъ людей и лошадей — и отыскивайте вашу собственность. Словомъ, Гели, — продолжалъ онъ, оставляя вдругъ холодный тонъ и становясь радушнымъ, — будетъ съ вашей стороны благоразумнѣе, если будете веселы по прежнему... и позавтракаете... О дѣлѣ же мы переговоримъ потомъ.

Г-жа Шельби встала, заявивъ, что дѣла не позволяютъ ей присутствовать при завтракѣ. Затѣмъ, поручивъ мулаткѣ приготовить кофе и услуживать хозяину и гостю, она вышла изъ комнаты.

Вѣсть о томъ, что случилось съ дядей Томомъ, чрезвычайно волновала всѣхъ. Всѣ говорили только объ этомъ, всѣхъ занималъ вопросъ о послѣдствіяхъ... Бѣгство Элизы было безпримѣрнымъ событіемъ у г. Шельби и еще болѣе усиливало общее волненіе.

Черный Самуилъ (его называли чернымъ потому, что цвѣтъ лица его былъ втрое темнѣе, чѣмъ у другихъ африканскихъ уроженцевъ) обсуждалъ про себя всѣ стороны этого дѣла: онъ старался разгадать послѣдствія и уяснить себѣ вліяніе, какое оно можетъ произвести на его личное благосостояніе.

— Плохой вѣтеръ, коли никуда не дуетъ, — сказалъ себѣ Самуилъ. — Да, плохой вѣтеръ, это ужь вѣрно! — и при этомъ онъ поддернулъ свои опустившіяся шаровары, очень искусно замѣнивъ маленькимъ гвоздикомъ недостававшую пуговку. Эта выдумка механика, казалось, очень радовала его. — Плохой вѣтеръ, коли никуда не дуетъ, — повторилъ онъ. — Томъ скувырнулся... На его мѣсто должны назначить другого негра. Почему же не меня? Почему не Семъ

будетъ этимъ негромъ? Не дурная мысль! Верхомъ— какъ Томъ!.. Вездѣ ѣздить верхомъ, по всѣмъ полямъ... Сапоги глянцевые... черные-пречерные... Въ карманѣ пропускной билетъ... И я—большой баринъ! И почему бы это не я, почему не Семъ, почему, хотѣлъ бы я знать?

— Эй, Самуилъ! Эй, Семъ! Баринъ велѣлъ осѣдлать Белля и Джерри,—крикнулъ Андрей, прерывая разговоръ Самуила съ самимъ собою.

— А для чего бы это, малютка?

— Развѣ вы не знаете, что Элиза дала тягу со своимъ мальчикомъ?

— Ты никакъ вздумалъ учить старшихъ себя?— презрительно замѣтилъ Самуилъ... — Я, братъ, это еще прежде тебя зналъ. Этотъ негръ не такъ глупъ, какъ полагаютъ.

— Ну, хорошо. Баринъ приказалъ, чтобы Джерри и Белль сейчасъ были готовы. Мы оба поѣдемъ съ г. Гели, чтобы перехватить бѣглянку.

— Отлично! Вотъ и случай, — проговорилъ Самуилъ.—Теперь я, негръ, пользуюсь довѣріемъ! Увидишь, что ей не уйти отъ меня... Я докажу, что я сумѣю!..

— Но слушайте, Самуилъ, тутъ нужно дѣйствовать осторожно... Барыня не хочетъ, чтобы Элизу поймали...

— Ой ли? — спросилъ Самуилъ, вытаращивъ глаза. — Ты-то какъ это знаешь?

— Я самъ слышалъ это утромъ, когда принесъ барину воду для бритья. Госпожа послала меня узнать, почему Элиза не идетъ одѣвать ее. Когда же я доложилъ ей, что Элиза ушла, — она сказала: «Слава Богу!» Баринъ чуть съ ума не сошелъ и замѣтилъ ей: «Ты сама не знаешь, что говоришь!» Но она уговоритъ его. Я знаю, какъ это дѣлается... Лучше быть на сторонѣ госпожи. Ужь я вамъ говорю это вѣрно...

Черный Самуилъ почесалъ свою курчавую голову, въ которой, хоть и не было глубокой мудрости, но было много чутья особаго рода. Самуилъ принялся соображать, поддергивая свои панталоны, что обыкновенно облегчало ему умственную работу.

— Никогда не надо говорить о будущемъ... никогда, въ этомъ мірѣ,—проговорилъ онъ себѣ подъ носъ.

Слова «въ этомъ» были произнесены съ глубокомысліемъ философа, какъ будто Самуилу дѣйствительно были извѣстны еще и другіе міры, какъ будто заключеніе свое онъ вывелъ изъ сравненія ихъ.

— А я думалъ, что барыня всѣхъ намѣрена разогнать въ погоню за Элизой, — задумчиво проговорилъ онъ.

— Разумѣется, она хотѣла бы воротить Элизу, — отвѣчалъ мальчикъ. — Но развѣ же ты не можешь понять, глупый ты негръ, что госпожа не желаетъ, чтобы Гели увезъ съ собою мальчика Элизы?.. Вотъ въ чемъ дѣло!

— Гей! — вскрикнулъ Самуилъ такимъ тономъ, какой невозможно передать тѣмъ, которые сами не слыхали этого у негровъ.

— Вотъ что я тебѣ еще скажу, — продолжалъ Андрей:—иди-ка ты поскорѣе за лошадьми. Госпожа уже спрашивала тебя, а ты здѣсь стоишь да разговариваешь.

Самуилъ заторопился. Вскорѣ возвратился онъ, ведя галопомъ Белля и Джерри Онъ на скоку спрыгнулъ со своей лошади и уставилъ обѣихъ къ стѣнѣ, словно на турнирѣ. Лошадь мистера Гели была молодая, пугливая. Она заржала, начала брыкаться и рвалась съ привязи.

— Эге! Какая она дикая!—проговорилъ Самуилъ и на черномъ лицѣ его мельнуло выраженіе коварства.—Постой, я сейчасъ успокою тебя.

Раскидистый букъ красовался на лугу двора; дернъ былъ усыпанъ маленькими колючими орѣхами. Самуилъ поднялъ одинъ изъ нихъ, подошелъ къ лошади, погладилъ, какъ-бы стараясь усмирить и успокоить

ее, и, поправляя сѣдло, искусно подложилъ подъ него колючій орѣшникъ. Малѣйшее надавливаніе на сѣдло должно было раздражить нервное животное, не оставивъ, однако, никакихъ слѣдовъ укола или царапины.

— Ну, теперь,—сказалъ онъ, поводя своими большими глазами и состроивъ гримасу,—будешь поспокойнѣе...

Въ этотъ моментъ г-жа Шельби вышла на балконъ и знакомъ подозвала его къ себѣ.

— Что вы такъ замѣшкались, Самуилъ? Я посылала Андрея поторопить васъ.

— Ахъ, Господи Боже мой, добрая сударыня! Скоро-ли поймаешь лошадей? Онѣ забрались туда, на самый конецъ луга.

— Ты поѣдешь съ господиномъ Гели, Самуилъ, чтобы служить ему проводникомъ и помочь ему... Позаботься о лошадяхъ, Самуилъ!.. Ты знаешь, что на прошлой недѣлѣ Джерри хромалъ... Не гони ихъ...

Г-жа Шельби произнесла послѣднія слова вполголоса и съ удареніемъ.

— Положитесь на насъ! — проговорилъ Самуилъ, дѣлая поясненіе глазами... Буду заботиться о лошадяхъ...

— Ну, Андрей, — проговорилъ Самуилъ, возвращаясь къ своему посту подъ букомъ,—а вдругъ лошадь этого господина вздумаетъ поплясать, когда онъ на нее сядетъ?.. Ты знаешь, что на лошадь часто находитъ блажь,—заключилъ онъ, толкнувъ товарища кулакомъ въ бокъ, очевидно, желая этимъ облегчить ему истинный смыслъ своихъ словъ.

— Ага!—вскричалъ тотъ, какъ человѣкъ, который разомъ все понялъ.

— Госпожа хочетъ, Андрей, выгадать время... Это видно само собою... Я помогу ей въ этомъ. Лошадей можно отвязать, — пусть попасутся тамъ, у лѣса. Чужой господинъ, вѣроятно, не очень-то скоро явится сюда.

Андрей сдѣлалъ гримасу.

— Ты пойми, Андрей, — продолжалъ Самуилъ,— если съ лошадью господина Гели случится что-нибудь, мы бросимъ своихъ лошадей и будемъ помогать ему... Ужь мы поможемъ ему, славно поможемъ!..

Они захохотали, но, впрочемъ, сдержанно, защелкали пальцами и затопали каблуками отъ восхищенія.

Гели вышелъ на крыльцо. Нѣсколько чашекъ хорошаго кофе успокоили его. Онъ былъ въ недурномъ расположеніи духа, шелъ разговаривая и улыбаясь. Андрей и Семъ схватили обрывки пальмовыхъ листьевъ, замѣнявшіе имъ шляпы, и бросились къ лошадямъ, чтобы быть въ готовности помочь господину.

— Хорошо, ребята!.. Теперь живѣе къ дѣлу,— нечего терять времени!—скомандовалъ Гели.

— Ни одной минуты, сударь! — отвѣтилъ Семъ, подавая ему поводья и держа стремя, между тѣмъ какъ Андрей отвязывалъ прочихъ лошадей.

Только-что Гели сѣлъ въ сѣдло, — лошадь вдругъ прыгнула и сбросила сѣдока на сухой, но мягкій дернъ, ослабившій ударъ паденія.

Самуилъ, съ видомъ отчаянія, бросился къ поводьямъ. Видъ его уродливаго головного наряда не очень-то способствовалъ успокоенію бѣшенаго животнаго, которое вырвалось изъ рукъ упавшаго Сема,

заржало и, сдѣлавъ нѣсколько бѣшеныхъ прыжковъ, понеслось по лугу. За нимъ послѣдовали Белль и Джерри, которыхъ Андрей не приминулъ упустить, ускоряя ихъ бѣгъ страшнымъ крикомъ.

Поднялась суматоха. Андрей и Семъ бѣгали и кричали; собаки лаяли; дѣти негритянской породы бросились во всѣ стороны съ пронзительнымъ виз-

гомъ, хлопая руками и суетясь съ самымъ раздражающимъ усердіемъ.

Рѣзвая, горячая лошадь Гели, казалось, охотно способствовала намѣреніямъ виновниковъ этой сцены. Предъ нею на четверть мили разстилался лугъ, простиравшійся до небольшой рощицы... Лошадь подпускала къ себѣ человѣка; но какъ только замѣчала руку, протягивавшуюся къ поводьямъ, убѣгала, брыкаясь, и скрывалась въ чащѣ рощи. Самуилъ не же-

лалъ поймать ее раньше, чѣмъ было нужно. Онъ съ изумительною ловкостью достигалъ этого... Шляпа его зеленѣла именно тамъ, гдѣ можно было опасаться возможности перенять лошадь. Онъ во все горло кричалъ: «Сюда! держи! бери!»—и эти крики только усиливали смятеніе и безпорядокъ.

Гели также бѣгалъ взадъ и впередъ, ругаясь, проклиная и топая ногами. Г. Шельби распоряжался, стоя на крыльцѣ. Г-жа Шельби смотрѣла на эту сцену изъ окна своей комнаты, смѣялась и удивлялась, понимая истинную причину.

Только часамъ къ двумъ явился Самуилъ, ведя лошадь г. Гели, всю въ пѣнѣ, но еще съ огнемъ въ глазахъ и съ раздутыми ноздрями, такъ что очевидно было, что ея бѣшенство и пылъ не улеглись.

— Поймалъ!—торжественно вскричалъ онъ.—Безъ меня имъ никогда бы не поймать!..

— Безъ тебя?..—проворчалъ Гели.—Безъ тебя бы ничего этого не было!..

— Да Богъ съ вами! — съ огорченнымъ видомъ отвѣтилъ Семъ.—Я просто изъ силъ выбился, чтобы только услужить вамъ!

— По твоей-то милости я и потерялъ три часа времени... Теперь ѣдемъ! Будетъ дурачиться!..

— Да развѣ же это возможно?—вскричалъ Семъ умоляющимъ голосомъ. — Вы положительно хотите уморить и насъ, людей, и животныхъ! Мы выбились изъ силъ, и лошади едва волочатъ ноги... Господинъ, вѣроятно, обождетъ до послѣобѣда... Вашу лошадь надо вытереть соломой: поглядите на что она похожа!.. Джерри хромаетъ... Да, наконецъ, вѣроятно, и госпожа не отпуститъ васъ такъ. Богъ съ вами, хоро-

шій господинъ! Мы вѣдь ничего не упустимъ, немного подождавъ. Элиза никогда не отличалась способностью быстро ходить.

Г-жа Шельби, заинтересованная этимъ разговоромъ, сошла внизъ, съ намѣреніемъ принять въ немъ участіе. Она подошла къ Гели, привѣтливо выразила ему сожалѣніе о случившемся и настойчиво просила остаться отобѣдать у нихъ, увѣряя, что сейчасъ же подадутъ на столъ.

Гели остался, но какъ бы нехотя пошелъ въ домъ. Самуилъ же, поводя глазами съ выраженіемъ, котораго невозможно описать, важно повелъ лошадей въ конюшню.

ГЛАВА VII.

Отчаяніе матери.

Невозможно представить себѣ женщины, которая бы могла чувствовать себя несчастнѣе и безпомощнѣе, чѣмъ Элиза, когда она выходила изъ хижины дяди Тома.

Горе и опасности ея мужа, страхъ за судьбу ребенка, сознаніе предстоявшихъ бѣдствій—совершенно ошеломили ее. Она покидала тѣ мѣста, за предѣлами которыхъ ничего не знала, свою госпожу, которую такъ любила и уважала. Тяжело ей было уходить... Каждый предметъ, который она могла распознать при мерцаніи холодной ночи, казалось, глядѣлъ на нее съ упрекомъ, какъ бы спрашивая: «куда же пойдешь ты изъ своей родины?..»

Но громче всего говорила въ ней материнская

любовь, проявившаяся въ самой высшей степени въ виду страшной опасности. Ея сынъ былъ уже въ такомъ возрастѣ, что могъ бы самъ идти. Если-бы бѣда не гналась за нею,—она вела бы его за руку. Но, трепеща при одной мысли выпустить его изъ своихъ объятій, она судорожно прижимала его къ своей груди и ускоряла шаги...

Хрустѣнье мерзлой земли подъ ногами заставляло ее вздрагивать при каждомъ звукѣ. Зашелеститъ ли листъ, промелькнетъ ли тѣнь,—кровь такъ и прильетъ къ ея сердцу,—и она еще болѣе заторопится, удивляясь своимъ силамъ. Она совсѣмъ не чувствовала тяжести сына, и малѣйшій поводъ къ опасенію только болѣе и болѣе толкалъ ее впередъ. Губы же ея шептали въ это время молитву: «Господи, помоги мнѣ! Господи, спаси меня!...»

Гарри спалъ. Страхъ и новость положенія сперва безпокоили его. Но мать увѣряла мальчика, что спасетъ его, если онъ будетъ покоенъ. Дитя крѣпко прижалось къ матери и, уже засыпая, спросило:

— Мнѣ можно заснуть, мама?

— Да, спи, мой хорошій, если хочется.

— А если я засну, ты не отдашь меня ему?

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала мать, и лицо ея еще болѣе поблѣднѣло, глаза заблистали.

— Правда, мама, не отдашь?

— Конечно, — отвѣтила она голосомъ, котораго сама же испугалась: ей почудилось, что эти слова произнесла не она, а какой-то посторонній духъ...

Мальчикъ склонилъ усталую головку къ ней на плечо и скоро заснулъ. Теплое прикосновеніе ребен-

ка, его нѣжное дыханіе, касавшееся ея щекъ, придавали ей бодрость и мужество...

Граница фермы. Роща и лѣсъ промелькнули передъ ней, какъ призраки, но она шла все дальше, нигдѣ не отдыхая, не останавливаясь... Первые проблески утренней зари застали ее на большой дорогѣ. Она была уже далеко ото всего, знакомаго ей съ дѣтства.

Ей случалось сопровождать свою госпожу, когда та посѣщала знакомыхъ въ селеніи Т., недалеко отъ рѣки Огайо. Поэтому у ней мелькнула мысль идти туда и переправиться черезъ эту рѣку. А тамъ начиналась грозная, совсѣмъ невѣдомая ей даль, но она крѣпко надѣялась на Бога.

Дорога начала оживляться проѣзжими и прохожими. Элиза быстро сообразила,—какъ это бываетъ при возбужденномъ состояніи духа,—что торопливая походка и разстроенный видъ обратятъ на себя вниманіе и вызовутъ подозрѣніе встрѣчныхъ. Она поставила ребенка на землю, оправила свой костюмъ и прическу и затѣмъ продолжала путь, но уже гораздо медленнѣе. Въ маленькомъ ридикюлѣ у ней имѣлся запасъ яблокъ и пирожковъ, къ которымъ она и обратилась, чтобы ободрить устававшаго сына. Изрѣдка она катила яблоко по дорогѣ, и мальчикъ, забывъ усталость, бѣжалъ за нимъ. Прибѣгая къ этой хитрости, она успѣла уже подвинуться на нѣсколько миль впередъ.

Вотъ они дошли до мѣста, заросшаго молодымъ лѣсомъ, черезъ который протекалъ свѣтлый ручеекъ. Ребенокъ сталъ жаловаться на голодъ и жажду. Элиза взобралась на крутой берегъ и присѣла за боль-

шимъ камнемъ, совершенно скрывавшимъ ее отъ взоровъ проѣзжавшихъ. Она вынула завтракъ изъ ридикюля и дала его мальчику. Но тотъ очень удивился и опечалился, что мать ничего не ѣстъ сама. Обвивъ ея шею одной ручонкой, онъ старался другой вложить ей въ ротъ кусочекъ пирога.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый Гарри! Мама не можетъ ѣсть, пока ты въ опасности. Мы должны идти дальше и дальше, пока не дойдемъ до рѣки.—И она почти бѣгомъ направилась къ большой дорогѣ, а потомъ опять пошла шагомъ.

Она давно уже миновала всѣ мѣста, гдѣ ее знали въ лицо.

За часъ до захожденія солнца, Элиза достигла

селенія, лежащаго при рѣкѣ Огайо. Ноги ея опухли; она смотрѣла болѣзненно, но бодрость духа еще не измѣнила ей. Первый взглядъ ея упалъ на рѣку, разливавшуюся, подобно Іордану, между нею и обѣтованною землей свободы...

Теченіе рѣки было бурно, волны сердито вздымались и шумѣли. Огромныя глыбы льда, колыхаясь, плавали по всѣмъ направленіямъ. Берегъ со стороны Кентукки далеко выдается въ рѣку; ледъ накопился въ огромномъ количествѣ, такъ что узкій проливъ былъ имъ совершенно загроможденъ, и наплывавшія массы останавливались, не находя себѣ прохода. Эти льдины составляли, въ общемъ, подобіе величественной плотины между противоположными берегами Огайо.

Элиза остановилась на минуту, чтобъ оглядѣть мѣстность, угрожавшую ей такой непріятной перспективой. Очевидно, переправиться на лодкѣ не было никакой возможности, и несчастная мать медленно направилась къ тавернѣ (въ родѣ нашей харчевни или трактира), чтобы запастись тамъ кой-какими свѣдѣніями.

Хозяйка, прилежно занятая стряпней для вечерней трапезы, остановилась съ вилкой въ рукахъ, услышавъ ласковый и вмѣстѣ грустный голосъ Элизы.

— Что вамъ угодно?—спросила она.

— Есть ли здѣсь лодки, чтобы переправиться черезъ рѣку?

— Нѣтъ, лодки теперь не ходятъ.

Хозяйка была поражена смущеннымъ и страдальческимъ видомъ Элизы. Вмѣстѣ съ тѣмъ ее подстрекало и любопытство.

— А вамъ очень нужно переправиться на ту сто-

рону? Быть-можетъ, у васъ тамъ кто-нибудь боленъ? Вы такъ сильно встревожены...

— У меня ребенокъ въ большой опасности,—отвѣтила Элиза.—Я узнала объ этомъ только вчера ночью и поспѣшила за нѣсколько миль, разсчитывая найти здѣсь переправу.

— Ахъ, это очень прискорбно!—проговорила хозяйка, у которой вдругъ пробудилось материнское чувство.—Мнѣ такъ душевно жаль васъ!.. Соломонъ!—закричала она, выглянувъ въ окно, выходившее на заднiй дворъ.

Въ дверяхъ показался мужчина съ засаленными руками, въ кожаномъ фартукѣ.

— Скажи, Сель, тотъ человѣкъ будетъ переправляться со своими бочками?

— Говорилъ, что попробуетъ...

— Тутъ, внизу, есть какой-то человѣкъ,—обратилась хозяйка къ Элизѣ,—который хочетъ переправиться нынче вечеромъ съ товарами, если только это будетъ возможно. Онъ придетъ сюда ужинать, а вы покуда присядьте да отдохните. Какой прелестный мальчикъ!—прибавила хозяйка, подавая ему пирожковъ.

Но маленькiй Гарри, совершенно истомленный, плакалъ отъ изнеможенiя.

— Бѣдный мальчикъ!—сказала Элиза.—Онъ не привыкъ къ такимъ путешествiямъ, а я очень торопила его.

— Въ такомъ случаѣ отведите его въ эту комнату,—сказала хозяйка, отворяя дверь въ маленькую спальню, въ которой находилась помѣстительная кровать.

Элиза уложила утомленнаго сына и держала его за ручки, пока онъ не заснулъ. Сама же и не ду-

мала о покоѣ. Мысль о преслѣдованіи, словно пламя, жгла ее. Грустно, со слезами на глазахъ, смотрѣла она на бушующія волны рѣки, отдѣлявшей ее отъ берега свободы...

Но простимся пока съ нею и возвратимся къ ея преслѣдователямъ.

Г-жа Шельби, въ присутствіи мистера Гели, отдала приказаніе, чтобы обѣдъ былъ скоро готовъ. Но тетушка Хлоя только ворчала, качая головой,—и стряпня подвигалась впередъ медленно.

Неизвѣстно по какой причинѣ, вся прислуга угадывала, что госпожа вовсе не расположена сердиться на такое промедленіе. И, какъ нарочно, встрѣчались препятствія на каждомъ шагу. Одинъ пролилъ соусъ; другой, несшій воду, упалъ и все розлилъ; третій уронилъ масло себѣ подъ ноги... Въ кухню приходили извѣстія, что мистеръ Гели до такой степени не въ духѣ, что не можетъ покойно сидѣть на стулѣ, расхаживаетъ взадъ и впередъ, безпрестанно заглядывая то въ окно, то въ дверь.

— Такъ ему и слѣдуетъ,—злобно говорила Хлоя.— Будетъ ему еще хуже, если не опомнится. Онъ вѣдь тоже имѣетъ Господина тамъ, на небѣ. Вотъ какъ Онъ возьметъ его къ Себѣ,—каково-то ему тогда будетъ!

— Онъ непремѣнно попадетъ въ адъ,—сказалъ маленькій Джекъ.

— И по дѣломъ!—гнѣвно добавила тетушка Хлоя.— Много, ахъ, какъ много онъ погубилъ душъ! Вы запомните это!—добавила она, взмахнувъ вилкой, бывшей у ней въ рукахъ.—А души-то вопіютъ предъ Богомъ объ отмщеніи!...

Тетушка Хлоя пользовалась на кухнѣ большимъ вліяніемъ, и ее слушали съ разинутыми ртами.

— Такихъ на томъ свѣтѣ жгутъ... не такъ-ли?— спросилъ Андрей.

— Хотѣлъ-бы я взглянуть на нихъ тамъ,—замѣтилъ Джекъ.

— Дѣти!—неожиданно раздался голосъ дяди Тома, недавно вошедшаго въ кухню и остановившагося у двери, прислушиваясь къ бесѣдѣ.—Дѣти!—повторилъ онъ,—вы не знаете, о чемъ говорите. *Вѣчность*— ужасное слово, такъ что страшно и подумать о ней! Никому въ жизни не желайте вѣчныхъ мукъ!...

— Да мы никому и не желаемъ ихъ, кромѣ душепродавцевъ,—отвѣтилъ Андрей.—А имъ, проклятымъ, нельзя не пожелать этого.

— О, изверги!—воскликнула тетушка Хлоя.—Имъ нипочемъ ребенка оторвать отъ матери и продать его. Малыя дѣти хватаются за платья матерей, плачутъ, а эти злодѣи хватаютъ ихъ и продаютъ... Имъ ничего не стоитъ жену разлучить съ мужемъ, — продолжала Хлоя, болѣе и болѣе волнуясь.—Все это для нихъ пустяки! Люди страдаютъ, а они ничего не чувствуютъ... попиваютъ да покуриваютъ! Господи, да если и дьяволъ-то не возьметъ ихъ, такъ на чтожъ онъ тогда и годенъ!

Тетушка Хлоя закрыла лицо руками и заплакала.

— Молитесь за враговъ своихъ!... Вотъ, что Богъ повелѣлъ,—замѣтилъ Томъ.

— За нихъ-то молиться! — воскликнула тетушка Хлоя.—О, Боже! какъ-же будешь молиться за нихъ? Нѣтъ, для меня это невозможно!...

— По естеству нашему, по тѣлу—это такъ,—говорилъ Томъ,—но духъ нашъ сильнѣе плоти...

— Я очень радъ, — продолжалъ послѣ нѣкоторой паузы Томъ,—что господинъ нашъ раздумалъ уѣхать сегодня утромъ. Еслибъ онъ уѣхалъ,—мнѣ было бы это еще тяжелѣе, чѣмъ быть проданнымъ. Уѣхать, не простившись со мною... для меня это было бы очень тяжело! Вѣдь я зналъ его, когда онъ былъ еще ребенкомъ!... Я безъ ропота покоряюсь волѣ Божіей. Для нашего господина не было выбора... Но боюсь, что безъ меня дѣла его еще болѣе разстроятся. Гдѣ же ему самому усмотрѣть за всѣмъ?...

Раздался звонъ колокольчика, и Тома позвали въ гостиную.

— Томъ!—сказалъ ему хозяинъ ласковымъ голосомъ,—я долженъ объявить тебѣ, что обязуюсь заплатить этому господину тысячу долларовъ неустойки, если ты не будешь на мѣстѣ, которое онъ укажетъ тебѣ. Онъ долженъ отлучиться по своимъ дѣламъ,—и ты сегодня свободенъ. Можешь идти, куда хочешь.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Томъ.

— Не забудь,—добавилъ промышленникъ,—что я не прощу твоему бывшему господину ни одной копѣйки, если не найду тебя на мѣстѣ. По моему, нельзя довѣрять никому изъ васъ. Вы—скользки какъ угри.

— Сударь, — проговорилъ Томъ, съ достоинствомъ,—мнѣ было восемь лѣтъ, когда ваша матушка подала мнѣ васъ на руки, а вамъ не было и году. «Вотъ—говорила она—твой молодой баринъ. Ухаживай за нимъ». Позвольте же васъ спросить: лгалъ-ли я когда-нибудь? Противорѣчилъ-ли вашей волѣ, особенно послѣ того, какъ сталъ христіаниномъ?

Господинъ Шельби былъ растроганъ до слезъ.

— Мой дорогой Томъ! Видитъ Богъ, что ты говоришь истинную правду... Будь хоть малѣйшая возможность—я не отдалъ бы тебя ни за какія сокровища въ мірѣ.

— Вѣрь, Томъ, что мы выкупимъ тебя! — прибавила госпожа Шельби.—Это такъ же вѣрно. какъ то,

что я исповѣдую христіанскую религію... Дай только намъ собраться съ средствами. Послушайте,—сказала она, обращаясь къ Гели,—запомните, кому вы продадите его и сообщите намъ объ этомъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ промышленникъ,—я приведу вамъ его хоть черезъ годъ... Если вы такъ дорожите имъ,—можете получить его обратно.

— Мы все устроимъ такъ, что вы не будете въ убыткѣ,—сказалъ господинъ Шельби.

— Согласенъ, — отвѣтилъ промышленникъ. — Для меня безразлично: продать, купить, перепродать, — лишь-бы была выгода... Только этого мы и добиваемся.

Въ два часа Семъ и Анди привели лошадей, повидимому бодрыхъ и сильныхъ. Семъ казался необыкновенно расторопнымъ и услужливымъ.

Гели скомандовалъ садиться на лошадей, и они отправились въ путь.

— Я поѣду по направленію къ рѣкѣ,—заявилъ Гели рѣшительно, когда они достигли границы имѣнія Шельби.—Она никуда больше не могла бѣжать.

— Вѣрно,—лукаво замѣтилъ Семъ,—вы угадали, господинъ Гели, попали въ самую точку. Теперь предъ нами двѣ дороги къ рѣкѣ: одна старая, ухабистая,

другая ровная... Какую-же намъ выбрать?.. —Я думаю, Элиза должна была пойти по старой, потому что она пустыннѣе.

Хотя Гели отъ природы былъ подозрителенъ до мелочности, но замѣчаніе Сема показалось ему вѣрнымъ.

Гели, послѣ нѣкотораго размышленія, выбралъ старую дорогу. Но она оказалась застроенной.

Черезъ часъ пути, они достигли мѣстности, гдѣ на самой дорогѣ былъ выстроенъ амбаръ. Очевидно, путь въ этомъ направленіи нельзя уже было продолжать.

Несчастный негроторговецъ скрылъ свое бѣшенство. Поворотивъ коней, они поѣхали по направленію къ большой дорогѣ.

Въ этой проволочкѣ прошло около часа.

ГЛАВА VIII.

Неудавшаяся погоня.

Элиза уже успѣла уложить спать маленькаго Гарри, когда три всадника подъѣхали къ извѣстному уже намъ дому. Несчастная мать стояла у окна и смотрѣла въ другую сторону. Семъ, отличавшійся острымъ зрѣніемъ, сразу замѣтилъ ее. Гели и Анди ѣхали немного позади. Въ эту критическую минуту Семъ сбросилъ съ головы шляпу, дѣлая видъ, что вѣтеръ снесъ ее, и испустилъ пронзительный крикъ, испугавшій Элизу. Она отскочила отъ окошка и замѣтила, какъ вся компанія, промчавшись мимо, остановила лошадей у самаго входа.

Въ эту ужасную минуту въ тысячу разъ увеличилась жизненная энергія Элизы. Боковая дверь изъ комнаты, въ которой она была, вела прямо къ рѣкѣ. Элиза, схвативъ ребенка, спрыгнула съ лѣстницы. Гели замѣтилъ ее въ ту минуту, какъ она скрылась за берегомъ. Спрыгнувъ съ лошади, онъ громко кликнулъ своихъ спутниковъ и погнался за нею, какъ собака за ланью. Въ эту отчаянную минуту ноги ея едва касались земли,—и въ одно мгновеніе она была уже у берега... Преслѣдователи почти настигали ее, но она, одушевленная той силой, которая дается только людямъ, доведеннымъ до отчаянія, съ дикимъ воплемъ соскочила съ берега на ледъ... Это былъ невообразимый прыжекъ, на который могъ бы рѣшиться развѣ только безумный... Гели, Семъ и Анди, видѣвшіе это, невольно вскрикнули и подняли руки къ небу.

Огромная льдина закачалась и затрещала подъ нею, но Элиза не останавливалась ни на одинъ мигъ... Съ дикими криками и невообразимой быстротой она перепрыгивала со льдины на льдину, спотыкалась, падала и снова подымалась... Башмаки ея слетѣли съ ногъ, чулки разорвались. Каждый шагъ ея былъ отмѣченъ кровью... Но она ничего не видѣла и не чувствовала... Смутно, какъ-бы во снѣ, представился ей берегъ Огайо и человѣкъ, подавшей ей руку.

— Удивительно храбрая ты женщина, нечего сказать!—проговорилъ незнакомецъ.

По голосу и фигурѣ Элиза тотчасъ узнала въ немъ содержателя фермы, находящейся недалеко отъ ея прежняго мѣстопребыванія...

— О, господинъ Саймзъ! спасите, скройте меня!—умоляла Элиза.

— Но что-же случилось? — изумился господинъ Саймзъ.—Вѣдь ты, кажется, изъ дома г. Шельби?

— Мое дитя... этого ребенка... онъ продалъ его... Вонъ тамъ его хозяинъ, — безсвязно говорила она, указывая на противоположный берегъ Кентукки.—О, господинъ Саймзъ! у васъ тоже есть ребенокъ...

— Есть, есть!—подтвердилъ Саймзъ, безцеремонно, но дружески помогая ей взобраться на крутой берегъ.— Да, храбрая ты женщина, очень храбрая! Я люблю... смѣлыхъ людей!..

Когда они взобрались на вершину берега, онъ остановился...

— Я душевно желалъ-бы помочь тебѣ, — сказалъ онъ,—но здѣсь мнѣ окончательно негдѣ пріютить тебя... Я могу только дать тебѣ совѣтъ... Ступай туда,— указалъ онъ на большой бѣлый домъ, стоявшій поодаль отъ другихъ, на главной улицѣ селенія.— Тамъ живутъ хорошіе люди, всегда готовые на доброе дѣло.

— Вознагради васъ Богъ!—съ чувствомъ проговорила Элиза.

— Не за что!—отвѣтилъ Саймзъ.

— Надѣюсь, вы никому не скажете...

— Да за кого же ты меня принимаешь? Разумѣется, нѣтъ. Ты добрая, благородная женщина... ты заслужила свободу и — Богъ не безъ милости!—получишь ее...

Элиза прижала ребенка къ груди и быстро удалилась. Мистеръ Саймзъ не двигался съ мѣста и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Изумленный Гели стоялъ на берегу и былъ свидѣтелемъ всей сцены, пока Элиза не скрылась. Затѣмъ онъ вопросительно взглянулъ на Сема и Анди.

— Отличная штука! — воскликнулъ Семъ.

— Видно, семь чертей сидитъ у ней, — проговорилъ Гели.—Она прыгаетъ не хуже дикой кошки.

— Да,—говорилъ Семъ, почесывая затылокъ,—не угонишься за ней по этакой-то дорожкѣ!... Куда ужь намъ!—и онъ захихикалъ.

— Ты еще смѣешься!—зарычалъ негроторговецъ, грозно взглянувъ на него.

— Ахъ, Боже мой! да какъ тутъ удержаться, — проговорилъ Семъ, давая, наконецъ, полную волю своей радости.—Вѣдь какъ она подпрыгивала! А ледъ-то такъ и трещитъ... Трахъ, трахъ, хлопъ, шлепъ!.. Какъ она отхватывала!..

Семъ и Анди начали хохотать до слезъ.

— Погодите-же, захохочете вы у меня другимъ манеромъ!—заревѣлъ торговецъ, замахиваясь хлыстомъ.

Они отскочили отъ него и съ громкими криками взбѣжали на берегъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вскарабкаться, они ужь сидѣли на своихъ лошадяхъ.

— Доброй ночи, сударь!—не безъ важности проговорилъ Семъ.—Наша госпожа, вѣроятно, безпокоится о лошадкѣ Джерри. Вамъ, г. Гели, мы ужь болѣе не нужны, а госпожѣ будетъ непріятно, если ея лошади заночуютъ на Лизиномъ мосту!

Они помчались во весь духъ. И долго еще слышался веселый ихъ смѣхъ.

Сумерки уже наступали, когда Элиза перебѣгала по льду рѣку. Вечерній туманъ, поднимавшійся отъ рѣки, постепенно окутывалъ ее.

Гели, раздосадованный неудачею, медленно возвратился въ трактиръ. Онъ вошелъ въ небольшую комнату, служившую пріемной. Около рѣшетки помѣщалась длинная, жесткая скамья, на которую и присѣлъ Гели.

— Ну, къ чему мнѣ гоняться за этой мартышкою?—размышлялъ онъ.—Стоитъ-ли мальчишка такихъ неимовѣрныхъ усилій?...

Гели послалъ себя нѣсколько разъ къ чорту и наговорилъ тысячу проклятій.

Громкій и непріятный голосъ, доносившійся съ улицы, заставилъ его очнуться. Говорившій, повидимому, слѣзалъ съ лошади.

— Ручаюсь головой, что здѣсь кроется нѣчто въ родѣ того, что́ называется Промысломъ! Я увѣренъ, что это—Томъ Локеръ.

Въ углу комнаты, около буфета стоялъ дюжій, мускулистый мужчина, ростомъ футовъ шести и со-

размѣрной толщины. На немъ былъ кафтанъ изъ буйволовой кожи, что̀ придавало ему дикій и звѣрскій видъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій его физіономіи. Очертанія его головы и лица выражали свирѣпость и необузданность. Вообразите бульдога въ образѣ человѣка, расхаживающаго въ шляпѣ и кафтанѣ,—и вы получите понятіе о впечатлѣніи, которое производилъ онъ на всѣхъ. Съ нимъ былъ спутникъ, во многихъ отношеніяхъ представлявшій поразительный контрастъ: маленькаго роста и худощавый. Движенія его были уклончивы и лукавы, какъ у кошки. Черные глаза смотрѣли остро и зорко. Тонкій, длинный его носъ рѣзко выдавался впередъ, какъ-бы желая все разнюхать. Движенія и манеры обнаруживали скрытность и осмотрительность. Великанъ взялъ большой стаканъ, налилъ въ него водки и однимъ глоткомъ, молча, осушилъ его.

— Ба! какими судьбами вы попали сюда? Какъ поживаете, Локеръ?—воскликнулъ Гели, протягивая руку великану.

— Что за дьявольщина!—грубо отвѣтилъ Локеръ.— Кой чортъ занесъ тебя сюда, Гели?..—Затѣмъ онъ познакомилъ Гели съ Марксомъ, т.-е. своимъ спутникомъ.

— Счастливый случай свелъ насъ, и я приглашаю васъ удѣлить мнѣ нѣсколько времени... Нужно обсудить одно дѣльце. Эй, старый хрѣнъ! — обратился Гели къ человѣку, стоявшему за прилавкомъ. — Горячей воды, сахару и сигаръ, да побольше «спиртнаго»!...

Подали свѣчи, затопили каминъ,—и трое собесѣдниковъ разсѣлись вокругъ стола, распивая пуншъ.

Гели подробно разсказалъ о приключившейся съ нимъ неудачѣ. Локеръ и Марксъ чрезвычайно заинтересовались приключеніемъ съ Гели. Послѣ продолжительнаго совѣщанія троихъ собесѣдниковъ, рѣшено было, что Локеръ и Марксъ принимаютъ на себя розысканіе бѣглянки съ сыномъ. Они, конечно, брались за это не безкорыстно, а съ расчетомъ, что они завладѣютъ Элизой, которую и продадутъ въ неволю съ большимъ барышомъ для себя, а Гарри возвратятъ Гели, какъ его собственность.

ГЛАВА IX.

Сенаторъ — тотъ-же человѣкъ.

ВЕСЕЛЫЙ огонекъ мягко разливался по ковру и обоямъ уютной комнаты. Сенаторъ Бердъ снималъ сапоги и готовился надѣть туфли, вышитыя ему женою, когда онъ ѣздилъ на засѣданія сената. Госпожа Бердъ, образчикъ довольства и счастья, была занята сервировкой стола и отъ времени до времени дѣлала замѣчанія толпѣ рѣзвыхъ дѣтей, тутъ-же игравшихъ.

— Не можешь себѣ представить, другъ мой, — обратилась г-жа Бердъ къ мужу, — какой пріятный сюрпризъ доставилъ ты намъ своимъ пріѣздомъ сегодня.

— Да, пришла мнѣ въ голову мысль: прокачусь-ка я домой, отдохну, понѣжусь немножко. Мочи нѣтъ, какъ усталъ; голова такъ и трещитъ.

— Ну, скажи же, — спросила жена, когда столъ

былъ почти накрытъ и чай готовъ, — что вы тамъ дѣлали въ сенатѣ?

— Ничего важнаго...

Но г-жа Бердъ не удовольствовалась такимъ уклончивымъ отвѣтомъ, и сенатору пришлось дать женѣ болѣе подробныя объясненія.

— Сенатъ разсматривалъ,—говорилъ онъ,—и утвердилъ законъ, воспрещающій оказывать вспоможе-

ніе невольникамъ, которые заходятъ къ намъ изъ Кентукки.

— Чтó же это за законъ? Надѣюсь, онъ не запрещаетъ, по крайней мѣрѣ, пріютить на ночь этихъ бѣдныхъ?.. Неужели же могутъ запретить накормить ихъ, дать имъ чего-нибудь изъ стараго платья и отпустить съ миромъ?

— Но, другъ мой, это и значило бы оказывать имъ вспоможеніе...

Въ эту минуту старикъ Кеджо, черный заправитель дома, высунулъ голову въ дверь и попросилъ госпожу въ кухню. Госпожа Бердъ отправилась туда, а сенаторъ между тѣмъ, усѣвшись въ кресло, принялся за чтеніе газетъ.

Вскорѣ раздался взволнованный голосъ его жены:

— Джонъ, Джонъ! Иди сюда на минуту!...

Господинъ Бердъ отложилъ газеты и отправился въ кухню. Войдя туда, онъ былъ пораженъ представившимся ему зрѣлищемъ. Молодая, исхудавшая женщина, въ обмерзшемъ рубищѣ, въ одномъ башмакѣ и въ изодранномъ чулкѣ на пораненной, окровавленной ногѣ, лежала въ безпамятствѣ навзничь, на двухъ стульяхъ. Въ чертахъ ея видны были признаки «презрѣннаго племени», но нельзя было не замѣтить и красоты ея лица, которая, въ связи съ неподвижностью и мертвеннымъ видомъ, заключала въ себѣ нѣчто величественное, даже поразительное.

У сенатора Берда захватило дыханіе въ груди,— и онъ молча стоялъ предъ несчастною. Жена же его и единственная черная служанка, старая нянька Дина, хлопотали, чтобы привести ее въ чувство. Старикъ Кеджо держалъ на рукахъ ребенка, снималъ съ него обувь и оттиралъ оледенѣвшія его ножки.

— Просто силъ нѣтъ смотрѣть на нее! —съ участіемъ проговорила Дина.—Она вошла сюда въ полной памяти, и я думаю, что она впала въ безпамятство отъ тепла... Она попросила позволенія немного отогрѣться ей здѣсь. Я спросила у нея, откуда она,— несчастная такъ и грохнулась на полъ. Судя по виду ея рукъ, она, должно быть, никогда не знала черной работы.

Молодая, исхудавшая женщина лежала въ безпамятствѣ...

— Несчастное созданіе! — съ чувствомъ сказала г-жа Бердъ.

Незнакомка открыла въ это время свои большіе, черные глаза и тревожно озиралась кругомъ. Вдругъ выраженіе отчаянія появилось на ея лицѣ, и она воскликнула:

— Гарри, Гарри! Они унесли его...

Мальчикъ соскочилъ съ колѣнъ негра, подбѣжалъ къ матери и протянулъ къ ней свои ручонки.

— Ахъ, ты здѣсь, ты здѣсь!—воскликнула она и, обращаясь къ г-жѣ Бердъ, проговорила, словно безумная:

— Защитите его! Не отдавайте его имъ!...

— Успокойтесь, моя милая!—отвѣтила г-жа Бердъ. —Вамъ здѣсь не угрожаетъ никакая опасность, никто васъ не обидитъ.

— Богъ да наградитъ васъ! — воскликнула женщина, закрывъ лицо руками и рыдая.

Мальчикъ, видя, что мать плачетъ, жался къ ней.

Благодаря нѣжному уходу г-жи Бердъ, въ чемъ она обладала по-истинѣ рѣдкимъ искусствомъ, страдалица, наконецъ, успокоилась. Ей постлали на лавкѣ, близъ огня, и она вскорѣ крѣпко заснула, обнявъ руками сына, который былъ утомленъ не менѣе ея. Она не хотѣла разстаться съ нимъ и съ нервной дрожью противилась самымъ деликатнымъ стараніямъ уложить его особо. Даже во снѣ крѣпко сжимала она сына въ своихъ объятіяхъ, какъ-бы стараясь защитить его.

Супруги Бердъ возвратились въ гостиную.

Черезъ часъ въ комнату вошла Дина и объявила, что незнакомка проснулась и желаетъ видѣть госпожу.

Супруги оба отправились въ кухню, съ двумя старшими сыновьями; маленькія же дѣти спали уже.

Незнакомка сидѣла на скамейкѣ у огня, и печать глубокаго горя лежала на ея лицѣ.

— Вы желали видѣть меня?—привѣтливо проговорила г-жа Бердъ.—Надѣюсь, бѣдняжка, вы теперь лучше чувствуете себя.

Несчастная глубоко вздохнула. Она устремила на говорившую свои черные глаза съ выраженіемъ такой глубокой грусти и трогательной мольбы, что у г-жи Бердъ навернулись слезы.

— Вамъ нечего бояться здѣсь,—поторопилась она успокоить незнакомку.—Вы у друзей... Откуда вы и куда направляетесь?

— Я пришла изъ Кентукки.

— Когда?—спросилъ г-нъ Бердъ, желая самъ разспросить ее.

— Въ эту ночь.

— Какъ-же вы прошли?

— Я перебралась черезъ ледъ.

— Черезъ ледъ!—воскликнули всѣ.

— Да,—отвѣчала она съ разстановкой:—Богъ помогъ мнѣ!.. Я направилась черезъ ледъ, потому что они гнались за мною, а другой дороги не было...

— Но вѣдь,—замѣтилъ Кеджо, — ледъ изломанъ на рѣкѣ, льдины движутся, вертятся и безпрестанно погружаются въ воду?..

— Знаю, знаю!—отвѣчала она тономъ помѣшанной.—Однако, я сдѣлала это... Я не думала, что буду въ состояніи сдѣлать это, я не надѣялась перебраться на другой берегъ... Но что-же дѣлать? Надобно было или перейти, или умереть! И Богъ по-

могъ мнѣ!... Кто самъ не испыталъ Божіей помощи, тотъ не пойметъ этого,—прибавила она съ оживленнымъ взоромъ.

— Вы были невольницей?—спросилъ г-нъ Бердъ.

— Да, я принадлежала одному владѣльцу въ Кентукки.

— Онъ былъ жестокъ съ вами?

— Нѣтъ, онъ—добрый господинъ.

На дальнѣйшіе разспросы сенатора Берда она разсказала объ извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ дѣла.

Разсказъ Элизы произвелъ потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Всѣ они плакали, начиная съ мальчиковъ, бывшихъ здѣсь, и кончая сенаторомъ. Послѣдній, какъ человѣкъ государственный, не могъ всхлипывать, подобно простымъ смертнымъ; онъ, повернувшись спиной къ присутствовавшимъ, смотрѣлъ въ окно и, казалось, былъ особенно занятъ откашливаніемъ и протираніемъ своихъ очковъ, при чемъ сморкался такъ часто, что могъ бы возбудить подозрѣніе, еслибы кто-либо въ состояніи былъ наблюдать за нимъ.

— А какъ-же вы говорили, что у васъ былъ добрый господинъ?—отозвался онъ, наконецъ, вдругъ поворотившись къ бѣдной женщинѣ и стараясь подавить рыданія, вырывавшіяся изъ его груди.

Элиза подтвердила, что господа ея, дѣйствительно, добры, но долги заставили господина продать ея мальчика, противъ воли госпожи.

— У васъ нѣтъ мужа?

— Есть, но онъ принадлежитъ другому владѣльцу. Хозяинъ его очень строгъ съ нимъ и не позволяетъ

ему приходить повидаться со мною... Жестокость его съ каждымъ днемъ усиливается. Онъ грозитъ продать его на югъ... Видно ужь мнѣ съ нимъ никогда не увидѣться.

Спокойствіе, съ которымъ разсказывала бѣдная женщина, могло бы дать поводъ поверхностному наблюдателю подумать, что у нея была апатичная натура, но, вглядѣвшись въ ея глаза, не трудно было понять, что наружное спокойствіе ея объяснялось безконечнымъ отчаяніемъ.

— Куда-же вы намѣрены идти?—ласково спросила г-жа Бердъ.

— Я желала-бы идти въ Канаду, но не знаю дороги. Далеко-ли отсюда Канада?—съ дѣтской наивностью спросила она, глядя на г-жу Бердъ.

— Бѣдная!—невольно воскликнула та.

— Значитъ, не близкій путь!—задумчиво проговорила женщина.

— Несравненно дальше, чемъ ты полагаешь, моя милая. Но мы подумаемъ, какъ помочь горю. Дина, постели ей въ твоей комнатѣ, возлѣ кухни. Завтра увидимъ, что̀ можно сдѣлать для этой несчастной. Покуда—ничего не бойся. Уповай на Бога: Онъ не оставитъ тебя!

Супруги Бердъ снова возвратились въ гостиную. Жена усѣлась противъ камина въ кресло на полозьяхъ и задумчиво качалась у огня. Сенаторъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ворча себѣ подъ носъ: «вотъ нажили хлопотъ, чортъ возьми!» Наконецъ, подойдя къ женѣ, онъ сказалъ:

— Нечего дѣлать, ей надо убираться отсюда въ эту-же ночь. Новый ея господинъ завтра же пожа-

лусть сюда по ея слѣдамъ ранехонько утромъ. Будь она одна,—могла бы пережить здѣсь, притаившись, пока бѣда пройдетъ, но съ мальчуганомъ не совладаешь: онъ все выдастъ, выглянетъ какъ-нибудь изъ двери. Это несомнѣнно. Куда какъ весело будетъ попасться вмѣстѣ съ ними! Нѣтъ, ихъ непремѣнно надо спровадить въ эту-же ночь...

— Но развѣ это возможно? Куда везти ихъ ночью?...

— Я знаю куда,—отвѣтилъ сенаторъ, принимаясь надѣвать сапоги съ озабоченнымъ видомъ.

Надѣвъ до половины одинъ сапогъ, онъ остановился и, охвативъ руками колѣно, погрузился въ глубокую задумчивость.

Г-жа Бердъ догадывалась, какое направленіе принимали мысли ея мужа, но воздержалась отъ всякаго вмѣшательства въ теченіе ихъ.

— Видишь-ли, — проговорилъ сенаторъ, — здѣсь есть мой старинный кліентъ, Ванъ-Тромпъ, переселившійся къ намъ изъ Кентукки, отпустивъ на волю своихъ негровъ. Онъ пріобрѣлъ землю въ семи миляхъ отъ насъ, по ту сторону брода, въ лѣсахъ. Мѣсто не проѣзжее... Развѣ ужь крайность заставитъ, да и то не скоро дорогу найдешь... Тамъ она будетъ въ безопасности. Но дѣло въ томъ, что ночью туда никто не проѣдетъ, кромѣ меня.

— Почему-же такъ? Кеджо мастерски правитъ...

— Не спорю, но дѣло въ томъ, что нужно переѣзжать два брода, а второй переѣздъ очень опасенъ для того, кто не знаетъ его такъ твердо, какъ я. Я сотню разъ переѣзжалъ этотъ бродъ и наизусть знаю всѣ повороты. Значитъ, дѣло безъ меня не можетъ

обойтись. Кеджо въ полночь тихонько запряжетъ лошадей, и мы отправимся съ нею.

Проговоривъ это, сенаторъ вышелъ, чтобы распорядиться насчетъ поѣздки.

А г-жа Бердъ пока усердно занялась однимъ дѣломъ: она отобрала изъ одежды, оставшейся послѣ смерти одного изъ ея малютокъ, нѣсколько вещей покрѣпче и получше и связала ихъ въ узелъ... Это предназначалось ею для сына Элизы. Затѣмъ она отворила свой гардеробный шкапъ, достала оттуда одно, другое платье, годныя еще къ употребленію, сѣла къ рабочему столику и занялась «выпусканіемъ запаса», чтобы сдѣлать ихъ годными для самой Элизы. Работа продолжалась, пока старые часы въ углу комнаты не пробили двѣнадцати и у подъѣзда не раздался глухой стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Мери,—сказалъ сенаторъ Бердъ, входя въ комнату съ пальто на рукѣ, — разбуди ее. Намъ пора ѣхать.

Г-жа Бердъ поспѣшно уложила въ небольшую коробку приготовленныя ею вещи, передала ее мужу, съ просьбой отнести въ экипажъ, а сама пошла за Элизой. Вскорѣ появилась Элиза въ салопѣ, чепчикѣ и платкѣ, подаренныхъ ей ея благодѣтельницею, съ малюткой-сыномъ на рукахъ... Г-нъ Бердъ посадилъ ее въ экипажъ, а г-жа Бердъ проводила ее до самой подножки. Элиза высунулась изъ повозки и протянула руку, такую-же нѣжную и прекрасную, какъ и та, которую ей подали за дверцами повозки. Она устремила свои черные глаза, исполненные нѣжности и признательности, въ лицо г-жи Бердъ и, казалось, хотѣла что-то сказать, пыталась два раза что-то вы-

говорить, губы ея шевелились, но звука не было слышно. Тогда, взглянувъ вверхъ такимъ взоромъ, который навѣкъ остается памятнымъ, она опустилась на свое мѣсто и закрыла лицо руками. Дверцы захлопнулись и экипажъ тронулся въ путь.

Было уже далеко за полночь, когда загрязненный и разбитый по скверной и топкой дорогѣ экипажъ сенатора Берда, переѣхавъ бродъ, остановился у крыльца обширнаго дома фермы. Не легко было разбудить обитателей его. Наконецъ, почтенный хозяинъ отворилъ дверь. Это былъ рослый, плечистый мужчина, ростомъ болѣе шести футовъ, въ красной фланелевой охотничьей блузѣ. Всклокоченные свѣтло-рыжеватые волосы и небритая нѣсколько дней борода придавали ему, по правдѣ сказать, не привлекательный видъ. Со свѣчею въ рукѣ, онъ нѣсколько минутъ разсматривалъ путешественниковъ съ сосредоточеннымъ и мрачнымъ видомъ, который казался очень забавнымъ. Сенатору стоило большого труда, чтобы разъяснить ему, въ чемъ дѣло.

Нашъ новый знакомый—честный старикъ Джонъ ванъ-Тромпъ. Онъ былъ нѣкогда зажиточнымъ фермеромъ и негровладѣльцемъ въ штатѣ Кентуки. Будучи только съ виду медвѣдемъ и имѣя отъ природы великую, честную, правдивую душу, онъ нѣсколько лѣтъ былъ грустнымъ свидѣтелемъ послѣдствій системы рабства, одинаково гибельной, какъ для притѣсняемыхъ, такъ и для притѣсняющихъ. Наконецъ, великодушіе Джона не въ состояніи было долѣе выдержать этого. Онъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, переправился за Огайо, купилъ тамъ обширный участокъ хорошей, плодородной земли, отпустилъ на

волю всѣхъ своихъ негровъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, усадилъ ихъ въ повозки—и отослалъ селиться на купленной имъ землѣ. Самъ-же поселился на берегу маленькой рѣчки, въ уединенной фермѣ, и жилъ тамъ, наслаждаясь спокойною совѣстью.

— Ну, что, другъ,—проговорилъ сенаторъ,—такой-ли вы человѣкъ, чтобы дать убѣжище женщинѣ и ребенку, которыхъ преслѣдуютъ «негроловы?»

— Надѣюсь, что да, -- отвѣтилъ Джонъ не безъ достоинства.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ сенаторъ.

— Если они вздумаютъ пожаловать сюда, — продолжалъ фермеръ, расправляя свои атлетическія формы, — милости просимъ: я всегда готовъ къ ихъ услугамъ, а также и шестеро моихъ сыновей, изъ которыхъ каждый шести футовъ ростомъ. Милости просимъ... Передайте имъ, что они могутъ пожаловать, когда имъ угодно... Намъ все равно, — и онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

Усталая, истощенная, полуживая Элиза дотащилась кое-какъ до двери, держа на рукахъ заснувшаго ребенка. Угрюмый фермеръ поднесъ свѣчу къ ея лицу и съ какимъ-то особеннымъ сострадательнымъ ворчаніемъ отворилъ дверь въ маленькую комнату, смежную съ кухней, гдѣ они находились. Введя Элизу въ эту комнатку, онъ зажегъ другую свѣчу, поставилъ ее на столъ и сказалъ:

— Теперь—говорю тебѣ—ничего не бойся. Пусть приходитъ, кто хочетъ: я на все готовъ,—продолжалъ онъ, указывая на два-три ружья, висѣвшихъ надъ каминомъ.—Кто знаетъ меня, тотъ пойметъ, что не поздоровится вздумавшему взять изъ моего дома того, кого я не хочу выдать. Теперь спи себѣ спокойно, все равно, какъ у родной матери,—проговорилъ онъ, уходя и затворяя дверь.

— Какая она красивая!—сказалъ онъ сенатору.— Красота-то и доводитъ ихъ часто до побѣга, если въ нихъ есть чувство честной женщины. Да, много я знаю такихъ случаевъ!..

Сенаторъ разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію Элизы.

— Какъ! — вскричалъ Джонъ тономъ искренняго состраданія.—Неужели это правда? Хорошо, что вы

сказали мнѣ объ этомъ! Ахъ, бѣдная женщина! Они охотятся за нею потому, что она послушалась голоса своей природы! Ее травятъ, какъ звѣря, за то, что въ ней есть чувство, что она не въ состояніи была сдѣлать того, чего не сдѣлаетъ ни одна мать!.. Такія вещи такъ все и переворачиваютъ во мнѣ!—и онъ отеръ глаза свои морщинистой, жесткой рукой.

Джонъ откупорилъ бутылку пѣнистаго сидра *) и подалъ стаканъ своему собесѣднику.

— Вамъ надо переночевать у меня, — радушно сказалъ онъ сенатору.—Я позову старуху,—она сейчасъ приготовитъ вамъ постель.

— Нѣтъ, добрый другъ, благодарю васъ; мнѣ надобно ѣхать,—возразилъ сенаторъ.

— Въ такомъ случаѣ, я провожу васъ и укажу окольную дорогу. Она получше той, по которой вы ѣхали.

Джонъ одѣлся и съ фонаремъ въ рукахъ провелъ экипажъ сенатора по дорогѣ, проходившей вдоль задняго фасада строенія. Уѣзжая, сенаторъ передалъ хозяину ассигнацію въ десять долларовъ.

— Это—ей!—лаконически сказалъ онъ.

— Хорошо,—такъ же отрывисто отвѣтилъ Джонъ.

Пожавъ другъ другу руки, они разстались.

---

*) Крѣпкій напитокъ изъ фруктовъ.

ГЛАВА X.

Товаръ отправляютъ въ путь.

Сырое, ненастное февральское утро глядѣло въ окно хижины дяди Тома, гдѣ были печальныя лица, въ грустномъ выраженіи которыхъ отражалось душевное страданіе. Вблизи очага — столъ, приспособленный для глаженья. Двѣ-три грубыя, но чистыя рубашки, только-что выглаженныя, сушились у огня, на спинкѣ стула, а на столѣ, предъ тетушкой Хлоей, была еще такая-же рубашка. Тщательно и замѣчательно аккуратно расправляла и разглаживала она каждую складку, каждый рубчикъ, лишь изрѣдка прерывая свое занятіе, чтобы поднести руку къ лицу и утереть катившіяся по щекамъ крупныя слезы.

Томъ сидѣлъ тутъ-же у стола, подперши голову рукой. На колѣняхъ у него былъ раскрытый Новый Завѣтъ. Мужъ и жена молчали. Было рано еще и дѣти спали.

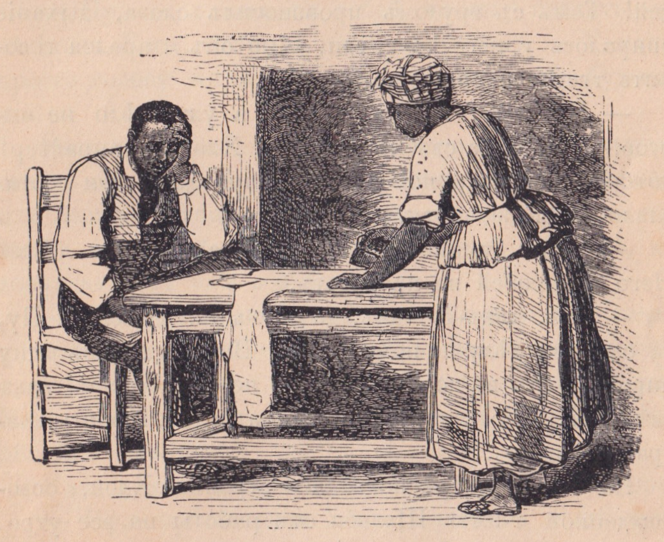
Вставъ со стула, Томъ взглянулъ на спящихъ дѣтей. Сердце его было переполнено чувствомъ нѣжной семейной привязанности, которымъ природа на горе такъ щедро надѣлила его несчастное племя.

— Въ послѣдній разъ... — грустно проговорилъ онъ.

Тетушка Хлоя молча продолжала гладить во всевозможныхъ направленіяхъ рубашку, которая и такъ, казалось, была настолько уже выглажена, насколько могли сдѣлать это человѣческія руки. Вдругъ, съ какимъ-то особеннымъ, отчаяннымъ жестомъ руки, она

опустила утюгъ, сѣла къ столу, громко и горько заплакала.

— Правда сказано: «смирись!» Но, Господи Боже мой, какъ тутъ «смириться»?.. Еслибъ я по крайней мѣрѣ знала, куда они тебя дѣнутъ, или хоть—какъ будутъ обходиться съ тобой!.. Госпожа говоритъ, что она непремѣнно постарается выкупить тебя года че-

резъ два; но возможно-ли это? Говорятъ, кто разъ попалъ туда, на низовье,—тому ужь не воротиться. Слышала я, какъ они мучатъ черныхъ на своихъ проклятыхъ плантаціяхъ!..

— На все воля Божія, Хлоя! Богъ вездѣ Одинъ. Тамъ Онъ будетъ со мною, какъ былъ здѣсь.

— Да люди-то ужасныя дѣла дѣлаютъ!.. Ахъ, плохая надежда!..

— Я—въ волѣ Божіей,—сказалъ Томъ:—и ничего

не приключится со мною, что Ему не угодно. Я и такъ долженъ благодарить Его за то, что продали меня, а не тебя или дѣтей. Вы здѣсь будете жить спокойно, а мнѣ Богъ поможетъ, — я увѣренъ, что поможетъ!..

Эта честная, мужественная душа старалась скрыть собственное горе, чтобы ободрить близкихъ ему людей! Томъ съ трудомъ произносилъ слова, дыханіе спиралось у него въ груди, — но онъ старался говорить твердо и спокойно.

— Что ты тамъ ни говори, а ужь дѣло не чистое, — стояла на своемъ тетушка Хлоя, въ характерѣ которой непреклонное чувство справедливости составляло главную черту.

— Чаще думай о Богѣ... Онъ надъ всѣми... Безъ Него и воробей не пропадетъ.

— Охъ, такъ-то такъ, да очень ужь тяжело!.. Ну, да словами дѣлу не поможешь... Вотъ я сейчасъ выну пирогъ: хоть въ послѣдній разъ позавтракаешь, какъ слѣдуетъ... Богъ вѣсть, придется ли тебѣ опять завтракать здѣсь...

На столѣ вскорѣ появилась стряпня Хлои, освобожденной г-жею Шельби отъ работы на все утро. На приготовленіе этого прощальнаго завтрака несчастная женщина истощила всю свою изобрѣтательность въ поваренномъ дѣлѣ. На жаркое пошли лучшіе цыплята; пирогъ былъ испеченъ по вкусу мужа; наконецъ, появились какія-то таинственныя баночки съ вареньемъ, которыя подавались лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

— Смотри-ка, Петя, смотри-ка! — воскликнулъ Мося торжествующимъ голосомъ, собираясь уже овла-

дѣть крыломъ цыпленка, какъ вдругъ почувствовалъ надъ самымъ ухомъ очень чувствительный щелчокъ матери.

— Вишь, зубы-то навострилъ! — гнѣвно говорила она.—Послѣднiй завтракъ у тяти тащитъ!..

— Ахъ, Хлоя! — замѣтилъ съ кроткимъ укоромъ Томъ.

— Ну, да я сама съ собой не могу сладить! — отвѣтила Хлоя, закрывъ лицо фартукомъ. — У меня просто голову кружитъ, такъ что поневолѣ будешь зла!..

Мальчишки остановились въ изумленiи, поглядывая то на отца, то на мать. Между тѣмъ, младшая ихъ сестра вцѣпилась въ платье матери, начала заявлять свои требованiя пронзительнымъ крикомъ, не допускавшимъ уже возраженiй.

— Теперь,—проговорила тетя Хлоя, отирая глаза и беря на руки ребенка,—теперь, пожалуй, совсѣмъ прошло... Завтракай... Это мой лучшiй цыпленокъ. На-те и вамъ, ребята! Ѣшьте, бѣдныя дѣтки!.. Мама обидѣла васъ...

Мальчуганы дружно принялись за все съѣдобное.

— Ну,—проговорила Хлоя, вставая и опять принимаясь суетиться, — теперь я соберу твое платье... Вотъ въ этомъ углу — фланелевая фуфайка отъ ревматизма. Береги ее, новой некому ужь будетъ сдѣлать. Тамъ старыя рубашки, а тутъ—новыя. Вчерашней ночью я починила носки у твоихъ чулокъ. А теперь-то... Боже мой, Боже мой!.. кто будетъ чинить тебѣ?..

Хлоя, подавленная горемъ, положила голову на дорожный ящикъ мужа и залилась слезами.

— Какъ только подумаю, что ни одна душа на бѣломъ свѣтѣ не позаботится о тебѣ, — поневолѣ злость одолѣетъ!..

Ребята, успѣвшіе управиться со всѣмъ, что было на столѣ, начали смутно понимать, что въ ихъ домѣ происходитъ что-то неладное. Видя плачущую мать и очень грустнаго отца, они тоже начали хныкать, зажавъ глаза руками. Дѣвочка-же, которую Томъ держалъ на колѣняхъ, съ увлеченіемъ наслаждалась предоставленнымъ ей правомъ царапать физіономію отца, тормошить его за волосы, разражаясь при этомъ громкимъ крикомъ удовольствія.

— Рѣзвись, дитятко, рѣзвись!—говорила тетушка Хлоя, обращаясь къ малюткѣ.— Придетъ и твоя пора, не минуетъ! Доживешь — такъ увидишь, какъ мужа будутъ продавать, а можетъ и самое продадутъ. Вотъ и ихъ,—указала она на дѣтей,—какъ только выростутъ да будутъ годиться въ дѣло—тоже продадутъ... Для чего черному и семью-то имѣть!..

— Госпожа идетъ!—выкрикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчугановъ.

— Это еще зачѣмъ?.. Вѣдь ужь не помочь горю!— сердито проворчала Хлоя.

Вошла г-жа Шельби. Хлоя, подавая ей стулъ, не скрывала сердитаго и непріязненнаго расположенія духа. Но г-жа Шельби не замѣтила ни стула, ни того, какъ онъ былъ поданъ. Она была встревожена и смертельно блѣдна.

— Томъ, — проговорила она, — я пришла... — и вдругъ остановилась, окинула взглядомъ стоявшую предъ нею безмолвную группу, опустилась на стулъ и, закрывъ лицо платкомъ, зарыдала.

— Господи! Чтó это вы?.. Перестаньте, перестаньте!—воскликнула Хлоя, сама заливаясь слезами.

Онѣ проплакали вмѣстѣ нѣсколько минутъ. И въ этихъ слезахъ, уравнявшихъ на мгновеніе ихъ общественное положеніе, растворилось раздраженіе угнетенныхъ...

— Добрый мой Томъ,—сказала г-жа Шельби,—я ничего не могу дать тебѣ на дорогу, чтобы могло пригодиться. Если дамъ тебѣ денегъ, — у тебя отнимутъ ихъ. Но торжественно обѣщаю предъ лицомъ Бога, что я не забуду тебя, буду слѣдить за тобой и непремѣнно выкуплю, какъ только будутъ деньги. Ты же надѣйся на Бога!..

Въ эту минуту Мося и Петя закричали въ одинъ голосъ, что идетъ г-нъ Гели. Вслѣдъ за тѣмъ безцеремонный толчокъ растворилъ дверь. Гели былъ очень не въ духѣ, усталый отъ ночной поѣздки и раздраженный неудачной попыткой возвратить свою добычу.

— Эй ты, черномазый!—закричалъ онъ.—Готовъ, что-ли?.. Вашъ покорнѣйшій слуга, сударыня,—прибавилъ онъ, замѣтивъ г-жу Шельби.

Хлоя, закрывавшая въ это время и увязывавшая дорожный сундучекъ мужа, подняла голову и такъ злобно посмотрѣла на Гели, что изъ глазъ ея, казалось, вмѣсто слезъ посыпались искры.

Томъ кротко всталъ, чтобы слѣдовать за своимъ новымъ господиномъ, и взвалилъ на плечи свой тяжелый ящикъ. Хлоя взяла на руки Полю, чтобы проводить мужа до повозки. Мося-же и Петя, не переставая плакать, послѣдовали сзади.

Г-жа Шельби остановила торговца и нѣсколько минутъ что-то говорила ему серьёзно и съ большимъ

волненіемъ. Толпа старыхъ и молодыхъ негровъ собралась на дворѣ, чтобы проститься со своимъ сотоварищемъ, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ, притомъ не только какъ къ старшему въ дворнѣ, но и какъ къ доброму наставнику въ христіанскомъ законѣ. Искреннее и горячее сочувствіе Тому и сожалѣніе о немъ выражалось на лицахъ у присутствовавшихъ, особенно-же у женщинъ.

— Ахъ, Хлоя, право ты лучше насъ переносишь свое горе!—сказала одна изъ женщинъ, громко плакавшая навзрыдъ, видя мрачное спокойствіе, съ которымъ Хлоя стояла у повозки.

— Я выплакала уже всѣ свои слезы! — отвѣтила Хлоя, бросивъ яростный взглядъ на приближавшагося торговца. — Стану я плакать предъ этимъ старымъ псомъ!.. Ни за что на свѣтѣ!..

— Маршъ въ повозку! — крикнулъ Гели, пробираясь сквозь толпу слугъ, враждебно глядѣвшихъ на него.

Когда Томъ помѣстился въ повозкѣ, Гели, доставъ изъ-подъ сидѣнья пару тяжеловѣсныхъ колодокъ, надѣлъ ихъ ему на ноги.

Крикъ негодованія раздался въ толпѣ... Съ веранды послышался голосъ г-жи Шельби:

— Увѣряю-же васъ, что это — совершенно лишняя предосторожность!..

— А почему я знаю, сударыня? — отвѣтилъ Гели.—Я и такъ уже поплатился здѣсь пятью стами долларовъ!.. Больше рисковать не приходится.

— Да чего же она ожидала отъ него? — проговорила съ озлобленіемъ Хлоя.

Оба мальчугана, повидимому, теперь только по-

нявъ въ чемъ дѣло, съ громкимъ плачемъ и рыданіями бросились къ матери и прильнули къ ея платью.

— Я сильно сожалѣю,—сказалъ Томъ,—что мнѣ не удалось проститься съ г-номъ Джорджемъ.

Джорджъ, ничего не знавшій о продажѣ Тома, утромъ этого дня уѣхалъ на сосѣднюю плантацію, чтобы провести день-другой у одного изъ своихъ сверстниковъ.

— Кланяйтесь отъ меня г-ну Джорджу! — съ грустью добавилъ Томъ.

Гели хлопнулъ бичемъ, и повозка быстро покатилась, увозя Тома, который, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на родную усадьбу, пока она не скрылась въ отдаленіи.

Г-на Шельби не было дома. Продавъ Тома подъ вліяніемъ тяжелой крайности, онъ переживалъ мучительное чувство раскаянія... Чтобы не быть свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ разставанья, онъ уѣхалъ не на долго по какому-то дѣлу, съ расчетомъ возвратиться, когда все уже будетъ кончено.

Гели и Томъ ѣхали по пыльной дорогѣ, минуя одно за другимъ хорошо знакомыя мѣста, и, наконецъ, они очутились за рубежомъ плантаціи, въ открытомъ полѣ.

Проѣхавъ около мили, Гели вдругъ поворотилъ къ кузницѣ и, доставъ изъ экипажа пару желѣзныхъ «наручниковъ» (т.-е. ручныхъ кандаловъ), вошелъ въ кузницу, чтобы приказать сдѣлать ихъ просторнѣе.

— Они маловаты на его ростъ, — сказалъ Гели, подавая кандалы и указывая головой на Тома.

— Ба! Да никакъ-же это Томъ отъ Шельби?

Развѣ онъ продалъ такого молодца? — спросилъ кузнецъ.

— Продалъ,—отвѣтилъ Гели.

— Неужто? Кто бы подумалъ! — замѣтилъ кузнецъ.—Такъ его и ковать не надо... Это—честнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ.

— Хорошо, хорошо, — отвѣтилъ Гели. — Знаю я ихъ честность! Съ ними-то и надо держать ухо востро. Вотъ дурачье да пьяницы—тѣ другое дѣло. Это—забубенныя головы: ихъ куда хочешь вези, — имъ все равно; а вотъ этимъ вашимъ умницамъ-то, такъ имъ это хуже смерти. Съ ними одно средство — ковать покрѣпче.

— Что́ говорить!—замѣтилъ кузнецъ.—Эти низовыя плантаціи не больно по сердцу нашему кентукскому негру... Они тамъ, говорятъ, мрутъ, какъ мухи. Правда?..

— Не безъ того!:. Климатъ тамъ, да то, да другое... Грѣхъ пожаловаться: торговля идетъ бойко, — отвѣтилъ Гели.

— Ну, какъ не пожалѣть, если такого смирнаго, славнаго малаго, какъ Томъ, свезутъ туда на низъ— и ни за что пропадетъ онъ на этихъ сахарныхъ плантаціяхъ!..

— Ему еще счастье,—о немъ я обѣщалъ похлопотать. Постараюсь пристроить его въ какое-нибудь доброе, старинное семейство. Такъ если выдержитъ лихорадку да климатъ, — ему будетъ такое житье, какого только можетъ желать черный.

Во время этого разговора Томъ сидѣлъ въ повозкѣ, погруженный въ грустную думу. Вдругъ онъ услыхалъ за собой топотъ лошадиныхъ копытъ и, прежде,

чѣмъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, молодой Джорджъ Шельби уже висѣлъ у него на шеѣ, обливаясь слезами и обнаруживая свое негодованіе самыми энергическими возгласами.

— Это — стыдъ! Это — низость! — выкрикивалъ онъ.—Будь я большой,—посмотрѣлъ бы я, какъ они сдѣлали бы это!.. Да! — прибавилъ онъ, и это «да» вырвалось у него изъ груди съ глухимъ стономъ.

— Ахъ, Джорджъ, какъ вы меня обрадовали! — сказалъ Томъ. — Такъ мнѣ тяжело было уѣхать, не простившись съ вами! Ужь такъ-то вы меня утѣшили!..

Томъ при этомъ сдѣлалъ нечаянное движеніе ногой, и Джорджъ замѣтилъ кандалы.

— Какая гнустность! — воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.—Я изобью этого стараго мошенника, непремѣнно изобью!..

— Боже васъ сохрани, Джорджъ! Даже и говорить-то, сдѣлайте милость, надо потише... Вѣдь мнѣ же будетъ хуже, если онъ разсердится!..

— Ну, такъ и быть, — ради тебя не буду. Но какъ-только подумаю объ этомъ... Ну, не срамъ-ли это, Господи!.. Посмотри сюда, дядя Томъ!—сказалъ онъ, таинственно понизивъ голосъ и повернувшись спиной къ кузницѣ. — Вотъ тебѣ мой долларъ.

— О, Джорджъ!.. Я и не подумаю взять это, ни за что на свѣтѣ! — проговорилъ Томъ, глубоко растроганный.

— Нѣтъ, возьми!—настаивалъ Джорджъ.—Я ужь говорилъ объ этомъ съ Хлоей: она посовѣтовала мнѣ просверлить дырочку и надѣть долларъ на шнурокъ. Ты повѣсь его на шею себѣ, чтобы никто не увидалъ, а то, пожалуй, отниметъ этотъ негодяй.

Увѣряю тебя, Томъ, мнѣ ужасно хочется отдѣлать его,—мнѣ просто было-бы легче потомъ.

— Нѣтъ, Джорджъ, не дѣлайте этого!.. Мнѣ же будетъ хуже...

— Ну, хорошо, не буду! — говорилъ Джорджъ, старательно завязывая шнурокъ на шеѣ Тома.—Вотъ такъ!.. Застегнись теперь плотнѣе, да смотри, береги его. Каждый разъ, какъ взглянешь на него, вспоминай, что я пріѣду и увезу тебя назадъ, домой. Мы ужь обо всемъ условились съ Хлоей. Я сказалъ ей, чтобъ она не плакала. Я беру это дѣло на себя. Я житья никому въ домѣ не дамъ, если не сдѣлаютъ по-моему!..

— Ахъ, Джорджъ, какъ можно такъ говорить! — замѣтилъ Томъ и принялся убѣдительно доказывать, что истинный джентльменъ, прежде всего, долженъ почтительно относиться къ своимъ родителямъ.

— Обѣщаю тебѣ, дядя Томъ, что буду истинно хорошимъ человѣкомъ. Буду стараться сдѣлаться такимъ, что чудо! А ты, дядя Томъ, не унывай: я непремѣнно возвращу тебя. Я ужь сегодня утромъ обѣщалъ тетушкѣ Хлоѣ, что заново отдѣлаю тебѣ домъ, устрою въ немъ гостиную съ обоями и ковромъ... Погоди, Томъ, вотъ только выросту—и для тебя наступятъ красные дни!

Въ это время въ дверяхъ кузницы показался Гели съ желѣзными кандалами въ рукахъ.

— Послушайте, милостивый государь,—проговорилъ Джорджъ, слѣзая съ повозки и обращаясь къ нему съ гордымъ видомъ и большимъ достоинствомъ: — я разскажу моимъ родителямъ, какъ вы обращаетесь съ дядей Томомъ!..

— Премного обяжете,—сухо отвѣтилъ торговецъ.

— Удивляюсь, какъ вамъ не опротивѣетъ весь вѣкъ скупатъ людей и заковывать ихъ, словно безсловесную тварь? Пора бы, кажется, понять, какъ это низко!..

— Пока богатые люди не стыдятся покупать людей,—я ничуть не хуже ихъ,—отвѣтилъ Гели.—Покупать людей ничуть не хуже, чѣмъ продавать ихъ.

— Когда я выросту, я не буду дѣлать ни того, ни другого. Съ этого дня я стыжусь, что родился въ Кентукки, между тѣмъ какъ прежде я гордился своею родиной.

Говоря это, Джорджъ такъ гордо оглянулся, будто ожидалъ, что весь Кентукскій штатъ придетъ въ волненіе отъ его словъ.

— Прощай-же, дядя Томъ! Смотри, не унывай!— проговорилъ онъ въ заключеніе, сидя уже на верховой лошади.

— Прощайте, г-нъ Джорджъ, — отвѣтилъ Томъ, провожая его взоромъ, полнымъ восторженной любви.—Всемогущій Богъ да благословитъ васъ!..

— О, въ Кентукки не много найдется такихъ молодыхъ людей, какъ этотъ! — прибавилъ Томъ отъ избытка чувствъ, когда благородное отроческое лицо юнаго его друга исчезло за поворотомъ дороги.

Томъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся всаднику, пока вдали не замеръ послѣдній стукъ копытъ—прощальный звукъ, послѣдній слѣдъ родной стороны для Тома...

Оставимъ пока дядю Тома и посмотримъ — что́ дѣлаютъ другія, знакомыя уже намъ лица.

ГЛАВА XI.

Непредвидѣнная встрѣча.

БЫЛЪ сырой, поздній осенній вечеръ. У маленькаго деревенскаго трактира, въ селеніи Н*, въ штатѣ Кентукки, остановился путешественникъ.

Въ общей залѣ онъ нашелъ разнообразное общество, искавшее убѣжища отъ непогоды. Здоровые, рослые кентукійцы въ охотничьихъ блузахъ безцеремонно расположились въ слишкомъ ужь свободныхъ позахъ. Ружья, поставленныя въ уголъ, ягташи, пороховницы, охотничьи собаки и мальчишки-негры, сбившіеся въ кучи,—дополняли картину.

Въ это общество вошелъ путешественникъ, маленькій, коренастый человѣкъ, съ круглымъ, добродушнымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ довольно тщательно, и въ его фигурѣ чувствовалось что-то оригинальное.

Онъ проявлялъ такую заботливость къ своему чемодану и зонтику, что собственноручно внесъ ихъ въ комнату, не допуская къ нимъ слугъ, желавшихъ помочь ему. Окинувъ залу тревожнымъ взоромъ, онъ прошелъ въ самый теплый уголъ, помѣстилъ обѣ свои ноши подъ стулъ, сѣлъ на него и не безъ тревоги посмотрѣлъ на джентльмена, каблуки котораго красовались на каминѣ, которой безъ разбора плевалъ направо и налѣво такъ энергично, что возбуждалъ невольный ужасъ въ людяхъ слабонервныхъ и опрятныхъ.

— Какъ поживаете, иностранецъ? — спросилъ джентльменъ, посылая цѣлый залпъ табачнаго сока

въ сторону новоприбывшаго, какъ-бы въ видѣ привѣтствія.

— Не дурно, — отвѣтилъ тотъ, заботливо сторонясь отъ угрожавшаго ему плевка.

— Что новенькаго? — продолжалъ первый, вытаскивая изъ кармана свертокъ табаку и большой охотничій ножъ.

— Ничего новаго не знаю.

— Жуете?—спросилъ первый, подавая ему кусокъ табаку съ братскимъ добродушіемъ.

— Благодарю... Не употребляю, — отвѣтилъ маленькій господинъ.

— Нѣтъ, не жуете?—и джентльменъ тутъ-же отправилъ табакъ въ собственый ротъ, чтобы извлечь изъ него сокъ.

Новоприбывшій, пожилой уже господинъ, не могъ удержаться отъ содроганія при всякомъ плевкѣ, направленномъ сосѣдомъ въ его сторону. Это, наконецъ, было замѣчено послѣднимъ. Онъ очень добродушно повернулъ свою батарею въ противную сторону и принялся бомбардировать одну изъ каминныхъ перекладинъ.

— Что это значитъ?—спросилъ пожилой джентльменъ, замѣтивъ, что нѣсколько человѣкъ столпились около большой афиши.

— Бѣглый негръ, — отвѣтилъ кто-то изъ читавшихъ.

Мистеръ Уильсонъ,—такъ звали пожилого господина, всталъ, заботливо поправилъ свой чемоданъ и зонтикъ, не торопясь вынулъ очки и, водрузивъ ихъ на своемъ носу, прочелъ слѣдующее:

«Въ бѣгахъ отъ нижеподписавшагося молодой му-

латъ, по имени Джорджъ. Ростомъ 6 футовъ, кожа очень свѣтлая, волосы темные, курчавые. Очень смышленъ, краснорѣчиво говоритъ, умѣетъ читать и писать. Вѣроятно, будетъ выдавать себя за бѣлаго, но на спинѣ и плечахъ глубокіе шрамы, на правой-же рукѣ выжжена буква Н.

«Четыреста долларовъ тому, кто представитъ мнѣ его живымъ; столько-же за вѣрное доказательство, что онъ убитъ».

Старый джентльменъ отъ начала до конца прочелъ это извѣщеніе вполголоса, какъ-бы желая заучить его.

Длинноногій джентльменъ, бомбардировавшій каминную перекладину плевками, тоже побезпокоилъ свою объемистую, неуклюжую особу, вытянулся во весь ростъ, подошелъ къ афишѣ и пустилъ въ нее полный зарядъ табачнаго соку.

— Такъ вотъ же тебѣ!—лаконически проговорилъ онъ и опять сѣлъ на прежнее свое мѣсто.

— Для чего вы это, иностранецъ?—обратился къ нему хозяинъ трактира.

— То-же самое продѣлалъ бы я и съ самимъ писакой, еслибы онъ былъ тутъ,—отвѣтилъ длинноногій, принимаясь опять за рѣзанье табаку. — Если владѣлецъ этого молодца не сумѣлъ лучше обходиться съ нимъ,—значитъ, не на кого ему и пенять. Такія объявленія—безчестіе для нашего штата. Такъ я думаю, если кому интересно знать это.

— Дѣльно! — отозвался трактирщикъ, записывая приходъ въ счетную книгу.

— У меня, сударь, цѣлая куча негровъ, — продолжалъ длинноногій. снова принимаясь осаждать

каминную рѣшетку.—Я иногда говорю имъ: «Ребята, бѣгайте, работайте, отдыхайте, когда вамъ вздумается! Не ждите отъ меня присмотра за собой!» Такъ я поступаю съ ними. Если они знаютъ, что вольны бѣжать во всякое время,—у нихъ и охоты не будетъ бѣжать. Мало того, у меня для каждаго изъ нихъ приготовлены отпускные листы на случай моей смерти. Они знаютъ это,—и я увѣряю васъ, иностранецъ, что въ нашемъ краѣ никто не извлекаетъ изъ своихъ негровъ такой пользы, какъ я. Я посылалъ, напримѣръ, въ Синсиннети жеребятъ на пятьсотъ долларовъ со своими молодцами. И что-же? Они въ срокъ привезли мнѣ деньги копѣйка-въ-копѣйку. Такъ и быть должно: если поступаешь съ неграми какъ съ собаками,—и они дѣлаютъ все по-собачьи; если обращаешься съ ними по-людски, — и они относятся къ тебѣ, какъ люди.

— Вы правы, другъ мой, — замѣтилъ мистеръ Уильсонъ. — Описанный въ афишѣ мулатъ дѣйствительно славный малый, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Лѣтъ шесть онъ работалъ у меня на холщевой фабрикѣ и былъ правою моей рукою. Онъ къ тому-же весьма даровитъ: выдумалъ очень удачную машину для чесанія пеньки. Она пригодилась и для другихъ фабрикъ, а господинъ его получилъ привилегію.

— Ну, вотъ видите, — отозвался длинноногій: — привилегію получилъ и деньгу наживаетъ, а самъ взялъ да и заклеймилъ молодцу правую руку. О, если-бы дали мнѣ волю—я налѣпилъ бы этому хозяину такое клеймо, что онъ и во вѣкъ не стеръ бы его.

— Ужь эти ученые негры! Всегда набѣдокурятъ и напутаютъ,—замѣтилъ съ другого конца комнаты

господинъ очень грубой наружности.—Поэтому-то ихъ и клеймятъ. Будь они смирны,—этого никогда-бы съ ними не случалось.

— Значитъ, что Богъ сотворилъ людьми, то обратить въ скотовъ?... Это очень мудрено! — сухо возразилъ первый джентльменъ.

Разговоръ на эту тему обѣщалъ затянуться, но былъ прерванъ приближенiемъ къ трактиру маленькаго экипажа въ одну лошадь. Въ щегольскомъ экипажѣ сидѣлъ изящно одѣтый джентльменъ красивой наружности, съ негромъ на козлахъ. Бывшее въ трактирѣ общество съ любопытствомъ принялось разсматривать новоприбывшаго.

Онъ былъ высокаго роста, смуглъ лицомъ, какъ испанецъ, съ прекрасными, выразительными глазами и сильно-вьющимися, черными, блестящими волосами. По красивому носу, ровнымъ, тонкимъ губамъ и вообще изящному сложенiю, общество заключило, что онъ былъ человѣкъ не простой.

Онъ свободно вошелъ, движенiемъ головы указалъ слугѣ мѣсто для чемодана, поклонился бывшимъ въ трактирѣ и, со шляпой въ рукѣ, не торопясь, подошелъ къ конторкѣ и объявилъ свое имя: «Генри Ботлеръ, изъ Окланда, въ графствѣ Шельби». Повернувшись послѣ этого съ равнодушнымъ видомъ, онъ увидѣлъ газетное объявленiе и прочелъ его отъ начала до конца.

— Джимъ! — обратился онъ къ своему слугѣ, — кажется, въ Берненѣ мы встрѣтили человѣка, очень сходнаго съ этимъ? Не такъ-ли?

— Да, сударь, — отвѣтилъ Джимъ, — только я не замѣтилъ знака на рукѣ.

— Я тоже не обратилъ вниманія, — проговорилъ пріѣзжій, безпечно зѣвнувъ.

Онъ подошелъ къ трактирщику и попросилъ особую комнату, сказавъ, что ему нужно писать.

Хозяинъ, въ знакъ особенной любезности, отрядилъ семь человѣкъ негровъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, мелкихъ и крупныхъ, которые засуетились, какъ стая куропатокъ, принялись торопливо бѣгать, отдавливая другъ другу ноги, даже

кувыркаясь одинъ черезъ другого, — такъ ревностно приготовляли они комнату для новопріѣзжаго джентльмена. Онъ между тѣмъ спокойно сидѣлъ среди комнаты и разговаривалъ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ.

Фабрикантъ-же, мистеръ Уильсонъ, съ момента прибытія этого господина, не переставалъ смотрѣть на него съ безотчетно-тревожнымъ любопытствомъ. Ему казалось, что онъ гдѣ-то встрѣчалъ его, но гдѣ именно — не могъ припомнить. Всякій разъ, какъ этотъ господинъ говорилъ, двигался или улыбался, мистеръ Уильсонъ дѣлалъ невольное движеніе и пристально взглядывалъ на него, но тотчасъ-же опускалъ глаза, какъ-только встрѣчался съ черными, блестящими глазами незнакомца, смотрѣвшими на него съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Но вдругъ, какъ-бы озаренный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ взглянулъ на пріѣзжаго съ такимъ изумленіемъ и страхомъ, что тотъ подошелъ къ нему.

— Кажется, мистеръ Уильсонъ, — проговорилъ онъ, обращаясь къ нему и протягивая руку.—Извините, я не узналъ васъ раньше. Но я вижу, что вы меня узнали: Ботлеръ, изъ Окланда, въ графствѣ Шельби.

— Да... да... сэръ,—отвѣтилъ мистеръ Уильсонъ, словно во снѣ.

Вошелъ мальчикъ-негръ и объявилъ, что комната готова.

— Джимъ, смотри за поклажей! — проговорилъ джентльменъ небрежно и, обращаясь къ Уильсону, прибавилъ:—Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы пожаловали на нѣсколько минутъ въ мою комнату. Мнѣ необходимо переговорить съ вами кое-о-чемъ.

Мистеръ Уильсонъ послѣдовалъ за нимъ, какъ во снѣ. Они вошли наверхъ, въ большую комнату, гдѣ въ каминѣ пылалъ огонь и продолжали еще суетиться слуги, доканчивая уборку.

Когда все было окончено и слуги разошлись, молодой человѣкъ тщательно заперъ дверь, положилъ

ключъ въ карманъ, обернулся и, скрестивъ руки на груди, посмотрѣлъ прямо въ лицо мистеру Уильсону.

— Джорджъ!—вскричалъ тотъ.

— Да, Джорджъ,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Этого я никакъ не ожидалъ!

— Кажется, я не дурно преобразился,—прогово-

рилъ молодой человѣкъ съ улыбкой. — Орѣховой корой я придалъ желтой своей кожѣ красивый, смуглый отливъ; волосы-же выкрасилъ въ черный цвѣтъ. Какъ видите, я не имѣю ничего общаго съ примѣтами, выставленными въ афишѣ.

— О, Джорджъ!... Это чрезвычайно опасная игра!... Я совѣтовалъ бы тебѣ...

— Одинъ я въ отвѣтѣ за это! — проговорилъ Джорджъ съ гордой улыбкой.

Перемѣнивъ немного цвѣтъ кожи и волосъ, онъ, какъ мы уже знаемъ, преобразился въ испанца. Природа же наградила его граціей движеній и благородною осанкой, такъ что ему не трудно было разыграть смѣлую роль, за которую онъ взялся, — роль путешествующаго со своимъ слугой джентльмена.

Мистеръ Уильсонъ, какъ человѣкъ, хотя и добродушный, но до крайности боязливый и осторожный, тревожно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо озабоченный. Повидимому, онъ сильно колебался между желаніемъ помочь Джорджу и довольно смутнымъ чувствомъ долга и законности.

— Итакъ, Джорджъ,—заговорилъ, наконецъ, Уильсонъ, — ты бѣжишь отъ своего законнаго господина. Это меня не удивляетъ, но мнѣ все-таки прискорбно это, Джорджъ... Да, рѣшительно я думаю, что обязанъ сказать тебѣ это... Долгъ повелѣваетъ мнѣ говорить такъ...

— Что-же именно прискорбно вамъ, милостивый государь?—спокойно спросилъ Джорджъ.

— А то, что ты поступаешь противъ законовъ своего родного края.

— *Моего* родного края!—гордо повторилъ Джорджъ,

но съ горечью. — Гдѣ-же этотъ «мой» родной край, какъ не въ могилѣ? И какъ жаль, что я уже не лежу тамъ!...

— О нѣтъ, Джорджъ, нѣтъ! Этого не надо! Не слѣдуетъ говорить такъ: это противно Священному Писанію. Правда, у тебя дурной господинъ... Онъ поступаетъ очень предосудительно, и я не желаю защищать его. Но ты знаешь, что ангелъ явился Агари и приказалъ ей возвратиться къ своей госпожѣ и покориться ей... И апостолъ тоже отослалъ Онисима обратно къ его хозяину.

— Не говорите мнѣ этого, мистеръ Уильсонъ! — проговорилъ Джорджъ, и глаза его засверкали.—Пожалуйста, не говорите! Моя жена христіанка и я тоже буду истиннымъ христіаниномъ, какъ-только добьюсь своей цѣли... Я призываю всемогущаго Бога, готовъ предстать къ Нему на судъ и спросить Его: правъ-ли я, ища свободы?...

— Все это понятно, Джорджъ,—сказалъ добродушный старикъ, сморкаясь. — Но я обязанъ не потворствовать этимъ чувствамъ. Да, мой любезный, мнѣ очень жаль тебя: это — крайне плохая штука!... Каждый обязанъ покориться тому положенію, въ которомъ онъ находится... Не такъ-ли?...

Джорджъ стоялъ, откинувъ голову, крѣпко скрестивъ руки на своей могучей груди и съ горькою улыбкой на устахъ.

— Представьте, мистеръ Уильсонъ, что индѣйцы пришли бы и забрали васъ въ плѣнъ, увезли бы далеко отъ жены и дѣтей и всю жизнь изнуряли бы васъ работой. Скажите—считали-ли бы вы обязательнымъ для себя покориться такому положенію? Я ду-

маю, что вы первую попавшуюся лошадь сочли-бы за указаніе Божіе... Не такъ-ли?

Не ожидая такого доказательства, маленькій старичокъ только выпучилъ глаза. Не обладая большимъ умомъ, онъ отличался драгоцѣннымъ качествомъ: переставалъ говорить, когда нечего было сказать.

— Вотъ видишь-ли, Джорджъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, — я всегда былъ твоимъ другомъ, я говорю для твоей же пользы. Мнѣ кажется, ты страшно рискуешь. Тебѣ нельзя разсчитывать на счастливый исходъ дѣла. Если-же поймаютъ тебя, — будетъ еще хуже, чѣмъ прежде: тебя замучатъ до полусмерти и продадутъ на низовье.

— Все это я знаю,—отвѣтилъ Джорджъ,—знаю, что страшно рискую. Но... — онъ разстегнулъ верхнее платье и показалъ два пистолета и кривой кинжалъ.—Вотъ!—прибавилъ онъ. — Я на все готовъ... Но на югъ я никогда не пойду! Нѣтъ, — если дѣло дойдетъ до этого, — я сумѣю пріобрѣсть хоть шесть футовъ земли*)—первую и единственную мою собственность въ Кентукки.

— Но такое состояніе духа ужасно! Вѣдь это уже отчаяніе, Джорджъ! Я очень огорченъ этимъ и еще разъ говорю тебѣ, что ты идешь противъ законовъ своей родины.

— Опять — *моя родина!*... Мистеръ Уильсонъ! У васъ есть родина, но какая-же родина у меня и у всѣхъ, подобныхъ мнѣ, рожденныхъ отъ невольницъ?... Какіе законы ограждаютъ насъ?... Не мы ихъ писали, не мы утвердили!... Что общаго между ними и нами?...

---

*) Т.-е. могилу.

— Это нехорошо, Джорджъ. Я говорю съ тобою какъ другъ: брось эти мысли,—онѣ очень вредны для молодыхъ людей твоего состоянія, весьма вредны!—и мистеръ Уильсонъ, сѣвъ у стола, судорожно дергалъ ручку своего зонтика.

— Посмотрите, мистеръ Уильсонъ, — сказалъ Джорджъ, подойдя къ нему и садясь противъ него,— посмотрите на меня: ну, не такой-же ли я человѣкъ, какъ и вы? Посмотрите на мое лицо и руки, на всю мою фигуру!—и молодой человѣкъ съ достоинствомъ выпрямился.—Развѣ-же я не человѣкъ?.. А теперь— выслушайте, чтó я разскажу. Отецъ мой, одинъ изъ вашихъ кентукскихъ джентльменовъ, не позаботился обо мнѣ даже настолько, чтобы меня не продали вмѣстѣ съ собаками и лошадьми, для уплаты долговъ, послѣ его смерти. На моихъ глазахъ шерифъ *) продалъ мою мать и семерыхъ ея дѣтей. Всѣ они, въ ея присутствіи, были распроданы по-одиночкѣ разнымъ владѣльцамъ. Я — самый младшій. Она подошла къ старому господину и на колѣняхъ просила его купить ее вмѣстѣ со мною, чтобы осталось при ней хоть одно дитя, но онъ оттолкнулъ ее своимъ грубымъ сапогомъ. Я видѣлъ, какъ онъ сдѣлалъ это, и въ послѣдній разъ слышалъ ея вопли и рыданія, пока привязывали меня къ его сѣдлу... Онъ увезъ меня въ свое помѣстье.

— А далѣе?..

— Мой владѣлецъ сторговался съ другимъ и перекупилъ у него старшую мою сестру. Она была богобоязненная, добрая дѣвушка, принадлежала къ сектѣ

---

*) Главный судья графства или округа.

баптистовъ и была такая-же красавица, какъ и несчастная моя мать. Она получила хорошее воспитаніе и обладала прекрасными манерами. Сперва я былъ очень радъ, что ее купили, потому что около меня было хоть одно родное существо. Но скоро я пересталъ радоваться этому... Я стоялъ у двери и слышалъ, какъ ее били плетью... Мнѣ казалось, что каждый ударъ врѣзывался въ мое сердце, — и я ничѣмъ не могъ помочь ей. Били же ее, сэръ, за то, что она хотѣла оставаться честною христіанскою дѣвушкой, тогда какъ, по вашимъ законамъ, невольница не имѣетъ права на это!.. Наконецъ, ее заковали и, вмѣстѣ съ партіей другихъ продаваемыхъ рабовъ, отправили на Орлеанскій рынокъ... Я уже не видалъ ее болѣе. Прошло много лѣтъ. Я выросъ, не зналъ ни отца, ни матери, ни сестры, не видалъ ни одной живой души, которая заботилась бы обо мнѣ хоть немножко побольше, чѣмъ о собакѣ. Меня только били, бранили и морили голодомъ. Сэръ, я бывалъ такъ голоденъ, что съ жадностью подбиралъ кости, бросаемыя собакамъ!.. Но когда я еще ребенкомъ проплакивалъ цѣлыя ночи напролетъ, то плакалъ не отъ голода и не отъ побоевъ. Нѣтъ, я плакалъ о своей матери и сестрахъ, о томъ, что не было на свѣтѣ никого, кто любилъ бы меня. Я никогда не зналъ покоя и отрады, никто не сказалъ мнѣ ласковаго слова до тѣхъ поръ, пока я не началъ работать на вашей фабрикѣ. Вы, мистеръ Уильсонъ, обходились со мною хорошо. Вы наставили меня на добрый путь, внушили мнѣ охоту учиться грамотѣ, возбудили во мнѣ желаніе сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ, — и Богу извѣстно, какъ благодаренъ я вамъ

за это! Затѣмъ, я нашелъ себѣ жену. Вы видѣли ее, вы знаете, какъ она хороша! Когда я узналъ, что она любитъ меня, когда я женился на ней,—я былъ такъ счастливъ, что едва могъ вѣрить своему счастью! Жена моя, сэръ, такъ-же прекрасна душою, какъ и наружностью. И что же? Мой хозяинъ, безъ всякой причины, вдругъ оторвалъ меня отъ дѣла, отъ друзей, отъ всего, что́ я любилъ, и сталъ топтать меня въ самую грязь!.. Но за что́-же? А только за то, что я будто-бы забылъ, *кто я такой*, и онъ нашелъ нужнымъ напомнить мнѣ, что я — не болѣе, какъ негръ! Наконецъ, онъ разлучаетъ меня съ женою, велитъ оставить ее и требуетъ, чтобы я жилъ съ другою женщиной. И на все это онъ имѣетъ право по вашимъ законамъ!.. Замѣтьте, мистеръ Уильсонъ: все, что̀ сдѣлало несчастными мою мать, сестру, меня самого, оправдывается вашими законами, которые даютъ эти права всякому кентукійцу, и никто не можетъ противорѣчить имъ. Это-ли вы называете законами *моего родного края?* Сэръ, у меня нѣтъ родины, какъ нѣтъ и отца! Но я хочу, чтобы *у меня была родная сторона*. Отъ *вашей* я требую только одного — чтобы она оставила меня въ покоѣ и не мѣшала удалиться. Когда я достигну Канады, гдѣ законъ признàетъ и защититъ меня, — я назову ее *своею родиной* и буду повиноваться всѣмъ ея законамъ. И горе тому, кто вздумалъ-бы остановить меня, потому что я доведенъ до отчаянія! Я буду защищать свою свободу до послѣдней капли крови. Вѣдь вы же гордитесь, что отцы ваши поступали такъ? Если они были правы—правъ и я!..

Эта рѣчь, произнесенная со слезами, съ пламе-

немъ въ глазахъ и отчаянными жестами, произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе на стараго добряка. Онъ вытащилъ изъ кармана большой желтый шелковый платокъ и энергически вытиралъ имъ лицо.

— Прахъ ихъ возьми! — проговорилъ онъ наконецъ. — Не говорилъ-ли я этимъ старымъ чертямъ... Господи, прости мое прегрѣшеніе! Ну, убѣгай, Джорджъ, убѣгай! Только будь-же остороженъ, мой милый... Не стрѣляй ни въ кого, Джорджъ, развѣ ужь... того... Но мнѣ кажется — все-таки лучше не стрѣлять... По крайней мѣрѣ, такъ, знаешь-ли, чтобы не совсѣмъ убить... А гдѣ твоя жена, Джорджъ? — прибавилъ онъ вдругъ, порывисто вставъ и шагая по комнатѣ.

— Ушла! ушла съ ребенкомъ на рукахъ!.. Одному Богу извѣстно, гдѣ она!.. Кто знаетъ, гдѣ мы встрѣтимся съ нею и встрѣтимся-ли еще когда-нибудь!..

— Какъ это могло случиться? Непостижимо! Ушла изъ такого прекраснаго семейства?

— Прекрасныя семейства входятъ въ долги, а законы *вашего* отечества позволяютъ отрывать ребенка отъ груди матери и продавать его за долги хозяина! — съ горечью отвѣтилъ Джорджъ.

— Такъ, такъ! — проговорилъ честный старикъ, шаря въ карманахъ. — Положимъ, что я... того... нарушу свои правила... Но — провались они, эти правила! не хочу я болѣе имъ слѣдовать!.. Вотъ что, Джорджъ! — и, вытащивъ изъ кармана цѣлую пачку банковыхъ билетовъ, онъ подалъ ихъ Джорджу.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрѣйшій мистеръ Уильсонъ! — возразилъ Джорджъ. — Вы и такъ слишкомъ много

сдѣлали для меня,—я боюсь, чтобы это не повредило вамъ. У меня достаточно денегъ, чтобы пробраться, куда нужно.

— Нѣтъ, это необходимо, Джорджъ! Деньги—великая подмога во всякомъ дѣлѣ. Онѣ никогда не лишни, если честно добыты. Возьми ихъ, мой милый, пожалуйста, возьми!..

— Съ условіемъ, что я впослѣдствіи отдамъ вамъ. Въ такомъ случаѣ, позвольте!—сказалъ Джорджъ, принимая билеты.

— А кто этотъ черный молодецъ съ тобою?

— Это вѣрный товарищъ. Съ годъ тому назадъ, онъ ушелъ въ Канаду. Узнавъ, что побѣгъ этотъ такъ взбѣсилъ его хозяина, что тотъ билъ бѣдную его мать-старуху,—бѣглецъ возвратился, чтобъ утѣшить ее или даже увести.

— И увелъ?

— Нѣтъ еще: не выпадало удобнаго случая. Пока онъ проводитъ меня до Огайо и сдастъ надежнымъ людямъ, которые уже помогали ему. Потомъ воротится за матерью.

— Опасно, изумительно опасно!..

Джорджъ выпрямился и презрительно улыбнулся. Старый джентльменъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы съ простодушнымъ изумленіемъ.

— Что-то необыкновенное случилось съ тобою, Джорджъ. Теперь ты какъ-то совершенно иначе смотришь, говоришь и ходишь. Ты — совсѣмъ иной человѣкъ!..

— Это потому, что я — свободный человѣкъ!— гордо отвѣтилъ Джорджъ.—Да, сударь, никого ужь не буду болѣе называть своимъ господиномъ!..

— Охъ! нужно быть осторожнымъ... Вѣдь могутъ и поймать!..

— Ужь если на это пошло,—всѣ люди свободны и равны въ могилѣ! — рѣшительно проговорилъ Джорджъ.

— Твоя смѣлость изумляетъ меня! Съ какой стати ты пріѣхалъ именно сюда, въ ближайшій трактиръ?

— Потому, что это такъ дерзко, и трактиръ такъ близокъ, что о немъ и не вспомнятъ, а будутъ искать гораздо дальше...

— Кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, какъ подумаю!.. Какъ можно такъ рисковать! — проговорилъ добрякъ.

— Моя кровь стыла долгіе годы, мистеръ Уильсонъ, но теперь она кипитъ,—отвѣтилъ Джорджъ.— И такъ, мой добрый сэръ, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — я замѣтилъ, что вы узнали меня, и рѣшился откровенно поговорить съ вами, чтобы ваши удивленные взгляды не выдали меня. Я выѣзжаю завтра рано утромъ, до разсвѣта; завтра же вечеромъ надѣюсь спокойно и безопасно уснуть въ Огайо. Я поѣду среди бѣлаго дня, буду останавливаться въ лучшихъ гостиницахъ и обѣдать за общимъ столомъ со здѣшними негровладѣльцами. И такъ, прощайте! Если вы услышите, что я пойманъ, — знайте, что меня ужь нѣтъ болѣе въ живыхъ!..

Джорджъ стоялъ «неколебимый, какъ утесъ». Онъ величественно протянулъ руку, и дружественный ему старичокъ съ искреннимъ чувствомъ пожалъ ее. Высказавъ еще нѣсколько предостереженій, онъ взялъ свой зонтикъ и поплелся вонъ изъ комнаты.

— Мистеръ Уильсонъ, еще одно слово! — окликнулъ его молодой человѣкъ.

— Что, Джорджъ?

— Вы правы: я, дѣйствительно, ужасно рискую. Если я умру, — ни одна душа не пожалѣетъ объ этомъ, — прибавилъ онъ, съ трудомъ дыша и произнося слова съ видимымъ усиліемъ. — Меня бросятъ въ яму, зароютъ, какъ собаку, и на другой день всѣ забудутъ обо мнѣ, кромѣ несчастной моей жены! Она, горемычная, будетъ весь свой вѣкъ плакать. Не найдете-ли возможнымъ, мистеръ Уильсонъ, переслать ей какъ-нибудь эту маленькую булавку? Она подарила мнѣ ее на святкахъ! Отдайте ей эту булавку и скажите, что я любилъ ее до конца! Сдѣлайте это! Сдѣлаете?—настойчиво прибавилъ онъ.

— Ну, разумѣется, мой несчастный другъ!—отвѣтилъ старый джентльменъ съ влажными отъ слезъ глазами, принимая булавку.

— Скажите ей еще, — продолжалъ Джорджъ, — какъ послѣднюю мою волю: пусть пробирается въ Канаду, если возможно... Пусть сына она воспитываетъ свободнымъ человѣкомъ,—тогда онъ не будетъ терпѣть того, что я выстрадалъ. Вы скажете ей все это?

— Да, Джорджъ, скажу. Но я надѣюсь, что ты не умрешь. Мужайся, ты славный малый! Надѣйся на Бога, Джорджъ! Отъ всего сердца желаю, чтобы ты благополучно убрался отсюда!

— Благодарю васъ за это пожеланіе, мой благороднѣйшій другъ!..

ГЛАВА XII.

Случайности законной торговли.

Гласъ въ Рамѣ слышенъ, плачъ и рыданіе, и вопль великій: Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ, и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ.
Матѳ. II, 18.

Гели и Томъ продолжали катить на своей тележкѣ. Каждый изъ нихъ былъ погруженъ въ свои собственныя размышленія.

Мистеръ Гели, напримѣръ, соображалъ длину, ширину и размѣры Тома, высчитывалъ, сколько можно получить, если представить его на рынокъ сытымъ и что-называется въ тѣлѣ.

Томъ же безпрестанно повторялъ слѣдующія строки одной очень старой книги: «здѣсь нѣтъ у насъ постоянной обители, но мы ищемъ обители грядущей; потому самъ Господь не постыдится быть нашимъ Господомъ, ибо Онъ уготовалъ намъ обитель».

Мистеръ Гели вынулъ изъ кармана нѣсколько листковъ различныхъ газетъ и съ величайшимъ вниманіемъ началъ просматривать объявленія. Онъ былъ не силенъ въ грамотѣ, а потому читалъ какъ-то нараспѣвъ, вполголоса, словно для того, чтобы ушами провѣрить то, что̀ видѣли глаза. Онъ медленно прочелъ слѣдующія строки:

«Аукціонная продажа. Негры! По опредѣленію суда, во вторникъ, 20 февраля, у дверей судейскаго дома въ Вашингтонѣ, въ Кентукки, будутъ распродаваться слѣдующіе негры: Агарь — 60 лѣтъ; Джонъ — 30 лѣтъ; Бенъ — 21 года; Саулъ — 25 лѣтъ; Альбертъ —

14 лѣтъ. Продаются въ пользу кредиторовъ и наслѣдниковъ умершаго Джесса Блочфорда, эсквайра.

«Душеприказчики:

«Самуилъ Моррисъ.

«Томасъ Флинтъ».

— Это надо будетъ посмотрѣть, — сказалъ Гели, обращаясь къ Тому.—Вотъ видишь, Томъ, я теперь стану набирать отличную артель и тебя присоединю къ ней: будетъ людно и весело. Въ хорошей компаніи все-же лучше, какъ ты самъ знаешь. Прежде всего, мы поѣдемъ прямо въ Вашингтонъ. Тамъ я запру тебя въ каморку, пока буду заниматься дѣломъ!..

Томъ кротко выслушалъ это извѣщеніе. Онъ въ это время думалъ про-себя: были-ли жены и дѣти у продаваемыхъ негровъ и каково имъ было разставаться съ ними?.. Откровенное заявленіе о томъ, что его посадятъ въ тюрьму, очень непріятно подѣйствовало на бѣдняка, который всегда гордился честною и безпорочною своею жизнью.

На другой день, часовъ въ одиннадцать, у входа въ судейскій домъ собралась порядочная толпа людей, въ ожиданіи аукціона. Мужчины и женщины, назначенные въ продажу, сидѣли особо въ кучкѣ и тихо разговаривали между собою. Женщина, означенная въ объявленіи подъ именемъ Агари, была по наружности чистокровной африканкой. Ей было лѣтъ шестьдесятъ, но тяжелая работа и недуги придавали ей болѣе дряхлый видъ. Около нея стоялъ послѣдній оставшійся сынъ ея, Альбертъ, хорошенькій четырнадцатилѣтній мальчикъ. Это — единственный представитель многочисленнаго ея семейства, рас-

проданнаго и развезеннаго по южнымъ рынкамъ. Мать держалась за него дрожащими руками, съ ужасомъ и трепетомъ смотрѣла на каждаго, подходившаго осматривать его.

— Не бойся, тетка Агарь! — проговорилъ самый пожилой изъ негровъ.—Я говорилъ ужь объ этомъ съ г. Томасомъ, и онъ думаетъ, что можно такъ уладить, чтобы продать васъ вмѣстѣ.

— Почему они говорятъ, что я ужь никуда не гожусь?—воскликнула она, поднимая свои дрожащія руки.—Я еще могу быть и стряпухой, и прачкой, и поломойкой!.. Почему бы и не купить меня, если не дорого запросятъ? Скажите имъ это! Скажете, а? — настаивала она.

Въ это время Гели пробрался къ группѣ невольниковъ. Онъ подошелъ къ старому негру, раскрылъ ему ротъ, поглядѣлъ туда, пощупалъ зубы, заставилъ его встать, выпрямиться, согнуть спину и дѣлать различныя движенія, чтобы узнать силу мышцъ. Потомъ онъ перешелъ къ другому и подвергнулъ его такому-же испытанію. Наконецъ, онъ приблизился къ мальчику, потрогалъ его руки, вытянулъ ихъ, осмотрѣлъ пальцы и заставилъ его прыгать, чтобы судить о гибкости тѣла.

— Его не продаютъ безъ меня! — поспѣшно сказала старуха.—Мы съ нимъ продаемся заодно. Я еще прездоровенная, сударь, — я могу много работать, очень много!..

— Не на плантаціи ли?—проговорилъ Гели, презрительно посмотрѣвъ на нее. Довольный повидимому осмотромъ, онъ началъ расхаживать и оглядываться, засунувъ руки въ карманы и заломивъ шляпу на-бе-

крень, съ сигарою во рту, словно подготовившись къ бою.

Раздался шумъ въ толпѣ. Аукціонеръ—низенькій, суетливый человѣчекъ, съ надменнымъ видомъ, про-

талкивался черезъ толпу зрителей. Старая негритянка, едва сдерживая дыханіе, инстинктивно схватилась за сына.

— Прижмись къ своей мамѣ, Альбертъ, прижмись крѣпче! Насъ купятъ вмѣстѣ,—сказала она.

— А какъ не вмѣстѣ, мама? — спросилъ мальчикъ.

— Купятъ, дитятко! Я не переживу, если не купятъ, не переживу!—съ отчаяніемъ проговорила старуха.

Громкій голосъ аукціонера, просившаго разступиться, возвѣстилъ объ открытіи торга. Мѣсто очистили; началась продажа. Негры, значившіеся въ спискѣ, были раскуплены. Цѣны доказывали, что потребность въ нихъ довольно велика на рынкѣ. Двоихъ купилъ Гели.

— Теперь твоя очередь, молодецъ!—выкрикнулъ аукціонеръ, ткнувъ мальчика своимъ молоткомъ. — Вставай и хорошенько прыгай!..

— Ради Бога, поставьте насъ вмѣстѣ! — взмолилась старая негритянка, хватаясь за сына.

— Прочь!—грубо отвѣтилъ аукціонеръ, отдернувъ ея руки.—Твоя очередь послѣ всѣхъ. Ну-ка, черномазенькій, прыгай!

Онъ толкнулъ мальчика къ подмосткамъ. Глубокій, тяжелый стонъ раздался вслѣдъ ему. Мальчикъ остановился, повернулъ голову, но некогда было останавливаться... Онъ отеръ слезы, навернувшіяся на глазахъ, и вспрыгнулъ.

Стройное тѣло, гибкіе члены и красивое личико тотчасъ возбудили конкуренцію. Пять-шесть покупателей стали надбавлять цѣну. Внимательно и боязливо смотрѣлъ онъ изъ стороны въ сторону, прислушиваясь къ голосамъ торговцевъ, пока, наконецъ, не ударилъ молотокъ. Мальчика купилъ Гели. Съ подмостокъ толкнули его къ новому хозяину, но онъ на минуту остановился и оглянулся назадъ... Не-

счастная старуха, мать его, дрожа всѣмъ тѣломъ, протягивала къ нему трепещущія руки...

— Купите и меня также! Ради милосерднаго Бога, купите меня или я умру!..

— Все равно умрешь, если и куплю!—съ насмѣшкой отвѣтилъ Гели.—Нѣтъ!—И онъ отвернулся.

Старуху купилъ другой торговецъ за безцѣнокъ. Зрители начали расходиться.

Проданные, много лѣтъ жившіе подъ одною кровлей, собрались вокругъ несчастной матери. Отчаяніе ея надрывало душу.

— Хоть-бы одного-то мнѣ оставили! Хозяинъ говорилъ, что оставитъ одного... Онъ обѣщалъ!—повторяла она голосомъ, полнымъ страданія.

— Надѣйся на Бога, тетка Агарь!—грустно проговорилъ старшій изъ негровъ.

— Легко сказать—надѣйся!—отчаянно рыдая, отвѣтила она.

— Не говори такъ, мама! не говори! — сказалъ мальчикъ.—У тебя добрый хозяинъ...

— Мнѣ все равно, все равно... Альбертъ, сыночекъ мой! Послѣднее ты мое дѣтище!.. Господи, что будетъ со мною?

— Эй! кто тамъ? Оттащите ее! — сурово приказалъ Гели.

То увѣщаніями, то силой, старшіе негры вырвали Альберта изъ страстнаго объятія убитой горемъ матери.

— Такъ-то будетъ лучше! — проговорилъ Гели, сталкивая въ кучу три свои покупки.

Вытащивъ колодки, онъ нацѣпилъ ихъ на руки негровъ; потомъ, прикрѣпивъ каждую колодку къ длинной цѣпи, погналъ ихъ въ тюрьму.

Черезъ нѣсколько дней Гели помѣстился, вмѣстѣ съ накупленными имъ невольниками, на одномъ изъ пароходовъ, плавающихъ по Огайо. Онъ только еще началъ набирать свою артель; по мѣрѣ того, какъ судно подвигалось, она должна была пополниться живымъ «товаромъ», закупленнымъ имъ самимъ или приказчикомъ его на разныхъ прибрежныхъ мѣстахъ.

«La Belle Rivière», одинъ изъ красивѣйшихъ и быстрѣйшихъ пароходовъ, когда-либо ходившихъ по рѣкѣ того-же имени, весело бѣжалъ внизъ по теченію. Надъ нимъ было ясное небо и игриво развѣвался флагъ Американской республики съ тремя звѣздами. На палубѣ толпились щегольски одѣтые леди и джентльмены, прогуливавшіеся и наслаждавшіеся прекрасною погодой. Всюду кипѣла жизнь, было шумно и радостно, кромѣ невольниковъ Гели, помѣщенныхъ, вмѣстѣ съ разною поклажей, на нижней палубѣ.

О присутствіи ихъ вскорѣ узнали и другіе пассажиры, между которыми завязался по этому поводу разговоръ. Одни искренно возмущались невольничествомъ, считая его позоромъ и срамомъ для своего отечества; другіе, напротивъ, старались подыскать ему какое-либо оправданіе.

— Безъ сомнѣнія, само Провидѣніе предназначило африканскому племени быть въ рабствѣ и всегда оставаться въ низкой долѣ,—проговорилъ съ важнымъ видомъ джентльменъ въ черномъ одѣяніи, очевидно, какой-то проповѣдникъ, сидѣвшій у наружной каюты.— Въ Писаніи сказано: «да будетъ проклятъ Ханаанъ; да будетъ онъ слугою изъ слугъ»...

— Какъ такъ, *иностранецъ?* Развѣ этотъ текстъ

только и значитъ?—спросилъ высокій человѣкъ, стоявшій возлѣ.

— Несомнѣнно. Неисповѣдимой волѣ Провидѣнія угодно было навсегда обречь это племя рабству,—и не наше дѣло оспаривать это.

— Коли такова воля Божія, то всѣмъ намъ слѣ-

дуетъ сейчасъ-же отправиться и накупить негровъ.—сказалъ высокій человѣкъ.—Не такъ-ли, господинъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Гели, который, засунувъ руки въ карманы, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ разговору.

— Я никогда не думалъ объ этомъ, — отвѣтилъ Гели: — не мое дѣло разсуждать, я человѣкъ неученый... Занимаюсь торговлей, чтобы сколотить капи-

талъ. Если я согрѣшилъ, — думаю, что еще успѣю во-время раскаяться... Вотъ и все!

Молодой человѣкъ, съ умной и выразительной физіономіей, высокій и стройный, вмѣшался въ разговоръ:

— «Поступайте съ другими такъ, какъ желаете, чтобы съ вами поступали», — сказалъ онъ и при этомъ прибавилъ:—это вѣдь тоже изъ Св. Писанія, какъ и ваше изреченіе: «Да будетъ проклятъ Ханаанъ».

— Да, это точь-въ-точь какъ въ текстѣ, *иностранецъ,* насколько нашъ братъ-бѣднякъ разумѣетъ это,— молвилъ Джонъ-барышникъ, и трубка его задымилась какъ вулканъ.

Въ этотъ моментъ судно остановилось, причаливъ къ берегу. Какая-то негритянка быстро пробѣжала по доскѣ, переложенной на берегъ, пробилась сквозь толпу, бросилась въ трюмъ, гдѣ находились невольники, и обняла съ плачемъ и рыданіемъ того изъ этого человѣчьяго товара, который при продажѣ былъ названъ—«Джономъ тридцати лѣтъ». Это былъ ея мужъ.

Молодой человѣкъ, защищавшій дѣло человѣчества и Бога, стоя и сложивъ на груди руки, смотрѣлъ на эту сцену. Онъ обратился къ мистеру Гели и проговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Любезный другъ, какъ рѣшаетесь вы вести такую торговлю?... Взгляните на этихъ несчастныхъ!.. Я такъ радъ, что ѣду для свиданія съ женой и ребенкомъ, но тотъ самый звонокъ, который подастъ сигналъ къ моему отплытію, навѣкъ разлучитъ эти несчастныя созданія... Подумайте объ этомъ! Вѣдь вы будете отвѣчать за это предъ Богомъ!..

Торговецъ невольниками молча отвернулся. Затѣмъ онъ ушелъ, задумавшись.

«Удайся мнѣ продажа еще одного, двухъ грузовъ этого товара,—думалъ онъ про себя,—я брошу этотъ торгъ!..»

Добывъ изъ кармана портфель, онъ принялся сводить итоги своихъ оборотовъ. Не одинъ Гели нашелъ въ этомъ занятіи средство успокоить тревожную совѣсть.

Пароходъ отчалилъ отъ берега и гордо понесся по волнамъ. Обыкновеннымъ пассажирамъ, повидимому, было весело. Мужчины разговаривали, смѣялись, читали, курили; женщины занимались рукодѣльемъ; дѣти играли. Пароходъ благополучно продолжалъ свой путь.

Въ одинъ прекрасный день пароходъ остановился у маленькаго городка въ штатѣ Кентукки. Гели по дѣламъ отправился на берегъ.

Томъ, которому колодки не препятствовали пройтись немного, подошелъ къ краю судна и разсѣянно смотрѣлъ на набережную. Вскорѣ онъ увидѣлъ быстро возвращавшагося Гели; съ нимъ шла негритянка съ ребенкомъ въ рукахъ. Она была вполнѣ прилично одѣта. Черный слуга несъ за ними небольшой чемоданъ. Она безпечно разговаривала съ человѣкомъ, несшимъ чемоданъ, и перешла по кландѣ на пароходъ. Раздался звонокъ, за которымъ послышался свистокъ паровой машины, и пароходъ пошелъ внизъ по рѣкѣ.

Негритянка пробралась мимо тюковъ на переднюю часть парохода, сѣла и начала забавлять своего ребенка.

Гели обошелъ раза два палубу и, усѣвшись возлѣ вновь прибывшей негритянки, довольно равнодушно вступилъ съ нею въ разговоръ.

Томъ вскорѣ замѣтилъ выраженіе печали на лицѣ женщины, разговаривавшей съ Гели отрывисто и запальчиво.

— Я не вѣрю вамъ, не хочу вамъ вѣрить! Вы меня дурачите!—волновалась она.

— Если не вѣришь мнѣ,—взгляни вотъ на это!—отвѣтилъ Гели, вынимая изъ кармана бумагу.—Это—купчая, за подписью твоего господина. Могу тебя увѣрить—я заплатилъ не дешево.

— Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы мой господинъ способенъ былъ такъ обмануть меня! — съ возрастающимъ волненіемъ говорила женщина.—Это неправда...

— Можешь спросить у всѣхъ грамотныхъ, правда-ли это. Эй! —обратился онъ къ проходившему мимо человѣку: — потрудитесь, любезный, прочесть это... Вы умѣете читать? Вотъ эта женщина не хочетъ вѣрить мнѣ, какая это бумага...

— Это — купчая крѣпость за подписью Джона Фосдика на дѣвку Люцію и ея ребенка. Актъ этотъ составленъ со всѣми должными формальностями, сколько я могу судить.

Возгласы отчаянія Люціи привлекли толпу. Гели объяснилъ собравшимся причину ея безпокойства.

— Онъ сказалъ мнѣ, что я отправляюсь въ Луизвиль на должность кухарки въ ту самую таверну, гдѣ служитъ мой мужъ... Мнѣ сказалъ это самъ господинъ. Я не вѣрю, чтобы онъ солгалъ.

— Но онъ продалъ тебя, несчастная женщина! Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—проговорилъ очень

добрый по виду человѣкъ, разсмотрѣвшій ея документъ.—Онъ, безспорно, продалъ тебя!..

— Ну, такъ и говорить не о чемъ, — отвѣтила женщина, вдругъ успокоившись и еще крѣпче прижавъ ребенка къ груди.

Она сѣла на свой сундучокъ, обернулась спиною къ толпѣ и устремила разсѣянный взоръ на волны.

— Она легко приняла это,—проговорилъ Гели. — Я вижу, что она успокоилась.

Словно тяжелый камень упалъ на сердце несчастной женщинѣ. Ребенокъ привсталъ къ ея лицу и трепалъ ея щеки своими ручонками... Она вдругъ судорожно сжала его въ своихъ объятіяхъ, и слезы медленно, одна за другою, закапали на его безсознательное, удивленное лицо...

Ребенокъ—мальчикъ десяти мѣсяцевъ—былъ крѣп-

каго сложенія, очень большой и сильный для такого возраста и крайне подвижный и живой.

— Прекрасный мальчикъ, — проговорилъ кто-то изъ пассажировъ.—Сколько ему времени?

— Десять мѣсяцевъ съ половиной,—отвѣтила мать.

Пассажиръ свистнулъ мальчику и подалъ ему палочку леденца. Ребенокъ схватилъ конфетку и поднесъ ее ко рту.

— Ишь, мошенникъ,—сказалъ пассажиръ:—смыслитъ, что сладко.

Онъ свистнулъ еще и отошелъ прочь. Перейдя на другой конецъ палубы, пассажиръ подошелъ къ Гели, сидѣвшему на грудѣ тюковъ и курившему.

Незнакомецъ зажегъ спичку и закурилъ сигару.

— Славную бабенку добыли вы гдѣ-то, г. иностранецъ, лучшаго сорта...

— Да, недурна, — отвѣтилъ Гели, пуская струю дыма.

— Намѣрены спустить на Югъ?—спросилъ пассажиръ.

Гели утвердительно кивнулъ головой, продолжая курить.

— На плантаціи?

— Да,—отвѣтилъ Гели.—У меня есть подрядъ на одну плантацію, я и думаю ее туда. Она недурная кухарка, а то можетъ лущить хлопчатую бумагу; у ней пальцы словно на то и созданы,—я осматривалъ ихъ... Вообще сбыть ее нетрудно...

— Мальчикъ-то совсѣмъ не нуженъ для плантаціи,—снова проговорилъ пассажиръ.

— Я сбуду его при первомъ случаѣ, — отвѣтилъ Гели, закуривая новую сигару.

— А какъ вы предполагаете продать его?—спросилъ пассажиръ, взлѣзая на тюки и съ комфортомъ усаживаясь на нихъ.

— Какъ сказать!.. Мальчикъ-то хоть куда; тѣло—словно камень,—не ущипнуть!..

— Положимъ, но за то сколько хлопотъ, издержекъ, пока онъ выростетъ!..

— Пустяки!.. Эта дрянь сама растетъ: за ними уходу не больше, чѣмъ за щенятами. Еще мѣсяцъ—и онъ, пожалуй, бѣгать уже начнетъ.

— У меня есть и мѣстечко, гдѣ можно бы вырастить его... Ужь не взять-ли его у васъ? У нашей кухарки извелся мальчишка на прошлой недѣлѣ, — захлебнулся въ корчагѣ, когда она пошла бѣлье вѣшать. По моему не мѣшало бы отдать ей этого на выкормку.

Гели и пассажиръ продолжали молча курить. Ни тотъ, ни другой, казалось, не желали приступить къ дѣлу. Наконецъ, пассажиръ началъ:

— Вы, вѣроятно, не разсчитываете получить за него больше десяти долларовъ, тѣмъ болѣе, что вамъ надо-же какъ-нибудь сбыть его.

Гели отрицательно покачалъ головой и презрительно плюнулъ.

— Но не за такую-же цѣну, — проговорилъ онъ, продолжая курить.

— Сколько же вы хотите за него, иностранецъ?

— Я и самъ могу воспитать его, или отдать кому на воспитаніе... Такого красиваго и статнаго не скоро найдешь. Чрезъ полгода онъ будетъ стоить сотню долларовъ; черезъ годъ, другой — за него дадутъ и двѣсти, если его выхолить какъ слѣдуетъ.

Теперь-же я не возьму за него и центомъ меньше пятидесяти.

— Это ужь черезчуръ дорого, иностранецъ!..

— Какъ вамъ угодно,—отвѣтилъ Гели.

— Дамъ тридцать и—ни цента больше.

— Если хотите сойтись,—грѣхъ пополамъ: возьмите его за сорокъ пять, — и больше я ничего не уступлю.

— Нечего дѣлать,—по рукамъ, такъ по рукамъ!—сказалъ пассажиръ, подумавъ немного.

— Вотъ и дѣло слажено, — проговорилъ Гели. — Гдѣ вы сойдете на берегъ?

— Въ Луизвилѣ.

— Прекрасно. Мы приплывемъ туда въ сумерки... Ребенокъ будетъ спать. Вы возьмете его безъ шума, безъ крика... Я люблю, чтобы все дѣлалось тихо... Терпѣть не могу шума и суматохи.

Гели получилъ слѣдуемую ему сумму и спокойно продолжалъ курить сигару.

Вечеръ былъ тихій и ясный. Пароходъ остановился у набережной Луизвиля. Женщина съ ребенкомъ на рукахъ, который теперь крѣпко спалъ, услышавъ громко произнесенное названіе города, положила свое дитя во впадину, образовавшуюся между чемоданами и тюками, подостлавъ туда свой салопъ. Потомъ она бросилась къ выходу съ палубы, въ надеждѣ, что въ числѣ прислуги изъ городскихъ гостиницъ, толпившейся у пристани, она, быть можетъ, встрѣтитъ своего мужа. Опершись на бортъ, она высунулась впередъ и устремила взоръ на движущуюся по берегу толпу. Въ это время пассажиры гурьбою проходили между нею и ея ребенкомъ.

— Самый удобный моментъ,—проговорилъ Гели, подавая незнакомцу спящаго ребенка. — Постарайтесь только, чтобы онъ не раскричался, — иначе съ дѣвкой и сладу не будетъ.

Незнакомецъ бережно взялъ купленнаго ребенка и смѣшался съ толпою.

Когда пароходъ отчалилъ отъ берега и пошелъ по рѣкѣ, женщина возвратилась на свое прежнее мѣсто. Гели сидѣлъ тамъ; ребенка не было...

— Гдѣ онъ, гдѣ?! — въ безумномъ испугѣ закричала она.

— Люси! — обратился къ ней торговецъ: — ребенокъ твой отправленъ мной... Рано или поздно надо знать тебѣ это... Тебѣ вѣдь нельзя было везти его съ собою на Югъ. Я воспользовался случаемъ и помѣстилъ его въ хорошемъ семействѣ, гдѣ его воспитаютъ лучше даже, чѣмъ ты могла бы это сдѣлать.

Люція не кричала. Ударъ попалъ въ самое ея сердце... Слова и слезы замерли.

Она словно впала въ безпамятство. Руки ея опустились, какъ омертвѣлыя. Глаза смотрѣли впередъ, но она ничего не видала... Разбитое ея сердце не находило ни слезъ, ни словъ, чтобы выразить отчаяніе.

— Я знаю, Люси,—продолжалъ Гели, — какъ это тяжело въ первую минуту; но умная, разсудительная женщина не поддается горю... Это было необходимо, и помочь этому теперь нельзя.

— Полноте, сударь, полноте!—произнесла Люція задыхающимся голосомъ.

— Ты умная женщина, Люція, — продолжалъ онъ.—Я буду добромъ поступать съ тобою и хорошо

пристрою тебя. Мы найдемъ тебѣ другого мужа... Такая красивая, какъ ты...

— Да не говорите-же мнѣ объ этомъ! — простонала Люція такимъ отчаяннымъ голосомъ, что даже Гели понялъ неумѣстность своихъ утѣшенiй.

Онъ ушелъ. Люція же отворотилась и закутала голову въ плащъ.

Гели, прохаживаясь взадъ и впередъ, останавливался по временамъ и смотрѣлъ на Люцію.

— Это на нее сильно подѣйствовало, — раздумывалъ онъ,—но она успокоится...

Томъ все это видѣлъ и слышалъ отъ начала до конца. Онъ вполнѣ понималъ, что это не можетъ кончиться добромъ, какъ невыразимая жестокость...

Настала ночь, тихая, спокойная, неподвижная, полная блеска, роскошная и безмолвная... На пароходѣ затихли и голосъ труда, и голосъ веселья—все заснуло... Томъ легъ на сундукъ и слышалъ отъ-времени-до-времени отрывочныя слова: «Что мнѣ дѣлать? Господи, Боже милосердый, помоги мнѣ!» Наконецъ, замерли и эти звуки.

Въ полночь Томъ внезапно проснулся. Что-то темное промелькнуло мимо него къ борту парохода— и, вслѣдъ за тѣмъ, послышался плескъ воды. Кромѣ него, никто не слыхалъ этого. Онъ оглянулся: мѣсто, гдѣ лежала Люція, было пусто...

Гели проснулся рано. Встревоженный отсутствіемъ Люціи, онъ обыскалъ буквально весь пароходъ, такъ что заглянулъ даже въ трубы. Наконецъ, обратился къ Тому:

— Послушай, Томъ, будь откровененъ: ты знаешь,

куда она дѣвалась, не запирайся, — я увѣренъ, что ты знаешь.

Томъ искренно разсказалъ, что зналъ.

Гели спокойно выслушалъ его сообщенiе, потому что чувства его были притуплены, и ужасающiй фактъ смерти не произвелъ на него должнаго впечатлѣнiя... О смерти Люцiи онъ могъ думать лишь со стороны матерiальныхъ убытковъ. Раздосадованный, онъ сѣлъ, взялъ свою счетную книгу и внесъ въ графу *убытковъ* Люцiю, тѣла и души которой лишился.

ГЛАВА XIII.

Колонiя квакеровъ.

Передъ нами—картина мирной жизни.

Мы въ просторной кухнѣ. Стѣны окрашены. На желтомъ, блестящемъ полу — ни пылинки. Очагъ опрятенъ и хорошо вычищенъ. Оловянная посуда горитъ какъ жаръ и напоминаетъ о лакомыхъ кушаньяхъ. Старые, зеленые, деревянные стулья; небольшiя кресла-качалки съ подушкой, сшитой изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ шерстяной матерiи, да еще старинныя кресла попросторнѣе, какъ бы приглашающiя васъ насладиться гостепрiимствомъ ихъ пуховыхъ подушекъ, — вся эта удобная мебель лучше бархатной и штофной мебели модныхъ салоновъ.

Тихо покачиваясь въ креслѣ, сидитъ за шитьемъ наша знакомая, бѣглянка-Элиза. Она похудѣла и поблѣднѣла. Цѣлый мiръ затаенныхъ заботъ и горечи

скрывается подъ тѣнью ея длинныхъ рѣсницъ, обозначаясь въ очертаніяхъ ея нѣжныхъ губъ. Юное ея сердце, подъ суровымъ ударомъ несчастія, окрѣпло, стало болѣе сильнымъ,—и это легко замѣтить, когда она поднимаетъ свои большіе каріе глаза, чтобы слѣдить за прыжками маленькаго Гарри, рѣзвящагося какъ бабочка. Въ нихъ можно прочесть сильную волю, твердую рѣшимость, чего не замѣчалось прежде.

Около нея сидитъ женщина съ большимъ оловяннымъ блюдомъ на колѣняхъ, на которое она раскладываетъ сушеные персики. Ей лѣтъ шестьдесятъ, но у нея такія черты лица, которыхъ старость не только не искажаетъ, но еще придаетъ имъ новую прелесть. Бѣлая какъ снѣгъ креповая ея шапочка—точная копія шапочекъ, которыя носятъ жены квакеровъ. Простая кисейная косынка, повязанная крестъ-накрестъ на груди, лежитъ спокойными складками. Шаль ея и платье указывали, что она принадлежала къ обществу квакеровъ (религіозной секты, признающей непосредственное внутреннее откровеніе Св. Духа въ каждомъ человѣкѣ). На кругломъ ея лицѣ разлитъ розовый румянецъ и стелется легкій пушокъ, напоминающій поверхность зрѣлаго персика. Волоса, коегдѣ посеребренные уже лѣтами, зачесаны назадъ и открываютъ высокій, спокойный лобъ. Время начертало на немъ одну только надпись: «миръ на землѣ, человѣкомъ благоволеніе». Въ ея карихъ, полныхъ блеска глазахъ видны чувство и чистота души. Стóитъ пристально вглядѣться въ нихъ, чтобы видѣть всю глубину открытаго, добраго и правдиваго ея сердца.

— Ты, Элиза, все еще думаешь отправиться въ

Канаду? — спросила она кроткимъ голосомъ, продолжая смотрѣть на свои персики.

— Да, сударыня,—рѣшительно отвѣтила Элиза.— Я должна отправиться, я не могу дольше оставаться здѣсь.

— Но что-же ты будешь тамъ дѣлать? Вѣдь нужно же подумать объ этомъ, дочь моя?

Слова *«дочь моя»* такъ естественно звучали въ устахъ Рахили Галлидей, потому что черты и выраженіе ея лица какъ нельзя болѣе согласовались съ значеніемъ слова—*«мать»*.

— Буду дѣлать все, что придется... Я надѣюсь найти какую-нибудь работу.

— Но ты вѣдь можешь оставаться здѣсь, сколько захочешь.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Элиза. — Но здѣсь я не могу уснуть спокойно (при этомъ она посмотрѣла на Гарри) и не могу остаться. Еще въ прошлую ночь снилось мнѣ, будто *этотъ человѣкъ* въѣзжаетъ на дворъ...

Она вся дрожала, произнося эти слова.

— Бѣдное дитя! — проговорила Рахиль, отирая свои глаза. — Но ты напрасно тревожишься такъ... Богу угодно было, чтобы ни одинъ бѣглецъ не былъ взятъ до сихъ поръ изъ нашего селенія, такъ не быть же твоему ребенку первымъ!...

Въ это время въ открывшихся дверяхъ показалась маленькая, кругленькая женщина съ веселымъ, цвѣтущимъ лицомъ, какъ спѣлое яблоко. Она была одѣта такъ-же, какъ Рахиль.

— Руѳь Стедманъ! — радостно проговорила Рахиль, идя къ ней навстрѣчу.—Здорова-ли ты, Руѳь?

Она дружески взяла ее за обѣ руки.

— Слава Богу, — отвѣтила Руѳь, снимая свою маленькую шляпку и платкомъ стряхивая съ нея пыль.

Это была очень миловидная дамочка, съ открытою, сіяющею физіономіей.

— Руѳь, вотъ наша пріятельница, Элиза Гаррисъ; а это—мальчикъ, о которомъ я тебѣ говорила.

— Я очень рада видѣть тебя, Элиза, очень рада!— проговорила Руѳь, пожимая ей руку, какъ-будто она была давнишнимъ другомъ, котораго та долго ожидала.—Это твой милый сынокъ? Я принесла ему гостинецъ,—сказала она, подавая ему пирожокъ, кото-

рый Гарри робко принялъ, поглядывая на нее сквозь опустившіеся на лицо кудри.

Между ними начался разговоръ о ребенкѣ Руѳи и объ общихъ ихъ знакомыхъ, при чемъ Руѳь усердно занималась вязаньемъ пестраго чулка.

Во время ихъ разговора въ комнату вошелъ Симеонъ Галлидей, высокій и плотный, въ кафтанѣ и панталонахъ изъ толстаго сукна, въ шляпѣ съ большими полями.

— Какъ поживаешь, Руѳь?—спросилъ онъ, дружески протягивая свою широкую руку къ ея маленькой, пухленькой ручкѣ.—Что подѣлываетъ Джонъ?

— Джонъ здоровъ, какъ и всѣ наши.

— Что новаго? — спросила Рахиль, сажая пироги въ печь.

— Петерсъ Стеббинсъ сказалъ мнѣ, что они будутъ сюда въ эту ночь *съ друзьями,* — отвѣтилъ Симеонъ съ значительнымъ выраженіемъ въ голосѣ, умывая руки изъ рукомойника, находившагося въ сѣняхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?— проговорила Рахиль, съ задумчивымъ видомъ взглянувъ на Элизу.

— Кажется, ты говорила мнѣ, что твоя фамилія Гаррисъ? — спросилъ Симеонъ Элизу, возвращаясь въ комнату.

Рахиль бросила взглядъ на мужа. Элиза отвѣтила дрожащимъ голосомъ:

— Да.

Страхъ преувеличивалъ въ ея глазахъ опасность: она думала, что о ней разосланы объявленія.

— *Мать!*—сказалъ Симеонъ, обращаясь къ женѣ и направляясь въ сѣни.

— Что тебѣ, *отецъ?* — отозвалась Рахиль, отирая покрытыя мукою руки и направляясь къ мужу.

— Мужъ этой женщины въ колоніи, — сказалъ онъ, — и будетъ здѣсь въ эту ночь.

— Развѣ же ты не скажешь ей, *отецъ?* — съ восторгомъ воскликнула Рахиль.

— Это несомнѣнно такъ, — продолжалъ Симеонъ. — Питеръ ѣздилъ туда вчера. Онъ нашелъ тамъ старую женщину и двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ, что зовутъ его Джорджъ Гаррисъ. Изъ разсказа его о себѣ очевидно, что это ея мужъ. Онъ хорошій, видный малый. Теперь, что-ли, сказать ей объ этомъ?

— Скажемъ прежде Руѳи, — отвѣтила Рахиль. — Руѳь, поди-ка сюда!...

Руѳь отложила работу и мигомъ очутилась около нихъ.

— Какъ ты думаешь, Руѳь? Симеонъ говоритъ, что мужъ Элизы въ ближайшемъ обществѣ и къ ночи прибудетъ сюда.

Радостный порывъ маленькой квакерши прервалъ слова Рахили. Она захлопала въ ладоши и такъ прыгнула, что два локона выпали изъ-подъ ея квакерской шапочки на бѣлую шейную косынку.

— Успокойся, милая! — замѣтила Рахиль, — успокойся! Посовѣтуй лучше, сказать-ли ей теперь объ этомъ?

— Разумѣется, сію же минуту!... Воображаю, каково-бы мнѣ было на ея мѣстѣ, еслибъ это случилось со мной и Джономъ!... Сейчасъ-же скажи ей.

Рахиль вошла въ кухню, гдѣ Элиза шила, и, отворивъ дверь маленькой спальни, сказала ей ласково:

— Поди сюда, дочь моя! Я принесла тебѣ вѣсти.

Элиза вдругъ покраснѣла, встала съ мѣста съ нервною дрожью и посмотрѣла на своего сына.

— Не бойся!—воскликнула маленькая Руѳь, вскочивъ и схвативъ ее за руки. — Не пугайся, Элиза: это — добрыя вѣсти. Иди скорѣе! — и она дружески толкнула ее къ двери.

Возвратясь въ кухню, Руѳь взяла на руки Гарри и стала цѣловать его.

— Ты увидишь своего отца, малютка!—говорила она. — Знаешь-ли ты это? Твой отецъ прибудетъ сюда! — повторяла она ребенку, съ удивленіемъ смотрѣвшему на нее.

За дверью же происходила слѣдующая сцена. Рахиль Галлидей подозвала Элизу къ себѣ и сказала ей:

— Господь умилостивился, дочь моя. Мужъ твой освободился изъ неволи.

Кровь горячо прилила къ щекамъ Элизы и опять отлила къ сердцу. Она сѣла, блѣдная, едва не лишившись чувствъ.

— Крѣпись, дитя мое!—прибавила Рахиль, положивъ руки на ея голову.—Онъ среди *друзей*, которые доставятъ его сюда сегодня ночью.

— Сегодня ночью? — переспросила Элиза. Мысли ея начали путаться. Ей все казалось какъ-бы во снѣ.

Придя въ чувство, она увидѣла себя въ постели, закутанною въ одѣяло. Маленькая Руѳь сидѣла около нея и натирала ей руки камфорой. Она была въ сладостномъ полузабытьи. Нервы ея, напряженные все время послѣ бѣгства, приходили въ нормальное состояніе, подъ благотворнымъ ощущеніемъ безопасности и спокойствія. Она лежала, открывъ глаза, но словно сквозь сонъ слѣдила за движеніями окружав-

шихъ. Черезъ дверь, открытую въ другую комнату, она видѣла столъ, накрытый къ ужину бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью, слышала, какъ кипѣлъ чайникъ; видѣла, какъ Руѳь суетилась и бѣгала съ блюдами пирожковъ и варенья, останавливаясь иногда, чтобы сунуть пирожокъ въ руку маленькаго Гарри или погладить его по головкѣ, навить на свой бѣлый пальчикъ локонъ его волосъ... Гарри сидѣлъ подлѣ Рахили въ высокомъ креслѣ, какъ-бы подъ сѣнью ея крыла... Наконецъ, Элиза заснула такъ крѣпко, словно она не спала съ той страшной ночи, когда совершила побѣгъ.

Ей снилась чудная страна тихаго спокойствія, съ зелеными лугами, живописными островами и чистою, какъ хрусталь, водою. Тамъ она видѣла себя въ своемъ собственномъ домѣ, и ея Гарри игралъ свободный и счастливый. Ей слышались шаги ея мужа, она чувствовала приближеніе его; онъ обнималъ ее, слезы его падали на ея лицо, и она проснулась. Это былъ не сонъ. Ночь давно уже наступила: Гарри спокойно спалъ возлѣ нея; свѣча распространяла въ комнатѣ неясный свѣтъ, и Джорджъ, т.-е. мужъ ея, рыдалъ у изголовья.

ГЛАВА XIV.

Эванджелина.

Миссисипи... Какой всесильный чародѣй преобразилъ твое величественное теченіе по дѣвственнымъ пустынямъ, среди невиданныхъ чудесъ растительной и животной жизни!...

Есть-ли въ мірѣ другая такая рѣка, которая не-

Миссисипи.

сетъ на волнахъ своихъ въ океанъ богатство и энергію другой страны, произведенія которой обнимаютъ все, что находится между тропиками и полюсами?...

Косвенные лучи заходящаго солнца дрожатъ на разливѣ рѣки, подобномъ морю. Тростниковая чаща и тонкіе траурные кипарисы облиты золотистымъ сіяніемъ. Тяжело нагруженный пароходъ движется по рѣкѣ.

Загроможденный на палубѣ и бокахъ тюками хлопчатой бумаги, въ видѣ квадратной массы, грузно движется онъ къ мѣсту ярмарки. Высоко на палубѣ, въ уголкѣ, между нагроможденными тюками хлопчатой бумаги, мы видимъ Тома.

Отчасти вслѣдствіе рекомендаціи прежняго своего господина, отчасти благодаря своему тихому, кроткому нраву, Томъ незамѣтно пріобрѣлъ довѣренность даже такого человѣка, какъ Гели. Сначала послѣдній зорко стерегъ его и не оставлялъ ночью безъ цѣпей; но безропотность Тома, его терпѣливость и даже явное довольство, выказывавшееся во всей его фигурѣ, подѣйствовали на новаго его хозяина, такъ что тотъ, мало-по-малу, перемѣнилъ свое обращеніе съ нимъ. Томъ былъ какъ-бы арестантомъ на честномъ словѣ и могъ свободно расхаживать по пароходу.

Обычная кротость, услужливость Тома и готовность его всегда оказать помощь въ работѣ — пріобрѣли ему расположеніе пароходной прислуги, съ которою онъ по цѣлымъ часамъ работалъ такъ-же ревностно и усердно, какъ бывало на фермѣ у Шельби, въ Кентукки. Когда-же не представлялось ему никакой работы,--онъ забивался куда-нибудь въ уголокъ между тюками. Въ этомъ положеніи мы и застаемъ его теперь.

Слишкомъ за сто миль отъ Новаго Орлеана рѣка возвышается надъ уровнемъ окрестной мѣстности и катитъ свои волны между огромными дамбами футовъ въ двадцать. Съ палубы парохода, словно съ вершины какой-нибудь пловучей башни, путешественникъ озираетъ всю окрестность, разстилающуюся передъ нимъ на много миль кругомъ. Передъ Томомъ развертывались одна за другою плантаціи, т.-е., иначе, та жизнь, въ которую ему предстояло вступить.

Онъ видѣлъ, какъ невольники копошатся вдали за тяжелыми работами, видѣлъ ихъ селенія, состоявшія изъ длиннаго ряда хижинъ, а поодаль — красивые дома и увеселительные парки владѣльцевъ. Одинъ ландшафтъ смѣнялся другимъ, — и Томъ уносился мыслями на свою родину. Усиленно билось бѣдное его сердце, порываясь туда, въ Кентукки, въ родную усадьбу, окруженную старыми тѣнистыми буками, съ господскимъ домомъ и его просторными, прохладными покоями, и въ маленькую хижину... Замелькали передъ нимъ дружелюбныя лица товарищей, съ которыми онъ выросъ. Вотъ жена его хлопотливо занимается приготовленіемъ ему ужина; слышится звонкій смѣхъ его мальчиковъ и лепетъ малютки, вскарабкавшейся къ нему на колѣна... И вдругъ все исчезло, опять видитъ онъ нескончаемые тростники, высокіе кипарисы уносящихся плантацій. Оглушительный скрипъ и свистъ машины безпощадно напоминаетъ ему, что эта свѣтлая пора жизни прошла для него безвозвратно...

Много слезъ уронилъ онъ на страницы Библіи, которую, положивъ на тюкъ хлопчатой бумаги, прилежно читалъ, медленно водя пальцемъ по строкамъ...

Останавливаясь на каждомъ словѣ, читаетъ онъ вполголоса:

«Да—не—смущается — сердце — ваше. Въ дому—Отца—Моего—обители — многи — суть. Иду—уготовати—мѣсто—вамъ».

Библія отъ первой страницы до послѣдней была испещрена замѣтками и знаками, что помогало ему, въ случаѣ нужды, скоро пріискивать любимыя мѣста и избавляло отъ труда добираться до нихъ по складамъ. Каждая страница этой книги вѣяла на него какою-нибудь старинною домашней сценой и напоминала ему какую-нибудь радость. Книга эта составляла для него все, что оставалось ему въ этой жизни, и служила залогомъ будущей.

Въ числѣ пассажировъ на пароходѣ находился молодой, богатый джентльменъ хорошей фамиліи изъ Новаго Орлеана, по имени Сентъ-Клеръ. Съ нимъ была его дочь, шестилѣтняя дѣвочка, и еще одна дама, повидимому родственница, подъ особымъ надзоромъ которой, очевидно, была малютка.

Тому часто попадалась на глаза эта дѣвочка. Она была необыкновенно подвижна; ее такъ-же трудно было удержать на мѣстѣ, какъ солнечный лучъ или лѣтній вѣтерокъ. Разъ увидѣвъ, ее трудно было забыть.

Въ бѣломъ платьицѣ она, какъ тѣнь, носилась повсюду, забиралась во всѣ закоулки и какъ-то умудрялась нигдѣ не запачкаться. Не было уголка ни на верху, ни внизу, гдѣ-бы не летали эти легкія ножки; не было отверстія, откуда не выглядывала бы эта золотая головка съ голубыми глазками...

Тысячу разъ въ день грубые голоса благословляли

ее, и улыбка озаряла суровыя лица, когда она проходила мимо. Когда-же она взбиралась на опасныя мѣста, — грубыя, мозолистыя руки сами собою протягивались, чтобы поддержать ее, помочь ей.

Томъ, какъ человѣкъ особенно впечатлительный, чувствовавшій влеченіе ко всему простому и дѣтскому, слѣдилъ за этимъ маленькимъ созданіемъ съ ежедневно возрастающимъ участіемъ. Она казалась ему чѣмъ-то божественнымъ.

Частенько прогуливалась она съ печальнымъ видомъ около того мѣста, гдѣ сидѣлъ закованный въ цѣпи человѣческій грузъ, принадлежавшій мистеру Гели. Она смотрѣла на этихъ людей грустными и задумчивыми глазами. Иногда своими ручонками она пыталась поднять ихъ цѣпи и потомъ, вздохнувъ, убѣгала, но не надолго; вскорѣ она вновь появлялась между ними съ цѣлыми пригоршнями сахару, орѣховъ и апельсиновъ, которыми весело надѣляла всѣхъ, и опять убѣгала.

Томъ, долгое время наблюдавшій за маленькою барышней, рѣшился, наконецъ, завязать знакомство съ ней. Онъ очень тонко зналъ, какъ подлаживаться къ дѣтямъ, отлично умѣлъ снискивать ихъ расположеніе и пустилъ въ ходъ все свое искусство. Надо замѣтить, что онъ былъ большимъ мастеромъ по части выдѣлыванья корзиночекъ изъ вишневыхъ косточекъ, вырѣзыванія забавныхъ фигурокъ изъ большихъ американскихъ орѣховъ, прыгающихъ куколокъ изъ бузинной корки, а тѣмъ болѣе—въ искусствѣ выдѣлыванія всякихъ дудокъ. Карманы его были набиты подобнаго рода заманчивыми вещицами, наготовленными имъ въ былое время для дѣтей прежняго сво-

его господина. Съ благоразумною экономіей вынималъ онъ ихъ одну за другою, дѣлая такимъ образомъ приступъ къ новому знакомству и дружбѣ. Дѣвочка была застѣнчива и не легко поддавалась. На минуту, какъ канареечка, присядетъ она на ящикѣ или на поклажѣ около Тома, вниманіе котораго, повидимому, было занято интересными издѣліями собственнаго искусства. Предлагаемыя ей бездѣлушки она принимала сначала не безъ нѣкоторой застѣнчивости. Но незнакомцы, однако, скоро сблизились и уже разговаривали между собою, какъ добрые пріятели.

— Какъ ваше имя, миссъ? — спросилъ Томъ, выбравъ удобную минуту для разспросовъ.

— Эванджелина Сентъ-Клеръ, — отвѣтила дѣвочка.—Папа и всѣ другіе зовутъ меня Евой. А какъ твое имя?

— Томъ. Маленькія дѣти въ Кентукки называли меня дядей Томомъ.

— И я буду называть тебя дядей Томомъ. Я очень полюбила тебя,—сказала Ева.—Куда же ты ѣдешь, дядя Томъ?

— Одному Богу извѣстно куда, миссъ Ева!

— Какъ? ты не знаешь?

— Меня продадутъ кому-нибудь, но кому — не знаю.

— Такъ папа можетъ купить тебя!—живо проговорила Ева. — Тогда тебѣ будетъ славное житье! Я попрошу его нынче же...

— Спасибо вамъ за это, добрая барышня!

Въ это время пароходъ остановился, чтобы запастись дровами у маленькой пристани. Ева, заслы-

Ева и Томъ.

шавъ голосъ отца, быстро убѣжала. Томъ всталъ со своего мѣста и пошелъ помогать рабочимъ таскать дрова.

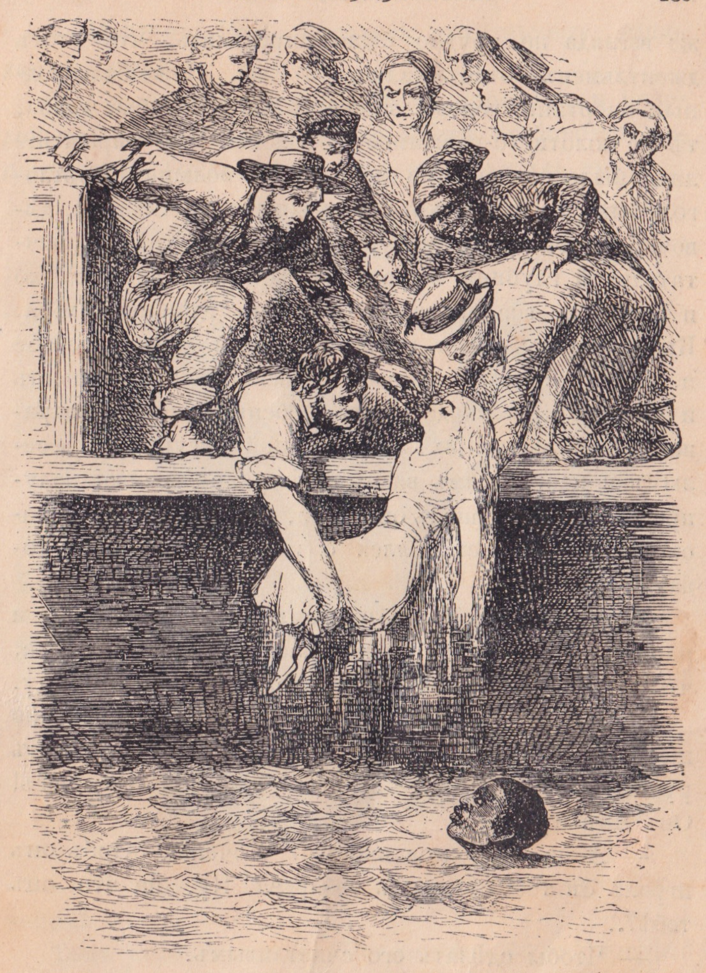
Ева стояла вмѣстѣ съ отцомъ около самыхъ перилъ. Ей захотѣлось посмотрѣть, какъ отчалитъ пароходъ. Едва колеса сдѣлали два-три оборота въ водѣ, какъ миссъ Ева пошатнулась и, потерявъ равновѣсіе, стремглавъ полетѣла въ воду. Не помня себя, отецъ хотѣлъ броситься за нею, но его удержали видѣвшіе, что гораздо болѣе дѣйствительная помощь подана уже его ребенку.

Томъ находился внизу, прямо подъ Евою; онъ увидѣлъ ея паденіе — и въ одну секунду прыгнулъ за нею. У него была широкая грудь и крѣпкія руки, такъ что ему ничего не значило продержаться на водѣ минуты двѣ, пока дѣвочка не всплыла на поверхность... Быстро схвативъ ее, онъ поплылъ къ пароходу. Сотни протянутыхъ рукъ, какъ-бы принадлежавшихъ одному человѣку. готовы были принять ее. Чрезъ нѣсколько минутъ, отецъ отнесъ ее, измокшую и безчувственную, въ дамское отдѣленіе.

На слѣдующій день погода была томительно-душная. Пароходъ приближался къ Новому Орлеану. На немъ господствовала суматоха, такъ какъ пассажиры приготовлялись къ высадкѣ на берегъ.

На нижней палубѣ сидѣлъ нашъ другъ Томъ, сложивъ на груди руки и отъ-времени-до-времени съ безпокойствомъ посматривая на группу, собравшуюся на противоположной сторонѣ корабля.

Тамъ стояла маленькая красавица Эванджелина. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, хотя, впрочемъ, вчерашній несчастный случай не оставилъ

другихъ послѣдствій. Около нея стоялъ граціозный, изящно сложенный молодой человѣкъ, небрежно облокотившись на тюкъ съ хлопчатой бумагой; передъ нимъ лежала большая карманная книжка. Съ перваго-

же взгляда не трудно было опредѣлить, что этотъ джентльменъ—отецъ маленькой Евы. Тѣ-же благородныя очертанія головы, тѣ-же большіе голубые глаза, тѣ-же золотисто-каштановые волосы. Но выраженіе лица было совершенно иное. Въ его большихъ свѣтлоголубыхъ глазахъ, хотя и сходныхъ съ глазами дѣвочки по формѣ и цвѣту, не было той тайной мечтательной глубины выраженія: все было ясно, смѣло и ярко, но все свѣтилось свѣтомъ здѣшняго міра. Красиво-очерченныя губы выражали что-то гордое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, саркастическое. Самоувѣренность и чувство превосходства съ особенной граціей выражались въ движеніяхъ его изящной фигуры. Съ веселымъ и небрежнымъ видомъ, полунасмѣшливо, полупрезрительно слушалъ онъ Гели, который очень словоохотливо распространялся о качествахъ своего товара.

Молодой человѣкъ отпускалъ ядовитыя шутки и насмѣшки по адресу Гели, расхваливавшаго Тома, чтобы получить за него какъ можно бо́льшую сумму.

— Папа, купи его! Что тебѣ до цѣны? — нѣжно шептала Эванджелина, взобравшись на кладь и обвивъ ручонкой шею отца. — У тебя вѣдь много денегъ! Онъ мнѣ нуженъ...

— А на что, моя крошка? Хочешь, чтобъ онъ игралъ съ тобою, возилъ тебя? А? Ну, на что онъ тебѣ?..

— Чтобы сдѣлать его счастливымъ.

— Это оригинально!..

Наконецъ купля-продажа состоялась. Лицо Гели сіяло восторгомъ, потому что онъ получилъ за Тома крупный кушъ, т.-е. столько, сколько запросилъ.

— Пойдемъ, Ева! — сказалъ джентльменъ, взявъ дочь за руку.

Они пошли на другую сторону парохода, и молодой человѣкъ, коснувшись пальцемъ подбородка нашего друга Тома, ласково и весело сказалъ ему:

— Посмотри, Томъ, нравится ли тебѣ новый хозяинъ?

Томъ поднялъ глаза. Невозможно было смотрѣть на это веселое, молодое, красивое лицо безъ особеннаго удовольствія. Томъ почувствовалъ, что слезы выступили на его глазахъ, и онъ съ чувствомъ проговорилъ:

— Спаси васъ Господи, масръ!

— Не сомнѣваюсь въ этомъ... Какъ тебя зовутъ? Томъ, что ли?.. Ты умѣешь, Томъ, править лошадьми?

— Я всегда былъ при лошадяхъ и умѣю обращаться съ ними,—отвѣтилъ Томъ.—У масра Шельби были цѣлые табуны лошадей.

—Хорошо, я посажу тебя на козлы, но съ условіемъ, чтобы ты не напивался до-пьяна болѣе одного раза въ недѣлю и кое-когда въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Томъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и нѣсколько обиженнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Я не пью, масръ!..

— Я уже слышалъ эту исторію, Томъ... Вотъ увидимъ. Тебѣ же будетъ лучше, если не пьешь. Полно, не дуйся, милый!—весело прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Томъ нахмурился. — Я не сомнѣваюсь, что ты будешь вести себя хорошо.

— Вѣрьте мнѣ, масръ!—сказалъ Томъ.

— У насъ хорошо тебѣ будетъ!—сказала Ева.— Папа очень добръ, только онъ любитъ посмѣяться...

— Папа тебѣ очень благодаренъ за такую рекомендацію,—сказалъ, смѣясь, Сентъ-Клеръ и, повернувшись, отошелъ въ другую сторону.

ГЛАВА XV.

Новый господинъ Тома.

Августинъ Сентъ-Клеръ—богатый луизіанскій плантаторъ,—былъ несчастливъ въ бракѣ: жена его оказалась капризной и эгоистичной женщиной, а послѣ рожденія ею дочери, Евы, здоровье Мери—такъ звали жену Сентъ-Клера—совершенно разстроилось. Къ необыкновенному болѣзненному состоянію прибавилось совершенное отсутствіе дѣятельности физической и нравственной, разъѣдающее чувство пустоты и скуки, постоянная раздражительность. И въ нѣсколько лѣтъ цвѣтущая молодостью и красотой Мери превратилась въ желтую, увядшую, больную женщину, вся жизнь которой была поглощена множествомъ причудливыхъ недуговъ и которая считала себя самымъ несчастнымъ, самымъ обиженнымъ существомъ въ мірѣ.

Не было конца жалобамъ и всякимъ припадкамъ. Главнымъ ея препровожденіемъ времени сдѣлалась мигрень, и нерѣдко дня три въ недѣлю она проводила безвыходно въ своей комнатѣ, не вставая съ постели.

Хозяйство перешло въ руки прислуги, и неудивительно, что Сентъ-Клеръ находилъ иногда свой домашній обиходъ недостаточно комфортабельнымъ. Организмъ единственной его дочери былъ чрезвычайно нѣженъ; а такъ какъ наблюдать за ея развитіемъ и заботиться о ней было рѣшительно некому, то Сентъ-Клеръ не безъ основанія началъ опасаться, что здоровье и самая жизнь Евы могутъ сдѣлаться жертвою

безпечности ея матери. Отправляясь въ Вермонтъ, онъ взялъ съ собою Еву и уговорилъ свою кузину, миссъ Офелію, ѣхать съ ними на Югъ. И втроемъ возвращались они на пароходѣ, гдѣ засталъ ихъ нашъ разсказъ.

Вотъ, наконецъ, они и въ Новомъ Орлеанѣ, успѣли уже сойти съ парохода и усѣсться въ каретѣ.

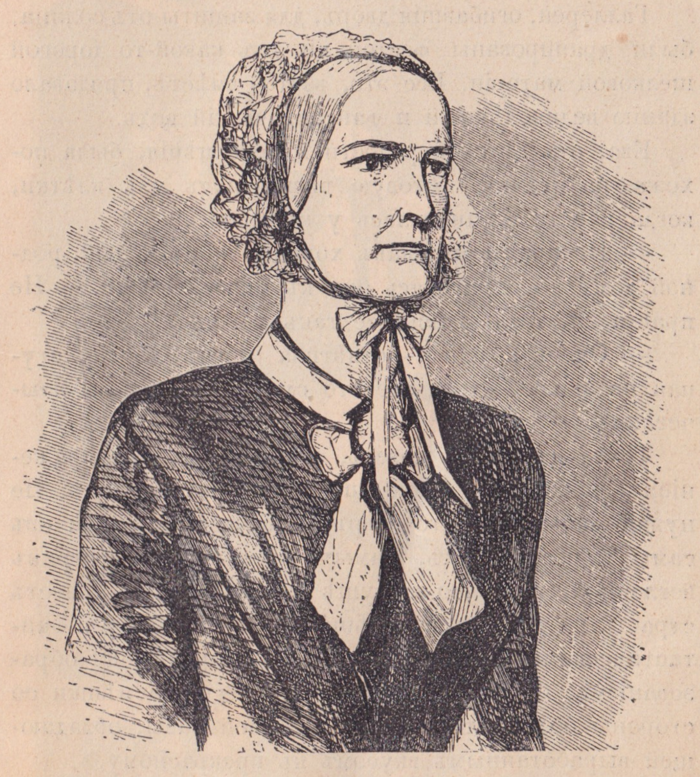
— Гдѣ же Томъ?—вдругъ спросила Ева.

— На козлахъ, крошка! Я везу Тома на мировую твоей мамѣ, вмѣсто того пьяницы, который опрокинулъ карету.

— О, Томъ будетъ отличнымъ кучеромъ!.. Ужь я знаю,—сказала Ева,—онъ никогда не будетъ пьянъ.

Карета остановилась противъ зданія старинной архитектуры смѣшаннаго характера, образовавшагося отъ сліянія испанскаго стиля съ французскимъ. Оно представляло правильный квадратъ, заключавшій въ себѣ широкій дворъ, куда карета въѣхала въ высокія ворота аркой. Убранство двора могло удовлетворить самое избалованное, самое требовательное воображеніе. Обширныя галлереи огибали дворъ со всѣхъ сторонъ. По срединѣ двора—великолѣпный фонтанъ, высоко выбрасывавшій серебряную струю, которая ниспадала непрерывнымъ дождемъ въ обширный бассейнъ, окаймленный широкою лентой ароматныхъ фіалокъ. Прозрачная, какъ кристаллъ, вода кишѣла миріадами золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ, блестѣвшихъ и сверкавшихъ въ ней, словно бриліанты. Бассейнъ огибала живописная дорожка, мозаично вымощенная разноцвѣтными камешками, образовавшими затѣйливые рисунки; дорожку эту, въ свою очередь, обвивала полоса зеленаго дерна, мяг-

каго какъ бархатъ. Наконецъ, широкимъ кругомъ лежала гладкая, какъ скатерть, дорога для подъѣзда экипажей къ крыльцу. Два большихъ апельсинныхъ дерева были въ полномъ цвѣту, давая чудную тѣнь;

кругомъ же фонтана, на зелени, были разставлены мраморныя арабскія вазы, съ самыми рѣдкими цвѣтущими тропическими растеніями. Все это и множество другихъ роскошныхъ деревьевъ тропической полосы цвѣло и благоухало. Между ними былъ и ста-

рый, таинственный алоэ съ своею причудливою массивною зеленью—и, будто сѣдой волшебникъ, съ величественнымъ спокойствіемъ глядѣлъ на непрочную красоту и благоуханіе окружавшихъ его растеній.

Галлереи, огибавшія дворъ, для защиты отъ солнца. были драпированы фестонами изъ какой-то дорогой шелковой матеріи. Все это, взятое вмѣстѣ, придавало зданію великолѣпный и фантастическій видъ.

Ева, отъ дѣтской радости и нетерпѣнія, была похожа на птичку, готовую выпорхнуть изъ клѣтки, когда карета остановилась у крыльца.

— Не правда ли, какъ хорошъ нашъ милый, родной домъ? — обратилась она къ миссъ Офеліи. — Не правда ли, тетя, здѣсь все такъ хорошо?

— Очень красиво,—отвѣтила миссъ Офелія, ступая на землю,—хотя все это смотритъ какъ-бы языческимъ.

Томъ, сойдя съ козелъ, оглядывался съ выраженіемъ спокойнаго, безмолвнаго восторга на лицѣ. Не нужно забывать, что негръ—произведеніе одной изъ самыхъ роскошныхъ, самыхъ живописныхъ странъ вселенной, такъ что въ душѣ его неразрывно живетъ страсть ко всему великолѣпному, роскошному и фантастическому. Страсть эта, не облагороженная образованіемъ, навлекаетъ на бѣднаго негра насмѣшки со стороны болѣе хладнокровной бѣлой расы, обладающей выработаннымъ вкусомъ къ прекрасному.

Сентъ-Клеръ, бывшій поэтомъ въ душѣ и любителемъ наслажденій, улыбнулся замѣчанію миссъ Офеліи и, обратившись къ Тому, все еще продолжавшему стоять на одномъ мѣстѣ и глядѣть съ сіяющимъ отъ внутренняго удовольствія лицомъ, спросилъ его:

Улица въ Новомъ Орлеанѣ.

— Тебѣ, Томъ, видно понравилось здѣсь?

— Да, масръ, очень ужь тутъ хорошо!

Все это происходило въ теченіе перваго момента послѣ пріѣзда, когда снимались и отвязывались чемоданы, а Сентъ-Клеръ разсчитывался съ извозчикомъ. Въ это время на верхнія и нижнія галлереи высыпала чернокожая толпа всевозможныхъ возрастовъ: мужчины, женщины, дѣти, всѣ бѣжали встрѣчать барина. Впереди всѣхъ выдѣлялся молодой мулатъ красивой наружности,—очевидно, очень важная персона,—разодѣтый по модѣ до вычурности и граціозно помахивавшій раздушеннымъ батистовымъ платкомъ.

Онъ усердно старался оттѣснить толпу слугъ на другой конецъ веранды.

— Назадъ! Мнѣ совѣстно за васъ!—говорилъ онъ внушительнымъ тономъ.—Какъ вамъ не стыдно! Не успѣлъ масръ пріѣхать,—лѣзете къ нему на глаза и мѣшаете его семейному свиданію!

Это краснорѣчивое обращеніе, произнесенное съ большимъ достоинствомъ, смутило даже и самыхъ задорныхъ. Всѣ, сбившись въ кучу, остановились на почтительномъ разстояніи; только два плечистыхъ негра спокойно принялись таскать багажъ. Благодаря стратегическимъ распоряженіямъ мистера Адольфа (т.-е. мулата), когда Сентъ-Клеръ, расплатившись съ извозчикомъ, обратился назадъ, единственный живой человѣкъ, котораго встрѣтили его глаза, былъ самъ мистеръ Адольфъ, во всемъ блескѣ своего наряда, въ атласномъ жилетѣ, золотой цѣпочкѣ и бѣлыхъ панталонахъ. Онъ раскланивался чрезвычайно граціозно и пріятно.

— А, это ты. Адольфъ? Какъ поживаешь, любезный?—сказалъ Сентъ-Клеръ, протягивая ему руку.

Мистеръ же Адольфъ развязно декламировалъ рѣчь, которую онъ съ большимъ усердіемъ, около двухъ недѣль, приготовлялъ для этого случая.

— Ладно, ладно!—прервалъ его Сентъ-Клеръ, проходя мимо со свойственнымъ ему видомъ небрежнаго комизма.—Ты отличный ораторъ, чтó и говорить!... Присмотри лучше, пока, за багажомъ — все-ли тутъ, а я сейчасъ выйду къ народу.

Съ этими словами онъ повелъ миссъ Офелію въ большую залу, двери которой выходили на веранду.

Пока происходило все это, Ева, съ легкостію птички, пробѣжала галлерею, залы и впорхнула въ маленькій будуаръ, двери котораго также выходили на веранду.

Высокая, исхудавшая дама, съ болѣзненно-желтымъ цвѣтомъ лица и большими черными глазами, наполовину приподнялась съ кушетки, на которой она лежала.

— Мама!—вскричала Ева внѣ себя отъ радости, кинувшись къ ней на шею и покрывая ее безчисленными поцѣлуями.

— Пожалуйста, Ева, осторожнѣе, не растревожь мою голову!—проговорила мать, вяло цѣлуя ее.

Въ эту минуту вошелъ Сентъ-Клеръ, расцѣловалъ жену и представилъ ей кузину. Мери подняла на нее свои большіе глаза съ выраженіемъ нѣкотораго любопытства и привѣтствовала ее съ какою-то томною вѣжливостью.

Между тѣмъ у входа въ залу тѣснилась толпа черныхъ слугъ и впереди всѣхъ стояла мулатка сред-

нихъ лѣтъ чрезвычайно благообразной наружности, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ радостнаго ожиданія.

— А, ты здѣсь, Мамми!—вскрикнула Ева и, промчавшись чрезъ комнату, кинулась въ объятія Мамми, осыпая ее поцѣлуями и ласками.

Эта женщина не сказала, что у нея разболится голова отъ поцѣлуевъ, напротивъ, она то прижимала Еву къ себѣ, то смѣялась и плакала... Вырвавшись изъ объятій Мамми, Ева кидалась отъ одного къ другому, пожимая всѣмъ руки и обнимая каждаго съ жаромъ и увлеченіемъ...

На веранду вышелъ Сентъ-Клеръ.

— Эй, вы! Гдѣ вы тутъ? Всѣ сюда! Мамми, Джимми, Полли, Секки—рады масру?—говорилъ онъ, переходя отъ одного къ другому и поочередно пожимая всѣмъ руки.

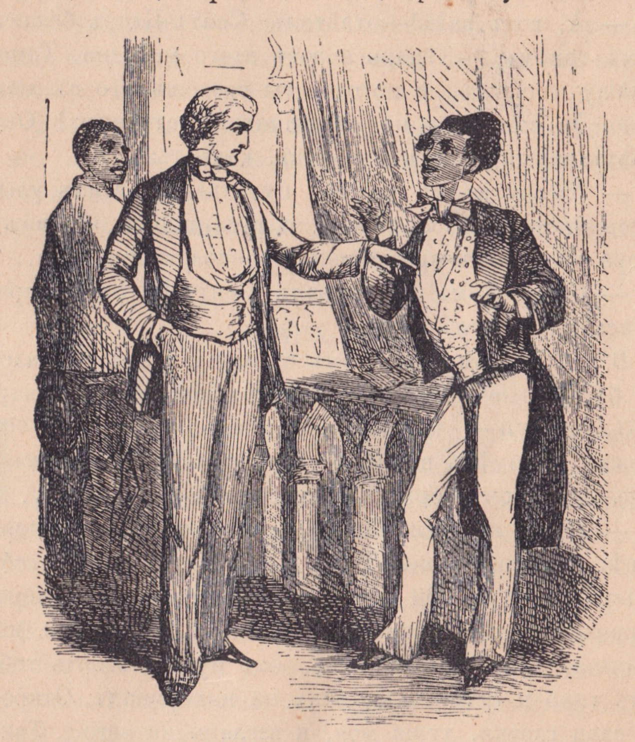
Обдѣливъ при этомъ дворню мелкими деньгами, Сентъ-Клеръ сказалъ:

— Теперь—ступайте себѣ съ Богомъ!

Вся компанія черныхъ и цвѣтныхъ ушла на веранду. За ними послѣдовала Ева, таща въ рукахъ большой мѣшокъ, который она, во все продолженіе обратнаго пути, нагружала яблоками, орѣхами, конфектами, лоскутками лентъ и всякими бездѣлушками.

Повернувшись, чтобы идти назадъ въ комнаты, Сентъ-Клеръ замѣтилъ Тома, который переминался съ ноги на ногу, видимо неловко чувствуя себя, тогда какъ мистеръ Адольфъ стоялъ, небрежно облокотившись на перила, и въ лорнетку разглядывалъ Тома съ ногъ до головы съ такимъ видомъ, который бы сдѣлалъ честь самому изысканному щеголю.

— Ахъ, ты уродъ! — проговорилъ Сентъ-Клеръ, выдернувъ у него изъ глазъ стеклышко.—Такъ-то ты обращаешься со своимъ товарищемъ?... Да мнѣ кажется, Дольфъ,—прибавилъ онъ, прикоснувшись паль-

цемъ къ атласному жилету мистера Адольфа, которымъ такъ щеголялъ тотъ,—мнѣ кажется, что это — мой жилетъ.

— О! масръ, онъ весь залитъ виномъ, въ пятнахъ! Такой важный господинъ, какъ масръ, ужь конечно не будетъ носить его. Я рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ

взять его, потому что для бѣднаго негра, какъ я, жилетъ ничего—годится.

Мистеръ Адольфъ тряхнулъ головой и граціозно провелъ пальцами по своимъ надушеннымъ волосамъ.

— А, вотъ какъ!—отвѣтилъ Сентъ-Клеръ безпечнымъ тономъ. —Теперь я вотъ этого молодца, Тома, покажу госпожѣ, а потомъ ты сведешь его въ людскую. Да смотри — не важничать предъ нимъ! Онъ стоитъ двухъ такихъ франтовъ, какъ ты!

— Масру всегда угодно шутить!—отвѣтилъ улыбаясь мистеръ Адольфъ.—Я въ восхищеніи, что вижу масра въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа.

— Сюда, Томъ! — сказалъ Сентъ-Клеръ, направляясь къ дверямъ залы.

Войдя въ комнаты, Томъ съ изумленіемъ озирался на бархатные ковры, на великолѣпіе зеркалъ, картинъ, статуй и шелковыхъ занавѣсей, о чемъ онъ прежде не имѣлъ понятія, — и у него захватывало духъ. Онъ почти боялся ступать ногами по ковру.

— Вотъ, погляди, Мери, — сказалъ Сентъ-Клеръ женѣ, подводя къ ней Тома, — какого я купилъ тебѣ кучера, по крайней мѣрѣ, ужь настоящаго кучера. Черенъ и трезвъ, какъ настоящая погребальная колесница; если ты захочешь, онъ будетъ возить тебя такъ тихо и осторожно, какъ на похоронахъ. Открой же свои глазки, душа моя, и взгляни на него... Такъ прошу не говорить впередъ, что я не думаю о тебѣ, когда уѣзжаю изъ дома.

Мери открыла глаза и, не поднимаясь съ кушетки, остановила ихъ на Томѣ.

— Я увѣрена, — проговорила она, — что и этотъ окажется пьяницей.

— Нѣтъ, душа моя,—возразилъ Сентъ-Клеръ:—мнѣ ручались за его добропорядочное и трезвое поведеніе.

— Буду надѣяться, хотя это, право, превышаетъ мои ожиданія.

— Адольфъ! — сказалъ Сентъ-Клеръ: — проводи Тома внизъ, да смотри у меня, прошу не забываться!... Помни, что́ я говорилъ тебѣ!

Адольфъ отправился впередъ, граціозно семеня ногами, а Томъ, тяжеловѣсною, неуклюжею поступью, послѣдовалъ сзади.

— Онъ совершенный бегемотъ,—сказала Мери.

ГЛАВА XVI.

Самозащита свободнаго человѣка.

Въ домѣ квакеровъ, когда наступили сумерки, замѣтно было тихое движеніе. Рахиль Галлидей спокойно расхаживала, выбирая изъ своихъ кладовыхъ различные припасы и укладывая ихъ какъ можно удобнѣе для путниковъ, которые должны были въ эту ночь отправиться въ далекій путь.

Въ маленькой спальнѣ сидѣли Джорджъ и жена его. На колѣнахъ у него былъ Гарри. Оба казались серьезны и задумчивы; на щекахъ ихъ замѣтны были слѣды недавнихъ слезъ.

— Да, Элиза, — говорилъ Джорджъ, — ты доброе созданіе, ты гораздо лучше меня... Я постараюсь быть достойнымъ имени свободнаго человѣка—думать и чувствовать по-христіански... Я стану читать Евангеліе и научусь быть христіаниномъ.

— Когда мы придемъ въ Канаду, я буду помогать

тебѣ,—сказала Элиза.—Я хорошо умѣю шить платья, чистить тонкое бѣлье, гладить. Вдвоемъ мы съ тобою легко заработаемъ на прожитье.

— Да, Элиза, только-бы намъ имѣть возможность жить другъ для друга и для нашего ребенка! О, еслибы они знали, какое счастье заключается для человѣка въ сознаніи, что его жена и ребенокъ дѣйствительно принадлежатъ ему!... Какъ часто, глядя на людей, пользующихся этимъ благомъ, я дивился, что они желаютъ и добиваются еще чего-либо другого! Теперь я чувствую себя богатымъ и сильнымъ, хотя у насъ съ тобою нѣтъ, кромѣ рукъ, никакихъ средствъ. Мнѣ кажется, что нечего больше и просить у Бога. О, да! Хоть я и дожилъ до двадцатипятилѣтняго возраста, проводя каждый день въ тяжелой работѣ и не имѣя до сихъ поръ ни копѣйки денегъ, ни крова, ни пристанища, ни клочка земли, которую бы могъ назвать своею собственностью, но еслибы только оставили меня въ покоѣ, — я былъ бы совершенно доволенъ и благодаренъ. Я буду работать, выплачу твоимъ господамъ за тебя и за наше дитя. Что же касается прежняго моего господина, то я уже отработалъ ему впятеро болѣе того, что онъ когда-либо потратилъ на меня. Ему я ничего не долженъ.

— Но мы все еще не въ безопасности, — сказала Элиза,—мы еще не въ Канадѣ.

— Правда,—отвѣтилъ Джорджъ,—но мнѣ кажется, что въ воздухѣ чувствуется уже свобода,—и это придаетъ мнѣ силы.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались голоса: послышался оживленный разговоръ и вслѣдъ за тѣмъ постучали въ дверь. Элиза встала и отворила.

Разговоръ въ таверпѣ.

Стучавшимъ оказался Симеонъ Галлидей; съ нимъ былъ другой квакеръ, котораго онъ представилъ подъ именемъ Финеаса Флетчера. Финеасъ былъ высокій, плотный мужчина, съ рыжими волосами, хитрою и проницательною физіономіей. Лицо его не носило того отпечатка полнаго спокойствія и простоты, которыми отличался Симеонъ Галлидей: напротивъ, вся фигура Флетчера выражала смѣтливость, видно было, что онъ себѣ-на-умѣ и зорко наблюдаетъ за окружающимъ. Такая наружность казалась даже нѣсколько странною и совсѣмъ не соотвѣтствовала ему, какъ квакеру.

— Другъ нашъ Финеасъ узналъ нѣчто важное, касающееся тебя, Джорджъ, и спутниковъ твоихъ,— сказалъ Симеонъ.—Тебѣ было бы полезно выслушать его разсказъ.

— Дѣйствительно, — проговорилъ Финеасъ, — я могу удостовѣрить, что въ иныхъ мѣстахъ выгодно спать, имѣя одно ухо открытымъ. Вчера вечеромъ я остановился въ маленькой, уединенной тавернѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Уставъ отъ ѣзды и, поужинавъ, легъ въ углу на кучу мѣшковъ, закрывшись буйволовой шкурой, пока приготовляли мнѣ постель; послѣ этого я счелъ за лучшее уснуть крѣпчайшимъ сномъ.

— Но у Финеаса одно ухо было открыто,— спокойно замѣтилъ Симеонъ.

— Нѣтъ, просто спалъ, какъ слѣдуетъ, часа два сряду, потому что порядкомъ утомился. Очнувшись немножко, я увидалъ въ комнатѣ нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Они пили и разговаривали. Я же, безъ всякаго умысла, думаю себѣ: «Дай по-

слушаю, о чемъ они тутъ говорятъ».— Слышу—квакеровъ поминаютъ. «И такъ,—говоритъ одинъ, — они теперь непремѣнно въ квакерскомъ селеніи. Это несомнѣнно...» Тутъ я сталъ слушать обоими ушами и узналъ, что они говорятъ именно о нашихъ бѣглецахъ. Я все лежалъ и разузналъ всѣ ихъ планы. Они говорили, что этого молодого человѣка отправятъ на-

задъ въ Кентукки, къ прежнему господину, который хочетъ примѣрно наказать его, чтобы отучить остальныхъ негровъ отъ побѣга; жену его намѣрены свезти въ Новый Орлеанъ и тамъ продать, оцѣнивъ ее отъ 1,600 до 1,800 долларовъ; ребенка разсчитываютъ отдать торговцу, уже купившему его; Джима же и мать его возвратить прежнему ихъ владѣльцу въ Кентукки. Они говорили еще, что въ одномъ изъ ближайшихъ

городовъ возьмутъ двухъ полицейскихъ, которые должны помочь имъ захватить бѣглецовъ. Эту молодую женщину хотятъ представить въ судъ, и одинъ изъ заговорщиковъ, маленькій и краснорѣчивый, объявитъ её своею собственностью, выхлопочетъ права на нее и увезетъ на Югъ. Они отлично знаютъ, по какой дорогѣ поѣдемъ мы сегодня ночью, и нападутъ на насъ въ числѣ шести или восьми человѣкъ. И такъ, что же намъ теперь дѣлать?...

Легко представить себѣ, какъ поразило это извѣстіе присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и Рахиль Галлидей, бросившую мѣсить тѣсто въ квашнѣ и подошедшую послушать вѣстей.

Что же мы будемъ дѣлать, Джорджъ?—спросила Элиза слабымъ голосомъ.

— Я знаю чтó, — отвѣтилъ Джорджъ, шагая по маленькой комнатѣ и осматривая свои пистолеты.

— Эге! — проговорилъ Финеасъ, кивнувъ головой Симеону.—Видишь-ли, Симеонъ, какъ пойдетъ дѣло?

— Вижу, — со вздохомъ отвѣтилъ Симеонъ, — и молю Бога, чтобы не дошло до этого.

— Я не желаю подвергать васъ опасности изъ-за себя,—говорилъ Джорджъ.—Если вы дадите мнѣ телѣгу и укажете путь,—я одинъ доѣду до слѣдующаго пункта. Джимъ силенъ, какъ левъ, и отчаянно храбръ; я тоже постою за себя.

— Вѣрю, вѣрю, другъ мой,—замѣтилъ Финеасъ,—но все-таки тебѣ нуженъ проводникъ. Драку я охотно предоставлю тебѣ, но дорогу знаю гораздо лучше тебя.

— Но я рѣшительно не желаю замѣшивать васъ,—настаивалъ Джорджъ.

— Замѣшивать?—переспросилъ Финеасъ, лукаво и проницательно взглянувъ на него. — Не бойся, только, пожалуйста, предупреди меня, когда наступитъ замѣшиваніе.

— Финеасъ — человѣкъ разумный и знающій, — замѣтилъ Симеонъ.—Ты хорошо сдѣлаешь, Джорджъ, если положишься на его совѣты. Но, — продолжалъ онъ, дружески положивъ руку на плечо Джорджа и указывая на пистолеты, — не торопись дѣйствовать этимъ: молодая кровь горяча...

— Я не намѣренъ на нихъ нападать, — отвѣтилъ Джорджъ.—Мнѣ ничего не нужно, кромѣ того, чтобы меня оставили въ покоѣ,—и я уйду съ миромъ. Но...

Онъ помолчалъ съ минуту, взоръ его омрачился, лицо выразило страданіе.

— Одну изъ сестеръ моихъ продали на рынкѣ, въ Новомъ Орлеанѣ, — и я знаю, для чего ихъ продаютъ. Такъ неужели-же я буду стоять сложа руки, видя, какъ жену мою возьмутъ и продадутъ, тогда какъ Богъ далъ мнѣ силу для ея защиты?... Нѣтъ, съ помощью Бога, я буду драться на смерть, защищая жену и сына. Неужели же вы осудите меня за это?...

— Смертный человѣкъ не можетъ осуждать тебя, Джорджъ. Плоть и кровь не въ силахъ дѣйствовать иначе,—проговорилъ Симеонъ. — Горе міру за злобу его, но еще большее горе тому, отъ кого эта злоба исходитъ!

— Неужели вы сами, сэръ, не сдѣлали-бы тогоже, бывши на моемъ мѣстѣ?

— Молю Бога не вводить меня въ искушеніе,—сказалъ Симеонъ,—потому что плоть человѣческая слаба.

Разговоръ еще продолжался по поводу возможно-

сти открытаго сопротивленія, при чемъ Финеасъ дѣлалъ опредѣленные намеки, что онъ не прочь принять въ этомъ участіе. Въ прежніе годы онъ былъ удалымъ охотникомъ и стрѣлкомъ; теперь онъ только примкнулъ къ общинѣ квакеровъ, но не былъ еще въ полномъ смыслѣ квакеромъ.

— Не лучше-ли намъ поспѣшить побѣгомъ? — спросилъ Джорджъ.

— Я всталъ сегодня въ четыре часа и ѣхалъ во всю прыть; выѣхалъ же я часами двумя-тремя раньше, чѣмъ они предполагали отправиться въ путь. Неблагоразумно выѣзжать намъ засвѣтло, потому что въ селеніяхъ, на пути, есть неблагонадежные люди: они, пожалуй, могутъ остановить насъ и продержать дольше, чѣмъ мы переждемъ теперь. Часа черезъ два, однако, я думаю, мы отправимся въ путь. Я схожу къ Михаилу Кроссу, попрошу его ѣхать за нами на своей молодой лошадкѣ, чтобы осматривать мѣстность и дать намъ знать, если появятся какіе-нибудь подозрительные люди. У Михаила же такая лошадь, что перегонитъ многихъ. Если будетъ опасность, онъ можетъ выстрѣломъ дать намъ знакъ. Я предупрежу также Джима и его мать, чтобы собирались въ путь, и похлопочу о лошадяхъ. Мы настолько опередили погоню, что, вѣроятно, доѣдемъ, куда слѣдуетъ, прежде чѣмъ насъ могутъ настигнуть. Такъ не бойся, другъ Джорджъ! Мнѣ уже не первый разъ выручать изъ бѣды вашего брата, — заключилъ Финеасъ, затворяя за собою дверь.

— Финеасъ—человѣкъ свободный, — сказалъ Симеонъ: — онъ сдѣлаетъ для вашего побѣга все какъ можно лучше.

— Но меня огорчаетъ, — отвѣтилъ Джорджъ, — опасность, которой вы подвергаетесь.

— Сдѣлай милость, другъ Джорджъ, не говори совсѣмъ объ этомъ. Совѣсть наша повелѣваетъ намъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ, иначе поступать невозможно. А ты, мать, — обратился онъ къ Рахили, — поторопи стряпню для нашихъ друзей. Нельзя же отпустить ихъ голодными.

Рахиль съ дѣтьми занималась печеньемъ лепешекъ, приготовленіемъ баранины, цыплятъ и прочихъ принадлежностей ужина. Джорджъ съ женой сидѣли въ маленькой комнатѣ, охвативъ другъ друга руками, и разговаривали такъ, какъ могутъ разговаривать супруги, ожидающіе черезъ нѣсколько часовъ, быть можетъ, вѣчной разлуки...

Вскорѣ послѣ ужина, подъѣхала большая крытая телѣга. Ночь была свѣтлая, звѣздная. Финеасъ быстро соскочилъ съ козелъ, чтобы помочь сѣдокамъ. Вышелъ Джорджъ, неся на одной рукѣ ребенка, а другою поддерживая жену. Походка его была тверда, выраженіе лица спокойное и рѣшительное. Рахиль и Симеонъ шли за ними.

— Выйдите на минуту,—сказалъ Финеасъ сидѣвшимъ внутри экипажа:—нужно уложить задокъ у телѣги, чтобы ловчѣе было женщинамъ и ребенку.

— Вотъ двѣ буйволовыя шкуры, — сказала Рахиль. — Устрой поудобнѣе сидѣнье: трудно будетъ ѣхать всю ночь.

Вылѣзъ Джимъ и заботливо помогъ выйти своей старухѣ-матери, крѣпко державшейся за его руку и тревожно озиравшейся вокругъ, боясь каждую минуту погони.

— Въ порядкѣ-ли твои пистолеты, Джимъ?—освѣдомился Джорджъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.

— Въ порядкѣ,—отвѣтилъ тотъ.

— Ты вѣдь знаешь свое дѣло, въ случаѣ нападенія на насъ?

— Будь спокоенъ, знаю,—отвѣтилъ Джимъ, раскрывая свою широкую грудь и глубоко вздыхая. — Не думаешь-ли ты, что я имъ мать-то назадъ отдамъ?..

Когда происходилъ этотъ разговоръ, Элиза простилась съ добрымъ другомъ своимъ, Рахилью, и Симеонъ помогъ ей сѣсть въ телѣгу. Она съ ребенкомъ усѣлась внутри повозки, между буйволовыми шкурами; туда же посадили и старуху. Джорджъ и Джимъ помѣстились противъ нихъ, на простой скамейкѣ; Финеасъ взлѣзъ на козлы.

— Прощайте, друзья мои!—сказалъ Симеонъ.

— Богъ да благословитъ васъ!—отвѣтили уѣзжавшіе.

И телѣга тронулась въ путь, стуча и подпрыгивая по замерзшей дорогѣ.

Повозка катилась по длиннымъ, темнымъ перелѣскамъ, чрезъ открытыя, унылыя поляны, по горамъ и долинамъ, убѣгая дальше и дальше. Вскорѣ Гарри заснулъ и отяжелѣлъ на колѣнахъ матери. Бѣдная, напуганная старуха также нѣсколько поуспокоилась. Къ концу ночи даже и Элиза забыла свои тревоги, глаза ея стали смыкаться. Всѣхъ бодрѣе и крѣпче оказался Финеасъ, развлекавшійся во все время долгаго пути насвистываніемъ какихъ-то совсѣмъ не квакерскихъ пѣсенокъ.

Около трехъ часовъ, Джорджъ услышалъ въ нѣ-

На пути къ охотничьей пещерѣ

которомъ отдаленіи частый топотъ лошадиныхъ копытъ и толкнулъ локтемъ Финеаса. Финеасъ сдержалъ лошадей и сталъ прислушиваться.

— Это, должно быть, Михаилъ,—сказалъ онъ.— Мнѣ кажется, что я узнаю бѣгъ его лошади.

Онъ привсталъ и, вытянувъ шею, тревожно глядѣлъ назадъ, по направленію дороги.

На вершинѣ довольно отдаленнаго пригорка показался человѣкъ, скакавшій во всю прыть.

— Кажется, это онъ,—сказалъ Финеасъ.

Джорджъ и Джимъ выпрыгнули изъ повозки, сами не зная хорошенько, что они намѣрены дѣлать. Молча обернулись они въ ту сторону, откуда скакалъ предполагаемый Кроссъ. Онъ спустился съ горы въ лощину и скрылся изъ виду, но топотъ лошади раздавался ближе и ближе. Наконецъ, всадникъ показался на ближайшемъ возвышеніи, на разстояніи оклика человѣческаго голоса.

— Да, это — Михаилъ! — проговорилъ Финеасъ и громко крикнулъ:—Эй, Михаилъ, сюда!

— Это ты, Финеасъ?

— Я. Что новаго? Гдѣ они?

— Слѣдомъ за мной... Всѣ пьяны; бранятся и вопятъ, словно волки.

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ, порывъ вѣтра принесъ отголосокъ близкаго конскаго топота.

— Въ повозку, ребята, скорѣй въ повозку!—воскликнулъ Финеасъ.—Если хотите драться—подождите, пока я выберу мѣсто.

Джорджъ и Джимъ вскочили въ повозку; Финеасъ погналъ лошадей во всю прыть; Кроссъ же скакалъ рядомъ съ ними. Повозка мчалась, подпрыгивая по

мерзлой дорогѣ, но шумъ погони становился все слышнѣе. Женщины также слышали его и, тревожно поглядывая назадъ, видѣли вдали толпу всадниковъ, темныя фигуры которыхъ рѣзко обрисовывались на аломъ фонѣ утренней зари. Проѣхавъ еще одинъ пригорокъ, преслѣдующіе, вѣроятно, увидѣли повозку, замѣтную издали по ея бѣлому суконному верху, и крики радости донеслись по вѣтру къ бѣглецамъ. Элиза почти безъ чувствъ крѣпко прижимала сына къ груди; старуха шептала молитвы, а Джорджъ и Джимъ съ отчаяніемъ схватились за пистолеты. Погоня все приближалась. Повозка вдругъ поворотила въ сторону, и они очутились возлѣ массы крутыхъ скалъ, возвышавшихся уединеннымъ утесомъ на ровной и гладкой поверхности, обнесенной изгородью. Темное очертаніе этой громады утесовъ рѣзко обрисовывалось на свѣтлѣвшемъ фонѣ неба и, повидимому, обѣщало скрытное убѣжище. Мѣсто это было хорошо знакомо Финеасу, часто бывавшему здѣсь, когда онъ хаживалъ на охоту. Сюда-то и торопился онъ. усиленно погоняя лошадей.

— Вотъ мы и пріѣхали!—проговорилъ онъ, спрыгнувъ съ козелъ.—Скорѣе выходите и спѣшите за мною въ скалы! Михаилъ, привяжи свою лошадь къ повозкѣ и поѣзжай къ Амаріи: пусть онъ придетъ сюда со своими ребятами повидаться съ этими людьми.

Въ минуту въ повозкѣ никого уже не было.

— Сюда! — продолжалъ Финеасъ, взявъ на руки маленькаго Гарри.—Вы же позаботьтесь о женщинахъ и—бѣгомъ, что́ есть силъ!..

Понуканій не потребовалось. Скорѣе, чѣмъ мы

можемъ разсказать, всѣ до одного перебрались чрезъ изгородь и бѣжали къ скаламъ. Митчель же, соскочивъ съ лошади и привязавъ ее за поводъ къ повозкѣ, быстро уѣзжалъ отъ этого мѣста.

— Впередъ!—сказалъ Финеасъ, когда они достигли скалъ и увидѣли, при мерцаніи утренней зари и свѣта звѣздъ, слѣды крутой, но битой тропинки, ведущей въ средину скалъ. — Здѣсь одна изъ нашихъ охотничьихъ пещеръ. За мной!..

Финеасъ шелъ впереди, прыгая, какъ коза, со скалы на скалу, съ ребенкомъ на рукахъ. За нимъ слѣдовалъ Джимъ, неся на плечахъ свою старуху-мать. Джорджъ и Элиза замыкали шествіе. Всадники, прискакавъ къ изгороди, съ криками и проклятіями слѣзали съ лошадей, чтобы преслѣдовать бѣглецовъ, поспѣшно взбиравшихся на гору и черезъ нѣсколько минутъ достигшихъ вершины ея. Тропинка шла тамъ въ ущельѣ, чрезъ которое нельзя было идти иначе, какъ по-одиночкѣ, и привела путниковъ къ разсѣлинѣ, фута въ три шириною, за которою стояла пирамида утесовъ, отдѣленная отъ другихъ скалъ этою пропастью футовъ въ тридцать глубиною, съ отвѣсными стѣнами, словно въ укрѣпленномъ замкѣ. Финеасъ легко перепрыгнулъ чрезъ разсѣлину и положилъ ребенка на ровной, мягкой площадкѣ, покрытой сѣдымъ мхомъ, занимавшимъ всю вершину горы.

— Теперь, — сказалъ Финеасъ, — прыгайте кому жизнь дорога!..

Путники одинъ за другимъ перепрыгнули чрезъ разсѣлину. Нѣсколько отдѣлившихся отъ общей массы скалъ составляли какъ-бы родъ укрѣпленія, укрывавшаго ихъ отъ преслѣдователей.

— Вотъ такъ. Теперь мы всѣ здѣсь, — проговорилъ Финеасъ, посматривая на противниковъ, шумно взбиравшихся на скалы. — Пускай теперь возьмутъ насъ, если могутъ. Имъ придется идти къ намъ между этихъ двухъ скалъ, по-одиночкѣ, прямо противъ нашихъ пистолетовъ. Понимаете ли, товарищи?..

— Вполнѣ понятно, — отвѣтилъ Джорджъ. — Но такъ какъ дѣло касается только насъ, то рисковать и сражаться будемъ мы одни.

— Пожалуй, сражайся себѣ, Джорджъ!—сказалъ Финеасъ, пережевывая листья шелковичнаго дерева.— Но—я полагаю—мнѣ можно будетъ полюбоваться... Смотри, какъ они разсуждаютъ тамъ внизу, поглядывая вверхъ, словно куры, собирающіяся взлетѣть на насѣстъ. Не сказать-ли имъ словечко въ предупрежденіе, прежде чѣмъ они пожалуютъ сюда? Дай имъ понять, что по нимъ стрѣлять будутъ.

Преслѣдователи, которыхъ теперь лучше можно было разсмотрѣть на разсвѣтѣ, состояли изъ извѣстныхъ уже намъ: Тома Локера и Маркса, сопровождаемыхъ двумя полицейскими и гурьбою бродягъ, завербованныхъ на подмогу въ послѣдней тавернѣ, за глотокъ водки, для отысканія убѣжища бѣглыхъ негровъ.

— Не правда-ли, Томъ, — говорилъ одинъ изъ нихъ:—кролики-то отчаянно попались?

— Да, они тамъ, на верху!—отвѣтилъ Томъ.—А вотъ и тропинка. По моему, надо идти прямо на нихъ. Вѣдь не спрыгнутъ же они въ пропасть, да и оттуда ихъ выжить не долго.

— Но они могутъ стрѣлять изъ-за скалъ, а это не совсѣмъ-то пріятно.

— Эхъ! — насмѣшливо отвѣтилъ Томъ. — Ты, Марксъ, только и думаешь о своей шкурѣ!.. Но дѣло не такъ опасно, какъ ты думаешь: негръ слишкомъ трусъ на это.

— Но почему-бы мнѣ и не жалѣть своей шкуры?.. У меня вѣдь нѣтъ другой, получше!.. А негры иногда дерутся, какъ черти...

Въ это время Джорджъ взошелъ на вершину одной скалы и спокойно, внятно спросилъ:

— Что вы за люди и чего вамъ нужно?

— Мы ищемъ нѣсколько бѣглыхъ негровъ,—отвѣтилъ Томъ Локеръ:—Джорджа Гарриса, Элизу Гаррисъ съ ихъ сыномъ, Джима Сильденъ и старую женщину. Съ нами есть полицейскіе и разрѣшеніе мѣстной власти задержать ихъ. Это вотъ мы сейчасъ и сдѣлаемъ. Слышите ли?.. Не ты ли Джорджъ Гаррисъ, принадлежащій г. Гаррису, изъ графства Шельби, что въ Кентукки?

— Я—Джорджъ Гаррисъ. Одинъ господинъ Гаррисъ изъ Кентукки считалъ меня своею собственностью; но теперь я—свободный человѣкъ, нахожусь на вольной Божьей землѣ и признаю своими жену и сына. Джимъ и мать его тоже здѣсь. Мы имѣемъ оружіе для защиты и рѣшились на это. Вы можете идти сюда, если хотите; но первый, подошедшій на разстояніе выстрѣла, будетъ убитъ, а за нимъ и другой. и третій—всѣ до послѣдняго.

— Полно, полно!—проговорилъ низенькій и толстенькій человѣкъ, подвигаясь впередъ и сморкаясь на ходу.—Вы не дѣло говорите, молодой человѣкъ. Вы видите, мы—судебные чиновники: на нашей сторонѣ законъ и власть. Лучше всего—сдавайтесь безъ

сопротивленія! Вѣдь рано или поздно придется кончить тѣмъ-же!..

— Я очень хорошо знаю, что законъ и власть на вашей сторонѣ, — съ горечью отвѣтилъ Джорджъ. — Вы хотите взять жену мою, чтобы продать ее въ Новый Орлеанъ, и уложить моего сына, какъ теленка, въ фургонъ торговца невольниками. Вы хотите отослать мать Джима къ безчувственной твари, которая сѣкла и била ее только за то, что лишена была возможности истязать ея сына. Вы хотите отослать меня и Джима назадъ, чтобы насъ мучили и истязали попрежнему, чтобы мы были раздавлены тѣми, которыхъ вы называете нашими господами... Да, законы ваши позволяютъ вамъ это... Тѣмъ болѣе срама для васъ и для нихъ! Но вы еще не взяли насъ, — и мы не признаемъ власти вашихъ законовъ и вашей страны. Мы стоимъ здѣсь, подъ Божьимъ небомъ, настолько-же свободные, какъ и вы, — и клянемся Всемогущимъ Богомъ, создавшимъ насъ, что будемъ защищать нашу свободу до смерти.

Провозглашая это, Джорджъ стоялъ въ яркомъ свѣтѣ, на самой вершинѣ горы. Сіяніе зари освѣщало его смуглое лицо, а негодованіе и отчаяніе пылали огнемъ въ его темныхъ глазахъ. Поднявъ руку къ небу, онъ какъ-будто протестовалъ предъ Божескимъ судомъ противъ людской несправедливости.

Положеніе, взглядъ, голосъ и всѣ движенія говорившаго поразили на минуту людей, стоявшихъ внизу, и они замолкли. Въ отвагѣ, въ рѣшимости всегда есть нѣчто смиряющее на время даже самыя грубыя натуры. Одного Маркса не тронуло это, не оказало на него никакого дѣйствія. Онъ преспокойно взвелъ

курокъ своего пистолета и выстрѣлилъ по Джорджу, во время общаго молчанія, наступившаго за его рѣчью.

— За мертваго дадутъ намъ въ Кентукки столько-же, сколько и за живого,—хладнокровно сказалъ онъ, вытирая пистолетъ рукавомъ.

Джорджъ отскочилъ назадъ. Элиза вскрикнула, такъ какъ пуля пронеслась возлѣ самой головы мужа, едва не задѣвъ притомъ и ея лица, и ударилась о дерево, высившееся надъ ними.

— Пустяки, Элиза, не бойся!—поспѣшно сказалъ Джорджъ.

— Да вы станьте-ка лучше къ сторонкѣ, чтобъ они васъ не видали, тогда и растабаривайте,—замѣтилъ Финеасъ:—вѣдь это гнусные негодяи!..

— Теперь, Джимъ, — проговорилъ Джорджъ, — смотри, чтобы пистолетъ твой былъ въ полномъ порядкѣ, и стань со мною насторожѣ въ этомъ ущельѣ. Въ перваго, показавшагося тутъ, буду стрѣлять я, а ты цѣлься во второго, и такъ далѣе. Понимаешь, — намъ невозможно тратить по два заряда на каждаго человѣка.

— А какъ промахнешься?

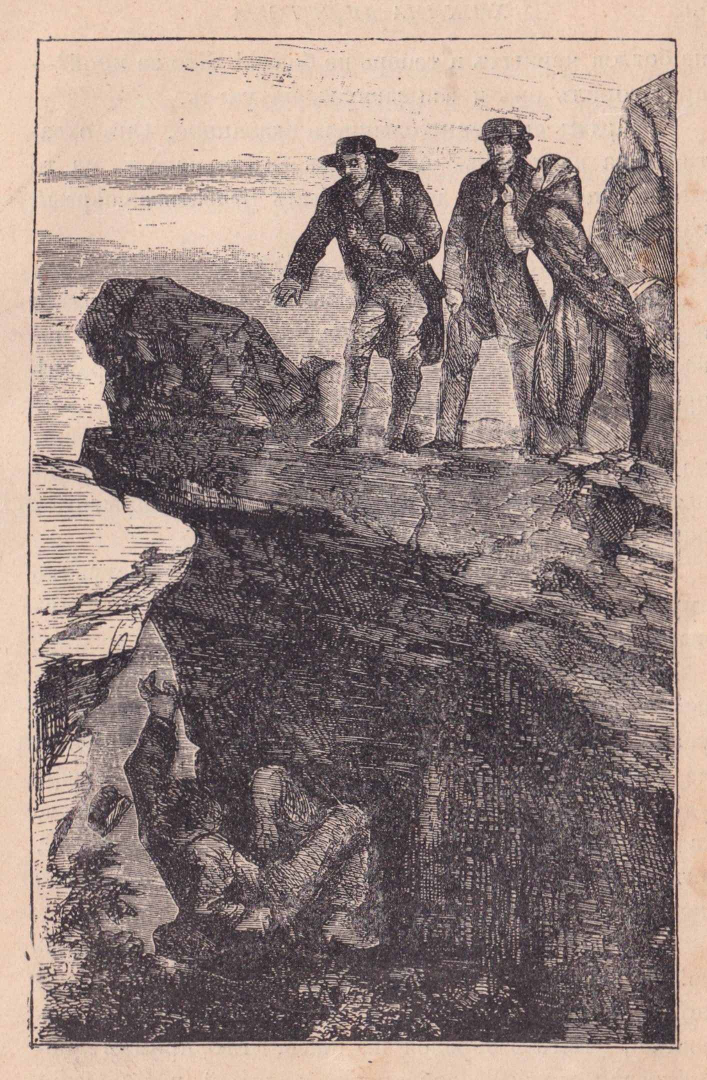
— Никогда!—спокойно отвѣтилъ Джорджъ.

— Славно! Чудесный парень,—сквозь зубы пробормоталъ Финеасъ.

Находившіеся внизу оставались, послѣ выстрѣла Маркса, нѣсколько минутъ въ какой-то нерѣшительности.

— Кажется, ты зацѣпилъ кого-то,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Я слышалъ, что тамъ кто-то взвизгнулъ.

— Я пойду. Что тутъ долго разговаривать? Кого-нибудь да схвачу,—сказалъ Томъ.—Я никогда

Томъ полетѣлъ въ пропасть...

не боялся черныхъ и теперь не боюсь! Кто за мной?— проговорилъ онъ и вспрыгнулъ на утесъ.

Джорджъ явственно слышалъ сказанное. Онъ схватился за пистолетъ, осмотрѣлъ его и навелъ на то мѣсто ущелья, гдѣ долженъ былъ появиться первый изъ преслѣдователей.

Одинъ изъ нихъ, посмѣлѣе, послѣдовалъ за Томомъ; за ними двинулись и остальные. Задніе подталкивали и подгоняли переднихъ. Громадная фигура Тома показалась прежде другихъ почти на самой окраинѣ пропасти.

Джорджъ выстрѣлилъ. Пуля ударила Тома въ бокъ, но онъ и раненый не хотѣлъ отступить. Со страшнымъ ревомъ, какъ разъяренный быкъ, перепрыгнулъ онъ чрезъ расщелину пропасти.

— Другъ!—сказалъ Финеасъ, быстро выступивъ ему на встрѣчу и сильно толкнувъ его своими длинными руками,—ты намъ здѣсь не нуженъ.

Томъ полетѣлъ въ пропасть. Затрещали сучья деревьевъ, кусты и гнилые пни, посыпались камни; онъ упалъ въ тридцати-футовую пропасть и растянулся на днѣ ея. Едва-ли онъ остался бы живъ, еслибы ударъ не былъ ослабленъ сучьями большихъ деревьевъ, за которые цѣплялось его платье. Тѣмъ не менѣе, онъ ударился очень сильно, и положеніе его было крайне непріятно и неудобно.

— Господи, помоги намъ! Да это дьяволы какіе-то! — проговорилъ Марксъ, бросаясь бѣжать прежде всѣхъ и спускаясь со скалъ съ большею торопливостью, чѣмъ взобрался на нихъ. Его примѣру послѣдовали другіе, особенно же толстый полицейскій служитель, усиленно пыхтѣвшій.

— Вотъ что, братцы,—сказалъ Марксъ,—зайдите вонъ оттуда да подымите Тома, а я пока на лошади слетаю за подмогою... Слышите-ли?..

Не обращая вниманія на смѣхъ и издѣвательство своихъ товарищей, онъ ускакалъ.

— Ну, есть-ли еще гдѣ-нибудь подобная низкая шельма?—проговорилъ одинъ изъ оставшихся.—Пришелъ по своему дѣлу,—и насъ же выдалъ, бросилъ!

— Постойте, однако-жъ, нужно все-таки поднять того молодца,—замѣтилъ другой.—Но могу поклясться, что онъ для меня все равно—что мертвый, что живой.

Прислушиваясь къ стонамъ Тома, они начали пробираться между кустарниками, по пнямъ и бурелому, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ этотъ герой, громко стоная по-временамъ и бранясь.

— Ты тутъ сильно шумишь, Томъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ.—Вѣрно тебѣ порядкомъ попало?..

— Этого я еще не знаю... Но подымите-же меня!.. Будь онъ проклятъ, этотъ дьявольскій квакеръ! Еслибы не онъ,—я вѣрно спустилъ бы сюда хоть одного изъ нихъ. Пусть бы попробовалъ, что это за штука!..

Съ большимъ трудомъ и со стонами раненый Томъ кое-какъ приподнялся на ноги, при помощи своихъ пріятелей, и они. поддерживая его подъ руки, довели до того мѣста, гдѣ стояли лошади.

— Ахъ, еслибы вы проводили меня хоть одну милю, вотъ до той гостиницы!.. Дайте платокъ или что-нибудь, чтобы заткнуть рану и остановить эту дьявольскую кровь...

Джорджъ перевѣсился чрезъ скалу и слѣдилъ, какъ

пытались усадить дюжаго Тома въ сѣдло. Бѣднякъ. послѣ трехъ-четырехъ попытокъ усѣсться, покачнулся и тяжело упалъ на землю.

— Дай Богъ, чтобы онъ не до смерти ушибся!— проговорила Элиза, также смотрѣвшая, вмѣстѣ съ другими, внизъ на то, что дѣлалось тамъ.

— Но почему же и не такъ?—сказалъ Финеасъ.— Подѣломъ ему!

— Потому что послѣ смерти наступаетъ судъ Божій,—отвѣтила Элиза.

— Истинно такъ! — поддержала старуха, во все время стычки вздыхавшая и молившаяся. — Плохо, очень плохо будетъ ему, бѣднягѣ, на томъ свѣтѣ.

— Смотрите-ка,— сказалъ Финеасъ,— они вѣдь хотятъ, повидимому, совсѣмъ оставить его!..

Дѣйствительно, лица, окружавшія Тома, потолковавъ между собою, сѣли на лошадей и уѣхали. Когда они совершенно скрылись изъ виду, Финеасъ захлопоталъ:

— Намъ нужно сойти и пройти немного по дорогѣ,—сказалъ онъ.—Я давеча наказывалъ Кроссу поспѣшить впередъ, позвать кого-нибудь на помощь и привезти сюда телѣгу. Намъ непремѣнно нужно пройти сколько-нибудь по дорогѣ, на встрѣчу имъ. Дай-то Богъ, чтобы онъ поскорѣе вернулся! Время не позднее, и намъ не много придется идти пѣшкомъ: до привала осталось не болѣе двухъ миль. Еслибы въ эту ночь дорога была не такъ изрыта,—имъ не догнать бы насъ: мы бы непремѣнно ушли.

Вскорѣ вдали, на дорогѣ, показалась телѣга Михаила Кросса, возвращавшагося въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, ѣхавшихъ верхомъ.

— Ну, вотъ и Михаилъ, и Стефенъ, и Амарія!— радостно воскликнулъ Финеасъ.—Теперь мы внѣ всякой опасности.

— Остановитесь на минуту! — сказала Элиза. — Сдѣлаемъ что-нибудь... поможемъ этому бѣдняку. Какъ ужасно онъ стонетъ!..

— Это велитъ намъ и христіанскій долгъ! — отозвался Джорджъ.—Пойдемъ, поднимемъ его и возьмемъ съ собою.

— Мы его и полѣчимъ у квакеровъ! — сказалъ Финеасъ.—Пойдемте, я не прочь. Взглянемъ на него.

Всѣ пошли. Финеасъ, научившійся во время своихъ охотничьихъ похожденій по лѣсамъ нѣкоторымъ хирургическимъ пріемамъ, правда довольно грубымъ, наклонился надъ раненымъ и началъ внимательно осматривать и ощупывать его.

— Марксъ!—тихо сказалъ Томъ.—Это ты, Марксъ?

— Нѣтъ, пріятель, мнѣ кажется, это — не Марксъ! — отвѣтилъ Финеасъ. — Много о тебѣ забо-

тится твой Марксъ! Ему бы только своя шкура была цѣла... Твой Марксъ-то, братъ, давно удралъ!..

— Э-эхъ! совсѣмъ доканали меня, — сказалъ Томъ.—Проклятый песъ бросилъ меня околѣвать тутъ. Моя бѣдная старуха-мать всегда говорила, что это непремѣнно случится со мной...

— Господи Боже мой! Послушайте, что говоритъ бѣдняга! Вѣдь у него матушка есть!—замѣтила старая негритянка. — Мнѣ теперь еще больше жаль его.

— Тише, тише ты, пріятель, не толкайся и не брыкайся!—говорилъ Финеасъ Тому, отпихивавшему его руку.—Ты погибнешь, если я не остановлю тебѣ кровь.

Говоря это Финеасъ еще усерднѣе занялся хирургіей, перевязывая рану платкомъ и другимъ тряпьемъ, оказавшимся подъ рукою.

— Это ты столкнулъ-то меня? — спросилъ Томъ слабымъ голосомъ.

— А то кто же? Еслибъ я не столкнулъ тебя, такъ, видишь, дружище, ты столкнулъ бы меня, — говорилъ Финеасъ, оканчивая перевязку. — Лежи смирно, лежи! дай мнѣ закрѣпить бинтъ... Мы тебѣ добра желаемъ; у насъ нѣтъ никакой злобы противъ тебя. Мы свеземъ тебя въ такое мѣстечко, гдѣ за тобой будутъ ухаживать не хуже родной матери.

Томъ снова застоналъ и закрылъ глаза. Въ такихъ людяхъ, какъ онъ, рѣшимость и сила зависятъ только отъ физическихъ силъ и вмѣстѣ съ потерей крови утрачиваются. Поэтому Томъ, въ виду громадности его размѣровъ, представлялся еще болѣе жалкимъ въ полномъ своемъ безсиліи.

Подоспѣлъ и Михаилъ Кроссъ. Телѣга остановилась. Изъ нея было все вынуто; настлали къ одной сторонкѣ буйволовыхъ шкуръ, сложенныхъ вдвое, и четыре человѣка, съ трудомъ поднявъ Тома, положили его на эту подстилку. Онъ въ это время совершенно уже лишился чувствъ. Старуха-негритянка, въ порывѣ сострацанія, сѣла около него и положила на колѣна къ себѣ его голову. Элиза, Джорджъ и Джимъ размѣстились кое-какъ по краямъ телѣги — и отправились въ путь.

— Какъ ты думаешь о немъ?—спросилъ Джорджъ, сидѣвшій рядомъ съ Финеасомъ.

— Да рана глубоко-таки прошла въ мясо!.. Впрочемъ, можетъ оправится, да кстати чему-нибудь и научится еще чрезъ это...

— Я очень радъ слышать это,—сказалъ Джорджъ.— Мнѣ тяжело было бы вспоминать, что я былъ причиною его смерти, хоть и заслуженной.

— Да,—сказалъ Финеасъ.—убить человѣка—прегадкая штука. Непріятно даже и скотину убить. Я былъ страстнымъ охотникомъ и, скажу тебѣ, видалъ на-смерть подстрѣленнаго оленя,—видалъ, какъ онъ, бѣдняга, взглядывалъ на своего убійцу такими глазами, что охотнику жутко становилось на душѣ... Съ людьми-то вѣдь еще важнѣе, когда знаешь, что послѣ смерти настанетъ судъ Божій, какъ справедливо замѣтила твоя жена.

— Что-жъ намъ дѣлать съ этимъ бѣднягой?—спросилъ Джорджъ.

— Свеземъ его къ Амаріи. Бабушка Стефена, по имени Доркасъ, чудесно лѣчитъ. Она словно рождена, чтобы быть сидѣлкой, и никогда такъ хорошо не чув-

ствуетъ себя, какъ у постели больного. Онъ побудетъ у ней на рукахъ недѣлю-другую.

Часа черезъ два, утомленные путешественники добрались до опрятной и красивой фермы, гдѣ нашли ожидавшій ихъ завтракъ. Тома Локера перенесли на чистую и мягкую постель, на какой еще никогда прежде не приходилось ему спать. Рана его была тщательно обмыта и забинтована; онъ лежалъ покорно и тихо, какъ ребенокъ, открывая по-временамъ тяжелыя вѣки и смотря на бѣлыя оконныя занавѣски комнаты и на осторожно проходившихъ людей.

Оставимъ его въ этомъ положеніи на нѣкоторое время, а также и всѣхъ окружающихъ его.

ГЛАВА XVII.

Томъ на новомъ мѣстѣ.

Въ матеріальномъ отношеніи Тому нельзя было пожаловаться на свою новую жизнь. Ева привязалась къ нему и выпросила себѣ Тома въ постоянные провожатые, во время прогулокъ или выѣздовъ верхомъ. Тому разъ навсегда было дано приказаніе: бросать всѣ другія занятія и немедленно являться на зовъ Евы, когда онъ ей былъ нуженъ. Конечно, ему это было совсѣмъ не въ тягость. Онъ былъ всегда отлично одѣтъ, потому что Сентъ-Клеръ чрезвычайно заботился о костюмѣ своей прислуги. Кучерская служба Тома была номинальная и ограничивалась ежедневнымъ осмотромъ конюшни и руководствомъ молодого невольника, даннаго ему въ помощники.

Марія Сентъ-Клеръ заявила, чтобы Томъ, бывая около нея, не приносилъ съ собою запаха навоза, и потребовала, чтобы его не употребляли ни для какой работы, которая могла бы сдѣлать его присутствіе вреднымъ для нея.

Черный, превосходно вычищенный сюртукъ, пуховая шляпа, блестящіе сапоги, воротнички и манжеты безукоризненной бѣлизны, въ соединеніи съ важнымъ добродушіемъ физіономіи, придавали Тому чрезвычайно почтенный видъ.

Нашъ другъ Томъ, въ своихъ простодушныхъ мечтахъ, сравнивалъ улучшеніе своего положенія въ рабствѣ съ участью Іосифа въ Египтѣ. По мѣрѣ того, какъ новый его господинъ, т.-е. Сентъ-Клеръ, болѣе узнавалъ его, сравненіе это получало большій и большій смыслъ. Сентъ-Клеръ, какъ человѣкъ беззаботный, не зналъ цѣны деньгамъ. Закупками по хозяйству завѣдывалъ преимущественно Адольфъ, который въ беззаботности и вѣтрености подражалъ своему господину. Оба они были мастера тратить деньги. Томъ же привыкъ смотрѣть на господское имущество, какъ на добро, которое онъ обязанъ беречь. Ему прискорбно было видѣть эту расточительность въ управленіи хозяйствомъ, и онъ едва скрывалъ свое неудовольствіе, часто, однако, обиняками дѣлая намеки по этому поводу.

Замѣтивъ въ Томѣ много здраваго смысла и сноровку къ дѣламъ, Сентъ-Клеръ съ каждымъ днемъ становился къ нему довѣрчивѣе; наконецъ, поручилъ ему закупку провизіи и всѣ распоряженія по части домашняго продовольствія.

— Полно,—сказалъ онъ однажды Адольфу, когда

тотъ сталъ жаловаться, что власть перешла отъ него къ другому,—оставь Тома въ покоѣ! Не надолго хватило бы намъ съ тобою денегъ, еслибы мы не приставили къ расходамъ третьяго лица.

Томъ питалъ къ своему веселому, красивому господину чувство, въ которомъ соединялись привязанность, уваженіе и отеческая заботливость. Однажды Сентъ-Клеръ былъ приглашенъ на пирушку отборной молодежи и возвратился домой часа въ два ночи въ такомъ хмѣльномъ видѣ, что Тому и Адольфу пришлось укладывать его въ постель. Послѣдній былъ въ восхищеніи, видѣлъ въ этомъ похвальную удаль и смѣялся отъ полноты сердца надъ простодушнымъ отчаяніемъ Тома, который провелъ безсонную ночь въ молитвахъ за своего молодого господина.

— Чего ты ждешь, Томъ?—спросилъ на слѣдующій день Сентъ-Клеръ, сидя въ халатѣ и туфляхъ въ своей библіотекѣ. Онъ только-что далъ Тому денегъ, поручивъ ему нѣкоторыя покупки.—Не случилось-ли чего? Все-ли благополучно? — прибавилъ онъ, видя, что Томъ не трогается съ мѣста.

— Боюсь, что не совсѣмъ благополучно,—очень серьезно отвѣтилъ Томъ.

Сентъ-Клеръ положилъ газету, поставилъ на столъ чашку съ кофе и смотрѣлъ на Тома.

— Что же случилось, Томъ? Ты мраченъ, какъ могила.

— Плохо, масръ. Я все думалъ, что масръ добръ для всѣхъ.

— Что-жъ, развѣ ты ошибся въ этомъ? Скажи мнѣ, чего тебѣ надо? Тебѣ, вѣрно, не додали чего-нибудь и ты намекаешь на это?

— Нѣтъ, масръ всегда былъ добръ ко мнѣ, такъ что я не могу пожаловаться. Но къ одному человѣку масръ не добръ...

— Что такое, Томъ? Говори, объясни въ чемъ дѣло...

— Прошлой ночью, часу во второмъ, мнѣ пришло въ голову, что масръ не добръ *къ самому себѣ...*

Томъ сказалъ это, обернувшись спиною къ своему господину и держась за ручку двери. Сентъ-Клеръ чувствовалъ, что краска выступила у него на лицѣ, но тѣмъ не менѣе смѣялся.

— Только и всего?—весело спросилъ онъ.

— Только и всего,—отвѣтилъ Томъ, быстро обернувшись и упавъ на колѣна.—Ахъ, дорогой мой господинъ! мнѣ страшно видѣть, какъ вы губите и *тѣло* и *душу*... Въ мудрой книгѣ сказано: «грѣхъ жалитъ какъ змій и язвитъ какъ ехидна», дорогой мой господинъ!

Голосъ Тома дрожалъ; слезы бѣжали по его щекамъ.

— Бѣдный добрякъ!—проговорилъ Сентъ-Клеръ тоже со слезами на глазахъ. — Встань, Томъ! Я не стою, чтобы обо мнѣ плакали...

Но Томъ не вставалъ и продолжалъ смотрѣть умоляющимъ взоромъ.

— Хорошо, Томъ, больше я не буду ѣздить на ихъ безсмысленныя пирушки, — говорилъ Сентъ-Клеръ,—клянусь честью, не поѣду! Право, не знаю, почему я давно не отказался отъ нихъ. Я всегда ненавидѣлъ эти оргiи и негодовалъ на себя изъ-за нихъ... Теперь, Томъ, утри глаза и ступай по дѣламъ. Иди, иди, полно благословлять меня; я еще, пока, не на-

столько добръ, — и онъ ласково толкнулъ Тома къ двери.—Ручаюсь честью, Томъ, больше ты не увидишь меня такимъ.

И Сентъ-Клеръ сдержалъ свое слово. Грубая чувственность не была врожденнымъ его недостаткомъ.

Но какъ пересказать хлопоты и огорченія миссъ Офеліи, приступившей къ обязанностямъ южной домоправительницы?

Между слугами въ южныхъ штатахъ есть ужасная разница, зависящая отъ характера и достоинствъ хозяйки, первоначально пріучившей ихъ къ услуженію.

Ни Марія Сентъ-Клеръ, ни ея мать не принадлежали къ числу тактичныхъ домоправительницъ, въ родѣ, напримѣръ, г-жи Шельби. Марія была ребячески-безпечна, безпорядочна и непредусмотрительна; естественно, что и прислуга, пріучавшаяся ко всему подъ ея надзоромъ, отличалась тѣми-же свойствами.

Въ первое утро вступленія въ свои обязанности миссь Офелія встала въ четыре часа утра. Прибравъ свою комнату, какъ это всегда дѣлала со времени пріѣзда, она приступила къ строгому осмотру шкаповъ и кладовыхъ, ключи отъ которыхъ были ввѣрены ей.

Сколько тайнъ открылось въ этотъ день, къ ужасу главнѣйшихъ властей кухонной и комнатной іерархіи! Сколько изумленія и ропота возбудили въ домашней прислугѣ обычаи этихъ «сѣверныхъ леди»!..

Старая Дина, оберъ-кухарка и главноуправляющая кухоннымъ департаментомъ, страшно прогнѣвалась за это, по ея мнѣнію, вторженіе въ права ея.

Дина была своеобразная личность. Она родилась

кухаркой, такъ-же какъ и тетушка Хлоя: искусство стряпать—врожденное дарованіе африканской породы. Но Хлоя была кухарка ученая, привычная къ на-

чалу домашней подчиненности; Дина же была геніемъ-самоучкой и, какъ всѣ вообще геніи, вспыльчива, упряма и своенравна въ высочайшей степени.

У ней была аксіома, что поваръ не можетъ сдѣлать не такъ. Къ тому-же въ кухняхъ южныхъ штатовъ повариха всегда была окружена достаточнымъ числомъ головъ и рукъ, на которыя всегда можно свалить бѣду и сохранить во всей чистотѣ свою непогрѣшимость. Если-же какое-либо блюдо за обѣдомъ было испорчено,—всегда находилось пятьдесятъ неоспоримыхъ причинъ этой неудачи и пятьдесятъ виновниковъ, которыхъ Дина бранила съ невообразимымъ усердіемъ.

Время было готовить обѣдъ. Дина, которой нужны были долгія паузы отдыха и размышленія, сидѣла въ кухнѣ на полу и курила изъ коротенькой трубочки, къ которой она очень привыкла и всегда прибѣгала, когда чувствовала потребность вдохновенія въ своихъ распоряженіяхъ.

Вокругъ сидѣли всякаго рода подростки, какими изобилуютъ южныя хозяйства, и лущили горохъ, чистили картофель, щипали дворовую птицу или занимались другимъ дѣломъ по хозяйству. Дина же прерывала иногда свои размышленія, чтобы дать тумака то тому, то другому изъ своихъ подручныхъ.

Миссъ Офелія, совершивъ свой инспекторскій обходъ по дому, вошла въ кухню. Дина имѣла уже свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ о происходившемъ и постановила укрѣпиться на оборонительной и независимой позиціи, рѣшившись оказывать безмолвное, но непреклонное сопротивленіе всякому распоряженію.

Кухня была устроена въ обширной, вымощенной кирпичемъ комнатѣ, съ огромнымъ старамоднымъ очагомъ во всю длину одной изъ стѣнъ. Когда Сентъ-Клеръ возвратился въ первый разъ съ Сѣвера, налюбовавшись тамъ системой и порядкомъ въ кухнѣ своего дяди, онъ разставилъ въ своей кухнѣ цѣлую

шеренгу шкаповъ, комодовъ и сундуковъ, въ пріятномъ заблужденіи, что все это будетъ пригодно Динѣ. Между тѣмъ, чѣмъ больше набиралось шкаповъ и сундуковъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтала Дина мѣста для грязныхъ тряпокъ, гребней, старыхъ башмаковъ, лентъ, искусственныхъ цвѣтовъ и другихъ предметовъ, доставлявшихъ ей большое удовольствіе.

Когда миссъ Офелія вошла въ кухню, Дина не встала съ мѣста и продолжала курить съ торжественнымъ спокойствіемъ. посматривая искоса на ея движенія, но дѣлая видъ, что она наблюдаетъ за работой своихъ помощниковъ.

Миссъ Офелія начала съ того, что выдвинула одинъ изъ ящиковъ комода.

— Для чего у тебя служитъ этотъ ящикъ, Дина?— спросила она.

— Для разныхъ разностей, миссисъ,—отвѣтила та.

Такъ дѣйствительно и было. Изъ «разныхъ разностей», наваленныхъ въ ящикѣ, миссъ Офелія сначала вытащила тонкую камчатную, запачканную кровью салфетку, въ которой, вѣроятно, недавно завернуто было сырое мясо.

— Что это, Дина? неужели ты завертываешь мясо въ самое тонкое столовое бѣлье твоей госпожи?

— Пустяки, миссисъ! Всѣ полотенца были въ расходѣ, такъ я только взяла ее, хотѣла отдать въ стирку, да и положила сюда.

— Неряха!—проговорила про-себя миссъ Офелія, продолжая шарить въ комодѣ, гдѣ нашла еще терку и три мускатныхъ орѣха, молитвенникъ, пару запачканныхъ остъ-индскихъ носовыхъ платковъ, шерсть, вязанье, картузъ табаку и трубку, нѣсколько хлопушекъ, два фарфоровые съ позолотою соусника, а въ нихъ помаду, пару старыхъ башмаковъ, тщательно заколотый булавками свертокъ фланели, въ которомъ оказался рѣпчатый лукъ, камчатныя скатерти, толстыя грязныя полотенца, иголки, прутки и изорванные бумажные мѣшечки, изъ которыхъ сыпались въ комодъ разныя пахучія зелья.

— Куда кладешь ты мускатные орѣхи, Дина?— спросила миссъ Офелія такимъ тономъ, какъ-бы молила Бога, чтобы даровалъ ей терпѣніе.

— Мало-ли куда, миссисъ!.. Вотъ хоть-бы въ эту разбитую чашку, не то въ шкапъ...

— И въ терку?—спросила миссъ Офелія, вынимая ихъ оттуда.

— Нынче утромъ туда положила... Я люблю, чтобы у меня все было подъ рукой,—сказала Дина.— Эй ты, Джекъ! чего стоишь, разиня? Вотъ я тебя!.. Убирайся!—прибавила она, замахнувшись на преступника палкою.

— А это что?—снова спросила миссъ Офелія, вынимая изъ комода соусникъ съ помадой.

— Это? Моя помада. Я прячу ее сюда, чтобы, знаете, была всегда подъ рукой.

— Развѣ же для этого у тебя лучшая посуда твоей госпожи?

— Это я захлопоталась, но на-дняхъ я переложила бы ее куда-нибудь въ другое мѣсто.

Въ такомъ родѣ Дина давала объясненія по поводу каждаго изъ замѣченныхъ миссъ Офеліей безпорядковъ. Когда-же послѣдняя вынула бумажки съ душистымъ зельемъ, Дина болѣе рѣшительнымъ тономъ проговорила:

— Я просила бы не трогать этого... Я люблю знать, гдѣ что лежитъ у меня...

— Ну, а дыры-то въ бумагѣ зачѣмъ?

— Изъ нихъ, видите-ли, сподручнѣе насыпать.

— Но ты видишь, изъ нихъ разсыпалось по всему комоду.

— Понятно... Вольно же вамъ все перевернуть

мнѣ здѣсь!—сказала Дина, съ неудовольствіемъ подходя къ комоду.—Еслибы вы, миссисъ, пошли посидѣть наверхъ, пока я управлюсь, такъ каждая вещь была бы на своемъ мѣстѣ. А что тутъ будешь дѣлать, если барыня за спиной?.. Эй, Семъ! зачѣмъ даешь ребенку сахарницу? Погоди, задамъ я тебѣ!..

— На этотъ разъ, Дина, я сама все приберу въ кухнѣ. Надѣюсь, что тогда ты будешь содержать все въ порядкѣ.

— Сохрани Богъ, миссъ Офелія! Это совсѣмъ не барское дѣло!.. Сроду не видывала, чтобы господа занимались этимъ... старая барыня или миссъ Марія. Я, право, не вижу въ томъ никакой надобности!..

И Дина въ негодованіи расхаживала по кухнѣ, межъ тѣмъ какъ миссъ Офелія собирала и сортировала посуду, выпоражнивала цѣлыя дюжины сахарницъ въ одну посудину, раскладывала по сортамъ скатерти, салфетки и полотенца, чтобъ отдать въ стирку, вытирала и убирала вездѣ своими руками такъ неутомимо и быстро, что Дина не могла придти въ себя отъ удивленія.

— Ну, ужь если всѣ сѣверныя барыни такъ распоряжаются, такъ что же онѣ за барыни!—говорила Дина нѣкоторымъ изъ своихъ помощниковъ, когда миссъ Офелія была на такомъ отъ нея разстояніи, что не могла разслышать. — Я и сама все уберу, когда придетъ время уборки, но не хочу, чтобъ эти барыни путались тутъ не въ свое дѣло!..

Звонокъ къ обѣду прервалъ этотъ разговоръ.

Подъ вечеръ миссъ Офелія опять зашла на кухню. Нѣкоторые изъ черныхъ ребятишекъ закричали:

— А вотъ и тетка Пру идетъ да хнычетъ.

Высокая, костлявая негритянка вошла въ кухню съ корзинкой сухарей и горячихъ булокъ на головѣ.

— А вотъ и тебя Богъ принесъ, — сказала Дина.

Пру имѣла угрюмый видъ и хриплый голосъ. Она сняла съ головы корзину, сѣла скорчившись на

полъ и, облокотившись руками на колѣна, проговорила:

— Господи! Хоть прибралъ бы меня грѣшную!

— Почему ты желаешь умереть?—спросила миссъ Офелія.

— Потому что не для чего жить,—грубо отвѣтила Пру.

— А зачѣмъ ты пьянствуешь? — вмѣшалась въ разговоръ красивая горничная, бренча своими коралловыми серьгами.

Пру сердито и мрачно поглядѣла на нее.

— И тебѣ не миновать этого!—отвѣтила она.—Я очень довольна буду видѣть это. Тогда ты рада будешь выпить, какъ я, чтобы забыть свое горе.

— А развѣ хорошо,—сказала Дженъ, другая хорошенькая горничная,—что ты пропиваешь хозяйскія деньги? Вотъ она какова, миссисъ!

— Такова и останусь. Я и жить не хочу, если нельзя запивать горе.

— Дурно и глупо красть деньги у хозяина, чтобы превращаться въ скота,—замѣтила миссъ Офелія.

— Я тоже думаю, миссизъ, да ужь не отстану отъ своего. Ахъ, еслибы Господь смерть послалъ! Да, умереть—и горю конецъ!..

Медленно, съ трудомъ приподнялась старуха и взяла корзину на голову. Прежде, однако, чѣмъ выйти, она взглянула на горничную, продолжавшую бренчать своими серьгами.

— Ты думаешь, что ты хороша съ этими побрякушками, и не помышляешь, что и ты будешь такою же старою, разбитою каргою, какъ я. Но дастъ Богъ, будешь... Тогда посмотримъ, какъ-то ты не будешь пить!..

И она вышла съ зловѣщимъ смѣхомъ.

— Отвратительная старая тварь! — сказалъ Адольфъ, пришедшій за водой для бритья своему барину.—Еслибъ я былъ ея господиномъ,—я бы еще не такъ билъ ее!..

— У ней и такъ спина до костей пробита,— замѣтила Дина,—платья нельзя надѣть.

Нашъ другъ Томъ, бывшій въ кухнѣ при разговорѣ со старою разносчицей сухарей, вышелъ за нею на улицу. Она шла, безпрестанно охая... Наконецъ, она поставила корзину на крыльцѣ одного дома и начала поправлять старый платокъ, прикрывавшій ея плечи.

— Дай я немного пронесу тебѣ корзину, — сказалъ Томъ съ видомъ состраданія.

— Зачѣмъ?—возразила старуха.—Не нужно!

— Ты, кажется, нездорова, или разстроена, или...—замялся Томъ.

— Нѣтъ, не больна, — отвѣтила старуха отрывисто.

— Хотѣлось бы мнѣ,—сказалъ Томъ, смотря на нее съ участіемъ,—хотѣлось бы мнѣ уговорить тебя оставить пьянство. Развѣ же ты не понимаешь, что губишь и тѣло и душу свою?

— Я знаю, что пойду въ адъ, — отвѣтила она мрачно, — знаю это я и безъ тебя! Только бы ужь поскорѣе!..

Томъ содрогнулся отъ этихъ словъ, сказанныхъ съ мрачнымъ отчаяніемъ.

— Боже, будь милостивъ къ ней! Ахъ, ты бѣдная женщина! Ты никогда не слыхала о Христѣ Спасителѣ?

— О Христѣ Спасителѣ? Кто Онъ?

— Онъ—Господь нашъ.

— Что-то, кажется, слыхала о Богѣ, о страшномъ судѣ, объ адѣ... Да, слыхала.

— Но говорили ли тебѣ о Христѣ Спасителѣ,

Который любилъ насъ грѣшныхъ и умеръ за насъ?

— Не слыхала. Какъ старикъ, мужъ мой, умеръ,— никто меня не любилъ.

— А откуда ты?

— Изъ Кентукки. Я жила тамъ у одного, дѣтей на рынокъ для продажи воспитывала. Потомъ онъ и меня продалъ барышнику.

— Зачѣмъ же ты пристрастилась къ вину?

— Съ горя. Когда меня привезли сюда,—у меня былъ ребенокъ. Я думала, что не разстанусь съ нимъ. Славный былъ малютка, и миссизъ полюбила его. Онъ никогда не кричалъ, такой былъ хорошенькій, полненькій. Но миссизъ занемогла, я ходила за ней, сама схватила лихорадку, и молоко у меня пропало. Миссизъ же молока не хотѣла покупать, и у ребенка остались только кости да кожа. Госпожа моя и знать не хотѣла, что молоко у меня пропало: «корми, говоритъ, тѣмъ-же, что и большіе ѣдятъ». Ребенокъ кричалъ день и ночь, такъ исхудалъ, что и взглянуть было не на что. А миссизъ говоритъ: «это онъ отъ злости кричитъ, пусть, говоритъ, околѣваетъ»,—и не пускала меня ходить за нимъ ночью. «Ты, говоритъ, если спать не будешь по ночамъ,— на что будешь днемъ-то годиться?» Она клала меня спать въ своей комнатѣ, а ребенка оставляла въ дальней каморкѣ. Разъ онъ кричалъ, кричалъ, да и закричался до смерти. Съ тѣхъ поръ я и начала пить, чтобы заглушить постоянный крикъ его въ ушахъ своихъ...

— Бѣдная женщина!—проговорилъ Томъ.—Такъ тебѣ никто не говорилъ, что Іисусъ Христосъ любитъ

тебя и за тебя смерть претерпѣлъ? Никто тебѣ, значитъ, не объяснялъ, что Онъ поможетъ тебѣ, на небо тебя возьметъ и тамъ успокоитъ твою душу?..

— На небо-то все бѣлые люди идутъ,—возразила старая негритянка.—Пустятъ ли меня туда? Ахъ! да ужь лучше въ адъ пойти, чтобы только отъ хозяевъ быть подальше!..

Нѣсколько дней спустя, вмѣсто старой Пру, другая женщина принесла пирожки. Миссъ Офелія была въ кухнѣ.

— А что же тетка Пру?—спросила Дина.

— Она больше никогда не придетъ, — отвѣчала женщина съ многозначительнымъ видомъ.

— Почему?—спросила Дина.—Ужь не умерла ли она?

— Не знаю навѣрное. Она теперь въ подвалѣ, — проговорила пирожница, бросивъ косвенный взглядъ на миссъ Офелію.

Сдавъ пирожки миссъ Офеліи, она пошла къ двери; Дина послѣдовала за нею.

— Что же такое случилось съ Пру? — спросила она.

Женщина, повидимому, и хотѣла, и боялась говорить и потому отвѣтила таинственнымъ голосомъ:

— Ну, слушай, только никому не говори. Пру опять напилась до-пьяна; ее отправили въ подвалъ и оставили тамъ на цѣлый день. А тамъ, видишь-ли, мухи заѣли ее,—и она умерла.

Дина всплеснула руками и, обернувшись, увидѣла предъ собою полу-воздушную фигуру Эванджелины. Ея глубокіе глаза выражали ужасъ; она была такъ блѣдна, что, казалось, въ щекахъ и губахъ ея не было ни кровинки.

— Ахъ, Боже мой! Миссъ Ева того и гляди упадетъ въ обморокъ!.. И съ чего вы взяли говорить при ней такія вещи? Папенька ея просто съ ума сойдетъ!..

— Я не упаду, Дина, въ обморокъ,—твердо проговорила дѣвочка.—Почему же мнѣ не слушать этого? Мнѣ все-таки не такъ трудно слышать это, какъ бѣдной Пру трудно было терпѣть.

Ева вздохнула и медленною, грустною походкой пошла вверхъ по лѣстницѣ.

Миссъ Офелія заинтересовалась этимъ происшествіемъ. Дина и Томъ сообщили ей, что знали.

— Это ужасно! Это возмутительно!—воскликнула миссъ Офелія, входя въ комнату, гдѣ Сентъ-Клеръ сидѣлъ съ газетой въ рукахъ.

— Что такое? Какой еще грѣхъ случился?—спросилъ онъ.

— Бѣдную Пру замучили до смерти! — отвѣтила миссъ Офелія и подробно разсказала всю исторію, особенно налегая на болѣе важныя обстоятельства.

— Я такъ и думалъ, что это должно случиться!— отвѣтилъ Сентъ-Клеръ, продолжая читать газету

Такой отвѣтъ страшно возмутилъ миссъ Офелію. Она обрушилась на него цѣлымъ градомъ упрековъ— какъ онъ, зная, что «это должно случиться», не принялъ никакихъ мѣръ для предупрежденія зла.

— Я вамъ говорю, Августинъ, что не могу смотрѣть на эти вещи такъ, какъ вы! Съ вашей стороны просто безсовѣстно защищать подобную систему. Вотъ мое мнѣніе!

— Что-о? — отозвался Сентъ-Клеръ, оборачиваясь.

— Я говорю, что съ вашей стороны безсовѣстно защищать такую систему!—повторила миссъ Офелія съ возрастающимъ жаромъ.

— Я защищаю? Кто же вамъ сказалъ, что я ее защищаю?—спросилъ Сентъ-Клеръ.

— Разумѣется, вы! Всѣ вы защищаете,—всѣ жители южныхъ штатовъ! Если нѣтъ, то зачѣмъ же вы держите невольниковъ?..

— Насчетъ вопроса о рабствѣ,—заговорилъ Сентъ-Клеръ, и прекрасное лицо его внезапно приняло самое серьезное выраженіе,—можетъ быть только отрицательный отвѣтъ. Но плантаторамъ нужны деньги, проповѣдникамъ нужно доброе расположеніе плантаторовъ, политикамъ нужны вліяніе и вѣсъ... И вотъ, всѣ они до того искажаютъ нравственныя правила, такъ перевертываютъ ихъ смыслъ, что свѣтъ только дивится имъ!.. Они притягиваютъ на помощь себѣ и природу, и священное писаніе, и Богъ знаетъ что еще; но въ сущности вѣдь ни они, ни свѣтъ ни на волосъ не вѣрятъ этому...

Миссъ Офелія оставила вязанье и казалась удивленною. Сентъ-Клеръ продолжалъ:

— Откровенно признаюсь вамъ: мнѣ приходило на умъ, что еслибы весь этотъ край могъ провалиться, чтобы скрыть отъ свѣта всю скопившуюся въ немъ неправду и бѣдствія, — я бы съ радостью согласился провалиться вмѣстѣ съ нимъ!.. Разъѣзжая на нашихъ пароходахъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ или проникая по дѣламъ своимъ внутрь страны, я встрѣчалъ множество людей грубыхъ, низкихъ, отвратительныхъ, развратныхъ, и думалъ: «каждый изъ нихъ, по нашимъ законамъ, имѣетъ право накупить столько мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сколько позволяютъ ему денежныя средства, пріобрѣтаемыя всякими плутнями, воровствомъ, шулерствомъ». Когда же я видѣлъ этихъ людей настоящими, законными владѣльцами беззащитныхъ малютокъ, молоденькихъ дѣвушекъ и женщинъ, — о! тогда я готовъ былъ проклясть свою родину, проклясть весь родъ человѣческій!..

Пора, однако, намъ вспомнить о нашемъ пріятелѣ Томѣ.

Если читателю угодно послѣдовать за нами въ маленькую каморку надъ конюшней, — онъ можетъ узнать кое-что о его дѣлахъ. То была опрятная комнатка, заключавшая въ себѣ постель, стулъ и маленькій столикъ грубой работы, на которомъ лежала Библія Тома и молитвенникъ. Самъ Томъ сидитъ за грифельной доской и занятъ чѣмъ-то, стоющимъ ему, повидимому, немалаго труда и размышленій.

Тоска по семьѣ такъ одолѣла его, что онъ выпросилъ у Евы маленькую тетрадку писчей бумаги;

призвавъ на помощь весь запасъ литературныхъ познаній, почерпнутыхъ отъ Джорджа Шельби, Томъ рѣшился написать письмо. Вотъ онъ чертитъ на грифельной доскѣ черновую этого письма. Томъ находился въ ужасномъ затрудненіи, потому что очертанія однѣхъ буквъ совсѣмъ забылъ, другими не зналъ какъ распорядиться. Пока онъ трудился, кряхтя отъ

усердія, Ева, какъ птичка, вспорхнула на спинку стула и заглянула чрезъ плечо.

— Ахъ, дядя Томъ, какія смѣшныя фигуры ты тутъ наставилъ!

— Хочу написать письмо къ моей старухѣ, миссъ Ева, и къ малымъ ребятишкамъ, — отвѣтилъ Томъ, отирая глаза рукою. — Но, кажется, никакъ не сладить мнѣ съ этимъ.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось помочь тебѣ, Томъ! Я немного училась писать. Въ прошломъ году знала всѣ буквы, да боюсь, что теперь все перезабыла.

Ева прижала къ его головѣ свою золотистую головку, и они начали обсуждать письмо съ величайшимъ жаромъ и съ важностью. Усердіе у обоихъ было одинаковое, познанія также почти равныя. Обсуживая и разбирая каждое слово, начали они писать.

— Ахъ, дядя Томъ, да это, право, прекрасно! — говорила Ева, съ восхищеніемъ глядя на свое произведеніе. — Какъ рады будутъ твоя жена и бѣдныя дѣтки! Ахъ, какъ не стыдно было разлучать тебя съ ними! Я когда-нибудь попрошу папашу, чтобы онъ отпустилъ тебя къ нимъ.

— Эй, Томъ!—раздался голосъ Сентъ-Клера, который въ эту минуту подошелъ къ двери.

Томъ и Ева быстро обернулись.

— Что это такое?—спросилъ Сентъ-Клеръ, подходя ближе и заглядывая на аспидную доску.

— О, это письмо Тома! Я помогаю писать ему,— сказала Ева.—Неправда ли, хорошо?

— Я не желалъ бы лишать васъ обоихъ такой пріятной увѣренности,—отвѣтилъ Сентъ-Клеръ,—но мнѣ кажется, Томъ, что лучше бы ты мнѣ поручилъ написать твое письмо. Я сдѣлаю это тотчасъ, какъ возвращусь съ прогулки.

— Написать надо непремѣнно,—замѣтила Ева,— потому что по твоему письму, папа, барыня его пришлетъ за него выкупъ. Онъ говоритъ, что она сама обѣщала ему сдѣлать это.

Въ тотъ-же вечеръ письмо Тома было написано за него и сдано на почту.

Миссъ Офелія упорно продолжала заниматься хозяйствомъ. Вся домашняя челядь единодушно рѣшила, что миссъ Офелія *„больно любопытна“*, а это означало у прислуги южныхъ штатовъ, что она не довольна своимъ начальствомъ.

Въ высшемъ кругу домашней прислуги, состоявшемъ изъ Адольфа, Джени и Розы, находили, что миссъ Офелія вовсе не похожа на барышню, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, барышни никогда не работаютъ.

ГЛАВА XVIII.

Кентукки.

Заглянемъ въ хижину дяди Тома, въ Кентукки,—что дѣлается тамъ послѣ ухода изъ нея Тома.

Былъ поздній, лѣтній вечеръ. Окна и двери большой гостиной мистера Шельби были отворены настежъ. Шельби сидѣлъ въ обширной галлереѣ, на которую выходили двери гостиной. Удобно расположившись въ одномъ креслѣ и протянувъ ноги на другое, хозяинъ съ наслажденіемъ курилъ послѣобѣденную сигару. Въ дверяхъ сидѣла мистрисъ Шельби, занятая какимъ-то вышиваньемъ.

— Знаешь-ли,—проговорила она,—что Хлоя получила письмо отъ Тома?

— А!.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Томъ, кажется, нашелъ тамъ добрыхъ людей. Каково поживаетъ нашъ старикъ?

— Кажется, его купило какое-то очень хорошее

семейство. Съ нимъ обходятся прекрасно и не обременяютъ его работой.

— Я радъ этому, очень радъ,—искренно проговорилъ мистеръ Шельби.—Я думаю, что Томъ вскорѣ такъ обживется на югѣ, что едва-ли даже захочетъ возвратиться сюда.

— Напротивъ,—возразила мистрисъ Шельби,—онъ очень интересуется — скоро ли накопятся деньги для его выкупа?

— Вотъ этого-то я и не знаю. Стоитъ разъ испортить свои дѣла,—потомъ уже и конца этому нѣтъ...

— Мнѣ кажется, мой другъ, что можно бы предпринять что-нибудь для поправленія дѣлъ. Отчего бы, напримѣръ, не продать всѣхъ лошадей и одну изъ фермъ? Тогда можно было бы все уплатить.

— Ахъ, какъ ты смѣшно говоришь, Эмилія! Ты, конечно, самая умная женщина въ Кентукки, но, тѣмъ не менѣе, не можешь уразумѣть, что въ дѣлахъ ты ничего не смыслишь... Этого ни одна женщина не смыслитъ, да и не можетъ смыслить.

— Такъ дай же мнѣ хоть какое-нибудь понятіе о твоихъ дѣлахъ!.. Познакомь меня хоть со спискомъ твоихъ долговъ и того, что тебѣ должны... Я бы попробовала сократить наши расходы.

— Да не мучь же меня, Эмилія! Я ничего не знаю навѣрное. Мнѣ приблизительно извѣстно, около чего вертятся эти дѣла. Но нельзя ихъ устраивать и обдѣлывать, какъ Хлоя обдѣлываетъ верхнія корки у своихъ пироговъ! Я тебѣ говорю, что ты тутъ ничего не понимаешь.

Для большей внушительности, мистеръ Шельби возвысилъ голосъ.

Мистрисъ Шельби замолчала съ легкимъ вздохомъ. Она обладала умомъ чрезвычайно свѣтлымъ, энергическимъ, практичнымъ, а также и твердостью духа, что, во всякомъ случаѣ, было понадежнѣе характера ея мужа. Словомъ, она была совсѣмъ не такъ неспособна что-либо уладить, какъ полагалъ мистеръ Шельби. Она всей душой желала и надѣялась исполнить обѣщаніе, данное Тому и Хлоѣ, и вздохнула при видѣ оказавшихся препятствій.

— Такъ неужели же нельзя ничего придумать, чтобы сколотить требуемую сумму? Бѣдная Хлоя! Она только объ этомъ и думаетъ!..

— Мнѣ очень жаль, если это такъ. Кажется, я напрасно поторопился обѣщать. Не знаю, право, не лучше-ли было бы прямо сказать объ этомъ Хлоѣ, чтобъ она скорѣе примирилась съ этою мыслью. Года чрезъ два Томъ женится на другой; хорошо, еслибъ и она вышла замужъ.

— Мистеръ Шельби! Я внушила своимъ слугамъ, что ихъ браки столь-же священны, какъ и наши... Я никогда не рѣшусь дать Хлоѣ такого совѣта!..

— Очень жаль, жена, что ты навязала имъ нравственныя понятія, неподходящія къ ихъ состоянію и несообразныя съ ихъ положеніемъ.

— Эти нравственныя понятія почерпнуты прямо изъ Библіи, мистеръ Шельби!..

— Хорошо, хорошо, Эмилія... Я не оспариваю твоихъ религіозныхъ правилъ; но я нахожу, что они никуда не годятся для людей въ рабскомъ состояніи.

— Да,—отвѣтила мистрисъ Шельби,—поэтому-то я и ненавижу такое состояніе отъ всей души. Я говорю тебѣ, другъ мой, что никакъ не могу отречься

отъ обѣщаній, данныхъ мною этимъ несчастнымъ созданіямъ. Если мнѣ не удастся какъ-нибудь иначе добыть денегъ, я начну давать уроки музыки. Я знаю, что этимъ я могу заработать довольно много и накоплю должную сумму.

— Надѣюсь, Эмилія, что ты не унизишься до такой степени! Я не могу допустить этого.

— Унижусь?.. Неужели это такъ-же унизительно, какъ обмануть безпомощнаго бѣдняка? Конечно, нѣтъ!

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Хлои, показавшейся на концѣ галлереи.

— Осмѣлюсь побезпокоить васъ, сударыня,—сказала Хлоя.

— Что тебѣ? — проговорила госпожа, вставая и отходя къ крайнему балкону.

— Да вотъ, не угодно-ли посмотрѣть битую птицу?

Мистрисъ Шельби улыбнулась, увидѣвъ цѣлый ворохъ заколотыхъ цыплятъ и утокъ, надъ которыми Хлоя стояла и осматривала ихъ съ величайшею важностью.

— Я все думаю, миссизъ, не угодно ли вамъ, чтобы я изготовила пирогъ съ цыплятами?

— Право, мнѣ все равно, Хлоя. Дѣлай изъ нихъ, что хочешь.

Хлоя стояла, разсѣянно перебирая птицу. Очевидно было, что она не о цыплятахъ думала. Наконецъ, она усмѣхнулась тѣмъ отрывистымъ смѣхомъ, которымъ негры часто сопровождаютъ какой-нибудь щекотливый вопросъ, и проговорила:

— Что это, Господи Боже мой! Съ какой стати господа безпокоятся насчетъ денегъ, если они не пользуются тѣмъ, что у нихъ прямо подъ руками?

Луизвиль.

И Хлоя снова усмѣхнулась.

— Я тебя не понимаю,—сказала мистрисъ Шельби, не сомнѣвавшаяся, что Хлоя не проронила ни слова изъ только-что происходившаго разговора.

— Да что, миссизъ! — отвѣчала Хлоя смѣясь, — другіе же господа отдаютъ своихъ негровъ внаймы и получаютъ за это деньги. Такъ для чего вамъ даромъ поить и кормить такую ораву?

— Но кого же, по-твоему, можно бы отдать внаймы?

— Я вѣдь это только такъ, сударыня... Видите-ли, Семъ сказывалъ, что въ Луизвилѣ есть какой-то «*кондукторъ*» что-ли (такъ Хлоя называла кондитера); ему, говорятъ, нужна хорошая стряпуха, умѣющая дѣлать пряники и пирожки. Такой стряпухѣ онъ готовъ платить по четыре доллара въ недѣлю.

— Ну, такъ что же?

— Вотъ я и думаю, миссизъ, что пора бы ужь Салли за дѣло приниматься. Она вѣдь ужь давно у меня въ ученьи и теперь почти такъ-же хорошо стряпаетъ, какъ и я. Меня-же, миссизъ, вы отпустили бы на сторону, я и помогла бы сколотить деньги. Моихъ пряниковъ и пироговъ никто не погнушается.

— Значитъ, ты бросишь своихъ дѣтей?

— Ахъ, Господи, миссизъ! Мальчишки ужь довольно велики, — сами могутъ работать. Они порядочно-таки у меня работаютъ. А маленькую-то возьметъ къ себѣ Салли. Она, моя крошечка, такая смирная, что за ней и смотрѣть почти нечего.

— Хорошо, можешь отправляться! Заработокъ же

твой, весь до копѣйки, я буду откладывать и беречь для выкупа твоего мужа.

Какъ лучъ солнца, проникнувъ въ темную тучу, сообщаетъ ей серебристый блескъ, такъ черное лицо Хлои мгновенно освѣтилось...

— Когда же ты намѣрена отправиться?

— Да вотъ Семъ отправляется съ жеребятами, такъ и я могла бы поѣхать съ нимъ. Я, признаться, ужь и пожитки свои собрала въ узелокъ. Если милость ваша будетъ, такъ ужь я завтра утромъ поѣду съ Семомъ... Только паспортъ нужно бы выдать мнѣ, да аттестатъ какой-нибудь.

— Хорошо, Хлоя, я позабочусь объ этомъ. Но я должна переговорить съ мистеромъ Шельби.

Мистрисъ Шельби пошла на верхъ, а восхищенная Хлоя ушла въ свою хижину, чтобы собираться въ дорогу.

— Ага, масръ Джорджъ! такъ вы не знали, что завтра я уѣзжаю въ Луизвиль?—сказала Хлоя Джорджу, который, войдя въ хижину, засталъ ее за переборкою дѣтскаго платья.

Хлоя разсказала ему о своемъ планѣ заработка денегъ, для выкупа мужа.

— Фью! — свистнулъ Джорджъ, — вотъ это дѣло, такъ дѣло! Какъ-же ты поѣдешь?

— Завтра утромъ съ Семомъ. А теперь, пока, масръ Джорджъ, я знаю, что вы не откажетесь сейчасъ сѣсть за столъ и написать обо всемъ этомъ моему старику. Не такъ-ли?

— Разумѣется! Дядя Томъ будетъ радъ, очень

радъ получить вѣсточку отъ насъ! Я сейчасъ-же схожу въ домъ за чернилами и бумагой. Знаешь, тетя Хлоя, можно будетъ написать и о новыхъ жеребятахъ, и обо всемъ.

— Конечно, конечно, масръ Джорджъ! Ступайте себѣ, а я вамъ приготовлю цыпленочка или чего-нибудь такого. Ужь не долго вамъ ужинать-то съ бѣдной теткой Хлоей!..

ГЛАВА XIX.

«Цвѣты блекнутъ—трава сохнетъ».

ПРОШЛО два года уже новой жизни Тома. Хотя онъ провелъ это время въ разлукѣ съ милыми сердцу, хотя часто рвался къ нимъ душою,—однако, не чувствовалъ себя окончательно несчастнымъ.

На письмо свое къ домашнимъ онъ своевременно получилъ отвѣтъ, написанный рукою Джорджа, такимъ четкимъ, круглымъ ученическимъ почеркомъ, что, по увѣреніямъ Тома, его можно было читать съ другого конца комнаты. Письмо это, какъ мы знаемъ уже, заключало въ себѣ разныя интересныя подробности домашней жизни. Въ немъ говорилось о томъ, что Хлою отдали внаймы къ кондитеру въ Луизвилѣ, гдѣ мастерство ея по пирожной части вознаграждалось изумительными суммами денегъ, а деньги эти всѣ сполна откладывались, чтобы со-временемъ могла накопиться сумма для выкупа Тома. Мося и Петя росли и преуспѣвали, а малютка уже похаживала по всему дому, подъ надзоромъ всего семейства и Салли

въ особенности. Хижина Тома была заперта, но Джорджъ весьма распространялся о блистательныхъ украшеніяхъ и пристройкахъ, которыя Томъ сдѣлаетъ въ ней по возвращеніи домой. Въ концѣ письма былъ списокъ всѣхъ наукъ, проходимыхъ Джорджемъ; заглавная буква каждой изъ нихъ была украшена завитками. Затѣмъ названы были имена четырехъ новорожденныхъ жеребятъ, прибывшихъ во время отсутствія Тома; наконецъ, слѣдовало увѣдомленіе, что папаша и мамаша здоровы. Общій стиль письма былъ весьма сжатъ и ясенъ, но, по мнѣнію Тома, это посланіе представляло удивительнѣйшій образчикъ новѣйшей литературы. Онъ не могъ насмотрѣться на него и уже совѣтовался съ Евою, чтобъ вставить его въ рамку и повѣсить на стѣну въ своей комнатѣ. Предпріятіе это не состоялось единственно потому, что оказалось невозможнымъ оставить одновременно на виду обѣ стороны страницъ письма.

По мѣрѣ того, какъ подрастала Ева, росла и дружба между нею и Томомъ. Вѣрный слуга любилъ ее, какъ нѣчто хрупкое и непрочное, но въ то-же время почти боготворилъ. Исполнять ея милыя затѣи, предупреждать безчисленныя, но незамысловатыя желанія—было для Тома источникомъ высшихъ наслажденій. Поутру, ходя по рынку, онъ ежедневно заглядывалъ на цвѣточныя выставки и выбиралъ для Евы самые изысканные букеты; вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій персикъ или апельсинъ отправлялъ къ себѣ въ карманъ, чтобы поднесть его Евѣ же. И ничто не могло быть отраднѣе для него, какъ видѣть ея свѣтлую головку, еще издали выжидающую его у калитки, и слышать дѣтскій вопросъ ея:

— Ну-ка, дядя Томъ, что-то ты принесъ мнѣ сегодня?

Ева тоже оказывала ему не меньшія услуги. Несмотря на нѣжный свой возрастъ, она очень хорошо читала. Обладая чуткимъ музыкальнымъ слухомъ, живымъ, поэтическимъ воображеніемъ и природною склонностью ко всему благородному и прекрасному, она имѣла даръ читать Библію такъ, какъ Тому еще никогда не удавалось слышать. Сначала она читала изъ угожденія къ своему скромному другу, но скоро пылкая душа ея стала развиваться и всѣми юными силами привязалась къ этой Великой Книгѣ. Ева полюбила Библію за то, что она пробудила въ ней дивныя стремленія, что-то неопредѣленное, но глубокое, что такъ нравится впечатлительнымъ дѣтскимъ натурамъ.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, Сентъ-Клеры со всѣмъ своимъ домашнимъ штатомъ жили на дачѣ, близъ озера Поншартрена, чтобы воспользоваться освѣжительною его прохладой.

Дача Сентъ-Клера была построена на манеръ восточно-индійскихъ жилищъ,—кругомъ обнесена легкими бамбуковыми галлереями и со всѣхъ сторонъ окружена садами и цвѣтниками. Комната, въ которой обыкновенно помѣщалось все семейство, выходила прямо въ большой садъ, благоухающій всѣми роскошными тропическими растеніями и цвѣтами. Извилистыя дорожки спускались къ самому озеру; серебристыя струйки его игриво отражали солнечные лучи.

Солнце садится. Весь горизонтъ сіяетъ огненно-золотистымъ пламенемъ заката и, отражаясь въ водѣ,

превращаетъ ее какъ-бы въ другое небо. По озеру протянулись розовыя и золотыя полосы; лишь тамъ и сямъ, словно неземные духи, скользятъ бѣлокрылыя суда; маленькія звѣздочки, мерцающія въ пылающемъ небѣ, смотрятся съ высоты въ дрожащія волны.

Томъ и Ева сидѣли на маленькой дерновой скамьѣ, въ нижней бесѣдкѣ сада. Былъ воскресный вечеръ, и Библія лежала у Тома на колѣнахъ. Ева только-что прочла строки о стеклянномъ морѣ, смѣшанномъ съ огнемъ.

— Томъ,—сказала Ева, остановившись внезапно и указывая на озеро,—вотъ оно!..

— Что, миссъ Ева?

— Развѣ ты не видишь вотъ это? — продолжала малютка, указывая на прозрачныя воды, которыя, волнуясь, отражали золотистое пламя заката. — Вотъ стеклянное море, смѣшанное съ огнемъ.

— Правда, миссъ Ева,—сказалъ Томъ.

— Какъ ты думаешь, дядя Томъ, гдѣ новый Іерусалимъ?—спросила Ева.

— О, тамъ... въ облакахъ, миссъ Ева!..

— Я иду туда...

— Куда, миссъ Ева?

Малютка встала и подняла къ небу свою маленькую ручку. Вечерняя заря обдавала ея золотистую головку и разгорѣвшіяся щеки какимъ-то неземнымъ сіяніемъ. Глаза ея были пристально устремлены къ небу.

— Я пойду *туда*, — продолжала она. — къ безмятежнымъ духамъ, Томъ!.. *Я уйду скоро, скоро*!..

Преданное сердце вѣрнаго слуги внезапно сжалось... Вспомнилъ Томъ, какъ часто въ послѣдніе

шесть мѣсяцевъ замѣчалъ онъ, что маленькія ручки Евы худѣютъ, что кожа ея дѣлается прозрачнѣе, а дыханіе стѣсняется. Прежде она по цѣлымъ часамъ бѣгала и играла въ саду, а теперь—быстро уставала и слабѣла. Онъ слыхалъ, какъ часто миссъ Офелія жаловалась на ея кашель, котораго никакими лекарствами нельзя было остановить. Да и въ этотъ моментъ ея щеки и маленькая рука горѣли огнемъ чахотки. Между тѣмъ, мысль, возбужденная послѣдними словами Евы, ни разу еще не приходила ему въ голову.

Разговоръ Евы съ Томомъ былъ прерванъ безпокойнымъ зовомъ миссъ Офеліи:

— Ева, Ева! Дитя мое, развѣ ты не видишь, что роса падаетъ? Тебѣ нельзя оставаться здѣсь!

Ева и Томъ поспѣшили возвратиться домой.

Миссъ Офелія была уже не молода и весьма опытна въ физическомъ воспитаніи дѣтей. Она давно замѣтила у Евы легкій сухой кашель и разгорающійся румянецъ.

Она пробовала высказать свои опасенія Сентъ-Клеру, но онъ отклонилъ ея доводы съ такою порывистою горячностью, которая совсѣмъ не согласовалась съ его обычною, веселою безпечностью.

— Перестаньте накликать бѣду, кузина, я этого терпѣть не могу!—отвѣтилъ онъ.—Развѣ вы не видите, что ребенокъ растетъ? Дѣти всегда слабѣютъ, когда растутъ слишкомъ быстро.

— Но она все кашляетъ!

— О, этотъ кашель—пустяки, ничего не значитъ! Можетъ быть, она простудилась немножко.

Такъ говорилъ Сентъ-Клеръ, но самимъ имъ овладѣла сильная тревога. Изо-дня-въ-день съ лихо-

Дача Септъ-Клера.

радочнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за Евой. Это было замѣтно по тому, какъ часто онъ повторялъ, что «ребенокъ совершенно здоровъ», что «этотъ кашель ничего не значитъ», что «это, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ желудочныхъ припадковъ, которымъ такъ подвержены дѣти». Тѣмъ не менѣе, онъ разставался съ Евой еще рѣже, чѣмъ прежде, чаще бралъ ее съ собою кататься и безпрестанно привозилъ домой какой-нибудь рецептъ или укрѣпляющую микстуру, «не за тѣмъ, — какъ говорилъ онъ, — чтобы это лекарство было *нужно* ребенку, но и вреда оно не можетъ сдѣлать».

Особенно сильно и болѣзненно поражала его сердце ежедневно развивавшаяся зрѣлость въ сужденіяхъ и чувствахъ Евы. Она еще сохраняла всю прелесть дѣтства, но часто вырывались у ней рѣчи, полныя такого глубокаго смысла, такой странной, не свѣтской мудрости, что онѣ казались какимъ-то вдохновеніемъ. Въ эти минуты Сентъ-Клеръ ощущалъ внезапную муку: схвативъ малютку, онъ крѣпко прижималъ ее къ груди, какъ-будто надѣясь этимъ нѣжнымъ объятіемъ спасти ее.

Чувства и мысли Евы сосредоточились на дѣлахъ любви и добра. Порывы великодушія были всегда свойственны ей отъ природы; но теперь всѣ замѣтили, что въ ней проявилась какая-то трогательная, женственная заботливость и раздумье. Она все еще любила играть съ Топси — маленькой негритянкой, купленной Сентъ-Клеромъ и подаренной имъ миссъ Офеліи — и другими цвѣтными дѣтьми, но участвовала уже въ ихъ забавахъ болѣе какъ зрительница, чѣмъ какъ дѣйствующее лицо.

Малютка встала и подняла къ небу свою маленькую ручку...

— Мама, — обратилась она однажды къ своей матери, — почему мы не учимъ своихъ слугъ грамотѣ?

— Что за вопросъ, дитя! Этого никто не дѣлаетъ.

— Почему-же не дѣлаютъ?

— Потому, что имъ совсѣмъ не нужно этого. Зная грамотѣ, они не будутъ работать лучше, тогда какъ они и созданы только для работы.

— Но они должны бы, мама, читать священное писаніе, Библію, чтобы знать—что Богъ велитъ дѣлать.

— О, для нихъ достаточно и того, что прочтутъ имъ объ этомъ другіе!

— Мнѣ кажется, мама, что Библію всякій долженъ читать самъ для себя. Имъ это очень часто нужно, потому что некому бываетъ читать.

— Какой ты странный ребенокъ, Ева! — сказала мать.

— Но миссъ Офелія выучила же Топси читать, — продолжала Ева.

— Да, и ты видишь—полезно-ли ей это. Топси—несноснѣйшее созданіе, какое я когда-либо видѣла.

— А вотъ бѣдняжка Мамми, — сказала Ева, — она такъ любитъ Библію, и ей очень хочется умѣть читать! Что она будетъ дѣлать, когда я не буду больше читать ей?..

Марія занималась въ это время разбираніемъ какого-то ящика и отвѣтила:

— Понятно, Ева, скоро тебѣ будетъ уже о чемъ подумать и кромѣ чтенія Библіи дворовымъ людямъ!.. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего неприличнаго: я и сама дѣлала то-же, когда была здорова. Но только когда ты станешь наряжаться и выѣзжать въ свѣтъ, — тебѣ

будетъ некогда... Посмотри!—прибавила она,—вотъ этотъ уборъ я подарю тебѣ, когда ты станешь выѣзжать. Я надѣвала его, когда въ первый разъ ѣхала на балъ,—и, могу сказать, произвела впечатлѣніе.

Ева взяла футляръ и вынула оттуда брилліантовое ожерелье. Ея большіе, задумчивые глаза вперились въ него, но она думала о другомъ.

— Какая ты серьезная, Ева!—сказала Марія.

— А дорого стоютъ эти вещи, мама?

— Разумѣется, дорого. Отецъ мой выписалъ ихъ изъ Франціи.

— Какъ бы я хотѣла имѣть ихъ,—сказала Ева,— съ правомъ дѣлать, что хочу!..

— Что-жъ бы ты сдѣлала съ ними?

— Продавъ ихъ, я купила бы землю въ свободныхъ штатахъ, переселила бы туда всѣхъ нашихъ слугъ и наняла бы учителей, чтобы учить ихъ читать и писать.

Мать разсмѣялась.

— Ты завела бы пансіонъ!.. Не хочешь-ли также давать имъ уроки музыки и рисованія по бархату?..

— Я выучила бы ихъ читать Библію, писать письма и читать присылаемыя имъ письма,—серьезно отвѣтила Ева. — Я знаю, мама, какъ имъ тяжело, когда они не въ состояніи сдѣлать этого. Томъ сознаетъ это, Мамми тоже, а также и многіе другіе. Я думаю, что это не хорошо.

— Ну, полно, полно, Ева. Ты еще маленькая... Ты ничего не понимаешь въ этомъ, — сказала Марія. — При томъ-же твоя болтовня усиливаетъ мою мигрень.

Мигрень всегда была къ услугамъ Маріи, какъ-

только разговоръ не нравился ей. Ева тихо удалилась. Съ этихъ поръ она стала прилежно учить Мамми читать.

ГЛАВА XX.

Зловѣщіе признаки.

ЗДОРОВЬЕ Евы стало быстро слабѣть. Наконецъ, Сентъ-Клеръ рѣшился посовѣтоваться съ докторомъ. Онъ всегда избѣгалъ этого, такъ какъ, по его мнѣнію, позвать врача значило признать непріятную истину. Но Ева дня два такъ хворала, что не выходила изъ комнаты. Послали за докторомъ.

Марія Сентъ-Клеръ не замѣчала постепеннаго истощенія силъ и здоровья Евы, такъ какъ была слишкомъ озабочена наблюденіемъ за двумя-тремя новыми болѣзнями, которыми, по ея мнѣнію, она сама страдала.

Недѣли чрезъ двѣ симптомы болѣзни Евы улучшились. Это была одна изъ тѣхъ чудныхъ грезъ, которыми неумолимая болѣзнь такъ часто обманываетъ даже на краю могилы!.. Ева снова бѣгала по саду, по галлереямъ; она опять играла, опять смѣялась, и отецъ ея съ восхищеніемъ говорилъ всѣмъ, что она вскорѣ совсѣмъ выздоровѣетъ. Но миссъ Офелія и докторъ не утѣшались этою обманчивою отсрочкой. Было и еще сердце, также предчувствовавшее истину: это—сердце самой Евы.

Дитя, окруженное нѣжными заботами, которому жизнь сулила впереди все, что только могутъ дать

любовь и довольство, умирая, горевало не за себя...

Она жалѣла покинуть добрыхъ, вѣрныхъ слугъ, для которыхъ составляла почти то-же, что свѣтъ дневной, что лучъ солнца.

— Дядя Томъ,—сказала она однажды, читая своему другу Библію: — я знаю, что побудило Христа умереть за насъ.

— Что же такое, миссъ Ева?

— То самое чувство, которое есть и во мнѣ.

— Что вы говорите, миссъ Ева? я не понимаю васъ.

— Я не умѣю разсказать этого... Помнишь-ли тогда, на пароходѣ, гдѣ былъ и ты, я видѣла ихъ: одни лишились матерей, другія—мужей; матери, разлученныя со своими дѣтьми, плакали... Когда я опять услышала исторію бѣдной Пру,—это было ужасно... Да и много, много разъ я чувствовала, что рада была бы умереть, если бы возможно было своею смертью прекратить всѣ эти несчастья. Я желала бы за нихъ умереть!—съ чувствомъ сказала малютка.

Томъ смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ. Услышавъ голосъ отца, Ева ушла; старикъ же нѣсколько разъ отеръ свои глаза, смотря вслѣдъ ей.

— Напрасныя старанія удержать здѣсь миссъ Еву!—сказалъ онъ Мамми, встрѣтивъ ее вскорѣ послѣ этого.—Господь отмѣтилъ ее своею печатью.

— Да, да, — отвѣтила Мамми, поднявъ руки къ небу: — я всегда говорила это! Всегда было видно, что она не жилица на этомъ свѣтѣ. У ней въ глазахъ есть что-то глубокое, — и я не разъ намекала объ этомъ барынѣ. Вотъ теперь и приходитъ къ концу, какъ всѣ мы видимъ это...

Ева вбѣжала по ступенямъ веранды. День клонился къ вечеру, и лучи заходящаго солнца вѣнцомъ сіянія окружали ее сзади. Она была въ бѣломъ платьѣ, съ локонами золотистыхъ волосъ, съ разгорѣвшимися щеками и съ необыкновеннымъ блескомъ въ глазахъ, вслѣдствіе мучившей ее лихорадки.

Сентъ-Клеръ позвалъ ее, чтобы показать статуэтку, купленную имъ для нея, но видъ Евы внезапно и болѣзненно поразилъ его. Есть родъ красоты, такой совершенной и вмѣстѣ съ тѣмъ такой непрочной, что мы не въ силахъ смотрѣть на нее. Сентъ-Клеръ вдругъ схватилъ Еву въ свои объятія, забывъ зачѣмъ позвалъ ее.

— Милая Ева, тебѣ лучше эти дни? Не правда-ли, тебѣ вѣдь лучше?

— Папа,—твердо проговорила Ева:—я давно хочу сказать тебѣ кое-что... Я скажу тебѣ это теперь, пока у меня есть еще силы.

Сентъ-Клеръ задрожалъ. Ева сѣла къ нему на колѣна и, склонивъ голову на его грудь, сказала:

— Обо мнѣ нечего больше заботиться. Приходитъ время, когда я покину васъ. Я разстанусь съ вами—и никогда уже не возвращусь къ вамъ!..

Ева вздохнула.

— Что ты, милая малютка?—проговорилъ Сентъ-Клеръ дрожащимъ голосомъ, но веселымъ тономъ.—Ты стала нервною, упала духомъ. Не нужно предаваться мрачнымъ мыслямъ. Посмотри, какую статуэтку я купилъ тебѣ!

— Нѣтъ, папочка,—отвѣтила Ева, тихо отстраняя подарокъ:—не обманывай себя! Мнѣ не легче,—и я хорошо знаю, что мнѣ не долго оставаться съ тобою.

И я не боюсь этого. Если-бы не ты, не друзья мои,— я была бы совершенно счастлива. Мнѣ надобно туда!.. Меня влечетъ туда!..

— Что съ тобою, милое дитя? Что опечалило такъ твое сердечко?.. У тебя есть все, чтобы быть счастливою.

— Лучше я пойду на пебо, хотя для друзей своихъ я хотѣла бы еще пожить. Здѣсь многое печалитъ меня, многое меня ужасаетъ. Мнѣ такъ хотѣлось бы туда, но жаль и васъ покинуть...

— Что же печалитъ и ужасаетъ тебя, Ева?

— Все, что всегда здѣсь дѣлалось и дѣлается.

Мнѣ жаль нашихъ бѣдныхъ слугъ. Они меня любятъ. и всѣ такъ добры, такъ хороши со мною. Мнѣ хотѣлось бы, папочка, чтобы всѣ они были свободными людьми.

— Для чего? Развѣ ты думаешь, что имъ не хорошо у насъ?

— Я не думаю этого. Но если съ тобой что-нибудь случится, — каково будетъ имъ?.. Много ли такихъ людей, какъ ты, папа? Дядя Альфредъ — не такой и мама—не такая. Вспомни только, какіе господа были у бѣдной старой Пру... Какія страшныя дѣла могутъ дѣлать и дѣлаютъ люди!..

Она вздохнула.

— Это трудный вопросъ, моя милая. Безъ сомнѣнія, это — дѣло неправое; многіе такъ думаютъ и я тоже. Я искренно желаю, чтобы въ цѣлой странѣ не осталось ни одного невольника, но — право не знаю, какъ это сдѣлать.

— Обѣщай мнѣ, что Томъ будетъ свободенъ, какъ только я... — она остановилась и продолжала потомъ дрожащимъ голосомъ:—когда я уйду туда!

— Да, другъ мой, я сдѣлаю все, что ты пожелаешь.

Вечернія тѣни гуще и гуще ложились вокругъ. Сентъ-Клеръ молча держалъ на рукахъ это хрупкое созданіе. Онъ не видалъ уже глазъ малютки, но голосъ ея слышался ему, словно голосъ невидимаго духа, и прошлая его жизнь развертывалась предъ умственнымъ его взоромъ. Много можно передумать въ одну минуту! Сентъ-Клеръ вспомнилъ и перечувствовалъ въ это время все свое прошлое; но онъ не сказалъ ни слова. Когда же совсѣмъ стемнѣло,—онъ

отнесъ Еву въ спальню. Приказавъ раздѣть ее, онъ выслалъ затѣмъ ея нянекъ, опять взялъ малютку на руки и качалъ ее, пока она не уснула.

ГЛАВА XXI.

Маленькая проповѣдница.

БЫЛО воскресенье послѣ полудня. Сентъ-Клеръ, удобно расположившись на верандѣ, курилъ сигару. Жена его разлеглась на софѣ, противъ окна, выходившаго на веранду, охраняемая отъ москитовъ *) навѣсомъ прозрачнаго газа.

Въ это время къ верандѣ подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышли Ева и миссъ Офелія, которыя ѣздили, въ сопровожденіи Тома, на одно изъ религіозныхъ сборищъ.

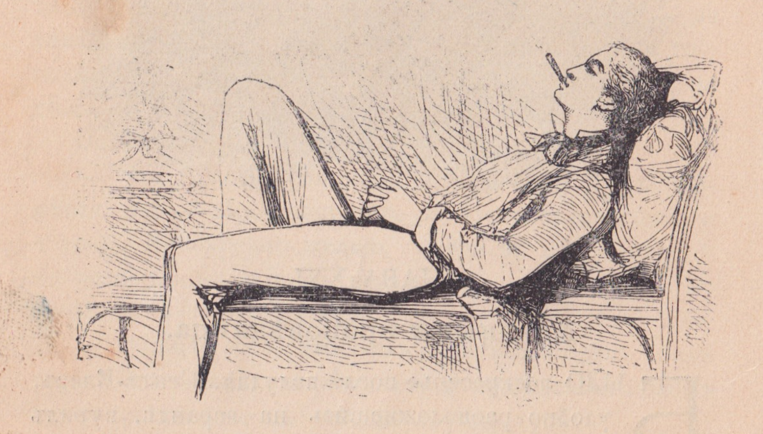
Миссъ Офелія прошла прямо въ свою комнату,

*) Москиты — родъ комаровъ въ жаркихъ странахъ, причиняющіе много непріятностей людямъ и животнымъ своимъ ужаленіемъ.

чтобы снять шляпку и шаль. Сентъ-Клеръ подозвалъ къ себѣ Еву, которая, усѣвшись къ нему на колѣна, принялась разсказывать о богослуженіи, при которомъ присутствовала.

Вскорѣ послышался громкій крикъ выходившей изъ комнаты миссъ Офеліи.

— Опять напроказила Топси! — замѣтилъ Сентъ-Клеръ.—Я увѣренъ, что этотъ шумъ изъ-за нея.

Черезъ минуту появилась негодующая миссъ Офелія, таща за собою виновную.

— Поди-ка сюда! — говорила она: — поди! Я все разскажу твоему господину.

— Что случилось?—спросилъ Августинъ.

— То, что я рѣшительно не намѣрена мучиться долѣе съ этимъ ребенкомъ! Это невыносимо! Нѣтъ силъ выдержать этого. Не угодно ли послушать. Я заперла ее и дала ей выучить на память гимнъ. Что же она сдѣлала? Она подсмотрѣла, куда я прячу ключъ, отперла комодъ, сняла отдѣлку съ моей шляпки

и въ лоскутки изрѣзала ее на платья для своей куклы. Я въ жизнь свою не видала ничего подобнаго!..

Между присутствовавшими завязался по этому поводу оживленный разговоръ. Миссъ Офелія, горько жалуясь на неисправимость Топси, повторяла:

— Я отступаюсь отъ нея!.. На что мнѣ эти хлопоты?..

Ева, бывшая свидѣтельницей этой сцены, сдѣлала

знакъ Топси, чтобъ она слѣдовала за нею. Въ углу веранды была маленькая комната, вся въ стеклянныхъ рамахъ, служившая Сентъ-Клеру кабинетомъ для чтенія. Ева и Топси вошли туда.

— Что намѣрена дѣлать Ева? — сказалъ Сентъ-Клеръ.—Нужно посмотрѣть.

Подойдя на цыпочкахъ, онъ поднялъ занавѣску стеклянной двери и посмотрѣлъ въ комнату. Приложивъ палецъ къ губамъ, онъ сдѣлалъ знакъ миссъ Офеліи, чтобъ она подошла. Обѣ дѣвочки сидѣли на

полу, лицомъ къ двери: Топси—съ обычнымъ видомъ беззаботной веселости; Ева же — съ лицомъ, озареннымъ чувствомъ, и со слезами на своихъ большихъ глазахъ.

— Почему ты такая злая, Топси? Почему ты не попробуешь быть доброй? Неужели ты никого не любишь, Топси?

— А кого мнѣ любить? Я люблю леденецъ, вотъ и все,—отвѣтила Топси.

— Но вѣдь ты любишь своего отца и мать?

— У меня ихъ никогда не было, какъ вы знаете,— вѣдь я говорила вамъ объ этомъ, миссъ Ева.

— Да, знаю, — съ грустью отвѣтила Ева. — Но развѣ у тебя нѣтъ ни брата, ни сестры, ни тетки?

— Никогда, никого и ничего у меня не было.

— Но еслибы ты только попробовала быть доброю, Топси, могла бы...

— Я никогда ничѣмъ не могу быть больше, какъ негритянкою, еслибы даже и стала доброю, — отвѣтила Топси. — Вотъ еслибы можно было содрать съ себя кожу и стать бѣлою,—тогда другое дѣло!..

— Но тебя могутъ любить, хоть ты и черная... Миссъ Офелія любила бы тебя, еслибы ты была добрая.

Топси засмѣялась особеннымъ смѣхомъ, выразившимъ ея недовѣрчивость.

— Ты не вѣришь?—спросила Ева.

— Не вѣрю. Она терпѣть меня не можетъ, потому что я черная. Ей пріятнѣе дотронуться до жабы, чѣмъ до меня. Никто не можетъ любить негровъ; да мнѣ это все равно,—закончила Топси и свистнула.

— О, Топси, бѣдное дитя, я люблю тебя!—заго-

ворила Ева, съ внезапнымъ приливомъ чувства, положивъ маленькую, тоненькую и бѣленькую ручку на плечо Топси.—Я люблю тебя, потому что у тебя не было ни отца, ни матери, ни друзей; потому что ты — бѣдная, обиженная дѣвочка! Я люблю тебя и

хочу, чтобы ты была доброю. Я очень больна, Топси, думаю, что недолго проживу, и мнѣ такъ грустно видѣть, что ты — недобрая. Попробуй быть доброю изъ любви ко мнѣ. Мнѣ недолго, Топси, жить съ тобою.

Круглые, проницательные глаза черной дѣвочки подернулись слезами, и крупныя, тяжелыя капли

начали медленно скатываться и падать на бѣлую ручку Евы. Въ эту минуту лучъ истинной вѣры, лучъ небесной любви проникъ во мракъ языческой ея души. Она положила голову на колѣни Евы, плакала и рыдала.

— Бѣдная Топси, — сказала Ева: — развѣ ты не знаешь, что Христосъ равно любитъ всѣхъ?..

— О, милая, милая миссъ Ева! —проговорила дѣвочка.—Я попробую, постараюсь! Вѣдь до сихъ поръ мнѣ было все равно...

Сентъ-Клеръ въ эту минуту опустилъ занавѣску.

— Я всегда питала отвращеніе къ неграмъ,—сказала миссъ Офелія.—Это правда. Я никогда не могла принудить себя дотронуться до этой дѣвочки... Всѣ они ужасно непріятны мнѣ, а эта дѣвочка въ особенности. Что я могу дѣлать, чтобы измѣнить это!

— А что сдѣлала Ева?

— Еще бы! Она такая любящая! Она дѣйствуетъ весьма просто и въ истинно христіанскомъ духѣ... Ахъ, я очень желала бы походить на нее!—сказала миссъ Офелія.—Она можетъ служить мнѣ примѣромъ.

— И не въ первый разъ уже старому пришлось-бы учиться у малаго,—заключилъ Сентъ-Клеръ.

ГЛАВА XXII.

Кончина.

СПАЛЬНЯ Евы представляла большую комнату, выходившую, подобно всѣмъ другимъ комнатамъ этого дома, на широкую галлерею. Сентъ-Клеръ устроилъ комнату Евы по собственному

своему вкусу и разумѣнію, сообразуясь съ характеромъ дочери, и, проснувшись утромъ, глазки Евы постоянно встрѣчали въ этой комнатѣ такіе предметы, которые настраивали ея душу на спокойныя и прекрасныя мысли.

Бодрость, поддерживавшая Еву еще нѣсколько времени, быстро начала измѣнять ей. Рѣже и рѣже слышались ея легкіе шаги въ галлереѣ; все чаще находили ее лежащей на маленькой кушеткѣ у открытаго окна, откуда большіе, глубокіе глаза ея наблюдали за измѣнчивыми струями волнующагося озера.

Однажды вечеромъ сидѣла она тамъ. Полуоткрытая Библія лежала предъ нею; прозрачные пальчики ея остановились между листами, — какъ вдругъ она услышала въ галлереѣ голосъ своей матери, говорившей довольно сердито:

— Это что еще, негодница? Что за новыя проказы? Ты вздумала рвать цвѣты, а? — и затѣмъ послышался довольно увѣсистый ударъ.

— Ахъ, Господи, миссизъ! Да это же для миссъ Евы,—раздался голосъ Топси.

— Для миссъ Евы? Хороша отговорка! Не думаешь ли ты, что ей нужны *твои* цвѣты? Ахъ ты, негодная чернушка! Убирайся отсюда!..

Въ одну минуту Ева вскочила съ кушетки и очутилась на галлереѣ.

— Полно, постой, мама! Я очень рада этимъ цвѣтамъ. Отдай ихъ мнѣ,—они мнѣ нужны.

— Да твоя комната, Ева, и такъ наполнена цвѣтами!

— Цвѣты никогда не лишни... Топси, дай ихъ сюда!

Топси, стоявшая печально, съ поникшею головой, подошла и подала цвѣты. Она сдѣлала это съ нерѣшительнымъ, застѣнчивымъ видомъ, который никакъ не согласовался съ обычною ея веселостью и смѣлостью.

— Прекрасный букетъ!—похвалила Ева, разсматривая его.

Букетъ, однако, былъ странный. При составленіи его, очевидно, обращалось особенное вниманіе на рѣзкую пестроту. Топси обрадовалась, когда Ева сказала:

— Ты очень хорошо подбираешь цвѣты. Вотъ ваза, — прибавила она, — въ которой совсѣмъ нѣтъ цвѣтовъ. Я желала бы, чтобы ты каждый день доставляла сюда какой-нибудь букетъ.

— Забавно!—проговорила мать.—Скажи пожалуйста, зачѣмъ это тебѣ?

— Вѣдь тебѣ, мама, все равно—Топси ли будетъ это дѣлать, или кто другой, не такъ ли?

— Какъ хочешь, моя милая! Топси, слышишь, что говоритъ барышня? Помни же.

Топси быстро поклонилась и опустила глаза. Когда она уходила, Ева замѣтила, что по черной ея щекѣ скатилась слеза.

— Видишь, мама, я знала, что бѣдной Топси хотѣлось что-нибудь сдѣлать для меня,—сказала Ева.

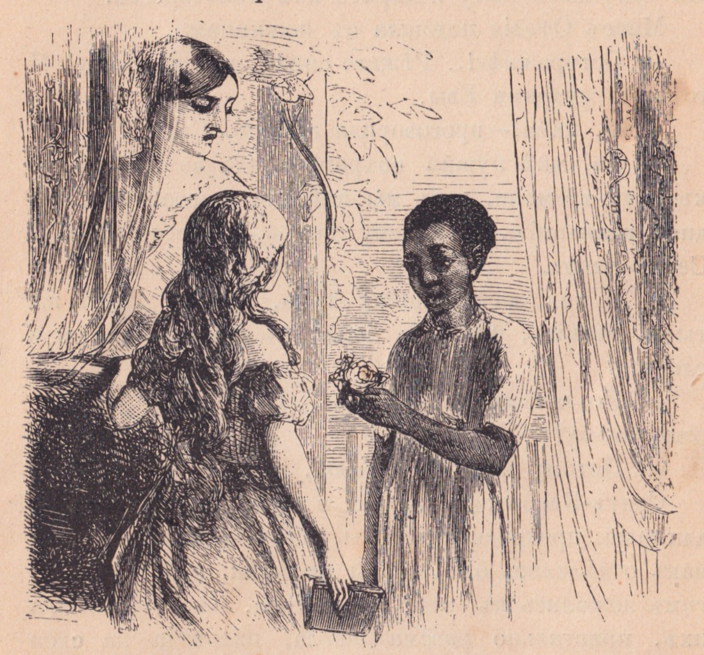
— Какой вздоръ! Это только одна шалость. Она знаетъ, что ей не позволяютъ рвать цвѣтовъ, — и рветъ. Вотъ и все.

— Мнѣ кажется, мама, что Топси теперь не такая уже, какъ была прежде: она старается быть доброю дѣвочкой.

— Долго же ей надо трудиться, чтобы достигнуть этого,—небрежно засмѣявшись, проговорила Марія.

— Мнѣ хотѣлось бы, мама, обрѣзать нѣсколько свои волосы, и даже довольно много...

— Зачѣмъ?—спросила мать.

— Я хочу раздать ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, пока еще въ состояніи сама сдѣлать это. Пожалуйста, позови тетю и попроси ее остричь меня.

Марія довольно громко позвала миссъ Офелію изъ сосѣдней комнаты.

Когда та вошла, Ева, тряхнувъ своими темно-золотистыми кудрями, шутливо проговорила: — Иди, тетя, остриги овечку!

— Что это значитъ?—спросилъ Сентъ-Клеръ, вошедшій въ эту минуту съ какими-то фруктами.

— Папа, я прошу тетю подрѣзать мнѣ волосы, они слишкомъ велики, такъ что даже головѣ жарко. Къ тому-же я хочу подарить ихъ нѣкоторымъ.

Миссъ Офелія подошла съ ножницами.

— Осторожнѣе!.. Рѣжьте снизу, гдѣ не видно! Я горжусь кудрями Евы.

— О, папа!—проговорила грустно Ева.

— Да, мнѣ нужно сохранить ихъ во всей красѣ къ тому времени, какъ мы поѣдемъ въ гости, на дядину плантацію, къ кузену Генри, — весело сказалъ Сентъ-Клеръ.

— Я никогда не поѣду туда, папа!.. Развѣ же ты не видишь, что я съ каждымъ днемъ слабѣю и слабѣю?

— Но зачѣмъ ты хочешь, Ева, чтобы я повѣрилъ этому?

— Потому что это—*правда,* папа...

Сентъ-Клеръ сжалъ губы и печально смотрѣлъ на длинные, прекрасные локоны, которые, по мѣрѣ того, какъ отдѣлялись отъ головы малютки, одинъ за другимъ ложились къ ней въ колѣна. Она поднимала ихъ, пристально разсматривала, навивала на свои худенькіе пальцы и отъ времени до времени тревожно взглядывала на отца.

— Я предсказывала это! —проговорила Марія.— Это точило мое здоровье и доведетъ меня до могилы... Я давно замѣчала это, Сентъ-Клеръ, и ты увидишь, что я говорила правду.

— И, вѣроятно, будете этому очень рады!—сказалъ Сентъ-Клеръ сухо и съ горечью.

Марія легла въ кресло и закрыла лицо батистовымъ платкомъ.

Ясные голубые глаза Евы серьезно смотрѣли то на отца, то на мать... Видно было, что она понимала и взвѣшивала разницу между ними.

Она подала знакъ рукою отцу. Онъ подошелъ и сѣлъ возлѣ нея.

— Силы мои слабѣютъ, папа, съ каждымъ днемъ; чувствую, что скоро умру. Я кое-что должна сказать и сдѣлать, между тѣмъ ты не хочешь слышать ни слова объ этомъ. Между тѣмъ это должно случиться,—и нельзя болѣе откладывать. Пожалуйста, позволь мнѣ говорить теперь!

— Говори, дитя мое!—отвѣтилъ Сентъ-Клеръ, закрывъ глаза одною рукой, а другою держа за руку Еву.

— Мнѣ хочется видѣть всѣхъ нашихъ слугъ вмѣстѣ. Я кое-что *должна* сказать имъ.

— Хорошо!—проговорилъ Сентъ-Клеръ голосомъ, выражавшимъ тупое отчаяніе.

По зову миссъ Офеліи, всѣ они вскорѣ собрались въ комнату.

Слуги стояли, пораженные неожиданностью и встревоженные. Въ комнатѣ была ненарушимая тишина, какъ на погребеніи.

Ева, лежавшая на подушкахъ, приподнялась и долгимъ, серьезнымъ взглядомъ окинула присутствовавшихъ. На лицахъ у нихъ отражались печаль и испугъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ закрывали лица передниками.

— Я послала за вами, милые друзья мои,—начала Ева, — потому что люблю всѣхъ васъ. Что я скажу

вамъ, пожалуйста, никогда не забывайте того... Скоро я оставлю васъ. Еще нѣсколько дней — и вы уже больше никогда не увидите меня...

Рѣчь малютки была прервана внезапными стонами, рыданіями и воплями... Она подождала съ минуту и продолжала:

— Если вы любите меня,—не прерывайте... Слушайте... Я хочу поговорить съ вами о душахъ вашихъ... Я боюсь, что многіе изъ васъ не заботятся объ этомъ; вы думаете только о здѣшнемъ мірѣ. Я хочу напомнить вамъ, что есть другой, прекрасный міръ — обитель Христа. Я иду туда, и вы тоже можете туда придти: этотъ міръ одинаково открытъ для васъ, какъ и для меня. Но если вы хотите идти туда, то не должны вести праздной, безпечной, безсмысленной жизни,—вы должны быть христіанами. Если хотите быть христіанами,—Христосъ поможетъ вамъ. Молитесь Ему, читайте...

Малютка остановилась, съ сожалѣніемъ взглянула на нихъ и печально проговорила:

— Ахъ, Боже мой! Вы вѣдь не умѣете читать. Бѣдные!—И, спрятавъ лицо въ подушки, она зарыдала. Сдержанныя рыданія присутствовавшихъ, которые стали на колѣна, заставили ее обернуться, и она продолжала, улыбаясь сквозь слезы: — Я молилась за васъ; вѣрю, что Христосъ поможетъ вамъ, хоть вы и не умѣете читать. Живите какъ можно честнѣе; молитесь всякій день, просите Его помощи и пользуйтесь всякимъ случаемъ, чтобы слушать Евангеліе. Тогда я надѣюсь увидѣться съ вами на небесахъ.

— Аминь,—тихо произнесли Томъ, Мамми и нѣ-

которые другіе пожилые люди; остальные-же, помоложе, горько заплакали изъ отчаянія.

— Я знаю,—сказала Ева,—что всѣ вы любите меня.

— Да, да! Ужь какъ любимъ! Благослови тебя Богъ!—дружно отвѣтили собравшіеся.

— Да, я знаю это. Вы были всегда такъ ласковы со мной. Я дамъ вамъ на память свои волосы. Смотрите на нихъ, не забывайте, что я любила васъ, пошла на небо и желаю видѣть тамъ всѣхъ васъ.

Невозможно описать сцены, послѣдовавшей за этими словами, когда негры, со слезами и рыданіями, столпились вокругъ малютки и принимали изъ рукъ ея этотъ послѣдній даръ любви. Они становились на колѣна, плакали, молились и цѣловали ея одежду...

Миссъ Офелія, опасавшаяся, чтобы эта сцена не произвела на больную слишкомъ сильнаго дѣйствія, давала знакъ рукою, чтобы получившіе подарокъ выходили изъ комнаты.

Наконецъ остались только Томъ и Мамми.

— Вотъ, дядя Томъ,—сказала Ева,—какой хорошенькій локонъ я припасла тебѣ. Я такъ рада, дядя Томъ, подумать, что увижу тебя на небѣ, непремѣнно увижу. И Мамми тоже, милая, добрая моя Мамми!—прибавила она, нѣжно обнимая свою старую кормилицу.—Я знаю, что и ты тоже будешь тамъ.

— О, миссъ Ева! Я не знаю, какъ жить безъ тебя!—сказала вѣрная старая служанка.—Словно все разомъ вымретъ у насъ, и домъ опустѣетъ!—Мамми отчаянно разрыдалась.

Миссъ Офелія осторожно выпроводила изъ комнаты Тома и Мамми. Полагая, что всѣ ушли, она неожиданно увидѣла Топси.

— Ты откуда явилась?—быстро спросила она.

— Я была здѣсь, — отвѣтила Топси, утирая слезы.—Ахъ, миссъ Ева! я была злою дѣвчонкой, но неужели-же вы ничего не дадите мнѣ?

— Какъ-же, бѣдная Топси, дамъ,—отвѣтила Ева, подавая ей локонъ.—Вотъ тебѣ! Когда взглянешь на него, вспомнишь, что я любила тебя и очень желала, чтобы ты была доброю дѣвочкой.

— О, миссъ Ева, я *стараюсь!* — проговорила искренно Топси.—Только, Господи, какъ трудно быть доброй.

— Христосъ знаетъ и видитъ это, Топси... Онъ тебѣ поможетъ.

Миссъ Офелія молча удалила изъ комнаты Топси, которая закрыла глаза передникомъ.

Во время описанной сцены миссъ Офелія не разъ отирала слезы. Сентъ-Клеръ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, закрывъ глаза рукою. Горю и отчаянію его не было границъ...

Когда всѣ ушли, Марія встала, бросилась вонъ изъ комнаты, удалилась къ себѣ, гдѣ съ нею произошелъ сильный припадокъ истерики.

Ева начала быстро слабѣть, такъ что болѣе уже не могло быть никакого сомнѣнія насчетъ развязки. Хорошенькая комната окончательно превратилась въ больницу, а миссъ Офелія день и ночь исполняла обязанность сидѣлки, проявивъ величайшее призваніе къ этому дѣлу.

Дядя Томъ часто бывалъ въ комнатѣ Евы. Малютка страдала сильнымъ нервнымъ безпокойствомъ и чувствовала облегченіе, когда ее носили на рукахъ. И для Тома не было большаго удовольствія, какъ

носить на подушкѣ эту маленькую, худенькую дѣвочку то по комнатѣ, то по галлереѣ. Когда-же съ озера дулъ освѣжающій вѣтеръ и Ева утромъ чувствовала себя бодрѣе, Томъ выносилъ ее въ садъ, подъ тѣнь померанцевыхъ деревьевъ, гдѣ или ходилъ съ нею, или, сѣвъ на одной изъ прежнихъ завѣтныхъ скамеекъ, пѣлъ ей любимые старые гимны.

То-же дѣлалъ часто и отецъ ея; но мышцы его были не такъ крѣпки, какъ у Тома.

Ева особенно охотно повѣряла свои мечты и предчувствія вѣрному Тому, своему другу и носильщику. Ему говорила она то, чего не рѣшилась-бы сказать отцу, боясь встревожить его. Ему сообщала она тѣ впечатлѣнія, которыя предвкушаетъ душа, когда связь, соединяющая ее съ тѣломъ, начинаетъ ослабѣвать.

Томъ уже пересталъ спать въ своей каморкѣ и ночевалъ въ наружной галлереѣ, готовый каждую минуту откликнуться на зовъ.

— Что тебѣ за охота, дядя Томъ, валяться на

всякомъ мѣстѣ, какъ собака?—спросила миссъ Офелія.—Я думаю, ты, какъ человѣкъ порядочный, предпочитаешь спать на постели.

— Дѣйствительно такъ, миссъ Фили, — отвѣтилъ таинственно Томъ.—Но только...

— Что такое?

— Надо говорить потише. Масру Сентъ-Клеру не слѣдуетъ слышать этого... Надо-же, миссъ Фили, чтобы кто-нибудь сторожилъ приходъ жениха.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Знаете, въ писаніи сказано: «въ полуночи раздался кликъ велій: се женихъ грядетъ!» Вотъ этого-то я и жду всякую ночь... Нельзя-же мнѣ уходить отсюда, а то не услышу.

— Что ты, дядя Томъ, съ чего это пришло тебѣ въ голову?

— Мнѣ миссъ Ева сказывала. Она говоритъ, что Господь пришлетъ ангеловъ за ея душою. Мнѣ надо быть тутъ, миссъ Фили. Вѣдь какъ станетъ она, наша голубка, отходить въ царствіе небесное, — они для нея такъ широко растворятъ врата, что и мы всѣ заглянемъ туда и увидимъ всю славу Божію.

Разговоръ происходилъ въ одиннадцатомъ часу вечера. Торжественный, искренній тонъ его поразилъ миссъ Офелію.

Весь вечеръ Ева была необыкновенно весела и спокойна, сидѣла въ постели, разбирала свои ларчики и маленькія драгоцѣнности и назначала, кому изъ друзей своихъ подарить ту или другую вещь. Давно уже движенія ея не были такъ живы, а голосъ — такъ твердъ. Вечеромъ отецъ входилъ къ ней и сказалъ, что ни разу еще во время болѣзни она

не была такъ похожа на его прежнюю Еву. Прощаясь съ нею на ночь, онъ сказалъ миссъ Офеліи:

— Кузина, мы еще, быть можетъ, удержимъ ее! Ей, очевидно, лучше...

У него вдругъ стало такъ легко на душѣ, какъ давно уже не бывало.

Въ полночь, — въ этотъ чудный, таинственный часъ, — въ комнатѣ послышался легкій шумъ отъ быстрыхъ шаговъ миссъ Офеліи, рѣшившейся всю ночь просидѣть надъ больною малюткой. Послѣ полуночи она тотчасъ замѣтила то, что называютъ «*переломомъ*». Наружная дверь быстро отворилась, и появился Томъ.

— Зови доктора, Томъ! Не теряй ни минуты!— сказала миссъ Офелія.

Затѣмъ она тихонько постучалась въ дверь Сентъ-Клера.

— Кузенъ, подите сюда!—позвала она.

Словно комья земли, брошенные на гробъ, упали эти слова ему на сердце. Въ одну минуту онъ очутился въ комнатѣ Евы и наклонился надъ нею.

Она спала. Сердце замерло у него. Онъ съ перваго взгляда убѣдился, что этотъ милый образъ уже болѣе не принадлежитъ ему.

На лицѣ малютки не было еще смертной блѣдности, но на немъ былъ тотъ отпечатокъ величія, который свидѣтельствовалъ о началѣ безсмертія для этой юной души.

Миссъ Офелія и Сентъ-Клеръ смотрѣли на нее неподвижно и безмолвно, такъ что даже стукъ часового маятника казался слишкомъ громкимъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Томъ привелъ доктора. Онъ вошелъ,

взглянулъ и замолкъ такъ-же, какъ и всѣ остальные.

— Когда произошла эта перемѣна? — шопотомъ спросилъ онъ у миссъ Офеліи.

— Около полуночи,—отвѣтила та.

Марія, пробужденная приходомъ доктора, торопливо вбѣжала изъ сосѣдней комнаты.

— Августинъ! Кузина! Ахъ! Что это?—поспѣшно говорила она.

— Тише! — убитымъ голосомъ отвѣтилъ Сентъ-Клеръ.—*Она умираетъ*...

Мамми, услышавъ эти слова, побѣжала будить дворню. Вскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Замелькали огни, послышались шаги, на галлереѣ показались встревоженныя лица негровъ, которые плакали и заглядывали въ стеклянныя двери. Но Сентъ-Клеръ ничего не слышалъ и не говорилъ; онъ только смотрѣлъ на дивную перемѣну въ этомъ маленькомъ личикѣ спящей малютки.

— О! еслибъ она проснулась и хоть разъ еще сказала что-нибудь!—проговорилъ онъ и, нагнувшись, сказалъ ей на ухо:—Ева, милочка!

Большіе голубые глаза открылись, улыбка пробѣжала по лицу. Ева пыталась приподнять голову и сказать что-то.

— Узнаешь-ли ты меня, Ева?

— Милый папа!—съ усиліемъ произнесла она и обвила руками его шею.

Но руки тотчасъ упали. Когда же Сентъ-Клеръ поднялъ голову,—онъ увидѣлъ на лицѣ ея выраженіе предсмертной муки: она силилась вздохнуть и протянула ручки кверху...

— О, Боже мой! Это ужасно!—проговорилъ онъ, отвернувшись, и, безсознательно схвативъ Тома за руку, крѣпко сжалъ ее.—Томъ, другъ мой, это убиваетъ меня!..

Томъ взялъ руки своего господина и держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Слезы струились по его чернымъ щекамъ; онъ поднялъ голову и безмолвно молилъ о помощи Того, къ Кому такъ часто обращался...

— Молись, чтобъ это недолго продолжалось!— сказалъ Сентъ-Клеръ.—Сердце мое надрывается!

— О, Господи, слава Тебѣ!—Все прошло, прошло, милый господинъ мой! —проговорилъ Томъ. —Взгляните на нее...

Малютка лежала на подушкахъ, какъ-будто утомившись, и прерывисто дышала. Большіе ея ясные глаза закатились и были неподвижны. Но что за чудное выраженіе лица!.. Земное миновало, страданіе прошло... Торжественное выраженіе этого лица было такъ величаво, такъ таинственно, что, при видѣ его, даже горестныя рыданія умолкли. Всѣ столпились вокругъ въ глубокомъ безмолвіи.

— Ева!—тихо позвалъ ее Сентъ-Клеръ.

Она не слыхала.

— О, Ева, скажи намъ — что ты видишь?.. Что это?—удивился отецъ.

Дивная улыбка озарила ея лицо, и она отрывисто проговорила:

— Любовь... радость... миръ!—вздохнула и... перешла въ новый міръ.

Прощай, прекрасное дитя!.. Горе тѣмъ, которые сторожили твое удаленіе на небо и, пришедши въ

себя, увидятъ лишь холодныя, суровыя условія обыденчой жизни, а тебя ужь не будетъ съ ними.

ГЛАВА XXIII.

Послѣднее на землѣ.

Въ комнатѣ Евы статуэтки и картины закутаны въ бѣлое полотно. Все тихо. Слышны только тяжкіе вздохи да осторожные шаги. Свѣтъ едва проникалъ сквозь плотныя жалюзи.

Постель была покрыта бѣлымъ. На ней покоилось небольшое существо, спящее вѣчнымъ сномъ.

Ева лежала въ простомъ бѣломъ платьѣ, которое она обыкновенно носила прежде. Свѣтъ, проникавшій сквозь розовыя занавѣски, придавалъ нѣкоторую теплоту ледяному виду смерти. Тяжелыя рѣсницы спокойно улеглись на щекѣ; голова склонилась нѣсколько набокъ, какъ въ натуральномъ снѣ; въ чертахъ лица было разлито высокое выраженіе восторга и невозмутимаго спокойствія. Это былъ не земной сонъ, а долгій, священный покой, ниспосылаемый Богомъ для всѣхъ, любившихъ Его.

«Подобныя тебѣ, милая Ева, не умираютъ!.. Для тебя не существуетъ мракъ смерти! Есть только мерцаніе утренней зари, блѣднѣющей въ золотѣ встающей денницы. Ты стяжала побѣду безъ битвы! Ты получила вѣнецъ безъ борьбы!..»

Такъ думалъ Сентъ-Клеръ, стоя съ скрещенными на груди руками подлѣ умершей и смотря на нее... Съ той минуты, какъ было произнесено слово «скончалась»,—все для него покрылось густымъ туманомъ.

Тяжелая тоска, омрачающая умъ, овладѣла имъ... Онъ слышалъ голоса вокругъ себя, ему предлагали разные вопросы, спрашивали его, когда и гдѣ хоронить, — и онъ нетерпѣливо отвѣчалъ, что ему все равно.

Роза тихо вошла въ комнату съ корзинкою бѣлыхъ цвѣтовъ. Увидавъ Сентъ-Клера, она почтительно отступила на шагъ и остановилась; но, увѣрившись, что онъ не замѣчаетъ ея, она подошла къ усопшей, чтобы убрать ее цвѣтами. Сентъ-Клеръ видѣлъ, словно во снѣ, какъ она вложила прекрасный жасминъ въ крошечныя ручки покойницы и съ удивительнымъ

вкусомъ разложила остальные цвѣты вокругъ ея ложа.

Затѣмъ вошла Топси, съ распухшими отъ слезъ глазами, держа что-то подъ фартукомъ. Роза поспѣшно махнула ей рукой, чтобы она не входила, но дѣвочка сдѣлала шагъ впередъ.

— Вонъ отсюда!—рѣзко и повелительно прошептала ей Роза.—Тебѣ нечего здѣсь дѣлать.

— Пустите меня! Я принесла цвѣтокъ... и такой прекрасный! — проговорила Топси, держа въ рукахъ полураспустившуюся розовую почку чайнаго растенія. —Пустите меня положить только одинъ этотъ цвѣтокъ!

— Убирайся отсюда!—еще рѣшительнѣе проговорила Роза.

— Оставь ее! — крикнулъ Сентъ-Клеръ, топнувъ ногою.

Топси выступила впередъ и положила свой цвѣтокъ къ ногамъ усопшей. Потомъ съ дикимъ, отчаяннымъ воплемъ бросилась на полъ около постели и громко зарыдала.

Миссъ Офелія поспѣшила въ комнату, стараясь поднять и утѣшить ее, но тщетно.

— Ахъ, миссъ Ева! миссъ Ева!—кричала Топси.— Зачѣмъ я также не умерла!..

Отчаяніе слышалось въ ея вопляхъ. Кровь бросилась въ блѣдное, какъ мраморъ, лицо Сентъ-Клера, и первыя слезы покатились по щекамъ его.

— Встань, дитя!—сказала ласково миссъ Офелія.— Не плачь такъ... Миссъ Ева ушла на небо: она теперь ангелъ.

— Но я болѣе не увижу ее,—проговорила Топси,— никогда не увижу!—и она опять зарыдала.

Съ минуту всѣ молчали.

— Она говорила, что *любитъ* меня,—продолжала Топси,—она это сказала... О, Боже мой, Боже мой! *Никого* теперь нѣтъ у меня, никого!..

— Къ сожалѣнію, это справедливо, — сказалъ Сентъ-Клеръ. — Попробуйте, — прибавилъ онъ, обращаясь къ миссъ Офеліи,—не можете-ли вы утѣшить бѣднаго ребенка.

— Зачѣмъ я только родилась на свѣтъ! — причитывала Топси.—Мнѣ вовсе не слѣдовало бы родиться. На что мнѣ жизнь...

Миссъ Офелія ласково, но рѣшительно подняла Топси и увела ее изъ комнаты, уронивъ при этомъ нѣсколько слезъ.

— Топси, бѣдное дитя!—говорила миссъ Офелія, вводя ее въ свою комнату.—Не отчаивайся! Я могу любить тебя, хоть я и не похожа на дорогую Еву. Я думаю, что научилась нѣсколько у ней любви по-христіански. Я могу любить тебя... Я постараюсь любить тебя и помочь тебѣ сдѣлаться хорошей христіанкой.

Голосъ миссъ Офеліи былъ трогательнѣе словъ ея, а тѣмъ болѣе—искреннія слезы, текшія по ея лицу. Съ этой минуты она навсегда овладѣла душою покинутой Топси.

— О, моя Ева! Если твоя кратковременная жизнь принесла столько добра,—какой отвѣтъ дамъ я Богу за мою продолжительную жизнь? — говорилъ Сентъ-Клеръ.

Послышался тихій шопотъ и шаги въ комнатѣ. То домашняя прислуга прокрадывалась въ комнату взглянуть на усопшую. Вотъ принесли и гробикъ, а

затѣмъ наступили и похороны... Кареты подъѣзжали къ крыльцу, и посторонніе люди входили и садились. Появились бѣлые шарфы, ленты, крепoвые банты и провожатые, облеченные въ черный крепъ; были читаны слова изъ Библіи и молитвы... Сентъ-Клеръ все это время жилъ и двигался, какъ человѣкъ, выплакавшій всѣ свои слезы. До послѣдней минуты онъ видѣлъ только одно — золотую головку въ гробикѣ. Наконецъ, опустили крышку гроба—и не стало болѣе видно золотой головки. Сентъ-Клеръ пошелъ, вмѣстѣ съ другими, къ тому мѣсту, на краю сада, у дерновой скамьи, гдѣ Ева такъ часто разговаривала, читала и пѣла съ Томомъ: тамъ была приготовлена могила. Онъ стоялъ возлѣ нея, безо всякой мысли смотрѣлъ и видѣлъ, какъ опускали гробикъ, смутно слышалъ торжественныя слова: «Азъ есмь воскрешеніе и животъ, вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ». Стали бросать землю, наполнили могилку до-верху,— а Сентъ-Клеру все не вѣрилось, что зарывали въ землю его Еву.

И въ самомъ дѣлѣ зарывали не Еву, а лишь бренную оболочку свѣтлаго, безсмертнаго образа, въ которомъ она возстанетъ въ день Господень.

Все было кончено, всѣ разошлись и разъѣхались. Родные и близкіе возвратились въ домъ, который никогда ужь не увидитъ въ своихъ стѣнахъ маленькой Евы. Марія затворилась въ своей комнатѣ. Она улеглась въ постель, рыдая въ неукротимомъ горѣ и ежеминутно призывая къ себѣ на помощь служанокъ... Она была вполнѣ увѣрена, что никто на свѣтѣ не можетъ и не желаетъ чувствовать этой потери такъ, какъ она чувствуетъ ее.

— Сентъ-Клеръ не пролилъ ни одной слезы!— сказала она. — Онъ мало сочувствуетъ мнѣ. Удивительно, какъ онъ безчувственъ! Неужели же онъ не видитъ, какъ я страдаю?..

Сердечное чувство влекло Тома къ его господину. Пристально и грустно повсюду слѣдилъ онъ за нимъ. Когда онъ увидалъ Сентъ-Клера, блѣднаго, спокойнаго, въ комнатѣ Евы, съ открытою маленькою Библіей предъ глазами, — Томъ понялъ, что господинъ его переживаетъ болѣе сильную скорбь, чѣмъ Марія.

Чрезъ нѣсколько дней семейство Сентъ-Клера возвратилось въ Новый-Орлеанъ.

— Мистеръ Сентъ-Клеръ—странный человѣкъ!— говорила жалобнымъ тономъ Марія миссъ Офеліи.— Я думала, что онъ только и любилъ на свѣтѣ одну Еву; но онъ, кажется, очень легко забылъ ее: я не могу даже навести его на разговоръ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, я думала, что онъ обнаружитъ по этому поводу гораздо болѣе чувства.

— Говорятъ, что тихія воды—самыя глубокія,— замѣтила миссъ Офелія тономъ оракула.

— Не вѣрю я этому, это все пустяки!

— Право, миссизъ, масръ Сентъ-Клеръ сталъ совсѣмъ тѣнью. Говорятъ, онъ ничего не ѣстъ,—замѣтила Мамми. — Повѣрьте, онъ не забылъ миссъ Евы... Повѣрьте, никто не можетъ забыть это милое, маленькое, благословенное созданіе, - прибавила она, отирая слезы.

Въ это время въ библіотекѣ Сентъ-Клера происходилъ другой разговоръ.

Томъ, тревожно слѣдившій повсюду за своимъ господиномъ, видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ библіотеку

нѣсколько часовъ тому назадъ. Тщетно прождавъ его выхода, Томъ рѣшился войти къ нему. Онъ вошелъ тихо. Сентъ-Клеръ лежалъ на софѣ въ самомъ отдаленномъ концѣ комнаты, лицомъ внизъ. Передъ нимъ была открыта Библія Евы. Томъ подошелъ къ нему и сталъ подлѣ софы, какъ бы съ намѣреніемъ сказать что-то. Вдругъ Сентъ-Клеръ поднялся. Честное лицо негра, съ выраженіемъ глубокой скорби, любви и симпатіи, поразило Сентъ-Клера. Онъ положилъ свою руку на руку Тома.

— Ахъ, мой милый Томъ! Свѣтъ пустъ, какъ яичная скорлупа.

— Знаю, масръ, знаю, — отвѣтилъ Томъ. — Но еслибы масръ захотѣлъ обратить свой взоръ туда, гдѣ наша дорогая миссъ Ева, гдѣ нашъ Господь Іисусъ!

— Ахъ, Томъ, я пробовалъ!

Томъ тяжело вздохнулъ.

— Кажется, это дано только дѣтямъ и честнымъ бѣднякамъ, какъ ты, Томъ,—сказалъ Сентъ-Клеръ.— Почему это?

— «Ты утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ! Ей, Отче, таково было Твое благоволеніе»,—проговорилъ вполголоса Томъ.

— Ахъ, Томъ, какъ я желалъ бы вѣрить такъ-же, какъ ты!..

— Добрый масръ! помолитесь Господу Богу: «Боже, я вѣрую, помоги моему невѣрію!»

Сентъ-Клеръ положилъ голову на плечо къ нему и пожалъ эту вѣрную, жесткую, черную руку.

— Ты любишь меня, Томъ?—спросилъ онъ.

— Жизнь свою отдалъ бы въ тотъ день, когда увижу масра христіаниномъ.

— Я не сто́ю любви такого добраго, честнаго сердца, какъ твое! — проговорилъ Сентъ-Клеръ, приподнявшись.

— О, масръ, еще Кто-то любитъ васъ больше, чѣмъ я: это—Самъ Господь Іисусъ!

— Какъ ты можешь знать это?

— Если позволите, масръ,—проговорилъ Томъ,—я просилъ бы васъ сдѣлать милость—прочесть то, что

мнѣ такъ прекрасно читала Ева. Я не слыхалъ Евангелія съ тѣхъ поръ, какъ скончалась миссъ Ева!..

То была глава изъ Евангелія Іоанна—трогательное повѣствованіе о воскресеніи Лазаря. Сентъ-Клеръ читалъ громко, часто останавливаясь, чтобъ умѣрить волненіе, произведенное въ немъ возвышеннымъ и трогательнымъ разсказомъ. Томъ стоялъ подлѣ него на колѣнахъ со сложенными руками и съ выраженіемъ на лицѣ любви, вѣры и благоговѣнія.

Затѣмъ между Томомъ и Сентъ-Клеромъ завязался оживленный разговоръ, касавшійся значенія вѣры и молитвы. Томъ мягко убѣждалъ Сентъ-Клера въ необ-

ходимости твердой вѣры и молитвы. Бесѣда эта кончилась тѣмъ, что Сентъ-Клеръ обратился къ Тому:

— Помолись за меня, Томъ, и поучи меня молиться.

Сердце Тома было исполнено радости. Молитвы такъ и лились изъ устъ его, на-подобіе воды, вдругъ прорвавшейся чрезъ плотину... Сентъ-Клеръ чувствовалъ, что порывъ вѣры и чувства Тома уносилъ его какъ-бы прямо ко вратамъ того неба, которое такъ сильно хотѣлось ему узрѣть. Ему казалось, что онъ приближается къ Евѣ.

— Благодарю тебя, другъ мой! — проговорилъ Сентъ-Клеръ, когда Томъ окончилъ молитву. — Мнѣ отрадно слушать тебя, Томъ. Но теперь уйди и оставь меня одного. Въ другой разъ мы больше побесѣдуемъ.

ГЛАВА XXIV.

Сближеніе.

Недѣля проходила за недѣлей, и волны жизни въ домѣ Сентъ-Клера потекли попрежнему... Сентъ-Клеръ во многомъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Прилежно и со смысломъ читалъ онъ Библію маленькой Евы. На отношенія свои къ прислугѣ онъ смотрѣлъ разсудительнѣе и практичнѣе, чувствуя полное недовольство прошлымъ и нынѣшнимъ образомъ жизни. Возвратившись въ Новый-Орлеанъ, онъ началъ хлопотать объ освобожденіи Тома, такъ что оставалось лишь совершить нѣкоторыя формальности по этому дѣлу. Въ то-же время онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывался

къ Тому. Никто другой, кромѣ Тома, не напоминалъ ему такъ живо объ Евѣ, и Сентъ-Клеръ безпрестанно желалъ видѣть его подлѣ себя. Разборчивый и скрытный въ своихъ завѣтныхъ чувствахъ, онъ почти ничего не скрывалъ отъ Тома. И это было нисколько не удивительно: стоило лишь взглянуть на лицо Тома, чтобы видѣть, какую любовь и преданность выражало оно, когда онъ ухаживалъ за своимъ молодымъ господиномъ.

— Томъ!—сказалъ Сентъ-Клеръ на другой день послѣ того, какъ онъ началъ хлопотать объ его свободѣ.—Я освобожу тебя. Укладывай твои вещи и готовься къ отправленію въ Кентукки.

Лучъ радости озарилъ лицо Тома. Онъ поднялъ руки къ небу и съ восторгомъ воскликнулъ: «Благословенъ Богъ!»... Сентъ-Клеръ смутился. Ему не нравилось, что Томъ такъ обрадовался возможности уйти отъ него.

— Неужели тебѣ, Томъ, дурно здѣсь что ты такъ радуешься отъѣзду? — сухо спросилъ Сентъ-Клеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, масръ! Я радуюсь не отъѣзду, а тому, что буду *свободнымъ человѣкомъ*... Вотъ чему я радуюсь.

— Послушай, Томъ! развѣ же нынѣшнее твое положеніе не удобнѣе для тебя, чѣмъ свобода?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, масръ Сентъ-Клеръ!—энергично отвѣтилъ Томъ.—Увѣряю васъ— нѣтъ!..

— Почему же, Томъ? Могъ-ли бы ты заработать себѣ такую одежду и такое содержаніе, какое я даю тебѣ?

— Вы, масръ, добрый господинъ!.. Пусть у меня будутъ худыя платья, бѣдный домъ и все бѣдное, но пусть это бѣдное будетъ *моею собственностью*, — и я буду несравненно счастливѣе, чѣмъ съ самыми лучшими вещами, которыя не принадлежатъ мнѣ! Думаю, масръ, что это такъ и должно быть по природѣ человѣка!

— Полагаю, что такъ. И вотъ, чрезъ мѣсяцъ или болѣе, ты уйдешь отъ меня, оставишь меня,—проговорилъ онъ какъ-бы съ оттѣнкомъ досады. — Впрочемъ, почему же и не такъ? — прибавилъ онъ нѣсколько веселѣе, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ,—пока мой господинъ несчастливъ, я не оставлю его! — отвѣтилъ Томъ. — Я останусь подлѣ него, пока нуженъ ему, пока могу быть въ чемъ-нибудь полезенъ ему.

— Пока я несчастливъ, Томъ? — переспросилъ Сентъ-Клеръ, печально глядя въ окно. — Когда же окончатся мои несчастья?

— Когда масръ Сентъ-Клеръ сдѣлается истиннымъ христіаниномъ,—отвѣтилъ Томъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ не уйдешь отъ меня до тѣхъ поръ, пока придетъ этотъ день?—сказалъ Сентъ-Клеръ, полусмѣясь и отвернувшись отъ окна, положивъ свою руку на плечо Тома.—Ахъ, Томъ, доброе, глупенькое созданіе!.. Я не стану такъ долго удерживать тебя. Иди къ твоей женѣ и дѣтямъ и поклонись имъ отъ меня.

— Я вѣрю, что придетъ этотъ день! — серьезно проговорилъ Томъ, со слезами на глазахъ. — Масръ необходимъ въ этой жизни для Бога.

— Развѣ?—спросилъ Сентъ-Клеръ.—Желалъ бы я послушать, на что я необходимъ.

— Даже такой бѣднякъ, какъ я, нуженъ Богу, а масрь Сентъ-Клеръ — человѣкъ ученый, богатый, имѣющій много друзей... Какъ много можетъ онъ сдѣлать для Бога!..

Въ добромъ, честномъ сердцѣ миссъ Офеліи Ева оставила слѣдъ на всю остальную жизнь. Миссъ Офелія стала мягче, добродушнѣе. Она уже не брезговала прикосновеніемъ Топси, не чувствовала отвращенія къ ней. Жизнь и смерть Евы произвели замѣтную перемѣну въ Топси. Пропало ея ледяное равнодушіе,—чувствительность, надежда, желаніе и стремленіе къ добру замѣнили его.

Разъ миссъ Офелія послала за Топси, которая, появившись, торопливо спрятала что-то на груди у себя.

— Ты, чертенокъ, что тутъ прячешь? Украла что-нибудь?—повелительно закричала Роза, которую посылали за ней, грубо схвативъ ее при этомъ за руку.

— Оставьте меня, миссъ Роза!—отвѣтила Топси, вырвавшись отъ нея.—Это—не ваше дѣло.

— Безъ грубостей! — сказала Роза. — Развѣ я не видѣла, какъ ты спрятала что-то?.. Я знаю твои штуки.

Роза схватила ее одною рукой, а другую старалась засунуть къ ней за платье, но Топси бѣсилась, топала, рвалась, храбро защищая свои права. Крикъ и шумъ этой борьбы вызвали миссъ Офелію и Сентъ-Клера.

— Она украла!—кричала Роза.

— Не правда, я не воровала! — отвѣтила Топси, страшно рыдая.

— Отдай мнѣ, что у тебя тамъ!—настойчиво потребовала миссъ Офелія.

Топси колебалась, но, получивъ вторичное приказаніе, она вынула изъ-за пазухи маленькій узелокъ, завернутый въ обрывокъ собственнаго ея стараго чулка.

Миссъ Офелія развернула его. Въ немъ была крошечная книжечка, подаренная Топси Евою, содержащая по одному стиху изъ Священнаго Писанія на всѣ дни года, въ бумажкѣ — локонъ, подаренный ей Евою.

Сентъ-Клера растрогало это. Маленькая книжка была обернута въ длинную полосу чернаго крепа, оторваннаго отъ траурнаго платья.

— Почему же ты обернула книжку крепомъ?— спросилъ Сентъ-Клеръ.

— Потому... потому... что это осталось отъ миссъ Евы... Ради Бога, не отнимайте у меня этого!—просила Топси, бросившись на полъ, и, закрывъ голову фартукомъ, начала страшно рыдать.

На глазахъ Сентъ-Клера были слезы.

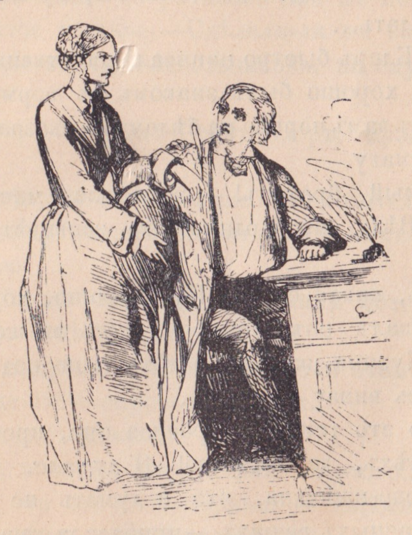
— Полно, не плачь, возьми себѣ это назадъ!— проговорилъ онъ и, свернувъ все вмѣстѣ, бросилъ къ ней на колѣни и вышелъ съ миссъ Офеліей въ гостиную.

— Я начинаю думать, что вы, дѣйствительно, можете что-нибудь сдѣлать изъ этой дѣвочки,—говорилъ онъ, показывая пальцемъ черезъ плечо. — Кто способенъ чувствовать *истинное горе*, тому доступно добро. Попытайтесь сдѣлать что-нибудь изъ нея.

— Она во многомъ исправилась,—отвѣтила миссъ Офелія. — Августинъ, — сказала она, положивъ ему руку на плечо, — скажите мнѣ, ваша она или моя?

— Да вѣдь я подарилъ ее вамъ!—отвѣчалъ Сентъ-Клеръ.

— Но не законнымъ порядкомъ; я же хочу, чтобы она мнѣ принадлежала по закону.

— Хорошо, я сдѣлаю по вашему. — Онъ сѣлъ и развернулъ газету.

— Но мнѣ необходимо, чтобы вы теперь занялись этимъ дѣломъ,—настаивала миссъ Офелія.

— Къ чему такая поспѣшность?

— Потому что теперь самое удобное время. Вотъ бумага, перо и чернила. Идите сюда и напишите сейчасъ-же бумагу.

— Для чего-же такая настойчивость? — спросилъ

онъ. — Неужели вамъ не довольно одного моего слова?

— Я хочу непремѣнно кончить это дѣло теперь-же. Вы можете умереть или обанкрутиться; тогда Топси продадутъ съ аукціона,—и я не въ состояніи буду помочь ей.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы очень предусмотрительны! Нечего дѣлать...

Сентъ-Клеръ быстро написалъ дарственную запись, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ формами.

— Вотъ вамъ черное на бѣломъ!—сказалъ онъ, вручая ей бумагу.

— Милый братецъ! — замѣтила миссъ Офелія, смѣясь.—Вѣдь необходимо же засвидѣтельствовать бумагу!..

— Охъ, какая скука! Ну, хорошо, хорошо! Марія, — сказалъ онъ, отворяя дверь въ женину комнату. — Кузина желаетъ имѣть твою подпись. Подпиши здѣсь внизу твое имя.

— Что это такое?—спросила она, пробѣжавъ бумагу.—Смѣхъ, да и только! Я думала, что кузина такъ высоко-набожна, что и думать не захочетъ о такихъ ужасныхъ вещахъ,—прибавила она, небрежно подписывая свое имя. — Если ей такъ понравилась эта дѣвчонка, то я могу только поздравить ее съ выборомъ.

— Теперь Топси—твоя душой и тѣломъ,—сказалъ Сентъ-Клеръ миссъ Офеліи, передавая ей бумагу.

— Она моя никакъ не болѣе того, чѣмъ прежде, — отвѣтила миссъ Офелія,—такъ какъ только Богъ могъ-бы дать мнѣ ее; но за то теперь я могу защитить ее.

— Хорошо, теперь она ваша по закону,—проговорилъ Сентъ-Клеръ, возвращаясь въ гостиную, гдѣ онъ расположился читать.

Миссъ Офелія, не любившая общества Маріи, послѣдовала за нимъ, спрятавъ предварительно бумагу.

— Августинъ, — обратилась она къ нему, принимаясь за свое вязанье.—Сдѣлали-ли вы какое-нибудь распоряженіе насчетъ невольниковъ, на случай вашей смерти?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сентъ-Клеръ, продолжая читать.

— Въ такомъ случаѣ ваше снисходительное обращеніе съ ними можетъ оказаться для нихъ страшною жестокостью.

Сентъ-Клеръ часто самъ думалъ объ этомъ, но равнодушно отвѣтилъ ей:

— Да, я думаю позаботиться объ этомъ.

— Когда-же?—спросила Офелія.

— На этихъ дняхъ.

— Что, если вы умрете раньше этого...

— Что это значитъ, кузина? — спросилъ Сентъ-Клеръ, положивъ газету и смотря на нее.—Не замѣчаете-ли вы во мнѣ признаковъ желтой лихорадки или холеры, что такъ ревностно заботитесь о моихъ предсмертныхъ распоряженіяхъ?

— Часто смерть застигаетъ насъ въ цвѣтѣ жизни,—отвѣтила миссъ Офелія.

Сентъ-Клеръ всталъ и спокойно подошелъ къ двери, ведущей на галлерею, чтобы положить конецъ непріятному разговору. Безсознательно повторилъ онъ слово: «смерть».

«Странно, — думалъ онъ, — что есть такое слово, есть такое явленіе, и мы вѣчно забываемъ ихъ... Человѣкъ, сегодня живой, пылкій, прекрасный, полный надеждъ, желаній и потребностей, — завтра можетъ не существовать, завтра можетъ навсегда исчезнуть!..»

Былъ теплый, прекрасный вечеръ. Подойдя къ другому концу галлереи, Сентъ-Клеръ увидѣлъ Тома, прилежно читавшаго свою Библію, водя пальцемъ по словамъ, которыя онъ произносилъ про-себя.

— Не хочешь-ли, я почитаю тебѣ, Томъ? — сказалъ Сентъ-Клеръ, небрежно садясь возлѣ него.

— Если масру угодно,—съ благодарностью отвѣтилъ Томъ.

Сентъ-Клеръ взялъ книгу и началъ читать одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя у Тома были отмѣчены черными чертами: «Егда же пріидетъ сынъ человѣческій въ славѣ своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ». Сентъ-Клеръ читалъ съ болѣе и болѣе возраставшимъ одушевленіемъ. «Тогда речетъ и сущимъ ошую Его: идите отъ Мене, проклятіи, во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжадахся, и не напоисте Мене, страненъ бѣхъ, и не введосте Мене; нагъ, и не одѣясте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене. Тогда отвѣщаютъ ему и тіи, глаголюще: Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ, и не послужихомъ Тебѣ? Тогда отвѣщаетъ имъ, гла-

голя: аминь глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому сихъ меншихъ, ни Мнѣ сотвористе».

Послѣднія строки, казалось, поразили Сентъ-Клера; онъ прочелъ ихъ два раза и во второй разъ очень медленно, какъ-будто обдумывая ихъ.

— Томъ, сказалъ онъ: — люди, которыхъ постигнетъ такое жестокое наказаніе, поступали, кажется, такъ-же какъ и я: жили они хорошо, покойно, пользовались общимъ уваженіемъ, не безпокоились нисколько о ближнихъ своихъ—голодныхъ, жаждущихъ, больныхъ или заключенныхъ въ темницѣ.

Томъ не отвѣчалъ.

Сентъ-Клеръ всталъ и началъ въ раздумьѣ ходить по галлереѣ, углубившись въ свои мысли. Два раза Томъ напоминалъ ему, что звонили къ чаю, но Сентъ-Клеръ не слыхалъ его. За чаемъ онъ былъ разсѣянъ и задумчивъ. Напившись чаю, онъ, Марія и миссъ Офелія усѣлись въ гостиной, почти не говоря ни слова.

Марія расположилась на софѣ и, закрывшись шелковыми занавѣсками отъ москитовъ, вскорѣ крѣпко заснула. Миссъ Офелія молча вязала. Сентъ-Клеръ сѣлъ за фортепіано и заигралъ тихую, меланхолическую мелодію. Онъ казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Въ музыкѣ его слышалась бесѣда съ самимъ собою. Потомъ, открывъ одинъ изъ ящиковъ, онъ вынулъ оттуда старинную музыкальную тетрадь, листы которой пожелтѣли отъ времени.

То была одна изъ тетрадей его матери. Ему такъ живо вспомнился голосъ матери, которымъ она пѣла то, что было въ тетради.

Онъ взялъ нѣсколько величественныхъ аккордовъ

и запѣлъ чудный, древній латинскій гимнъ, заключающій въ себѣ мольбу къ безконечному милосердію («Dies irae», изъ «Реквіема» Моцарта).

Томъ, привлеченный звуками музыки, стоялъ съ выраженіемъ глубокаго вниманія на лицѣ. Онъ не понималъ словъ, но мелодія производила сильное впечатлѣніе на него.

Трогательно, съ выраженіемъ глубокаго чувства, пѣлъ Сентъ-Клеръ. Ему вспомнились годы юности и казалось, что онъ слышитъ голосъ матери, аккомпанирующей ему. Голосъ и фортепіано, казалось, оба дышали жизнію. Вполнѣ гармонично выливались у нихъ звуки, сложенные безсмертнымъ Моцартомъ для собственной его погребальной молитвы.

Пѣніе прекратилось. Нѣсколько минутъ сидѣлъ Сентъ-Клеръ, склонивъ голову на руку. Потомъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Какая возвышенная идея — послѣдній судъ! — сказалъ онъ. — Судъ, совершаемый надо всѣмъ, что произошло злого въ мірѣ!.. Разрѣшеніе всѣхъ нравственныхъ задачъ неоспоримою мудростію... Въ самомъ дѣлѣ, чудный образъ!

— Страшный образъ для насъ,—замѣтила миссъ Офелія.

— Для меня въ особенности страшный,—проговорилъ Сентъ-Клеръ въ раздумьѣ.—Сегодня я читалъ Тому послѣ обѣда главу изъ Евангелія Матѳея, въ которой разсказывается о судѣ Божіемъ; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Можно было-бы ожидать, что исключенные изъ рая совершили какія-нибудь страшныя злодѣянія; оказывается, что они наказаны за то, что не дѣлали положительнаго добра.

— Можетъ-быть, — проговорила миссъ Офелія, — люди, не дѣлающіе добра, не могутъ не дѣлать зла.

— Что-же сказать о человѣкѣ, — разсѣянно, но съ большимъ чувствомъ говорилъ Сентъ-Клеръ,—котораго сердце, воспитаніе и потребности общества напрасно призывали къ благороднымъ цѣлямъ, который остался мечтательнымъ, равнодушнымъ зрителемъ борьбы, страданій и заблужденій людскихъ, тогда какъ могъ-бы быть добрымъ дѣятелемъ?

— По моему,—сказала миссъ Офелія,—онъ долженъ раскаяться и приняться теперь за дѣло.

— У васъ на душѣ не засыпаетъ вѣчное *теперь*.

— *Теперь*—это мое единственное время, которымъ я могу распорядиться,—отвѣтила миссъ Офелія.

— Милая крошка Ева!.. Бѣдный ребенокъ!.. — проговорилъ Сентъ-Клеръ.—Ея простая дѣтская душа много сдѣлала добра для меня.

Въ первый разъ послѣ смерти Евы заговорилъ онъ о ней, стараясь, повидимому, подавить въ себѣ сильное волненіе.

— Значитъ вы будете жить по другому? — спросила миссъ Офелія.

— Богу одному извѣстно будущее!.. Но у меня теперь больше мужества...

— Что-же вы предполагаете сдѣлать?

— Надѣюсь исполнить обязанности мои къ бѣднымъ и слабымъ,—отвѣтилъ Сентъ-Клеръ,—начиная съ моихъ невольниковъ, для которыхъ я ничего еще не сдѣлалъ. Придетъ, можетъ-быть, день, когда я въ состояніи буду сдѣлать что-нибудь для цѣлаго класса людей, чтобы спасти мое отечество отъ того унизительнаго положенія, въ которомъ оно находится те-

перь, сравнительно со всѣми другими образованными націями.

— Вы надѣетесь, что нація когда-нибудь добровольно освободитъ невольниковъ?

— Не знаю. Мы живемъ во времена великихъ дѣлъ. Героизмъ и безкорыстіе проявляются то тамъ, то въ другой мѣстности. Венгерскіе дворяне освободили милліоны крѣпостныхъ, потерпѣвъ страшный денежный ущербъ. Можетъ-быть, и между нами найдутся благородныя души, которымъ честь и справедливость дороже золота.

— Я сомнѣваюсь въ этомъ, — замѣтила миссъ Офелія.

— А вотъ, какъ мы начнемъ понемногу освобождать негровъ, тогда и видно будетъ, сколько въ сѣверныхъ и южныхъ штатахъ людей, готовыхъ помочь неграмъ начать жить человѣческою жизнью...

Миссъ Офелія не отвѣчала. Нѣсколько минутъ молчали они. Лицо Сентъ-Клера было печально и задумчиво.

— Не понимаю, что наводитъ меня сегодня на мысль о моей матушкѣ? — проговорилъ онъ. — Я въ какомъ-то особенномъ состояніи. Мнѣ кажется, я чувствую, что мать моя около меня... Странно, что прошлое иногда такъ живо представляется намъ!..

Сентъ-Клеръ прошелся по комнатѣ, потомъ сказалъ:

— Я пойду въ кофейню на нѣсколько минутъ, узнаю—что новаго.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ.

Томъ послѣдовалъ за нимъ и спросилъ, нужно-ли проводить его.

— Нѣтъ, мой добрый Томъ! — отвѣтилъ Сентъ-Клеръ.—Я вернусь черезъ часъ.

Томъ сидѣлъ на галлереѣ. Былъ прекрасный лунный вечеръ. Томъ смотрѣлъ на фонтанъ и прислушивался къ шуму воды въ немъ. Онъ думалъ о своемъ краѣ, о томъ, что скоро будетъ свободнымъ человѣкомъ и тогда можетъ уйти домой, когда захочетъ, соображая при этомъ, сколько ему нужно работать, чтобы выкупить жену и дѣтей. Съ радостью ощупы-

валъ онъ мускулы сильныхъ своихъ рукъ, думая, что скоро они будутъ принадлежать только ему. Потомъ онъ обратилъ мысли на своего благороднаго молодого господина, — и въ умѣ его невольно сложилась молитва. Вспомнилъ онъ и о прекрасной Евѣ. Ему казалось, что ея милое личико съ золотистыми волосами выглядывало на него изъ фонтана. Въ этихъ мечтахъ, онъ уснулъ...

Страшный стукъ у воротъ и голоса разбудили Тома.

Онъ поспѣшилъ отворить ихъ. Нѣсколько человѣкъ, тихо говоря и тяжело ступая, внесли на носилкахъ тѣло, завернутое въ плащъ. Свѣтъ лампы упалъ на его лицо. Томъ испустилъ дикій крикъ отчаянія и испуга, раздавшійся по всей галлереѣ. Люди внесли свою ношу въ отворенную дверь гостиной, гдѣ миссъ Офелія все еще сидѣла за своимъ вязаньемъ.

Когда Сентъ-Клеръ, сидя въ кофейной, перелистывалъ газету, два джентльмена, сидѣвшіе въ этой комнатѣ и уже опьянѣвшіе, вскочили и начали драться. Сентъ-Клеръ, вмѣстѣ съ другими, старался разнять ихъ, какъ вдругъ получилъ ударъ кинжаломъ въ бокъ.

Домъ Сентъ-Клера наполнился плачемъ, воплями, криками, стонами. Негры бѣшено рвали на себѣ волосы, бросались на землю или бѣгали въ страшномъ отчаяніи. Только Томъ и миссъ Офелія владѣли собой. У Маріи сдѣлалась истерика. Сентъ-Клеръ былъ въ обморокѣ отъ боли и потери крови. Его переложили на софу. Миссъ Офелія дала ему понюхать спирту, и онъ пришелъ въ себя, открылъ глаза, пристально посмотрѣлъ кругомъ. Глаза его, переходя съ предмета на предметъ, остановились на портретѣ его матери.

Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ Сентъ-Клера. По выраженію его лица, не трудно было догадаться, что нѣтъ никакой надежды. Докторъ перевязалъ рану, при помощи миссъ Офеліи и Тома. Испуганные слуги рыдали, толпясь въ дверяхъ и окнахъ.

— Теперь,—сказалъ докторъ, — надо удалить отсюда этихъ людей. Все зависитъ отъ его спокойствія.

Сентъ-Клеръ открылъ глаза и пристально посмо-

трѣлъ на несчастныхъ, которыхъ миссъ Офелія и докторъ удаляли изъ комнаты.

— Бѣдныя созданія! — проговорилъ онъ, и тѣнь горькаго упрека пробѣжала по его лицу.

Адольфъ рѣшительно не хотѣлъ уйти. Ужасъ совершенно лишилъ его самообладанія. Онъ упалъ на полъ, и невозможно было убѣдить его встать.

Сентъ-Клеръ не могъ говорить много. Онъ лежалъ

съ закрытыми глазами, но видно было, что его тревожатъ горькія мысли. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ положилъ свою руку на руку Тома, стоявшаго на колѣняхъ подлѣ него, и сказалъ:

— Томъ! Бѣдный Томъ!..

— Что такое, масръ? — серьезно спросилъ Томъ.

— Я умираю! — сказалъ Сентъ-Клеръ, пожимая его руку.—Молись!

И Томъ съ жаромъ началъ молиться за отходящую душу, которая такъ грустно свѣтилась въ большихъ,

задумчивыхъ голубыхъ глазахъ умирающаго. Это была сама молитва съ искренними слезами.

Когда Томъ окончилъ молитву, Сентъ-Клеръ взялъ его за руку, пристально посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ. Онъ закрылъ глаза, все еще не выпуская руки Тома... Предъ вратами вѣчности черный и бѣлый жмутъ другъ другу руку, какъ равные люди...

Онъ тихо шепталъ отрывочныя фразы изъ того гимна мольбы къ безконечному милосердію, который пѣлъ сегодня, нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Сознаніе оставляетъ его,—проговорилъ докторъ.

— Нѣтъ, оно проснулось, наконецъ!—воскликнулъ Сентъ-Клеръ съ особенною силой: — наконецъ! наконецъ!..

Усиліе, съ какимъ онъ проговорилъ это, истощило его. Мертвенная блѣдность покрыла его лицо. Потомъ выраженіе чуднаго спокойствія сошло на него. Это былъ сонъ уставшаго ребенка...

Онъ лежалъ такъ нѣсколько минутъ. Всѣ чувствовали, что десница Всемогущаго уже коснулась его. Вдругъ онъ открылъ глаза. Внезапный свѣтъ радости озарилъ его. Онъ воскликнулъ: «моя мать!» и испустилъ духъ...

ГЛАВА XXV.

Беззащитные.

Нѣтъ ни одного земного созданія, надѣленнаго даромъ слова, которое было бы такъ беззащитно и несчастно, какъ негръ, когда онъ теряетъ добраго господина.

Когда Сентъ-Клеръ скончался,—ужасъ и смятеніе овладѣли всею прислугой. Смерть похитила его внезапно, въ цвѣтѣ и силѣ молодости. Вопли отчаянія раздавались по всему дому и въ галлереѣ...

Слабонервная, изнѣженная Марія, во время агоніи мужа, переходила изъ одного обморока въ другой,— и тотъ, съ кѣмъ она была связана узами брака, отошелъ отъ нея навсегда, не сказавъ ей прощальнаго слова.

Миссъ Офелія всей душой присоединилась къ бѣдному невольнику-Тому, тихо, но горячо молившемуся за своего господина.

Томъ былъ всецѣло занятъ мыслями о вѣчности и, отдавая послѣдній долгъ безжизненному праху, ни разу не вспомнилъ, что этотъ ужасный ударъ оставилъ его въ безвыходномъ рабствѣ.

Совершились похороны съ обычнымъ пышнымъ церемоніаломъ, чернымъ крепомъ, молитвами и печальными лицами. Потекли по-прежнему волны повседневной жизни, и возникъ тяжелый вопросъ: «что теперь дѣлать?»

Этотъ вопросъ тревожилъ всѣхъ: и Марію, и миссъ Офелію, и больше всего невольниковъ.

Около двухъ недѣль послѣ похоронъ, однажды миссъ Офелія, занимаясь въ своей комнатѣ, услыхала легкій стукъ въ дверь. Отворивъ ее, она увидала Розу, хорошенькую молодую мулатку. Волосы ея были растрепаны, глаза распухли отъ слезъ.

— О, миссъ Фили! — воскликнула та, падая на колѣни и хватаясь за ея платье.—Ради Бога, идите къ миссизъ Маріи, попросите ее простить меня!.. Она посылаетъ меня... хочетъ, чтобъ меня высѣкли...

Вотъ посмотрите! — и она подала миссъ Офеліи бумагу.

Это былъ наказъ, написанный Маріей къ содержателю особаго заведенія для тѣлесныхъ наказаній (*калабуза*) — дать предъявительницѣ этой бумаги (т.-е. Розѣ) пятнадцать ударовъ.

— Чѣмъ ты провинилась? — спросила миссъ Офелія.

— Я примѣряла платье миссизъ Маріи; она меня ударила по щекѣ, а я сгоряча нагрубила ей. Она мнѣ сказала, что собьетъ съ меня дурь, потомъ написала вотъ эту бумагу и велѣла снести ее... Лучше бы она убила меня на мѣстѣ!..

Миссъ Офелія, въ раздумьѣ, стояла съ бумагою въ рукѣ.

— Ахъ, миссъ Фили! — сказала Роза: — пусть бы вы или миссизъ Марія высѣкли меня... Но отъ мужчины... отъ такого отвратительнаго!.. Со стыда сгоришь, миссъ Фили...

Миссъ Офеліи хорошо былъ извѣстенъ повсемѣстный обычай посылать женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ въ бичевальные дома, гдѣ ихъ сѣкутъ мужчины, отвратительные уже по самому своему ремеслу. Вся благородная кровь женщины свободной Новой-Англіи бросилась ей въ лицо и сердце ея загорѣлось негодованіемъ. Сжавъ бумагу въ рукѣ, она сказала Розѣ:

— Посиди тутъ, милая, пока я схожу къ твоей госпожѣ.

«Это позорно, чудовищно, возмутительно!» — говорила она про-себя, проходя чрезъ гостиную.

Марія сидѣла въ мягкомъ креслѣ. Мамми стояла около нея, причесывая ей голову. Джени сидѣла на полу и терла ей ногу.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня? — спросила миссъ Офелія.

Вмѣсто отвѣта, Марія глубоко вздохнула, закрыла на минуту глаза и потомъ отвѣтила:

— Право не знаю, кузина! Кажется, такъ-же, какъ и всегда.

Марія вытерла себѣ глаза батистовымъ платкомъ съ черною каймой въ дюймъ ширины.

— Я пришла,—начала Офелія съ сухимъ, прерывистымъ кашлемъ, какъ обыкновенно приступаютъ къ непріятному разговору:—я пришла поговорить съ вами о бѣдной Розѣ.

На этотъ разъ глаза Маріи раскрылись вполнѣ, и краска покрыла желтыя ея, блѣдныя щеки. Она рѣзко спросила:

— Въ чемъ же дѣло?

— Она очень огорчена своимъ проступкомъ.

— Такъ пусть же погорюетъ еще больше, пока я не расправлюсь съ нею. Я довольно натерпѣлась отъ нея и хочу образумить ее...

— Но нельзя ли иначе наказать ее? Пощадите ея стыдливость!..

— Я именно хочу пристыдить ее... Она всегда такъ важничала своей чувствительностью, красотой и порядочными манерами, что забыла свое мѣсто,— и я дамъ ей понять, кто она.

— Но подумайте, кузина, что, уничтожая чувство стыдливости и застѣнчивости въ молодой дѣвушкѣ, вы погубите ее.

— Стыдливость! — злобно засмѣялась Марія. — Я покажу ей, что она нисколько не лучше уличныхъ лохмотницъ...

— Вы отвѣтите Богу за такую жестокость!—сказала миссъ Офелія.

— Да какая же жестокость?.. Я велѣла дать ей только пятнадцать ударовъ, и то слегка. Надѣюсь, что это не жестоко!..

— Вы полагаете?—Я увѣрена, что всякая дѣвушка на ея мѣстѣ согласилась-бы лучше быть убитою.

— Дѣвушка съ вашими чувствами — да, но эти твари привыкаютъ къ такому наказанію, да иначе и не удержишь ихъ въ повиновеніи...

Марія окинула взглядомъ присутствующихъ.

Джени опустила голову и съежилась: ей казалось, что слова эти относились прямо къ ней. Миссъ Офелія едва удерживала гнѣвъ, считая безполезнымъ спорить съ такою женщиной, какъ Марія. Крѣпко сжавъ губы, она встала и вышла изъ комнаты...

Вскорѣ затѣмъ одинъ изъ слугъ пришелъ за Розой, чтобы увести ее въ калабузъ. Несмотря ни на какія слезы и мольбы, ее повлекли...

Нѣсколько дней спустя, къ Тому, стоявшему въ раздумьѣ у балкона, подошелъ Адольфъ, совершенно упавшій духомъ и безутѣшный послѣ смерти своего господина. Адольфъ зналъ, что Марія терпѣть не могла его, и былъ въ ужасномъ страхѣ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній со своимъ стряпчимъ, по совѣту брата покойнаго мужа, Марія рѣшилась продать землю и всѣхъ невольниковъ, кромѣ принадлежащихъ лично ей, которыхъ намѣревалась взять съ собою на плантаціи отца, куда желала возвратиться.

— Слышалъ, Томъ, что насъ хотятъ продать?—спросилъ Адольфъ.

— Ты почему знаешь это?—отозвался Томъ.

— Я былъ за занавѣской, когда миссизъ говорила со стряпчимъ. Скоро, Томъ, продадутъ насъ съ молотка.

— Да будетъ воля Божія! — проговорилъ Томъ, сложивъ руки и тяжело вздохнувъ.

— Не будетъ ужь у насъ такого господина! — сказалъ Адольфъ.—Но лучше пусть продадутъ, чѣмъ оставаться у нашей госпожи.

Томъ отвернулся. Ему было очень тяжело. Старый бѣднякъ имѣлъ невыразимое влеченіе къ свободѣ, и полученное имъ извѣстіе было тяжелымъ испытаніемъ для него.

Онъ отыскалъ миссъ Офелію, которая, послѣ смерти Евы, проявляла къ нему даже нѣкоторое почтеніе.

— Миссъ Фили! — сказалъ онъ: — масръ Сентъ-Клеръ обѣщался отпустить меня на волю. Онъ говорилъ, что началъ уже хлопотать объ этомъ. Если вы будете такъ добры и поговорите обо мнѣ съ миссизъ,— быть можетъ она окончитъ это дѣло, чтобы исполнить волю покойнаго.

— Я поговорю о тебѣ, Томъ, и сдѣлаю въ твою пользу все, что могу,—отвѣтила миссъ Офелія.—Но если это зависитъ отъ мистрисъ Сентъ-Клеръ,—я не могу обнадеживать тебя въ успѣхѣ. Тѣмъ не менѣе я попытаюсь.

Миссъ Офелія, собиравшаяся уже къ отъѣзду на Сѣверъ (т.-е. на родину), направилась къ Маріи, рѣшившись быть съ нею какъ можно любезнѣе и ходатайствовать за Тома со всѣмъ дипломатическимъ искусствомъ.

Марія лежала на софѣ, опершись однимъ локтемъ

на подушки, а Джени, обѣгавшая всѣ лавки, раскладывала предъ нею образчики тонкой черной матеріи.

— Я желала поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, — начала миссъ Офелія. — Августинъ обѣщалъ Тому свободу и уже приступилъ къ совершенію предварительныхъ формальностей для этого дѣла. Надѣюсь, вы употребите свое вліяніе, чтобы исполнить это.

— Я ни въ какомъ случаѣ не намѣрена ничего подобнаго дѣлать,—рѣзко отвѣтила Марія.—Томъ—одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ невольниковъ нашей усадьбы; пожалуйста, не требуйте отъ меня ничего. Да и къ чему Тому свобода? Ему гораздо лучше быть въ нынѣшнемъ его положеніи.

— Но онъ горячо желаетъ свободы, и господинъ его обѣщалъ ее ему,—возразила миссъ Офелія.

— Не буду отрицать, что онъ желаетъ свободы,—продолжала Марія:—всѣ они желаютъ этого. Это такой недовольный народъ, что вѣчно желаетъ невозможнаго. Но давать имъ свободу—не въ моихъ правилахъ. Негръ ведетъ себя порядочно только во власти господина; стóитъ освободить его, - и онъ становится лѣнивымъ, перестаетъ работать, начинаетъ пить,—словомъ, обращается въ негодяя. Сотню разъ замѣчала я это. Нехорошо давать имъ свободу!..

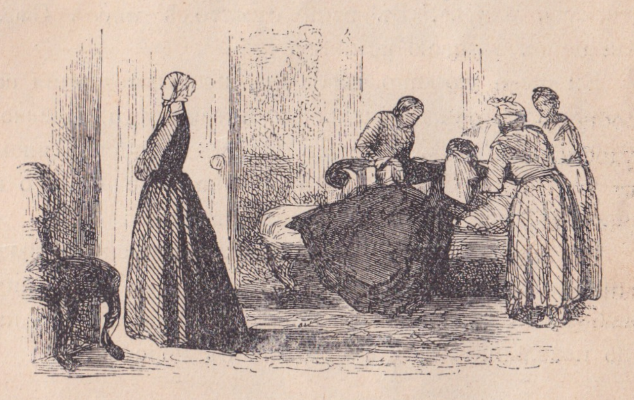
— Но вѣдь Томъ — такой степенный, трудолюбивый и набожный.

— О, вамъ нечего говорить мнѣ объ этомъ! Я знаю сотню подобныхъ ему. Онъ только до тѣхъ поръ и хорошъ, пока подъ присмотромъ.

— Но подумайте, — настаивала миссъ Офелія:—вѣдь онъ можетъ попасть въ руки злого господина.

— Все это—пустяки! И одного раза изъ ста хорошій невольникъ не попадетъ къ дурному господину. Повѣрьте, почти всѣ негровладѣльцы, несмотря на дурную славу, добрые люди. Я жила и выросла на Югѣ, — и никогда не знавала ни одного господина, который бы дурно обходился съ невольниками... У меня на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ опасеній.

— Но,—энергически возражала миссъ Офелія,— мнѣ извѣстно, что дать свободу Тому—было послѣд-

нею волей вашего покойнаго мужа, который обѣщалъ это маленькой Евѣ предъ ея смертью. Неужели вы рѣшитесь пренебречь желаніемъ вашего мужа и дочери?..

При этихъ словахъ, Марія закрыла лицо платкомъ и начала страшно рыдать, безпрестанно прикладывая къ носу склянку съ духами.

— Всѣ противъ меня!—жаловалась она:—всѣ такъ безразсудны! Я не ожидала, чтобы именно *вы* могли напоминать мнѣ такимъ образомъ о моихъ несчастіяхъ. Какъ это необдуманно! Никому нѣтъ дѣла

до моихъ страданій. Не ужасно ли, что я потеряла единственную дочь, схоронила мужа, который такъ гармонировалъ со мною?.. И у васъ достало духу напоминать мнѣ о томъ, что такъ потрясаетъ меня. Не сомнѣваюсь, что намѣреніе у васъ доброе, — но вы поступили очень безтактно!..

Марія задыхалась, рыдая. Она позвала Мамми и приказала ей отворить окно, принести склянку съ камфорнымъ спиртомъ, намочить ей голову и разстегнуть платье. Въ этой суматохѣ миссъ Офелія удалилась въ свою комнату.

Ей была хорошо извѣстна необыкновенная способность Маріи впадать въ истерику при всякомъ удобномъ случаѣ... Миссъ Офелія написала письмо къ мистрисъ Шельби, которой она разсказала о несчастіи Тома и умоляла ее спасти его.

На другой день, Тома, Адольфа и около полдюжины другихъ невольниковъ отослали на невольничій базаръ, въ распоряженіе торговца, собиравшаго партію невольниковъ, для продажи съ молотка.

ГЛАВА XXVI.

Невольничій базаръ.

Невольничій базаръ!.. Люди научились грѣшить ловко, соблюдая всѣ формы, чтобы не оскорблять взоровъ и чувствительности почтеннѣйшей публики. Человѣческій товаръ цѣненъ на базарѣ, и потому его хорошо кормятъ, чисто держатъ и заботливо ухаживаютъ за нимъ, чтобы онъ явился на продажу сытымъ, плотнымъ, съ лоскомъ.

Невольничій базаръ.

Невольничій базаръ въ Новомъ-Орлеанѣ—это домъ, почти не уступающій по внѣшнему виду прочимъ домамъ и содержимый въ чистотѣ. Тамъ каждый день можно было видѣть ряды мужчинъ и женщинъ, стоящихъ снаружи, подъ навѣсомъ, — что замѣняло вывѣску товара, продаваемаго внутри.

Томъ, Адольфъ и другіе негры Сентъ-Клера были препоручены заботливости мистера Скеггса, содержателя невольничьяго депо, въ ожиданіи аукціона, назначеннаго на другой день.

У Тома былъ порядочный сундукъ, наполненный платьемъ, какъ и у многихъ его товарищей. На ночь ихъ перевели въ длинную залу, въ которой было много другихъ негровъ различныхъ возрастовъ и цвѣтовъ, предававшихся неумолкаемому хохоту и безсмысленной веселости.

— Ага! Вотъ это хорошо! Продолжайте, ребята, продолжайте, — поощрялъ ихъ смотритель, мистеръ Скеггсъ.—Мой народъ всегда веселъ. Славно, Замбо!— одобрительно сказалъ онъ толстому негру, отпускавшему нелѣпыя шутки, вызывавшія страшные взрывы смѣха.

Тому, понятно, было не до шутокъ. Онъ поставилъ свой сундукъ подальше отъ шумной толпы, сѣлъ на него и прислонился лицомъ къ стѣнѣ.

Торговцы человѣческаго товара очень заботливо возбуждаютъ въ невольникахъ шумную веселость, какъ средство, притупляющее размышленіе и дѣлающее ихъ нечувствительными къ несчастному положенію.

— Глядите-ка, ребята, это—изъ бѣлыхъ негровъ, молочнаго цвѣта и раздушенный, — сказалъ Замбо,

Женщины наканунѣ продажи въ неволю

подойдя къ Адольфу и обнюхивая его. — Ахъ, ты, Господи! Посадить бы его въ табачную лавочку,— онъ тамъ годился бы, чтобы табакъ душить... Его одного было бы довольно на цѣлую лавку. Ха, ха, ха!..

— Отвяжись отъ меня! — вскричалъ Адольфъ въ бѣшенствѣ.

— Вотъ какіе мы щекотливые, бѣленькіе негрыто! Поглядите-ка на насъ! — и Замбо уморительно передразнилъ Адольфа.—Вотъ, что называется тонкостью обращенія! Мы, вѣроятно, были въ хорошей фамиліи.

— Да,—отвѣтилъ Адольфъ,—у меня былъ господинъ, который скупилъ бы всѣхъ васъ за старую ветошь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же, чай, твои господа будутъ рады, сбывъ тебя съ рукъ! Вѣроятно, васъ прислали на продажу вмѣстѣ съ разбитыми чайными ящиками и всякою дрянью, — сказалъ Замбо, злобно усмѣхаясь.

Адольфъ, взбѣшенный насмѣшкою, яростно и съ ругательствомъ бросился на своего противника, дѣйствуя направо и налѣво кулаками.

Всѣ остальные хохотали и ревѣли. Этотъ шумъ вызвалъ смотрителя, который, наградивъ Тома и Адольфа пинками, приказалъ всѣмъ ложиться спать.

Въ женскомъ отдѣленіи разбросаны на полу, въ различныхъ положеніяхъ, безчисленныя спящія фигуры всевозможныхъ цвѣтовъ — отъ густого чернаго до бѣлаго, и всѣхъ возрастовъ—отъ ребенка до старухи. Вотъ лежитъ хорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти, мать которой продана вчера: ночью, безъ всякаго

присмотра, она плакала, пока не уснула. Далѣе лежатъ сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ, головы которыхъ закутаны въ одѣяла или въ какую-нибудь часть одежды. Подальше въ углу—двѣ женщины, съ чрезвычайно привлекательною наружностью. Одна изъ нихъ—прилично одѣтая мулатка, женщина лѣтъ 40—50, съ кроткими глазами и милымъ, пріятнымъ лицомъ. Крѣпко прижавшись къ ней, сидѣла дочь ея, молоденькая дѣвушка лѣтъ пятнадцати. Она была еще болѣе красивой наружности, но сходство съ матерью очевидное.

Мы назовемъ ихъ Сусанной и Эммелиной. Онѣ принадлежали къ прислугѣ одной милой и благочестивой ново-орлеанской лэди, набожно заботившейся объ ихъ воспитаніи. Она научила ихъ читать писать и ревностно наставляла въ правилахъ религіи. Но единственный сынъ лэди, управляя имѣніемъ, запуталъ его въ огромные долги и совершенно разорилъ. Вслѣдствіе этого, Сусанна и Эммелина очутились въ депо для продажи невольниковъ. Обѣ онѣ тихо плачутъ украдкой другъ отъ друга.

— Матушка, положи голову ко мнѣ на колѣни и попробуй немного заснуть! — проговорила дѣвушка, стараясь казаться спокойною.

— Нѣтъ, Эмма, я не могу спать!.. Быть можетъ, мы послѣднюю ночь проводимъ вмѣстѣ.

— О, матушка, не говори этого!.. Вѣдь насъ могутъ купить и вмѣстѣ.

— Если насъ завтра разлучатъ, Эммелина, — помни, въ какихъ правилахъ ты воспитана! Возьми съ собою Библію и Псалтирь... Если ты не забудешь Бога,—и Богъ не оставитъ тебя.

Такъ говорила несчастная женщина въ страшномъ горѣ. Завтра всякій, будь онъ самый низкій и грубый человѣкъ. станетъ полнымъ обладателемъ ея дочери, если только заплатитъ за нее деньги!.. Все это передумала мать!.. Нѣтъ у нея другого утѣшенія, кромѣ молитвы. И сколько такихъ молитвъ вознеслось къ Богу изъ этихъ нарядныхъ, чисто-убранныхъ невольничьихъ темницъ!..

Подъ великолѣпнымъ навѣсомъ собрались люди всевозможныхъ національностей и расхаживали по мраморному помосту, въ ожиданіи продажи. Въ числѣ продаваемыхъ мы узнаемъ Тома, Адольфа и другихъ. Тутъ-же были Сусанна и Эммелина, съ печальными, поникшими лицами, ожидая своей участи. Разнаго рода зрители, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія купить, разсматривали каждаго изъ невольниковъ, вслухъ, не стѣсняясь, оцѣнивали ихъ, какъ это дѣлаютъ жокеи въ отношеніи лошадей.

— Эге! Альфъ! ты зачѣмъ здѣсь?—сказалъ одинъ молодой щеголь, ударивъ по плечу изящно одѣтаго юношу, разсматривавшаго Адольфа въ стеклышко.

— Да вотъ, мнѣ надо лакея. Узнавъ, что люди Сентъ-Клера продаются, я захотѣлъ посмотрѣть ихъ.

— Ну, и охота же покупать людей Сентъ-Клера! Всѣ до одного избалованы! Безстыдны, какъ черти!—сказалъ другой.

— Не бойся!—замѣтилъ первый.—Пусть они достанутся мнѣ,—я скоро выбью изъ нихъ спѣсь. Они тотчасъ поймутъ, что имѣютъ дѣло не съ такимъ господиномъ, какъ Сентъ-Клеръ. Я покупаю этого парня. Его наружность мнѣ нравится.

— Увидишь, что всего твоего состоянія не хватитъ, чтобы содержать его. Онъ чертовски расточителенъ!..

— Да?.. Но «милордъ» убѣдится, что у меня онъ не *можетъ быть* расточителенъ. Стоитъ только послать его нѣсколько разъ въ исправительное заведеніе, — и его тамъ хорошенько вышколятъ!.. Это наставитъ его на истинный путь! О, я передѣлаю его

съ головы до пятокъ, — вотъ увидишь! Я рѣшительно покупаю его.

Томъ пристально вглядывался въ лица толпившихся вокругъ него людей, отыскивая, кого бы пожелать себѣ въ господа. Онъ увидѣлъ множество всевозможныхъ людей, — но Сентъ-Клера не было между ними. Незадолго до открытія торга, небольшой, широкій, сильный мужчина, не жалѣя своихъ локтей, пробирался сквозь толпу такъ быстро, будто его ожидало какое-нибудь спѣшное дѣло. На немъ была клѣтча-

тая рубашка, совершенно открытая на груди, и истертыя, засаленныя панталоны. Подойдя къ группѣ невольниковъ, онъ началъ систематически разсматривать каждаго изъ нихъ. Увидѣвъ его, Томъ моментально почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Очевидно, что, несмотря на малорослость, онъ обладалъ огромной силой. Круглая, бычачья его голова, большіе свѣтло-сѣрые глаза, торчащія рыжія брови, грубое, жилистое, загорѣлое лицо — вообще вся его наружность не говорила въ его пользу. Щеки были раздуты отъ набитаго во рту табаку, который онъ безпрестанно жевалъ. Руки — огромныя, косматыя, загорѣлыя, веснущатыя и грязныя, съ длинными неопрятными ногтями. Человѣкъ этотъ съ полною непринужденностью разсматривалъ товаръ. Онъ схватилъ Тома за челюсть и широко раскрылъ ему ротъ, чтобы осмотрѣть зубы; затѣмъ велѣлъ ему засучить рукава и показать руки, вертѣлъ его, заставлялъ скакать, прыгать и тихо ходить.

— Откуда ты? — отрывисто спросилъ онъ, окончивъ осмотръ.

— Изъ Кентукки, масръ,—отвѣтилъ Томъ, робко озираясь.

— Чѣмъ ты тамъ занимался?

— Управлялъ имѣніемъ,—сказалъ Томъ.

— Такъ я тебѣ и повѣрю! — проговорилъ тотъ, быстро отходя отъ него.

На минуту онъ остановился предъ Адольфомъ, но затѣмъ, выплюнувъ цѣлый грузъ табаку на свои сапоги и испустивъ презрительное восклицаніе, пошелъ далѣе. Вотъ онъ остановился предъ Сусанной и Эммелиной. Протянувъ свои широкія, грязныя руки, онъ

притащилъ къ себѣ дѣвушку и сталъ безцеремонно осматривать ее. Окончивъ осмотръ, онъ оттолкнулъ Эмму къ матери, измученное лицо которой доказы-

вало, какъ она страдала при всякомъ движенiи незнакомца.

Дѣвушка перепугалась и начала плакать.

— Молчи, обезьяна!—сказалъ смотритель неволь-

ничьяго депо.—Не ревѣть теперь! Сейчасъ начнется торгъ...

И торгъ начался.

Адольфъ достался за порядочную сумму джентльмену, который изъявилъ прежде желаніе купить его. Другіе невольники Сентъ-Клера перешли къ различнымъ покупателямъ.

— Ну, молодецъ, теперь твой чередъ! Слышишь ты?—обратился аукціонеръ къ Тому.

Томъ взошелъ на возвышеніе, бросая вокругъ себя тоскливые взгляды. Все смѣшалось въ одинъ общій безразличный гулъ — крики торговца, провозглашавшаго по-французски и англійски разныя качества Тома, и живой огонь французской и англійской переторжки. Вотъ ударилъ послѣдній разъ молотокъ, и ясно прозвучалъ послѣдній слогъ слова «долларовъ»... Томъ оцѣненъ и получилъ себѣ господина!..

Бычачья голова, грубо схвативъ Тома за плечо, оттолкнула его къ сторонѣ, рѣзко сказавъ ему:

— Стой здѣсь!

Томъ едва понималъ, что съ нимъ дѣлается.

Болтовня, крики на разныхъ языкахъ и переторжка продолжаются. Вотъ Сусанна продана. Она сходитъ съ возвышенія, останавливается, томительно смотритъ назадъ. Дочь ея протягиваетъ къ ней руки. Мучительно глядитъ она на лицо купившему ее почтенному, среднихъ лѣтъ мужчинѣ, съ добродушною наружностью.

— О, масръ, умоляю васъ, купите мою дочь!

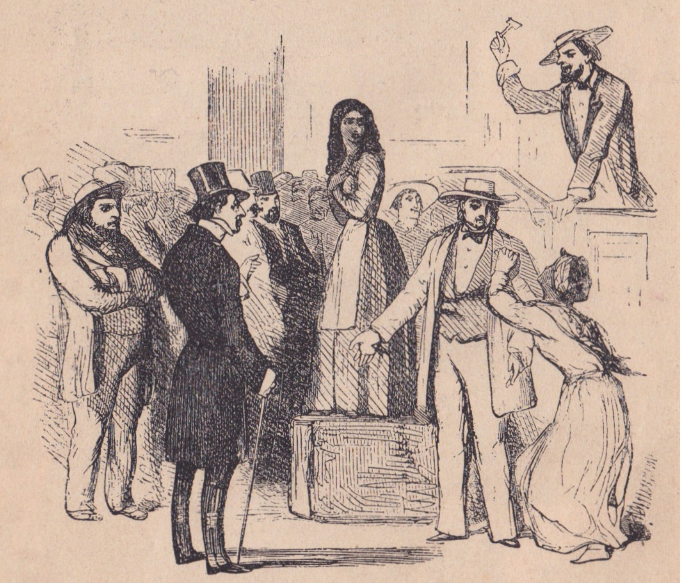
— Очень желалъ бы, да боюсь, что у меня денегъ не хватитъ, — отвѣтилъ джентльменъ, глядя съ

Аукціонная продажа невольниковъ.

горестнымъ участіемъ на дѣвушку, появившуюся на возвышеніи и озиравшуюся вокругъ со страхомъ и стыдливостью.

Болѣзненный румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ прежде щекахъ, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Горько плачетъ мать, видя дочь свою прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Аукціонеръ понимаетъ свои выгоды.

Яркими красками описываетъ онъ свой товаръ. Цѣна на бѣдную дѣвушку быстро растетъ.

Послѣ продолжительной переторжки, Эммелина досталась бычачьей головѣ, т.-е. мистеру Легри, владѣльцу хлопчато-бумажной плантаціи на Красной-Рѣкѣ. Ее увели съ Томомъ и двумя другими невольниками. Она идетъ и горько плачетъ!..

Добродушный джентльменъ, также принимавшій

участіе въ торгѣ, жалѣетъ о ней. Но вѣдь это дѣло обыкновенное! Всегда ужъ дочери и матери плачутъ на этихъ торгахъ!..

ГЛАВА XXVII.

Въ пути.

НА днѣ небольшой плохой лодки, плывшей по Красной Рѣкѣ, сидѣлъ Томъ, закованный по рукамъ и ногамъ. Тоска тяжелѣе цѣпей лежала на его сердцѣ. Померкло его небо; нѣтъ ни мѣсяца, ни звѣздъ... Все кончено,—и ничего взамѣнъ прежнихъ дней...

Мистеръ Легри, новый господинъ Тома, накупилъ въ Новомъ-Орлеанѣ на разныхъ торгахъ восемь невольниковъ и везъ ихъ, попарно закованными, къ большому пароходу «*Пиратъ*», стоявшему наготовѣ плыть вверхъ по Красной-Рѣкѣ.

Когда пароходъ отчалилъ отъ берега, Легри принялся осматривать своихъ невольниковъ. Ставъ предъ Томомъ, нарядившимся ради аукціона въ лучшее суконное платье, крѣпко накрахмаленное бѣлье и блестящіе сапоги, онъ отрывисто сказалъ ему:

— Встань!

Томъ всталъ.

— Сними галстукъ!

Цѣпи мѣшали Тому быстро исполнить это приказаніе, Легри грубо сдернулъ галстукъ съ шеи Тома, спрятавъ его въ свой карманъ. Потомъ онъ принялся за сундукъ Тома, обшаренный имъ еще прежде, вынулъ оттуда пару старыхъ панталонъ и изорванную

куртку, въ которой Томъ исправлялъ свои работы на конюшнѣ, снялъ цѣпи съ рукъ его и, указавъ ему уголъ между сундуковъ, сказалъ:

— Поди туда и надѣнь это!

Томъ повиновался и чрезъ минуту возвратился.

— Сними сапоги!—приказалъ Легри.

Томъ снялъ и сапоги.

— Надѣнь это!—сказалъ Легри, бросивъ ему пару толстыхъ, огромныхъ башмаковъ, какіе обыкновенно носятъ невольники.

Томъ, торопливо переодѣваясь, переложилъ Библію въ карманъ теперешняго своего платья. Хорошо, что онъ успѣлъ сдѣлать это, потому что мистеръ Легри, надѣвъ опять цѣпи на руки Тома, сейчасъ же приступилъ къ тщательному обшариванію всѣхъ кармановъ снятаго имъ платья. Найдя шелковый платокъ, онъ спряталъ его въ собтвенный карманъ. Нѣсколько бездѣлушекъ, которыми Томъ дорожилъ, потому что онѣ забавляли Еву, онъ презрительно бросилъ чрезъ его плечо въ рѣку. Той же участи подвергся молитвенникъ, забытый Томомъ въ поспѣшности.

— Ого! мы люди набожные! Вотъ какъ!.. Ты, какъ тебя зовутъ?.. Ты тоже принадлежишь къ церкви, а?

— Да, масръ,—твердо отвѣтилъ Томъ.

— Такъ я выколочу изъ тебя набожность твою. Я не очень-то люблю, чтобы негры у меня распѣвали псалмы да молились!.. Помни это! Теперь, слушай,—сказалъ онъ, топнувъ ногою и свирѣпо глядя своими сѣрыми глазами на Тома:—я тебѣ церковь!.. Понимаешь ты?.. Я сдѣлаю изъ тебя все, что хочу!..

Въ безмолвномъ черномъ человѣкѣ что-то гово-

рило: «нѣтъ!» И чудилось Тому, что какой-то таинственный голосъ повторилъ ему слова древней пророческой пѣсни, которую часто читала Ева: «Не бойся, Я искупилъ тебя. Я назвалъ тебя моимъ именемъ. Ты мой!»

Симонъ Легри съ минуту посмотрѣлъ на печаль-

наго Тома и отошелъ прочь. Онъ взялъ сундукъ его, наполненный хорошимъ, даже щегольскимъ платьемъ, на переднюю часть парохода. Въ одну минуту матросы и пассажиры раскупили всѣ вещи Тома, издѣваясь надъ неграми, пріучающими себя къ роскоши. Наконецъ, продали съ аукціона и пустой сундукъ.

Окончивъ это дѣло, Легри возвратился къ Тому.

— Ну, я избавилъ тебя отъ излишняго багажа.

Береги свое платье. Отъ меня долго не получишь другого. Я люблю, чтобы негры были бережливы. По моему, одного платья достаточно на цѣлый годъ.

Симонъ направился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Эммелина, прикованная къ другой женщинѣ.

— Ну, моя милая,—проговорилъ онъ, взявъ ее за подбородокъ,—смотри веселѣе!..

Въ глазахъ дѣвушки, взглянувшей на него, выразился ужасъ и отвращеніе. Онъ замѣтилъ это и грозно прикрикнулъ:

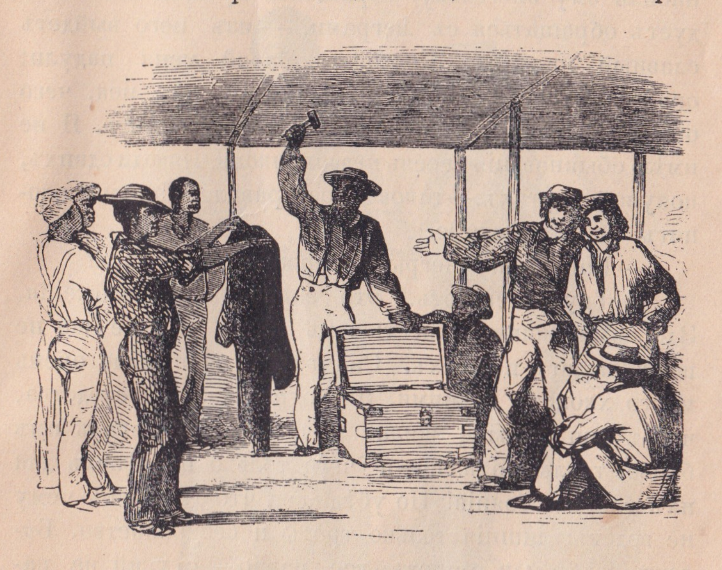
— Безъ жеманства, дѣвчонка!.. Смотрѣть веселѣе, когда я съ тобой говорю, слышишь?.. Ты, старый, желтый лимонъ,—обратился онъ къ закованной вмѣстѣ съ Эммелиной мулаткѣ, давъ ей толчокъ, — чтобъ я не видалъ такого пасмурнаго лица! Говорю тебѣ, что ты у меня будешь смотрѣть веселѣе! Примите это всѣ къ свѣдѣнію,—добавилъ онъ, сдѣлавъ шагъ, другой назадъ. — Смотрите на меня!.. Смотрите мнѣ прямо въ глаза! — продолжалъ онъ, топая ногой при каждой паузѣ.

Взоры всѣхъ обратились на Симона, зеленовато-сѣрые глаза котораго искрились зловѣщимъ огнемъ.

— Вотъ,—говорилъ онъ, поднявъ свой огромный, тяжелый кулакъ, словно кузнечный молотъ,—видите вы этотъ кулакъ?.. Попробуй его!—сказалъ онъ Тому, опустивъ кулакъ на его руку. — Смотрите на эти кости! Ну! Я говорю вамъ, что этотъ кулакъ, крѣпкій какъ желѣзо, сшибалъ съ ногъ негровъ. Еще не было такого невольника, котораго я не свалилъ бы на землю однимъ ударомъ,—продолжалъ онъ, поднося кулакъ такъ близко къ лицу Тома, что тотъ заморгалъ и попятился назадъ. — Я не держу этихъ про-

клятыхъ смотрителей, — я самъ вашъ смотритель!.. У меня только держись! Каждый изъ васъ долженъ исправлять свои обязанности въ точности, живо, мигомъ. Такъ только и можно ладить со мною. Вы не найдете во мнѣ мягкаго мѣстечка. Слушайте и мотайте себѣ на усъ! Я не люблю шутить!..

Женщины притаили дыханіе; остальная партія

сидѣла съ поникшими, печальными лицами. Симонъ повернулся на каблукахъ и пошелъ къ буфету выпить стаканъ вина.

— Такъ я начинаю со своими невольниками!— обратился онъ къ какому-то господину, стоявшему около него, пока онъ говорилъ съ неграми.—У меня такая система—сразу осадить, чтобы знали, что̀ ихъ ожидаетъ.

— У васъ подобрана хорошая партія,—замѣтилъ тотъ.

— Да, недурна, — отозвался Симонъ. — О Томѣ мнѣ разсказывали чудеса. Заплатилъ я за него немного дорого, да я готовлю его въ смотрители или управляющіе... Если выбить изъ него дурь, которую набили ему въ голову, обращаясь лучше, чѣмъ слѣдуетъ обращаться съ неграми, — изъ него выйдетъ славный малый... Желтой-то бабой меня надули; она, кажется, больная, но я выжму изъ нея, чего она мнѣ стоитъ. Что-жъ? Года два протянетъ. Я не имѣю обыкновенія беречь невольниковъ. Изводи однихъ, покупай другихъ,—таково мое правило. Меньше хлопотъ, да и выгоднѣе.

— Какъ долго негры выдерживаютъ у васъ?

— Трудно сказать. Это зависитъ отъ сложенія. Здоровые живутъ шесть-семь лѣтъ, слабые же не переживаютъ и трехъ. Сначала у меня было очень много хлопотъ съ ними. Я употреблялъ всѣ средства, чтобъ они дольше жили: лѣчилъ ихъ, давалъ имъ бѣлье, теплыя одѣяла—и чего только ни дѣлалъ для ихъ благосостоянія! Но убѣдился, что это ни къ чему не ведетъ: лишнія только траты и безпокойство. Боленъ негръ или здоровъ, все равно — ступай на работу; умретъ онъ, я покупаю другого. Такъ-то и выгоднѣе, и покойнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

На лицѣ незнакомца отражалось чувство досады и отвращенія къ Легри.

Въ это время на нижней половинѣ парохода мулатка, скованная съ Эммелиной, разсказывала ей, что у ней есть мужъ, кузнецъ, отданный въ наймы. Ее продали такъ быстро, что она не успѣла даже

повидаться съ нимъ... Есть у ней и четверо дѣтей...

— Ахъ, Господи, Господи! — зарыдала мулатка, закрывъ лицо руками.

Пароходъ между тѣмъ двигался вверхъ по руслу

тинистой, мутной, извилистой Красной Рѣки. Уныло слѣдили грустные взоры невольниковъ за крутыми глинистыми берегами, скользившими мимо нихъ въ печальномъ однообразіи. Наконецъ, пароходъ остановился у маленькаго городка, и Легри высадился на берегъ со своимъ грузомъ.

ГЛАВА XXVIII.

Печальныя мѣста.

Томъ и его товарищи съ трудомъ тащились позади грузной фуры. Въ фурѣ сидѣлъ Легри; сзади него, въ самомъ углу, были запрятаны обѣ женщины, все еще скованныя вмѣстѣ.

Длинный путь предстоялъ имъ до плантаціи, на которую везъ ихъ Легри.

Ѣхали они по дикой, глухой дорогѣ. Она то извивалась посреди печальнаго, голаго сосноваго лѣса, то тянулась по бревенчатой мостовой вдоль болотистаго кипарисника. На тинистой, ноздреватой почвѣ высоко поднимались эти унылыя деревья, унизанныя мрачными гирляндами чернаго моха. Кое-гдѣ мелькала отвратительная фигура моккасиновой змѣи, скользившей между обломанныхъ пней и разбросанныхъ оторвавшихся сучковъ, покрытыхъ плѣсенью.

Путь этотъ, мрачный самъ по себѣ, еще мрачнѣе казался для невольниковъ, каждый шагъ которыхъ уносилъ ихъ дальше и дальше отъ всего, что они любили, о чемъ молились.

Объ этомъ свидѣтельствовали поникшія, печальныя лица черныхъ людей.

Симонъ ѣхалъ, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа, прибѣгая по-временамъ къ бутылкѣ водки, бывшей у него въ карманѣ.

— Эй, вы! — кричалъ онъ, обратившись къ безотраднымъ лицамъ негровъ, шедшихъ позади его.— Затяните-ка, ребята, пѣсню!.. Ну, начинайте!..

Невольники переглянулись другъ съ другомъ, и «начинайте!» повторилось вмѣстѣ съ громкимъ взмахомъ хлыста, который Симонъ держалъ въ рукѣ.

Томъ запѣлъ гимнъ о «блаженномъ Іерусалимѣ»,— о томъ, когда придетъ «конецъ страданіямъ».

— Молчи ты! Ну тебя къ чорту! — заревѣлъ Легри.—Сейчасъ спойте удалую, лихую пѣсню! Живѣе!..

Кто-то изъ невольниковъ затянулъ одну изъ тѣхъ

безсмысленныхъ пѣсенъ, которыя въ ходу между неграми.

Пѣвецъ импровизировалъ безъ всякаго смысла, стараясь только попасть на риѳму, а хоръ подхватывалъ по-временамъ:

Гой, гой, гой! братцы, гой!
Гой, гой! гей, ги! эй! ой!

Пѣли съ шумною, принужденною веселостью; но ни вопль отчаянья, ни слова горячей молитвы не могли выразить всей глубины ихъ горя такъ сильно, какъ эти дикіе звуки хора. Изстрадавшееся сердце, испуганное и задавленное, нашло себѣ выходъ въ пѣніи... Глубокой грустью отзывалось... Но Симонъ не слыхалъ этого: онъ слышалъ только шумное пѣніе и былъ радъ, что «поддерживаетъ веселость».

— Ну, моя крошка!—обратился онъ къ Эммелинѣ, положивъ свою руку на плечо ей: — мы почти уже дома.

Эммелина предпочитала бы теперь, чтобы онъ убилъ ее.

— Ты никогда не носила серегъ? — продолжалъ Легри, взявъ ее маленькое ушко въ свои жесткіе пальцы.

— Нѣтъ, масръ!—отвѣчала Эммелина, трепеща и опустивъ глаза.

— Хорошо, я тебѣ подарю серьги, когда мы пріѣдемъ домой. Тебѣ нечего бояться: я тебя не заставлю работать. Тебѣ будетъ славно жить,—будешь настоящей барыней.

Въ это время показались границы его плантаціи. Имѣніе это принадлежало прежде одному образован-

На пути къ плантаціи.

ному, богатому владѣльцу, ничего не жалѣвшему для его украшенія. По смерти этого господина, оказавшагося несостоятельнымъ, имѣніе было куплено Симономъ, который видѣлъ въ немъ, какъ и во всемъ, только средство для стяжанія. Мѣстность эта имѣла грустный видъ запустѣнія. Очевидно, было пренебрежено всѣмъ, что стоило такъ много заботъ прежнему владѣльцу.

Передъ домомъ, вмѣсто гладко выкошеннаго луга, разрослась сорная трава и были вбиты въ землю въ разныхъ мѣстахъ столбы для лошадей. Весь дернъ вытоптанъ; на землѣ валялись изломанныя ведра, маисовая шелуха и всякій мусоръ. Колонны, служившія для украшеній, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ наклонились, потому что къ нимъ привязывали лошадей. Огромный садъ поросъ сорною травой, изъ которой кое-гдѣ выглядывало уединенное дорогое растеніе. Оранжерея стояла безъ рамъ; на заплѣснѣвшихъ полкахъ ея находились два-три забытыхъ цвѣточныхъ горшка съ засохшими растеніями.

Фура покатилась по убитой мелкимъ камнемъ дорогѣ, вдоль великолѣпной аллеи изъ китайскихъ деревьевъ, которыя одни уцѣлѣли отъ разрушенія.

Домъ большой и красивый. Обширная галлерея въ два этажа шла вокругъ всего дома.

Но все въ немъ носило видъ разрушенія и неряшества. Нѣкоторыя окна были заколочены досками, у другихъ выбиты стекла, многія ставни болтались на одной петлѣ...

Солома, обломки досокъ, старыхъ боченковъ и ящиковъ всюду валялись на землѣ. Злыя собаки, встрепенувшіяся при стукѣ колесъ приближавшейся

фуры, рванулись впередъ и отлично распорядились бы Томомъ и его товарищами, если-бы оборванная прислуга Симона не подоспѣла на ихъ выручку.

— Видите, что васъ ожидаетъ?—съ злобнымъ удовольствіемъ обратился Легри, лаская собакъ, къ Тому и его товарищамъ.—Пусть только попробуетъ кто-нибудь изъ васъ убѣжать! Эти собаки пріучены го-

няться за неграми — и моментально разорвутъ любого. Помните это!.. Ну что, Замбо,—спросилъ онъ оборваннаго негра въ шляпѣ безъ полей, низко кланявшагося ему,—все ли благополучно?

— Все благополучно, масръ!

— Квимбо!—обратился Легри къ другому негру, всячески старавшемуся обратить на себя вниманіе Легри:—распорядился ли ты такъ, какъ я тебѣ говорилъ?

— Какъ же, масръ! Все исполнилъ!

Эти два черныхъ человѣка были главными дѣятелями его плантаціи. Легри довелъ ихъ до состоянія звѣрства и безчеловѣчія. Невозможно назвать такой жестокости и звѣрскаго поступка, на которые не были бы способны эти палачи бѣдныхъ невольниковъ.

Стоя около Легри, они служили нагляднымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что свирѣпые люди ниже вся-

каго животнаго. Ихъ грубыя, мрачныя, рѣзкія черты, большіе завистливые глаза, горловые, дикіе, звѣрскіе звуки голоса, оборванная, раздуваемая вѣтромъ одежда,—все это удивительно согласовалось съ мѣстностью, въ которой всякая вещь имѣла гнусный, возмутительный характеръ.

— Замбо!—сказалъ Легри,—размѣсти этихъ молодцовъ по квартирамъ.—А вотъ тебѣ жена,—прибавилъ онъ, отцѣпивъ мулатку отъ Эммелины и толкая ее къ нему.

Лачуги негровъ.

Женщина вздрогнула и, отступивъ назадъ, съ жаромъ сказала:

— Ахъ, масръ! У меня мужъ остался въ Новомъ-Орлеанѣ...

— Молчать, молчать! Пошла! — прикрикнулъ Легри, поднявъ свой хлыстъ.

— Пойдемъ, мистрисъ!—обратился онъ къ Эммелинѣ.—Ты будешь жить въ моемъ домѣ.

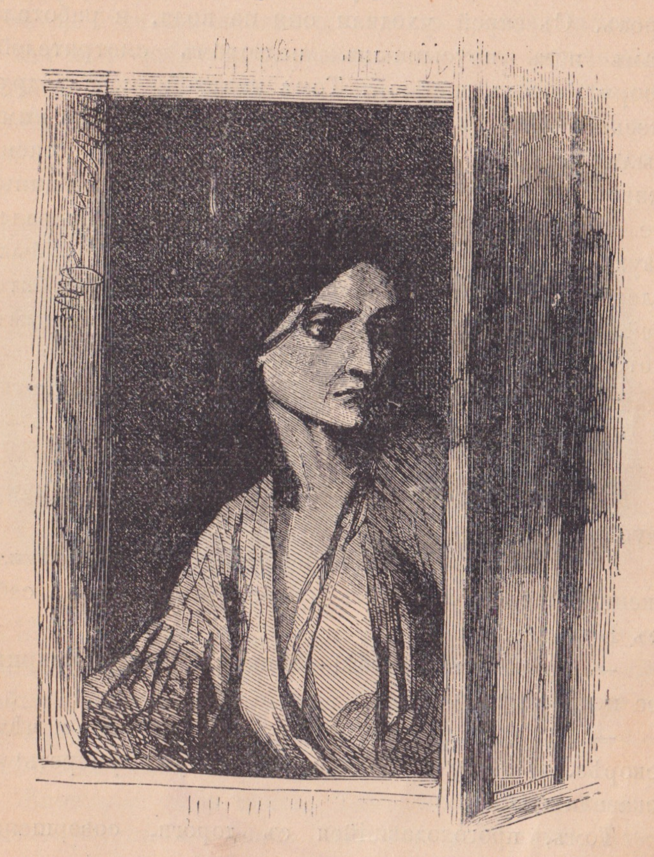
Темное, дикое лицо показалось на минуту въ окнѣ дома. Когда же Легри отворилъ дверь, послышался рѣзкій, повелительный голосъ женщины. Это не ускользнуло отъ Тома, съ тоскливымъ участіемъ слѣдившаго глазами за Эммелиной, скрывшеюся за дверью.

Замбо повелъ прибывшихъ на квартиры. Это было что-то въ родѣ улицы, вдоль которой тянулись плохо сколоченные сараи, въ одинъ рядъ, въ отдаленной отъ дома части плантаціи. Все это имѣло пустынный, странный видъ. Сердце такъ и упало у Тома, когда онъ увидѣлъ эти сараи. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что у него будетъ хижина, хотя плохая, но чистая и тихая, въ которой онъ могъ бы найти уголокъ для своей Библіи, могъ бы проводить въ уединеніи часы отдыха. Онъ заглянулъ внутрь этихъ жилищъ, — и вездѣ все тѣ-же грубые срубы, безъ всякой мебели или какой-нибудь утвари; кое-гдѣ грязная, гнилая солома была разбросана по полу, т.-е. по голой землѣ, изрытой и истоптанной безчисленнымъ множествомъ ступавшихъ по ней ногъ.

— Гдѣ же мнѣ помѣститься? — покорно спросилъ Томъ у Замбо.

— А гдѣ хочешь, — отвѣтилъ Замбо. — Ложись

вотъ въ этомъ сараѣ, тутъ еще есть мѣсто для одного. Теперь набралось много негровъ въ каждомъ сараѣ, такъ что не знаю, куда мнѣ разсовать новыхъ.

Поздно вечеромъ притащились домой утомленные жильцы сараевъ, мрачные, угрюмые, нисколько не расположенные привѣтливо встрѣтить новыхъ пришельцевъ. Охриплые, гортанные голоса спорили за

ручную мельницу, на которой каждому изъ нихъ приходилось смолоть себѣ свою часть жесткаго зерна и испечь изъ него лепешку, составлявшую ужинъ негровъ. Съ зарей уходили они на поля, и работали тамъ подъ неусыпнымъ надзоромъ смотрителей, вооруженныхъ плетью... Томъ напрасно искалъ дружескаго лица въ разсыпавшейся толпѣ. Предъ нимъ были угрюмые, пасмурные, огрубѣлые до степени животнаго мужчины и слабыя, изнуренныя женщины, не походившія уже на женщинъ. Долго раздавался звукъ ручныхъ мельницъ, число которыхъ было слишкомъ мало въ сравненіи съ числомъ потребителей. Пришла очередь молоть слабымъ и утомленнымъ, которыхъ сильные отгоняли отъ мельницъ.

— Эй, ты!—закричалъ Замбо, подходя къ мулаткѣ и бросивъ мѣшокъ кукурузы.—Какъ тебя зовутъ?

— Люси,—отвѣтила женщина.

— Ну, Люси, ты теперь моя жена. Смели кукурузы и испеки мнѣ лепешку. Слышишь?

— Я не жена тебѣ и не буду женой!—отвѣтила женщина съ отчаяннымъ мужествомъ.—Ступай себѣ съ Богомъ!..

— Такъ вотъ же тебѣ!—крикнулъ Замбо, ударивъ ее ногой.

— Ты можешь убить меня, если хочешь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Поскорѣе бы ужь умереть! — сказала она.

Томъ, проголодавшійся съ дороги, совершенно ослабѣлъ.

— Вотъ тебѣ!—сказалъ Квимбо, бросивъ ему мѣшокъ кукурузы.—Возьми да бережнѣе трать: это тебѣ на цѣлую недѣлю.

Томъ долго дожидался мельницы; онъ сжалился надъ двумя усталыми женщинами и смололъ за нихъ кукурузу. Какъ ни мала была такая услуга, но она тронула бѣдныхъ женщинъ; чувство признательности и женской доброты выразилось на ихъ мрачныхъ лицахъ. Онѣ смѣсили для него тѣсто и испекли лепешекъ. Томъ присѣлъ къ огню и вынулъ Библію; въ ней онъ искалъ утѣшенія, въ которомъ такъ нуждался.

Женщины поинтересовались знать, что онъ читаетъ. Когда Томъ принялся объяснять имъ значеніе Библіи, — оказалось, что одна изъ женщинъ даже и не слыхала о существованіи ея, другая имѣла совсѣмъ языческое понятіе о Богѣ.

Женщины ушли спать, Томъ продолжалъ одинъ сидѣть у тлѣвшаго огня. Этотъ добродушный человѣкъ переживалъ страшную внутреннюю борьбу. Горечь испытанныхъ бѣдствій, предчувствіе несчастій цѣлой жизни, потеря всѣхъ прошлыхъ надеждъ—угнетали его душу...

Съ сокрушеннымъ духомъ всталъ онъ и поползъ въ назначенный для него баракъ. Нѣсколько истомившихся негровъ спали на полу. Сначала зловоніе, распространявшееся оттуда, оттолкнуло его; но ночь была холодна и сыра, и онъ чувствовалъ такую усталость, что, завернувшись въ свое изорванное одѣяло, составлявшее единственную его спальную принадлежность, растянулся на соломѣ и крѣпко заснулъ.

Ему приснилось, будто онъ сидитъ на дерновой скамьѣ въ саду, у озера Поншартрена, на дачѣ Сентъ-Клера, а Ева, опустивъ свои задумчивые глазки, читаетъ ему изъ Библіи: «Будешь ли на водѣ, Я съ тобою, чтобы волны не потопили тебя. Въ огнѣ ли ты будешь, ты не сгоришь и пламя не охватитъ тебя. Я твой Господь, твой Богъ, Святой во Израили, твой Спаситель».

ГЛАВА XXIX.

Касси.

ТОМЪ быстро понялъ, чего ему ожидать или бояться въ новомъ положеніи. Онъ былъ искусенъ и дѣятеленъ во всемъ, честенъ и акуратенъ. Онъ надѣялся неусыпнымъ рвеніемъ избѣжать хоть части тѣхъ страданій, которыя предвидѣлъ. Предъ его глазами совершалось такъ много зла, что у него не хватало мужества жить; но онъ рѣшился терпѣливо трудиться, уповая на Бога. Надежда же на возможность выйти когда-нибудь изъ такого положенія одушевляла его.

Легри сознавалъ про себя достоинства Тома, какъ

самаго лучшаго работника, но въ душѣ питалъ къ нему чувство безотчетной ненависти, врожденную антипатію зла къ добру. Онъ возненавидѣлъ безропотнаго, молчаливаго раба, который въ душѣ своей произносилъ приговоръ надъ его поступками. Легри купилъ Тома съ цѣлью сдѣлать его, въ случаѣ надобности, смотрителемъ, на котораго могъ бы положиться во время отлучекъ; но, по его мнѣнію, первымъ и послѣднимъ достоинствомъ такого человѣка должно быть ожесточеніе сердца. Легри рѣшилъ въ своемъ умѣ, что если Тому недостаетъ этого качества, то его можно развить въ немъ.

Однажды утромъ, когда работники отправлялись на поле, Томъ увидѣлъ между ними новое лицо. Это была женщина, высокая и стройная. Руки и ноги ея были замѣчательно малы и красивы; платье на ней было опрятно и прилично. Ей можно было дать лѣтъ 35—40. Лицо ея было изъ такихъ, что, разъ увидавъ, никогда не забудешь, такъ какъ на немъ вы читаете всю исторію жизни, полной горестныхъ приключеній. Складъ лица, очертаніе головы и шеи доказывали, что нѣкогда она была красавица; но морщины, какъ слѣды горя и долгаго, непосильнаго страданія, избороздили ея лицо. Общій же видъ у нея былъ чахоточный. Въ чрезвычайно замѣчательныхъ ея глазахъ, совершенно черныхъ, съ длинными такого-же цвѣта рѣсницами, выражалось дикое, грозное отчаяніе. Безумная гордость и презрѣніе сказывались въ каждой чертѣ ея лица, въ движеніи губъ, въ каждомъ жестѣ; но во взорѣ ея было столько глубокой, мрачной тоски, безвыходной и неизмѣнной, что это составляло страшный контрастъ съ общимъ ея видомъ.

Томъ не зналъ, кто она и откуда. Онъ увидалъ ее въ первый разъ, когда она гордо прошла мимо него, на разсвѣтѣ. Прочіе же, очевидно, знали. Многіе оборачивались, осматривали ее, — и подавленная, злая радость выражалась на лицахъ этихъ жалкихъ, оборванныхъ, заморенныхъ созданій.

— Ага! попалась!—сказалъ одинъ.

— Хе, хе, хе!—говорилъ другой:—попробуйте-ка, миссизъ, нашего дѣльца, такъ и узнаете, каково оно!

— Посмотримъ, какъ-то она будетъ работать? — спрашивалъ третій.

— Интересно, будетъ ли она получать по вечерамъ на свою долю столько рубцовъ, какъ мы?

— Хоть-бы разъ хорошенько выпороли ее!

Женщина не обращала никакого вниманія на эти насмѣшки и продолжала идти далѣе съ тѣмъ-же выраженіемъ грознаго пренебреженія, словно ничего не слыхала.

Томъ, жившій между образованными людьми, сейчасъ же догадался, по виду и осанкѣ этой женщины, что она принадлежала къ этому классу людей. Но какимъ образомъ она могла спуститься на такую низкую ступень?—Это было загадкой для Тома. Всю дорогу, отправляясь на работу, она шла рядомъ съ Томомъ, но не смотрѣла на него, не говорила съ нимъ.

Томъ усердно занимался своей работой. Но такъ какъ эта женщина была недалеко отъ него, то онъ, наблюдая, какъ идетъ у ней дѣло, вскорѣ убѣдился, что, благодаря врожденной ея ловкости и проворству, работа давалась ей гораздо легче, чѣмъ другимъ. Она собирала такъ быстро и чисто, съ такимъ насмѣшли-

Работа на хлопчато-бумажной плантаціи.

вымъ видомъ, словно презирала и работу, и уничиженіе, въ которомъ находилась.

Во время работы Тому случилось быть около мулатки, купленной въ одно время съ нимъ. Она видимо страдала. Часто она шаталась, дрожала и едва могла стоять на ногахъ. Томъ подошелъ къ ней и, не говоря ни слова, переложилъ нѣсколько пригоршней хлопка изъ своего мѣшка въ ея мѣшокъ.

— Нѣтъ, не дѣлай этого! — сказала мулатка съ удивленіемъ.—Тебѣ достанется за это.

Въ эту минуту подошелъ Замбо. Онъ, казалось, особенно ненавидѣлъ мулатку.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Люси? Плутуешь, а?— крикнулъ онъ хриплымъ, звѣрскимъ голосомъ, взмахнувъ бичомъ. Затѣмъ, тяжелымъ, жесткимъ башмакомъ, онъ далъ пинка женщинѣ, а Тома хлестнулъ бичомъ по лицу.

Томъ молча продолжалъ работать; мулатка же, истощенная болѣзнью, лишилась чувствъ.

— Я ее подниму! — заревѣлъ Замбо, злобно смѣясь.—Я дамъ ей лѣкарства получше камфоры.

Онъ вынулъ булавку изъ своей куртки и воткнулъ ее въ тѣло Люси по самую головку. Она застонала и приподнялась.

— Вставай, скотина, и работай! Слышишь? А то я тебѣ покажу и другую штуку.

Женщина принялась за работу съ отчаяннымъ усердіемъ.

— Смотри, чтобы ты сработала, сколько слѣдуетъ, — сказалъ негръ, — а то пожалѣешь, что на свѣтѣ живешь.

— Я и теперь желаю умереть! — послышалось

Тому. — Потомъ она начала молиться: — «О, Боже, какъ долго!.. О, Боже, зачѣмъ Ты покинулъ насъ?..»

Пренебрегая опасностью наказанія, Томъ приблизился къ мулаткѣ и переложилъ всю свою бумагу въ ея мѣшокъ.

— Ради Бога, не дѣлай этого! Тебя изобьютъ за это!—сказала мулатка.

— Я могу больше перенести, чѣмъ ты,—отвѣтилъ Томъ, моментально возвратившись на свое мѣсто. На этотъ разъ никто не замѣтилъ сдѣланнаго имъ движенія.

Вдругъ незнакомка, о которой мы только-что говорили, услышавъ слова Тома, подняла на него свои глубокіе черные глаза и на минуту остановила ихъ на немъ. Потомъ, взявъ большое количество хлопчатой бумаги изъ своей корзины, переложила ее къ Тому.

— Ты еще не знаешь этого мѣста, а то бы не поступилъ такъ,—проговорила она.—Вотъ поживешь съ мѣсяцъ, такъ потомъ не будешь никому помогать. Увидишь, что здѣсь трудненько сберечь свою кожу!..

— Богъ поможетъ, миссизъ! — отвѣтилъ Томъ, безсознательно назвавъ свою полевую сотрудницу тѣмъ почтеннымъ именемъ, которое даютъ женщинамъ хорошаго круга тамъ, гдѣ онъ жилъ до сихъ поръ.

Движеніе нашей незнакомки было замѣчено смотрителемъ издали. Размахивая бичомъ, онъ подошелъ къ ней.

— Какъ? — говорилъ онъ ей съ видомъ торжества:—и ты плутуешь? Попробуй только! Ты теперь

въ моихъ рукахъ... Берегись, а то отвѣдаешь плети!..

Страшная молнія сверкнула въ черныхъ глазахъ женщины; губы ея дрожали, ноздри расширились, она выпрямилась и бросила на смотрителя взглядъ, полный бѣшенства и презрѣнія.

— Собака!—закричала она.—Тронь только, если смѣешь! У меня достаточно еще власти, чтобы разорвать тебя собаками, сжечь живого, изрѣзать въ куски! Стоитъ только одно слово сказать...

— Такъ для чего же вы здѣсь, чортъ побери? — проговорилъ Замбо, явно струсивъ и угрюмо отступивъ отъ нея шага на два, и потомъ прибавилъ:—я не думалъ обидѣть васъ, миссъ Касси.

— Дальше отъ меня!—сказала женщина.

И, дѣйствительно, у смотрителя явилось сильное желаніе очутиться на другомъ концѣ поля, куда онъ и поторопился.

Незнакомка же или Касси начала работать съ такою поспѣшностію, что Томъ изумился, словно ею владѣло какое-то волшебство. Еще до сумерекъ она биткомъ наполнила корзину свою и, сверхъ того, много помогала Тому.

Когда уже совершенно стемнѣло, утомленные работники потянулись съ корзинами на головахъ къ складочному магазину, гдѣ взвѣшивали бумагу. Легри былъ тамъ и разговаривалъ съ двумя смотрителями.

— Этотъ Томъ—безпокойный человѣкъ. Онъ все подкладываетъ въ корзину Люси. Онъ всѣхъ, пожалуй, научитъ, что здѣсь очень тяжело жить; надобно, чтобы самъ масръ смотрѣлъ за нимъ,—сказалъ Замбо.

— Ахъ, черное отродье!—отвѣтилъ Легри.—Вотъ мы ему, ребята, дадимъ первый урокъ!..

Оба негра отвратительно усмѣхнулись при этихъ словахъ.

— Да, да! Пусть только масръ Легри самъ накажетъ... Самъ чортъ такъ не побьетъ, какъ масръ, — проговорилъ Квимбо.

— Самое лучшее, ребята, заставить его сѣчь другихъ. Тогда у него выйдетъ дурь изъ головы. Мы ужь выучимъ его этому!..

— Много труда будетъ вамъ стоить, масръ, передѣлать его по-своему!..

— И все-таки я передѣлаю его,—отвѣтилъ Легри, жуя свой табакъ.

— Люси—самая здѣсь супротивная дѣвка,—про-

должалъ Замбо.—Она очень упрямилась и лѣнилась, а Томъ помогалъ ей.

— Ну, вотъ, такъ мы доставимъ ему удовольствіе высѣчь ее. Для него это будетъ славнымъ занятіемъ; да онъ и не такъ ужь усердно будетъ хлестать, какъ вы, черти.

— Ха, ха, ха!—захохотали оба негра. Отвратительные звуки ихъ смѣха оправдывали названіе, только-что данное имъ Легри.

— Томъ и миссъ Касси такъ набили корзинку Люси, точно гири лежали въ ней.

— Я самъ взвѣшу ея корзинку!—отвѣтилъ выразительно Легри.

Смотрители опять захохотали своимъ дьявольскимъ смѣхомъ.

— Значитъ, миссъ Касси работала цѣлый день?

— Она работала какъ дьяволъ со всѣмъ своимъ легіономъ!..

— Мнѣ кажется, что въ ней сидитъ дьявольская сила, — проговорилъ Легри и съ ругательствомъ и проклятіями отправился въ комнату, гдѣ стояли вѣсы.

Медленно пробирались утомленныя, унылыя созданія въ комнату, гдѣ складывали хлопчатую бумагу.

Корзинка Тома взвѣшена и одобрена. Съ тоскливымъ участіемъ смотритъ онъ на женщину, которой помогалъ.

Шатаясь отъ усталости, она подходитъ и подаетъ свою корзинку. Въ ней оказалось много лишняго вѣса, но Легри принялъ серьезный видъ и закричалъ:

— Ты, лѣнивая скотина! Опять недостаетъ! Стань къ сторонѣ! Теперь тебѣ достанется и даже очень скоро!

Возвращеніе съ работы.

Женщина испустила крикъ отчаянія и сѣла на доску.

Миссъ Касси подошла къ вѣсамъ и съ гордымъ пренебреженіемъ подала свою корзинку. Легри бросилъ на нее насмѣшливый и пытливый взглядъ.

Она пристально посмотрѣла на него своими черными глазами, губы ея слегка зашевелились, и она сказала ему что-то по-французски.

Никто не понялъ ея, кромѣ Легри, лицо котораго приняло сатанинское выраженіе. Онъ поднялъ руку, какъ-бы съ намѣреніемъ ударить ее. Надменно и презрительно взглянула она на него и, отвернувшись, удалилась.

— Поди-ка сюда, Томъ!—проговорилъ Легри.—Я говорилъ уже тебѣ, что купилъ тебя не для низкой работы. Я хочу сдѣлать тебя смотрителемъ, и ты сейчасъ же долженъ вступить въ эту должность. Вотъ, возьми эту дѣвку и выпори ее. Ты, конечно, часто видѣлъ, какъ наказываютъ; тебѣ вѣдь не учиться этому дѣлу!..

— Прошу васъ, масръ, извинить меня,—отвѣтилъ Томъ.—Надѣюсь, что масръ избавитъ меня отъ этой должности. Я не привыкъ къ ней... никогда не дѣлалъ этого и не могу...

— Я тебя многому научу, чего ты не знаешь, пока не сдѣлаю изъ тебя то, что хочу,—проговорилъ Легри, ударивъ Тома ногой и крѣпко хлестнувъ его плетью по лицу. Затѣмъ удары посыпались одинъ за другимъ на бѣднаго Тома.

— Теперь,—продолжалъ Легри, едва переводя духъ отъ злости и усталости, — теперь, скажешь-ли ты, что не берешься за это?

— Не берусь, масръ! — отвѣтилъ Томъ, обтирая рукою кровь, лившуюся съ его лица.—Я готовъ работать день и ночь, работать насколько хватитъ жизни и силъ, но не могу наказывать другихъ и не буду никогда, никогда!..

Ужасъ и изумленіе овладѣли присутствовавшими... Они переглянулись и затаили дыханіе... Легри сначала былъ озадаченъ, потомъ, опомнившись, закричалъ:

— Какъ!.. Проклятая черная тварь! Ты отказываешься исполнять мои приказанія?.. Кто изъ васъ, чертей, смѣетъ разсуждать, что̀ дурно и что̀ хорошо?.. Я тебя проучу!.. Что ты воображаешь о себѣ?.. Ты, быть-можетъ, думаешь, что ты джентльменъ, мастеръ Томъ, который можетъ мнѣ говорить, что̀ дурно и что хорошо?.. Такъ ты думаешь, что не слѣдовало бы наказывать эту дѣвку?

— Я думаю, что нѣтъ,—не сдавался Томъ.—Бѣдная женщина больна и слаба. Наказывать ее было бы слишкомъ жестоко, и у меня не поднимется рука на это. Если вы хотите убить меня,—убейте, масръ; но своей руки я не подыму ни на кого здѣсь, никогда!.. Скорѣе умру!..

Томъ говорилъ кротко, но рѣшительно. Легри затрясся отъ злости; зеленоватые его глаза дико сверкали, даже бакенбарды его, казалось, крутились отъ ярости.

— Ахъ ты, бездѣльникъ! Прикидываешься благочестивымъ? Но развѣ ты не читалъ въ своей Библіи: «рабы, повинуйтесь господамъ своимъ». Не господинъ-ли я твой? Не заплатилъ-ли я тысячу двѣсти долларовъ чистыми денежками за все, что находится

въ твоей черной проклятой кожѣ?.. Твое тѣло и душа развѣ не принадлежатъ мнѣ? — кричалъ Легри, толкнувъ Тома изо всей силы тяжелымъ своимъ сапогомъ.—Говори!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Моя душа не принадлежитъ вамъ, масръ!—торжественно говорилъ Томъ, несмотря на страшную физическую боль.—Вы не купили ея... вы не можете купить ее! Владѣетъ ею Тотъ, Кто можетъ сохранить ее. Нѣтъ, вы не можете погубить меня!

— Я не могу?—съ хохотомъ проговорилъ Легри.— Посмотримъ!.. Замбо, Квимбо, сюда! Дайте этой собакѣ столько плетей, чтобъ онъ мѣсяцъ не опомнился.

Два громадныхъ негра, съ очевидной радостью на ихъ мрачныхъ лицахъ, повлекли Тома безъ всякаго сопротивленія съ его стороны.

ГЛАВА XXX.

Прошлое Касси.

Глухая ночь давно уже наступила. Несчастный Томъ, весь изсѣченный и окровавленный, лежалъ стоная одинъ-одинехонекъ на фабрикѣ, въ старомъ, заброшенномъ чуланѣ, между обломками разныхъ машинъ, среди кипъ порченой хлопчатой бумаги и всякаго другого хлама.

Миріады москитовъ кучами липли къ свѣжимъ ранамъ и усиливали нестерпимую боль. Мучительная жажда превышала мѣру терпѣнія.

— Боже милосердный! Призри на меня, пошли мнѣ силы, дай мнѣ все преодолѣть!—молился Томъ.

Вдругъ послышались шаги по чулану и мелькнулъ свѣтъ отъ фонаря.

— Кто тамъ? О, ради самого Бога, дайте мнѣ воды!

Вошла Касси. Она поставила на полъ фонарь, налила изъ бутылки воды, приподняла голову страдальца и дала ему пить. Съ лихорадочною жадностью выпилъ онъ три стакана подъ-рядъ.

— Пей, сколько хочешь!—говорила она.—Я вѣдь знала, что это такъ будетъ. Не первый разъ хожу я по ночамъ съ водою къ такимъ же, какъ ты, несчастнымъ.

— Благодарю васъ, миссизъ!—сказалъ Томъ, достаточно уже утоливъ жажду.

— Не называй меня миссизъ. Я такая же жалкая невольница, какъ и ты, только гораздо хуже тебя. Ты никогда не унизишься до того, до чего дошла я,—съ горечью говорила она. Подойдя къ двери, она втащила въ чуланъ небольшой мѣшокъ, набитый соломою, и покрыла его простыней, намоченной въ холодной водѣ.

— Ну, теперь,—продолжала она,—попытайся-ка ты, бѣдняга, лечь сюда, да перевернись на немъ нѣсколько разъ.

Большого труда стоило Тому исполнить это. Когда же онъ легъ, — почувствовалъ значительное облегченіе; отъ прикосновенія холодной, мокрой простыни, раны его ныли уже не такъ мучительно, какъ прежде.

Кромѣ того, Касси продолжала прикладывать къ ранамъ Тома примочки, отъ которыхъ вскорѣ боль также нѣсколько утихла.

Приподнявъ голову Тома, она подсунула подъ нее связку порченой хлопчатой бумаги, вмѣсто подушки.

— Вотъ все, что я могу сдѣлать для тебя,—проговорила она.

Томъ благодарилъ ее. Касси сѣла на полъ и задумалась съ выраженіемъ горькаго страданія.

— Пустое дѣло затѣялъ ты, бѣдняга, — проговорила она. — Ну, что пользы въ твоей попыткѣ? Ты молодцомъ показалъ себя, правда была на твоей сторонѣ, но—все напрасно. Ты не можешь противиться. Ты въ лапахъ у демона; онъ сильнѣе тебя — и ты долженъ покориться ему.

— Покориться?.. Да развѣ же прежде васъ не на-

шептывали мнѣ этого же самаго человѣческая моя немощь и тѣлесныя страданія?.. О, Боже, Боже!—простоналъ онъ.—Да какъ же можно уступить ему и покориться?

— Напрасно ты призываешь Бога!.. Все противъ насъ—и небо и земля!..

Томъ закрылъ глаза. Ему страшно стало отъ такихъ отчаянныхъ словъ.

— Видишь-ли, — продолжала Касси: — ты вѣдь ничего не знаешь, что здѣсь творится, а я знаю. Я здѣсь живу уже пять лѣтъ, душою и тѣломъ подъ пятою у этого человѣка, и ненавижу его, какъ дьявола. Ты здѣсь на уединенной плантаціи, среди болотъ, на десять миль отъ всякаго жилья. Здѣсь нѣтъ ни одного бѣлаго человѣка, который могъ бы законно засвидѣтельствовать, если тебя живого сожгутъ, сварятъ въ маслѣ, изрѣжутъ въ мелкіе куски, бросятъ на растерзаніе собакамъ или повѣсятъ и засѣкутъ до смерти. Здѣсь нѣтъ никакого закона, ни Божескаго, ни человѣческаго, который могъ бы защитить тебя или кого-нибудь изъ насъ. А этотъ человѣкъ?.. Онъ способенъ на все. Нѣтъ на свѣтѣ такого страшнаго дѣла, на которое онъ не рѣшился бы. Я знаю про него такія дѣла, отъ которыхъ волосы дыбомъ станутъ и зубъ на зубъ не попадетъ, если только поразсказать, что я видѣла и слышала здѣсь... Но всякое сопротивленіе безполезно.

— О, Господи Іисусе Христе! Неужели Ты совершенно покинулъ насъ, бѣдныхъ, несчастныхъ?—воскликнулъ Томъ. — Господи, помоги мнѣ, я изнемогаю!..

Касси же продолжала суровымъ голосомъ:

— А что такое эти жалкіе, презрѣнные псы, вмѣстѣ съ которыми ты работаешь? Стоютъ ли они, чтобы ты терпѣлъ за нихъ?.. Каждый изъ этихъ подлыхъ рабовъ готовъ на тебя же броситься. Всѣ они такъ гнусны, такъ безчеловѣчны другъ къ другу! Значитъ, не для чего тебѣ страдать изъ-за нихъ.

— Бѣдныя созданія!—сказалъ Томъ.—Что же и довело-то ихъ до низости и безчеловѣчія? Вотъ если и я покорюсь,—я также ко всему этому привыкну, и мало-по-малу стану такимъ же, какъ и они! Нѣтъ, нѣтъ, миссизъ! Я все потерялъ на свѣтѣ, потерялъ навѣки, но не желаю также лишиться и Царствія Небеснаго!..

— Но вѣдь не можетъ быть, чтобы Богъ поставилъ намъ это въ вину,—сказала Касси,—чтобы Онъ взыскалъ съ насъ за то, къ чему мы были вынуждены!.. Онъ спроситъ отчетъ съ тѣхъ, кто насъ довелъ до этого.

— Но,—возразилъ Томъ,—какая польза, если я сдѣлаюсь такимъ же жестокимъ и безбожнымъ извергомъ, какъ Замбо? Вѣдь дѣло въ томъ, зачѣмъ я *сталъ такимъ?* Вотъ чего я боюсь!..

Касси устремила на Тома дикій, изумленный взглядъ, словно какая-то новая мысль поразила ее. Потомъ, съ тяжелымъ, медленнымъ вздохомъ, она сказала:

— Боже милосердный! Вѣдь ты говоришь правду! О-о-о!—и она со стономъ упала на полъ, судорожно корчась подъ гнетомъ невыносимыхъ душевныхъ страданій.

Наступило молчаніе, такъ что слышно было дыханіе ихъ обоихъ.

— Миссизъ! — проговорилъ Томъ слабымъ голосомъ.

Касси приподнялась. Лицо ея было сурово и задумчиво.

— Миссизъ, я видѣлъ, какъ швырнули мое платье въ этотъ уголъ. У меня тамъ въ карманѣ Библія. Если-бы вы были такъ добры и потрудились бы подать мнѣ ее.

Касси принесла книгу. Томъ раскрылъ Библію прямо на томъ мѣстѣ, которое было всего болѣе потерто отъ многократнаго чтенія,—на разсказѣ о послѣднихъ событіяхъ изъ земной жизни Того, Чьими страданіями мы всѣ искуплены.

— Не потрудится-ли миссизъ прочесть, что тутъ написано? Эго лучше воды, которою вы напоили меня.

Касси мягкимъ голосомъ, съ прелестною интонаціей, начала читать трогательный разсказъ о страданіяхъ и славѣ Сына Божія. Чѣмъ дальше она читала, тѣмъ чаще дрожалъ ея голосъ, иногда же и совсѣмъ обрывался, такъ что она останавливалась на минуту, чтобы превозмочь себя. Но когда она дошла до Божественныхъ словъ: «Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ», — она положила книгу, закрывъ лицо густыми прядями волосъ, и громко зарыдала.

Томъ тоже плакалъ.

— Іисусе Христе! — воскликнулъ Томъ. — Тебѣ предаю я душу мою! Боже мой, не попусти, не дай мнѣ покориться имъ!

— О, другъ мой!—сказала Касси.—Я много разъ уже слыхала такіе вопли и молитвы, но переломили,

однако, по-своему всѣхъ, кто пытался ослушаться,— всѣхъ ихъ привели въ повиновеніе. И Эммелина тоже задумала остаться непреклонной, — но будетъ ли въ этомъ толкъ? Ты долженъ будешь уступить и покориться, или же тебя изрѣжутъ въ мелкіе куски.

— Что-жъ, я охотно умру,—проговорилъ Томъ.— Пусть они продлятъ мои муки, сколько имъ угодно. Вѣдь они не въ силахъ же помѣшать мнѣ умереть. А послѣ этого, они уже не властны болѣе надо мною. Это ясно, — и я рѣшился! Я знаю, что Богъ поможетъ мнѣ и поддержитъ меня среди всѣхъ истязаній...

Касси не отвѣчала. Она сидѣла неподвижно, опустивъ внизъ свои черные глаза.

— Можетъ-быть это и такъ, — проговорила она какъ-бы сама съ собою,—но для тѣхъ, которые уступили уже и покорились,—для тѣхъ нѣтъ никакой надежды!.. Мы живемъ, какъ отверженныя твари!.. Мы желаемъ смерти!.. Нѣтъ ни малѣйшей надежды!.. Ты видишь меня теперь,—продолжала она, быстро обращаясь къ Тому,—видишь, что я такое! А я родилась и выросла въ роскоши. Я помню, какъ, будучи ребенкомъ, я играла въ богатыхъ комнатахъ; меня наряжали какъ куклу; знакомые и пріѣзжіе хвалили меня, любовались мною. Потомъ меня отдали въ монастырь, гдѣ я выучилась музыкѣ, по-французски, вышивать, да и Богъ знаетъ, чему только меня тамъ не учили. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я вышла изъ монастыря прямо на похороны моего отца. Онъ умеръ скоропостижно. Когда же все его имѣніе было приведено въ извѣстность, — оказалось, что его едва достанетъ на уплату долговъ. Кредиторы составили опись имѣнію, въ которую включили также

и меня. Вѣдь моя мать была невольница, раба. Отецъ мой постоянно имѣлъ намѣреніе дать мнѣ вольную, но не успѣлъ написать ее—и вотъ я попала въ опись. Меня продали. Постепенно я переходила изъ рукъ въ руки. У меня было двое дѣтей — мальчикъ Генри и дѣвочка Элиза—ихъ отняли у меня и я не знаю—гдѣ они, что съ ними. Въ довершеніе всего я попала, наконецъ, къ злодѣю Легри, который привезъ меня сюда.

Касси замолчала. Томъ какъ-бы пересталъ даже ощущать боль своихъ ранъ и внимательно слушалъ ея разсказъ, опершись на локоть.

— Когда я была еще молоденькой дѣвочкой, —продолжала Касси,—мнѣ казалось, что я набожна. Я любила Бога и молитву. А теперь я—погибшая душа. Меня преслѣдуютъ дьяволы и день и ночь мучатъ меня. Они тянутъ меня, наталкиваютъ на одно дѣло... и, какъ-нибудь на-дняхъ, я сдѣлаю его,—проговорила она, сжимая кулакъ, между тѣмъ какъ огонь безумія свѣтился въ черныхъ ея глазахъ.—Какъ-нибудь ночью я раздѣлаюсь съ Легри... Пусть меня за это хоть живую сожгутъ!..

Дикій, продолжительный смѣхъ раздался по пустому чулану, за нимъ послѣдовали истерическія рыданія. Съ судорожными воплями и корчами она упала на полъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, однако, припадокъ, повидимому, прошелъ. Касси медленно поднялась съ полу и, казалось, пришла въ себя.

— Не нужно-ли тебѣ еще чего-нибудь, бѣднякъ?—спросила она, подвигаясь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Томъ.—Не хочешь-ли ты еще воды?

Когда она говорила это, въ ея голосѣ и въ мане-

рахъ было столько доброты, состраданія и кротости. Все въ ней было совершенно обратно прежнимъ дикимъ порывамъ.

Томъ напился воды и съ соболѣзнованіемъ взглянулъ ей прямо въ лицо.

— О, миссизъ, какъ-бы я хотѣлъ, чтобы вы шли къ Тому, Кто можетъ дать воду живую.

— Когда я была дѣвочкой, я часто видала Его образъ у насъ надъ алтаремъ,—отвѣтила Касси.—Но здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ грѣха и безконечнаго отчаянія! О!..

Она скрестила на груди руки и тяжело вздохнула, какъ-будто усиливаясь поднять тяжелое бремя...

Придвинувъ воду, чтобы Томъ могъ достать ее, и устроивъ все, что только можно было придумать для удобства больного, Касси вышла изъ чулана.

Когда Касси возвращалась домой послѣ оказанныхъ бѣдному Тому пособій, она услыхала въ комнатѣ плантатора дикіе крики, пронзительный визгъ, топотъ и пѣніе, смѣшанные съ лаемъ собакъ, — словомъ, страшнѣйшій оглушительный шумъ и гамъ. Это Легри забавлялся съ своими чернокожими негропогонщиками — Замбо и Квимбо. Когда онъ бывалъ въ веселомъ расположеніи духа, то частенько зазывалъ ихъ въ свою комнату и, разгорячивъ нѣсколькими стаканами водки, забавлялся надъ ними, заставлялъ ихъ пѣть, плясать или драться, смотря по тому—какая фантазія ему придетъ въ голову.

Касси поднялась по ступенямъ веранды и заглянула въ комнату.

Опершись рукой о подоконникъ, она пристально и долго смотрѣла на нихъ. Въ черныхъ ея глазахъ

былъ цѣлый міръ безнадежной тоски, презрѣнія и мучительнаго, горькаго гнѣва.

— Неужели грѣшно освободить свѣтъ отъ такого мерзавца?—сказала она самой себѣ.

Потомъ она поспѣшно отвернулась отъ окна, поднялась на лѣстницу и постучала въ дверь къ Эммелинѣ.

ГЛАВА XXXI.

Эммелина и Касси.

Эммелина, блѣдная отъ ужаса, сидѣла, забившись въ дальній уголъ. При входѣ Касси, бѣдная дѣвушка нервически вскочила со стула; но, разглядѣвъ, кто вошелъ, она кинулась навстрѣчу.

— О, Касси, это вы? Я такъ рада, что вы пришли! А я испугалась, думала, ужь это не... О, вы не знаете, какой ужасный шумъ былъ тамъ внизу цѣлый вечеръ!

— Какъ не знать! — сухо отвѣтила Касси. — Я часто слыхала его и хорошо знаю.

— О, Касси, скажите, неужели намъ нѣтъ никакой возможности бѣжать отсюда? Мнѣ все равно, куда хотите, хоть въ болота, гдѣ змѣи, куда-бы то ни было! Нельзя-ли намъ отсюда скрыться куда-нибудь?

— Никуда, кромѣ могилы,—отвѣтила Касси.

— А вы пробовали когда-нибудь бѣжать?

— Я довольно видѣла подобныхъ попытокъ и знаю, чѣмъ это кончается.

— Ну, что-же онъ сдѣлаетъ? — спросила Эмме-

лина, взглянувъ ей прямо въ лицо съ такимъ напряженіемъ, что духъ захватило въ груди.

— Спросите лучше, чего онъ не сдѣлаетъ?—продолжала Касси.—Вѣдь онъ учился своему ремеслу у морскихъ разбойниковъ въ Вестъ-Индіи... Я слыхала здѣсь крики, которыхъ по цѣлымъ недѣлямъ не въ силахъ была забыть,—такъ они и раздавались у меня въ ушахъ. Здѣсь есть мѣсто, тамъ у дороги, около невольничьихъ сараевъ, гдѣ стоитъ черное, опаленное дерево, и вся земля кругомъ его покрыта черною золою. Спросите кого-нибудь, что такое дѣлаютъ тутъ, — и вы увидите, что никто не осмѣлится проболтаться.

— Ужасно!—вскричала Эммелина и страшно поблѣднѣла, такъ что кровинки не было у ней въ лицѣ.—Ахъ, Касси! скажите—что мнѣ дѣлать?

Эммелина отвернулась и закрыла лицо руками.

Въ то время, какъ происходилъ наверху этотъ разговоръ, Легри, сильно разслабѣвшій отъ попойки, заснулъ крѣпкимъ сномъ у себя въ комнатѣ. Но всю эту ночь его преслѣдовали мучительные сны. Онъ видѣлъ, что подлѣ него стоитъ кто-то подъ какимъ-то покрываломъ и кладетъ на него свою холодную, мягкую руку. Ему казалось, что онъ знаетъ—кто этотъ призракъ, и онъ вздрогнулъ отъ невыносимаго ужаса, хотя лицо призрака все еще оставалось подъ покрываломъ. Потомъ ему послышались голоса, которые что-то нашептывали ему, и отъ этого шопота онъ весь похолодѣлъ и задрожалъ. Ему почудилось, что онъ стоитъ на краю ужасной пропасти, скользитъ туда, цѣпляется и въ смертельномъ страхѣ силится удержаться, между тѣмъ какъ черныя руки протяги-

ваются къ нему и тащатъ его, а Касси стоитъ сзади и смѣясь подталкиваетъ его. Тутъ опять поднялся предъ нимъ таинственный призракъ, въ длинномъ покрывалѣ... Вдругъ призракъ сбросилъ съ себя покрывало. То была его мать — несчастная женщина, которую онъ такъ много огорчалъ еще въ дѣтствѣ, и которую разъ грубо оттолкнулъ отъ себя пинкомъ, когда она на колѣняхъ умоляла его исправиться, и затѣмъ ушелъ навсегда изъ родительскаго дома... Теперь, въ его страшномъ снѣ, она отвернулась отъ него, — и онъ глубоко, глубоко полетѣлъ въ бездну, гдѣ раздавались крики, стоны и демоническій хохотъ... Въ ужасѣ Легри пробудился.

Словно дикій звѣрь, смотрѣлъ онъ, ничего не сознавая. Пошатываясь, онъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ водки и разомъ хватилъ полстакана.

— Сегодня я провелъ адскую ночь!—сказалъ онъ, обращаясь къ Касси, вошедшей въ эту минуту изъ противоположной двери.

— Скоро тебѣ будетъ вдоволь такихъ ночей, премногое множество!—сухо проговорила она.

— Что ты, мерзавка, хочешь этимъ сказать?

— Ты это узнаешь на-дняхъ, — отвѣтила Касси тѣмъ-же тономъ, — а теперь, Симонъ, я хочу дать тебѣ небольшой добрый совѣтъ.

И она принялась убѣждать Легри оставить Тома въ покоѣ, но не вполнѣ успѣла въ этомъ, хоть и поколебала, однако, въ немъ звѣрскіе инстинкты.

Задумчиво, съ тревожною нерѣшительностью, направился Легри къ складочному чулану на фабрикѣ, гдѣ лежалъ Томъ.

— Ну, пріятель, — проговорилъ Легри, презри-

тельно пнувъ его ногою,—какъ ты поживаешь? Какъ твое здоровье? Что, не говорилъ ли я тебѣ: будь уменъ, а не то придется отвѣдать, чего еще не пробовалъ? Сладко ли показалось, а? Вѣдь плети-то не свой братъ, чай не очень вкусно. Не правда-ли, Томъ? Ты что-то далеко не такъ веселъ и бодръ, какъ въ прошлую ночь? Не можешь-ли ты теперь бѣднаго грѣшника попотчивать кусочкомъ хорошенькой проповѣди? Можешь, что-ли, а?

Томъ молчалъ.

— Вставай же, скотина ты этакая!—вскрикнулъ Легри и снова далъ ему пинка.

Нелегко было исполнить этотъ приказъ человѣку избитому и истомленному. Когда-же Томъ сталъ употреблять усилія, чтобы подняться, — Легри грубо и язвительно захохоталъ.

— Что ты сегодня такъ притихъ и пасмуренъ, пріятель? Ужь не простудился ли прошлой ночью?..

Томъ между тѣмъ поднялся на ноги и стоялъ противъ своего господина, съ лицомъ неподвижнымъ и съ непреклоннымъ выраженіемъ во взорѣ.

— Чортъ подери!—сказалъ Легри, осматривая его съ ногъ до головы. — Мнѣ кажется, что тебѣ мало отсыпали угощенія. Ну же, Томъ, становись теперь на колѣна и проси, чтобы я простилъ тебѣ вчерашнюю твою глупость.

Томъ стоялъ неподвижно.

— На колѣна, собака ты этакая!—гаркнулъ Легри и сильно стегнулъ его кнутомъ

— Масръ Легри! — проговорилъ Томъ, — я этого не могу. Я сдѣлалъ то, что считалъ справедливымъ. Точно такъ я поступлю и опять, когда представится

подобный-же случай. Я никогда не рѣшусь на безчеловѣчное дѣло. Пусть будетъ, что будетъ!..

— Но ты не знаешь, что будетъ-то, мастеръ

Томъ. Ты думаешь, что заданная тебѣ порка что-нибудь значитъ? Это пока сущій вздоръ, только цвѣточки! Вотъ посмотримъ, какъ-то тебѣ понравится, когда тебя привяжутъ къ дереву да вокругъ

тебя разложатъ маленькій огонекъ? Не забавно-ли оно будетъ? Какъ ты полагаешь, Томъ, а?

— Масръ,—отвѣтилъ Томъ,—я знаю, что вы можете дѣлать страшныя вещи, но,—онъ вытянулся во весь ростъ и благоговѣйно сложилъ руки,—но послѣ того, какъ вы убьете мое тѣло, вы уже ничего болѣе не въ состояніи сдѣлать со мною, ровно ничего!.. Вслѣдъ за этимъ наступитъ *вѣчность!*..

Легри заскрежеталъ зубами, но отъ бѣшенства не могъ вымолвить ни слова. Томъ-же, точно человѣкъ свободный, яснымъ и веселымъ голосомъ говорилъ ему:

— Масръ Легри, вы купили меня, и я буду вѣрнымъ и надежнымъ слугою вамъ. Я готовъ безропотно отдать вамъ весь трудъ моихъ рукъ, все мое время. всю мою силу, но души своей я не отдамъ никому на свѣтѣ! Я хочу прилѣпиться къ Господу, и повелѣнія Его ставлю выше всего. Пока буду живъ, не отступлю отъ нихъ и согласенъ пострадать за нихъ. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Масръ Легри, я нисколько не боюсь смерти. Я болѣе желаю умереть, чѣмъ жить. Вы можете сѣчь меня, сколько угодно, можете уморить меня голодомъ, жечь меня: все это только ускоритъ мой переходъ туда, куда я самъ желаю отправиться.

— Нѣтъ! вздоръ! Я переломлю тебя, ты будешь дѣлать по-моему!—въ бѣшенствѣ кричалъ Легри.

— Я надѣюсь на *помощь*, — сказалъ Томъ. — Вы этого не сдѣлаете.

— А кой чортъ придетъ къ тебѣ на помощь? — презрительно сказалъ Легри.

— Мой помощникъ и покровитель—Господь Всемогущій!—отвѣтилъ Томъ.

— Дьяволъ тебя побери!—проревѣлъ Легри и ударомъ кулака сшибъ Тома съ ногъ, такъ что тотъ упалъ, какъ снопъ.

Холодная, мягкая рука коснулась Легри. Онъ оглянулся. То была Касси. Это холодное, мягкое прикосновенiе напомнило ему грезы прошлой ночи и тотъ ужасъ, который сопровождалъ ихъ.

— Съ ума ты сошелъ, что-ли? — по-французски проговорила Касси.—Оставь его, предоставь это дѣло мнѣ одной. Я поставлю его на ноги, и онъ скоро опять будетъ годенъ на всякую полевую работу. Не моя-ли правда? Не все-ли вышло такъ, какъ я говорила тебѣ?..

Легри отошелъ прочь. Онъ рѣшился отложить расправу до другого раза.

ГЛАВА XXXII.

Свобода.

Раненый Томъ Локеръ лежалъ на чрезвычайно опрятной квакерской постели, подъ заботливымъ присмотромъ тетушки Доркасъ.

Это—высокая, почтенной наружности, умная женщина. Бѣлый кисейный чепчикъ оттѣняетъ серебристые ея волосы, раздѣленные проборомъ на широкомъ, открытомъ лбу, нависшемъ надъ задумчивыми сѣрыми глазами. Бѣлоснѣжный платокъ изъ тонкаго крепа красиво скрещенъ у ней на груди, а лоснящееся, темнаго цвѣта, шелковое платье тихо шелеститъ, когда она легкимъ шагомъ проходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— О, дьяволъ!—крикнулъ Томъ Локеръ, сильнымъ размахомъ сбрасывая съ себя одѣяло.

— Я прошу васъ, Томъ, не употреблять такихъ словъ,—сказала Доркасъ, спокойно поправляя приведенную въ безпорядокъ постель.

— Хорошо, не буду, голубушка ты моя, не буду, если только сумѣю удержаться, — отвѣтилъ Томъ. — Но тутъ такая проклятая жара, что не втерпежъ, поневолѣ выругаешься!..

— Я очень желала бы, другъ, чтобы вы бросили эти проклятія и ругательства и подумали лучше о своемъ спасеніи.

— Этотъ человѣкъ, что съ женщиной-то, здѣсь еще? а? — угрюмо спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, намекая на Джорджа и Элизу.

— Да, они еще здѣсь,—отвѣтила Доркасъ.

— Хорошо и умно они сдѣлаютъ, если поскорѣе уберутся отсюда къ озеру, — сказалъ Томъ. — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Вѣроятно, они такъ и сдѣлаютъ, — замѣтила Доркасъ, принимаясь за вязанье.

— Послушайте, однако,—сказалъ Томъ:—у насъ есть корреспонденты въ Сандуски. Они, по нашему порученію, строго наблюдаютъ тамъ за пакетботами,—въ оба глаза глядятъ, чтобы не улизнулъ какъ-нибудь за озеро бѣдный невольникъ. По совѣсти открываю вамъ это, не желаю таить. Я увѣренъ, что ваши-то благополучно ускользнутъ, на зло Марксу, этому проклятому псу, чтобы его чортъ подралъ!

— Томъ!—остановила его тетушка Доркасъ.

— Да полноте, матушка вы моя! Что же мнѣ дѣлать! Вы не дадите мнѣ и душу-то отвести браннымъ

словцомъ. Все у васъ удерживайся да остерегайся. Вы, право, ужь черезчуръ затыкаете мнѣ ротъ; этакъ я лопну, пожалуй... Что-же касается женщины, такъ вы скажите ей хорошенько переодѣться, чтобы нельзя было узнать ее. Примѣты ея объявлены уже въ Сандуски.

— Мы примемъ это къ свѣдѣнію, — проговорила Доркасъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ.

Томъ Локеръ пролежалъ въ квакерскомъ домѣ цѣлыхъ три недѣли. Оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ гораздо благоразумнѣе. Вмѣсто ловли невольниковъ, онъ избралъ другой родъ занятій, поселившись въ одной изъ новыхъ колоній, гдѣ способности его очень удачно развернулись. Онъ занялся охотою на медвѣдей, волковъ и прочихъ звѣрей, и этимъ пріобрѣлъ себѣ громадную извѣстность въ околоткѣ. О квакерахъ Томъ всегда съ уваженіемъ говорилъ: «Славные люди; они пробовали было обратить меня на свой путь, но не могли добиться этого. Но какъ они ходятъ за больными! Надо отдать имъ въ этомъ полную справедливость! А какъ они превосходно готовятъ кушанья!»

Бѣглецы наши, узнавъ отъ Тома Локера, что ихъ стерегутъ въ Сандуски, сочли самымъ благоразумнымъ раздѣлиться на двѣ партіи: Джимъ, со своей старухой-матерью, былъ отправленъ впередъ; ночи двѣ спустя, Джорджъ и Элиза съ сыномъ тайно пробрались также въ Сандуски. Тамъ они помѣстились подъ гостепріимнымъ кровомъ и стали готовиться къ переправѣ черезъ озеро.

Рабство ихъ было теперь на исходѣ, и предъ ними уже занималась заря свободы...

Увлекательныя думы и мечты о свободѣ волновали грудь Джорджа, когда онъ задумчиво сидѣлъ, склонивъ голову на руку, и смотрѣлъ на жену, какъ она переодѣвалась въ мужское платье, чтобы надежнѣе укрыться отъ преслѣдователей.

Въ заключеніе переодѣванія, она обрѣзала свои шелковистые, черные, кудрявые волосы и приняла видъ красиваго молодого человѣка.

— Отчего же ты такъ мраченъ? — спросила она мужа.—Говорятъ, что отсюда до Канады всего двадцать четыре мили. Значитъ, одинъ только день да одну ночь на озерѣ—и потомъ... о, потомъ!..

— Ахъ, Элиза!—отвѣтилъ Джорджъ, привлекая ее къ себѣ.—Это-то меня и тревожитъ! Теперь рѣшается вся моя судьба. Быть такъ близко къ цѣли, имѣть ее почти уже предъ самыми глазами — и вдругъ потерять!.. Я этого не переживу, Элиза...

— Полно, не бойся ничего!—проговорила она съ увѣренностью. — Милосердый Богъ не попустилъ бы насъ зайти такъ далеко, еслибъ Ему не угодно было избавить насъ отъ всѣхъ бѣдъ. Мнѣ кажется, Джорджъ, что я чувствую Его невидимое присутствіе съ нами...

Дверь отворилась, и почтенная, среднихъ лѣтъ женщина вошла въ комнату, ведя за руку маленькаго Гарри, переодѣтаго дѣвочкой.

Мальчикъ былъ названъ Гарріетой.

— Я слышала, — сказала вошедшая женщина, мистрисъ Смитъ, — что здѣсь внизу были какіе-то люди и оповѣстили всѣхъ капитановъ на пакетботахъ, чтобы они приглядывали, не поѣдетъ-ли за озеро

мужчина съ женщиной и съ маленькимъ мальчикомъ.

— Пусть ихъ!—сказалъ Джорджъ.

Мистрисъ Смитъ жила въ той именно канадской колоніи, куда пробирались наши бѣглецы. По счастливому стеченію обстоятельствъ, она въ это время

также ѣхала за озеро, т.-е. возвращалась домой, и согласилась выдать себя за тетку маленькаго Гарри. Чтобы пріучить его къ ней, ребенокъ послѣдніе два дня былъ отданъ ей на руки и находился подъ ея исключительнымъ надзоромъ. Обильныя ласки да множество пирожковъ и конфектъ скоро помогли ей пріобрѣсти сильную привязанность мальчика.

Окончивъ переодѣваніе, простившись съ добрыми людьми, пріютившими ихъ у себя, бѣглецы сѣли въ почтовую карету, которая и доставила ихъ на пакетботъ. Элиза, въ роли молодого человѣка, ловко и вѣжливо подала руку мистрисъ Смитъ, чтобы помочь ей взойти на пароходъ; Джорджъ же присматривалъ за багажемъ.

Стоя у конторки капитана и разсчитываясь за билеты, Джорджъ вдругъ услыхалъ подлѣ себя разговоръ двухъ человѣкъ:

— Я пристально слѣдилъ за каждымъ, кто входилъ на бортъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—и увѣренъ, что *ихъ* нѣтъ на этомъ пакетботѣ.

Это говорилъ письмоводитель пакетбота. Тотъ же, къ кому онъ обращался, былъ нашъ старый знакомый, Марксъ, который, съ удивительною настойчивостью, характеризовавшею его, пріѣхалъ въ Сандуски отыскивать свою добычу.

— Женщину-то вы едва-ли отличите отъ бѣлой,—сказалъ Марксъ.—Мужчина же—очень свѣтлокожій мулатъ; у него выжжено клеймо на одной рукѣ.

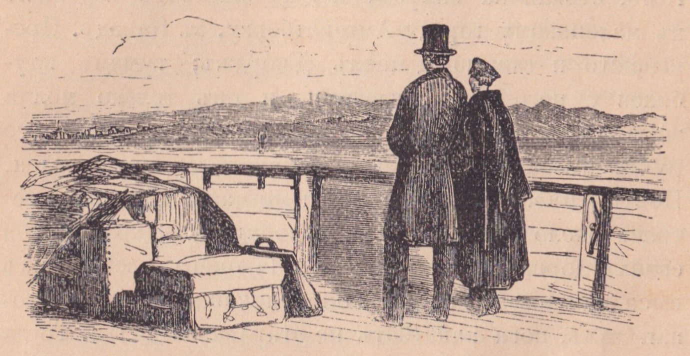
Рука, которою Джорджъ бралъ билеты и сдачу, немного дрогнула; но онъ не потерялъ присутствія духа. Хладнокровно обернувшись, онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ бросилъ пристальный взглядъ на говорившаго и медленно пошелъ къ другой части пакетбота, гдѣ поджидала его Элиза.

Мистрисъ Смитъ съ маленькимъ Гарри, принявшимъ видъ Гарріеты, ушла въ отдѣльную дамскую каюту, гдѣ смуглая красота мнимой дѣвочки вызвала много лестныхъ отзывовъ всѣхъ пассажирокъ.

Наконецъ, наступила минута отъѣзда. Колоколъ

прозвонилъ въ послѣдній разъ, и Джорджъ съ невыразимымъ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ Марксъ сошелъ по доскѣ на берегъ. Продолжительный вздохъ радости и облегченія вырвался изъ его груди, когда пакетботъ тронулся—и положилъ между ними должную преграду!..

День былъ великолѣпный. Голубыя волны озера Эріэ катились и сверкали, позолоченныя солнечными лучами. Свѣжій вѣтерокъ подувалъ съ берега, и величавый пакетботъ красиво прокладывалъ себѣ путь, быстро подвигаясь впередъ.

Глядя на Джорджа, когда онъ спокойно расхаживалъ взадъ и впередъ по палубѣ вмѣстѣ съ робкимъ своимъ товарищемъ (т.-е. Элизой), кто бы могъ догадаться о томъ, что горѣло и кипѣло въ его груди? Невыразимое счастье, къ которому онъ приближался, казалось ему такимъ прекраснымъ, такимъ громаднымъ, что онъ все еще не рѣшался вѣрить ему — и каждую минуту опасался, что вотъ-вотъ явится что-нибудь непредвидѣнное и отниметъ у него все, къ чему онъ такъ настойчиво стремился...

Но пакетботъ благополучно продолжалъ свой путь. Часы летѣли—и, наконецъ, вполнѣ ясно обозначился благословенный англійскій берегъ, одаренный магической силой—разомъ расторгать и уничтожать всякое заклятіе рабства, на какомъ-бы языкѣ оно ни было произнесено и какою бы властію ни было утверждено.

Джорджъ и его жена, подъ руку другъ съ другомъ, стояли на палубѣ, когда пакетботъ подошелъ къ маленькому городу Амгерстбергу, въ Канадѣ. Прерывисто и тяжело дышалъ Джорджъ; туманъ клубился у него предъ глазами, и онъ только молча жалъ маленькую руку, которая дрожа лежала въ его рукѣ. Колоколъ зазвонилъ, и пакетботъ остановился. Почти ничего не видя и не понимая, Джорджъ суетился около своего багажа и собиралъ вокругъ себя своихъ дорогихъ спутниковъ. Наконецъ, всѣхъ ихъ высадили на берегъ, — и они спокойно и молча стояли тамъ, пока пакетботъ не отправился далѣе. Тогда полились неудержимыя слезы, и пошли радостныя объятія... Мужъ и жена, держа на рукахъ своего изумленнаго малютку, пали на колѣна и отъ чистаго сердца горячо возблагодарили милосердаго Бога...

Мистрисъ Смитъ помѣстила все семейство въ гостепріимный домъ къ одному доброму миссіонеру, который жилъ въ томъ городкѣ, свято соблюдая христіанское состраданіе къ ближнему, какъ пастырь для безпріютныхъ странниковъ, которые на этомъ берегу постоянно находили у него убѣжище.

ГЛАВА XXXIII.

Торжество духа.

Часто, проходя тяжелый жизненный путь, мы чувствуемъ, что умереть было бы гораздо легче, чѣмъ жить.

Раны Тома еще не зажили, какъ Легри уже приказалъ гонять его на ежедневную полевую работу. Потянулись дни за днями въ тяжеломъ трудѣ, со всевозможными притомъ несправедливостями и притѣсненiями, какiя только могла изобрѣсти ненависть его безчестнаго и безбожнаго хозяина. Томъ уже не удивлялся болѣе обычной мрачности своихъ сотоварищей. Онъ чувствовалъ, что прежнее спокойствiе и свѣтлое настроенiе духа, не покидавшiя его раньше, теперь миновали и даже замѣнились отчасти такимъ же мрачнымъ расположенiемъ. Онъ надѣялся, что на досугѣ ему удастся почитать Библiю; но о досугѣ нечего было и думать: въ рабочую пору Легри заставлялъ своихъ негровъ работать по воскресеньямъ такъ-же, какъ и въ будни.

Однажды вечеромъ, грустный и усталый, Томъ сидѣлъ у потухающихъ углей, на которыхъ готовился грубый его ужинъ. Онъ подложилъ на огонь нѣсколько прутиковъ, кое-какъ раздулъ пламя и вынулъ изъ кармана старенькую Библiю. Въ книгѣ были отмѣчены всѣ тѣ строки, которыя такъ часто приводили его душу въ восторженное состоянiе. Но изнуренныя чувства утратили уже теперь способность сознавать смыслъ вдохновенныхъ рѣчей... Грубый хохотъ за-

ставилъ его поднять голову. Взглянувъ, онъ увидалъ, что Легри стоялъ противъ него.

— Ну, старина, — проговорилъ тотъ, — религія твоя, какъ видно, ужь не дѣйствуетъ! Я такъ и думаю, что дойму тебя. наконецъ!..

Эта жестокая насмѣшка оказала дѣйствіе хуже голода, холода и наготы. Томъ промолчалъ.

— Видно, братъ, ты глупъ,—сказалъ Легри.—Я покупалъ тебя съ добрымъ намѣреніемъ. Тебѣ могло бы быть еще лучше, чѣмъ Замбо и Квимбо: ты бы далеко пошелъ. Вмѣсто того, чтобы каждый день быть битымъ и сѣченымъ, ты могъ бы самъ стать главнымъ надъ ними и вволю колотить всѣхъ другихъ негровъ; могъ бы также иногда поживиться доброю чаркой пуншевой водки. Ну-ка, подумай хорошенько, образумься!

— Сохрани Богъ! — искренно возмутился Томъ.

— Ты видишь—нѣтъ тебѣ спасенія и помощи отъ твоей религіи... Такъ лучше бы ты меня держался, потому что я кое-что значу и могу кое-что сдѣлать для тебя.

— Нѣтъ, масръ,—отвѣтилъ Томъ:—я пойду прежнею своей дорогой!.. Умилостивится-ли надо мною Господь или нѣтъ, но я все буду за Него держаться и до конца буду вѣровать въ Него!

— Тѣмъ хуже для тебя!—сказалъ Легри, плюнувъ на него и презрительно толкнувъ его ногою. — Ну, смотри же, я еще потѣшусь надъ тобою и доконаю таки тебя!—и Легри отошелъ прочь.

Безбожныя насмѣшки жестокаго господина окончательно подавили послѣднія силы печальной души Тома...

Онъ сидѣлъ у огня въ какомъ-то забытьи. Вдругъ предъ глазами его померкло все окружающее и онъ увидалъ Іисуса Христа, увѣнчаннаго терніемъ, избіеннаго и окровавленнаго. Томъ въ благоговѣйномъ ужасѣ и изумленіи смотрѣлъ на этотъ ликъ, выражавшій величавое терпѣніе: глубокій взглядъ Божественныхъ очей проникъ въ его сердце. Душа его пробудилась, приливъ восторга охватилъ его. Онъ протянулъ руки, палъ на колѣна, — и видѣніе стало измѣняться: острыя тернія превратились въ сіяющіе лучи, въ невыразимомъ блескѣ небесной славы Божественный ликъ склонился къ нему съ состраданіемъ, и онъ услышалъ голосъ, который говорилъ: «Претерпѣвшій до конца сядетъ со Мною на Престолѣ Моемъ, такъ какъ Я претерпѣлъ до конца и возсѣдаю съ Отцомъ Моимъ на престолѣ Его».

Долго ли Томъ пролежалъ, онъ и самъ не зналъ. Когда онъ пришелъ въ себя, — огонь уже потухъ, платье его было пропитано сырою и холодною росою. Но радость, наполнявшая его сердце, заставила совершенно позабыть о голодѣ, холодѣ, униженіи, горестяхъ и бѣдствіяхъ. Съ этого момента онъ отрекся отъ всякой надежды на блага земной жизни и всецѣло предалъ свою волю Предвѣчному.

Когда разсвѣтъ пробудилъ спавшихъ работниковъ къ дневному труду, въ толпѣ этихъ оборванныхъ и дрожащихъ бѣдняковъ былъ одинъ, который бодро шелъ, потому что тверже самой земли, по которой онъ ступалъ, была вѣра его во всемогущую, вѣчную любовь!..

Это—Томъ. Всѣ замѣтили такую перемѣну. Веселость и бодрость его возвратились, спокойствіе же

его, казалось, невозможно было нарушить никакими оскорбленіями, никакимъ зломъ.

— Чортъ возьми! Что это сдѣлалось съ Томомъ?— говорилъ Легри, обращаясь къ Замбо.—Еще недавно онъ ходилъ совсѣмъ какъ убитый, а теперь опять веселъ какъ сверчокъ!..

— Не знаю, масръ. Ужь не задумалъ ли онъ дать тягу?

— Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ можетъ сдѣлать это,—сказалъ Легри, свирѣпо улыбаясь.—Мы съ тобой потѣшились бы, Замбо, а?

— Точно натѣшились бы! Го-го!—отвѣтилъ черный гномъ, униженно ухмыляясь. — То-то было-бы смѣху-то! Онъ въ болотѣ вязнетъ, продирается черезъ кусты, — а собаки за нимъ... Я животики надорв... со смѣху, когда мы гонялись за Молли!.. Я ду... что собаки разорвутъ ее на кусочки. Послѣ этой по... тѣхи, на ней до сихъ поръ еще есть знаки!..

— Ужо скоро свалимъ ее въ могилу, — сказалъ Легри.—А ты, Замбо, держи ухо востро. Если только Томъ затѣетъ что-нибудь въ родѣ побѣга,—не давай спуску.

— Въ этомъ дѣлѣ, масръ, я и самъ не промахъ!— сказалъ Замбо.—Пощупаю ему бока! Го-го-го!..

Этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда Легри садился на лошадь, собираясь ѣхать въ сосѣдній городъ. Вечеромъ, на возвратномъ пути домой, онъ подумалъ, что не худо было бы взглян... —все ли въ порядкѣ. Поворотивъ лошадь, онъ сталъ объѣзжать строенія.

Была чудная лунная ночь. Тѣнь отъ красивыхъ деревьевъ отчетливымъ узоромъ рисовалась на травѣ.

Въ прозрачномъ воздухѣ царствовала та торжественная тишина, которую страшно нарушить, словно святыню. Подъѣхавъ довольно близко къ строеніямъ, Легри услышалъ чей-то поющій голосъ. Такіе звуки въ этомъ мѣстѣ раздавались совсѣмъ не часто, и потому онъ пріостановился и сталъ слушать. Пріятный

теноръ пѣлъ о духовныхъ утѣхахъ въ небесахъ, во имя которыхъ забываются всѣ печали и страхи.

«Эге!—подумалъ Легри.—Такъ-то онъ думаетъ?.. Какъ я ненавижу эти гимны!»—Эй ты, негръ! Сюда!—крикнулъ онъ, внезапно приблизившись къ Тому и замахнувшись на него хлыстомъ.—Какъ ты смѣешь торчать тутъ до сихъ поръ, когда тебѣ давно слѣ-

дуетъ спать? Сейчасъ зажми свою черную глотку и убирайся отсюда!

— Слушаю, масръ,—покорно и весело отвѣтилъ Томъ, вставая и приготовляясь уйти.

Счастливое настроеніе Тома сильно раздосадовало Легри. Онъ подъѣхалъ къ нему и нѣсколько разъ ударилъ его по головѣ и по плечамъ.

— Вотъ тебѣ, собака!—сказалъ онъ.—Посмотримъ, будешь-ли ты такъ-же веселъ послѣ этого?..

Но теперь уже удары падали только на внѣшняго человѣка, не проникая до его сердца, какъ прежде. Томъ вынесъ ихъ съ совершенною покорностью, — и Легри замѣтилъ, что значительно утратилъ уже свою власть надъ этимъ рабомъ. Онъ понялъ, что между нимъ и жертвою его всталъ Господь... Даже и полупомѣшанная, заблудшая Касси не устояла противъ успокоительнаго, примиряющаго вліянія Тома.

Доведенная до отчаянія и безумія цѣлымъ рядомъ ужасныхъ страданій, Касси часто лелѣяла въ душѣ своей мечту о возмездіи—о той минутѣ, когда рука ея отомститъ жестокому притѣснителю за всѣ несправедливости.

Однажды ночью, когда все спало въ хижинѣ вокругъ Тома, онъ вдругъ увидѣлъ лицо Касси, заглянувшее къ нему въ отверстіе, прорубленное вмѣсто окна между бревнами. Она безмолвно кивнула ему головой, какъ-будто вызывая его къ себѣ.

Томъ вышелъ изъ хижины. Было около двухъ часовъ ночи. Луна ярко свѣтила, и свѣтъ ея падалъ прямо въ большіе черные глаза Касси. Томъ замѣтилъ, что они сіяли какимъ-то дикимъ, страннымъ огнемъ,

вовсе не похожимъ на обычное ихъ выраженіе тупого отчаянія.

— Поди сюда, дядя Томъ!—сказала она, взявъ его мускулистую руку своей маленькой рукой и увлекая съ такою силою, какъ-будто эта рука была стальная.—Поди сюда, я принесла тебѣ добрыя вѣсти.

— Что такое, миссъ Касси? — спросилъ Томъ съ живымъ участіемъ.

— Хотѣлось-бы тебѣ, Томъ, получить свободу?

— Я получу ее, миссъ, когда будетъ угодно Богу,—отвѣтилъ Томъ.

— О, ты можешь быть свободенъ сегодня же! — сказала Касси съ внезапнымъ увлеченіемъ.—Иди за мною.

Томъ нерѣшительно стоялъ на мѣстѣ.

— Пойдемъ!—повторила она шопотомъ, вперивъ въ него свои черные глаза. — Пойдемъ! Онъ спитъ, крѣпко спитъ. Я достаточно *подсыпала* ему въ водку,— и онъ долго пролежитъ такъ. Жаль, что у меня не было побольше зѣлья, а то мнѣ и тебя не нужно бы было. Иди же! Задняя дверь отперта. Тамъ и топоръ лежитъ... Я сама приготовила. Дверь въ его комнату отворена. Я покажу тебѣ дорогу. Я бы и сама все покончила, да только руки у меня слабы. Ступай!..

— Ни за какія блага, миссъ!—твердо проговорилъ Томъ, остановившись и удерживая ее, между тѣмъ какъ она порывалась впередъ.

— Но подумай только обо всѣхъ этихъ несчастныхъ!—настаивала Касси. — Мы можемъ всѣхъ ихъ освободить и уйти куда-нибудь въ болота, найти тамъ какой-нибудь островъ и жить независимо. Я слыхала, что такъ дѣлаютъ. Всякая жизнь лучше нашей!

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Томъ.—Нѣтъ! Зло никогда не поведетъ къ добру. Я скорѣе соглашусь отсѣчь свою правую руку, нежели сдѣлать это.

— Ну, такъ я *сама!* — и она повернулась, чтобъ уйти.

— О, миссъ Касси!—сказалъ Томъ, падая предъ нею на колѣна.—Ради милосерднаго Бога, положившаго за васъ жизнь свою, не продавайте сатанѣ своей драгоцѣнной души! Изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Господь создалъ насъ не для мести. Мы должны терпѣть и ждать Его милости.

— Ждать! — возразила Касси. — Развѣ же я не ждала? Развѣ я не терпѣла до того, что голова моя помутилась и сердце выболѣло? Чего не вытерпѣла я отъ этого человѣка! Чего не выстрадали сотни другихъ бѣдныхъ созданій! Не онъ ли вытягиваетъ изъ тебя послѣднюю кровь? Нѣтъ, мнѣ суждено сдѣлать это дѣло,—и я слышу призывъ! Часъ его пробилъ, я хочу его крови!..

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—настаивалъ Томъ, удерживая ее за руки.—Нѣтъ, бѣдная, заблудившаяся душа, этого не должно дѣлать! Нашъ милосердный Господь никогда не проливалъ крови, кромѣ своей собственной, и ту пролилъ за насъ, когда мы были врагами Его. Боже мой, помоги намъ идти по стопамъ Его и возлюбить враговъ нашихъ!..

Глубокая, искренняя вѣра Тома, его мягкій голосъ, его слезы—все это, какъ освѣжительная роса, пало на одичавшій, тревожный умъ несчастной женщины. Яркое пламя глазъ ея начало потухать; она потупилась; Томъ почувствовалъ, какъ напряженные мускулы руки ея стали ослабѣвать.

— Миссъ Касси!—продолжалъ Томъ нерѣшительнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на нее съ минуту въ молчаніи. — Я совѣтовалъ бы вамъ уйти отсюда съ Эммелиной, если возможно, но, разумѣется, уйти безъ кровопролитія.

— А ты пойдешь съ нами, дядя Томъ?

— Нѣтъ. Было время, когда и я пошелъ бы; но теперь Богъ послалъ мнѣ заботу объ этихъ бѣдныхъ душахъ,—и я останусь съ ними, до конца понесу вмѣстѣ съ ними крестъ свой. Вы—другое дѣло. Для васъ это западня лукаваго: вамъ не подъ-силу вытерпѣть, и если можно—уйдите.

— Но уйти-то можно только чрезъ могилу,—проговорила Касси. — Нѣтъ такого звѣря, нѣтъ такой птицы, которая не могла бы найти себѣ пріюта. Даже у змѣй и крокодиловъ есть свои норы, гдѣ они могутъ лежать спокойно. Но нѣтъ такого мѣста для насъ. Въ самыхъ темныхъ болотныхъ трущобахъ собаки все-таки найдутъ насъ и вытравятъ оттуда. Всѣ и все на свѣтѣ противъ насъ; даже и скоты преслѣдуютъ насъ! Куда же мы пойдемъ?..

Томъ долго стоялъ безмолвно. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Тотъ, Кто спасъ Даніила во рвѣ львиномъ и отроковъ въ огненной печи, Тотъ, Кто ходилъ по морю и повелѣвалъ бурями,—Тотъ живъ и нынѣ. Я вѣрую и надѣюсь, что Онъ можетъ избавить васъ. Попробуйте, а я всею душой буду молиться за васъ.

По какому-то странному закону разума, случается, что мысль, давно уже считавшаяся неудобоисполнимою и оставленная за негодностью, вдругъ озаряется

новымъ свѣтомъ и дѣлается драгоцѣнною находкой, сіяющимъ алмазомъ.

Въ одну минуту въ головѣ ея мелькнулъ планъ, такой простой и удобоисполнимый во всѣхъ подробностяхъ, что у ней пробудилась надежда.

— Дядя Томъ, я попробую! — оживленно сказала она.

— Аминь! — отвѣтилъ Томъ. — Богъ да поможетъ вамъ!

ГЛАВА XXXIV.

Хитрость.

Чердакъ дома, въ которомъ жилъ Легри, состоялъ изъ большой неубранной комнаты, увѣшанной паутиной и заваленной разнымъ хламомъ. Маленькое окно едва пропускало сквозь грязныя, запыленныя стекла слабый и невѣрный лучъ свѣта, который падалъ на высокія рѣзныя кресла и старомодные столы, помнившіе лучшія времена. Вообще комната имѣла мрачный и таинственный видъ. Суевѣрное же воображеніе негровъ связывало съ нею разныя страшныя легенды. Нѣсколько лѣтъ назадъ, невольница, сильно прогнѣвавшая Легри, была заперта здѣсь на нѣсколько недѣль. Что въ это время произошло—неизвѣстно; но между неграми шли объ этомъ темные слухи. Наконецъ, тѣло несчастной женщины было вынесено оттуда и погребено.

Разсказывали, что съ тѣхъ поръ каждую ночь на чердакѣ раздавались проклятія и звукъ ожесточенныхъ ударовъ, смѣшанный съ воплемъ и стономъ

отчаянія. Слухи эти дошли до Легри и привели его въ бѣшенство. Онъ поклялся, что первый, кто станетъ распускать эти сказки, по опыту узнаетъ, что происходитъ на чердакѣ, потому что ему придется тамъ просидѣть въ цѣпяхъ, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Этого, разумѣется, было достаточно, чтобы прекра-

тить толки; но достовѣрность легенды нисколько отъ этого не пострадала.

Всѣ стали избѣгать лѣстницы на чердакъ и даже коридора, примыкавшаго къ лѣстницѣ. Касси вдругъ пришло въ голову воспользоваться суевѣрною впечатлительностью Легри, чтобы освободить себя и свою подругу.

Спальня Касси находилась подъ самымъ черда-

комъ. Однажды, не спросившись Легри, она приказала перенести всю свою мебель и вещи въ другую комнату, на противоположномъ концѣ дома. Прислуга бѣгала и суетилась, исполняя это приказанiе, когда Легри возвратился съ прогулки верхомъ.

— Эй ты! Кассъ! — закричалъ Легри: — что это тебѣ вздумалось?

— Ничего. Я хочу только перейти въ другую комнату,—отвѣтила она.

— А для чего это, позвольте спросить?

— Да такъ, хочу,—сказала Касси.

— Чортъ побери! Да для чего же?

— Мнѣ хотѣлось бы кой-когда и заснуть.

- Заснуть! Кто же тебѣ мѣшаетъ?

— Сказать не трудно, если тебѣ такъ хочется знать,—отвѣтила Касси сухо.

— Такъ говори же, дура,—крикнулъ Легри.

— Да что говорить-то? Пустяки, которые тебя не потревожатъ. На чердакѣ, какъ-только пробьетъ двѣнадцать часовъ, начинаются стоны, какая-то возня, слышатся чьи-то шаги...

— Шаги на чердакѣ!—повторилъ Легри, принужденно смѣясь.—Чьи же шаги, Касси?

Касси устремила на него свои черные глаза съ выраженiемъ, которое насквозь пронизало его.

— Въ самомъ дѣлѣ, Симонъ,—проговорила она,—чьи бы это шаги?.. Хорошо, если-бы ты сказалъ мнѣ. Да ты, конечно, самъ не знаешь.

Легри въ бѣшенствѣ замахнулся на нее хлыстомъ, но она ловко ускользнула въ двери и, обернувшись, сказала:

— Ложись-ка спать въ этой комнатѣ, такъ вотъ

и узнаешь, что дѣлается наверху! Попробуй-ка, въ самомъ дѣлѣ!..

Она захлопнула дверь и заперла ее на ключъ.

Легри разразился бранью и проклятіями, грозилъ выломать дверь; но потомъ, должно-быть, одумался и отправился съ тревожнымъ чувствомъ въ свою комнату. Касси убѣдилась, что ей удалось попасть въ цѣль, и съ этихъ поръ, съ удивительною ловкостью, она поддерживала и усиливала дѣйствіе, произведенное ею на Легри. Она воспользовалась щелью въ стѣнѣ чердака и вставила туда горло старой бутылки. Вслѣдствіе этого, при малѣйшемъ вѣтрѣ, раздавались грустные и жалобные звуки, при сильномъ же вѣтрѣ звуки возрастали до пронзительнаго визга, который суевѣрнымъ ушамъ легко могъ казаться воплемъ отчаянія.

Старинная легенда о привидѣніяхъ опять пошла въ ходъ. Суевѣрный ужасъ, казалось, овладѣлъ всѣмъ домомъ. Хотя никто не смѣлъ и заикнуться о томъ предъ Легри, но ужасъ этотъ, какъ атмосфера, охватывалъ его со всѣхъ сторонъ.

Дня два спустя, Легри сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у пылавшаго камина. Была одна изъ тѣхъ мрачныхъ, бурныхъ ночей, которыя въ старыхъ домахъ порождаютъ несмѣтное количество неописанныхъ шумовъ.

Легри въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сводилъ счеты и читалъ газеты, между тѣмъ Касси сидѣла въ углу и мрачно смотрѣла на огонь. Наконецъ, онъ бросилъ газету и, увидѣвъ на столѣ старую книгу, которую Касси читала въ началѣ вечера, сталъ перелистывать ее. Книга была одно изъ тѣхъ

собраній разсказовъ о кровавыхъ убійствахъ, призракахъ, привидѣніяхъ, которыя какъ-то странно приковываютъ къ себѣ вниманіе читателя, нечаянно раскрывшаго ихъ.

Легри презрительно шипѣлъ и фыркалъ, но, тѣмъ не менѣе, читалъ, перевертывая страницу за страницей. Наконецъ, онъ бросилъ книгу въ уголъ.

— Неужели ты вѣришь въ привидѣнія, Кассъ, а?—спросилъ онъ, поправляя огонь въ каминѣ. — Я думалъ, что ты умнѣе.

— Какая нужда до того, во что я вѣрю?—угрюмо отвѣтила Касси.

Она пристально смотрѣла на него. Глаза ея свѣтились тѣмъ страннымъ блескомъ, который всегда смущалъ Легри.

— Эти звуки были не что иное, какъ вѣтеръ и крысы, — продолжалъ Легри. — Крысы иногда чортъ знаетъ какъ шумятъ. Онѣ, бывало, мнѣ спать не давали на кораблѣ. А вѣтеръ!.. Чѣмъ только вѣтеръ не прикинется!..

Касси знала, что Легри съ трудомъ выноситъ ея взглядъ, и потому, не отвѣчая ни слова, продолжала смотрѣть на него съ тѣмъ-же страннымъ, неестественнымъ выраженіемъ.

— Да говори же, баба, такъ, что-ли? — спросилъ Легри.

— Развѣ крысы могутъ сойти съ лѣстницы, пройти чрезъ коридоръ и отворить дверь, когда ты заперъ ее и заставилъ стуломъ?—спросила Касси.— Развѣ онѣ могутъ идти прямо къ твоей постели и протягивать руку... вотъ такъ?

Произнося эти слова, Касси не сводила съ Легри

своихъ блестящихъ глазъ, а онъ смотрѣлъ на нее какъ человѣкъ, одержимый тяжкимъ сномъ. Когда же,

наконецъ, она коснулась его руки своей рукою, холодною, какъ ледъ, онъ отстранился отъ нея съ проклятіемъ.

— Что ты говоришь, баба? Никто этого не дѣлалъ!..

— О, разумѣется, нѣтъ. Развѣ я говорила о комъ-нибудь?—проговорила Касси съ насмѣшливою улыбкой.

— Но... однако... неужели ты въ самомъ дѣлѣ видѣла?.. Ну, что-же ты, Кассъ? Да говори-же!

— Да ты самъ ложись тамъ спать, если тебѣ такъ хочется знать,—отвѣтила Касси.

— Развѣ *оно* пришло съ чердака?

— Оно? что такое «оно?»—спросила Касси.

— Да то, про что ты мнѣ разсказывала.

— Я ничего не говорила тебѣ,—злобно отвѣтила Касси.

Легри сталъ тревожно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я это дѣло разъясню. Я все разузнаю въ нынѣшнюю же ночь. Я возьму пистолеты.

— Возьми,—сказала Касси,—проведи ночь въ этой комнатѣ. Я буду очень рада. Совѣтую тебѣ пострѣлять тамъ изъ пистолетовъ.

Легри топнулъ ногой съ страшными проклятіями.

— Полно тебѣ!—сказала Касси.—Ты не знаешь, кто можетъ услышать тебя... Чу! что это такое?..

— Что?—спросилъ Легри, вздрогнувъ.

Тяжелые стѣнные часы, стоявшіе въ углу, медленно пробили двѣнадцать.

Легри почему-то не въ состояніи былъ ни пошевельнуться, ни выговорить слова, между тѣмъ какъ

Касси, съ насмѣшливымъ, зловѣщимъ блескомъ во взглядѣ, продолжала смотрѣть на него, считая удары часовъ.

— Полночь! Теперь мы увидимъ! — проговорила она, отворяя дверь въ коридоръ и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то.

— Слышишь? Что это такое? — спросила она вдругъ, поднявъ палецъ.

— Больше ничего, какъ вѣтеръ,—отвѣтилъ Легри. —Развѣ ты не слышишь, какъ онъ адски гудитъ!

— Симонъ, поди сюда!—сказала Касси шопотомъ, взявъ за руку и ведя его къ лѣстницѣ.—Знаешь-ли ты, что это такое? Слушай!

Дикій крикъ раздался по лѣстницѣ, какъ казалось, съ чердака. У Легри подкашивались ноги, онъ поблѣднѣлъ отъ страха.

— Не возьмешь-ли ты своихъ пистолетовъ?—сказала Касси съ усмѣшкой, отъ которой плантатора такъ и обдало холодомъ.—Ты самъ же говорилъ, что пора узнать въ чемъ дѣло. Мнѣ хотѣлось-бы пойти наверхъ, потому что теперь началось...

— Не пойду!—сердито воскликнулъ Легри.

— Отчего-же? Вѣдь ты знаешь, что привидѣній нѣтъ! Пойдемъ! — и Касси взбѣжала на лѣстницу, смѣясь и оглядываясь на него.—Да пойдемъ же!..

— Ты просто чортъ!—закричалъ Легри.—Воротись, вѣдьма! воротись, говорю тебѣ! Не ходи!..

Касси, дико захохотавъ, взбѣжала на самый верхъ; онъ слышалъ, какъ она отворила дверь на чердакъ. Неистовый порывъ вѣтра погасилъ свѣчу, которую онъ держалъ въ рукѣ, и опять раздались прежніе страшные, загадочные звуки, точно надъ самымъ его

ухомъ. Легри, не помня себя, бросился въ гостиную, куда вскорѣ послѣдовала за нимъ и Касси, блѣдная, спокойная и холодная, какъ духъ мщенія, съ тѣмъ-же страннымъ блескомъ въ глазахъ.

— Надѣюсь, что ты доволенъ,—сказала она.

— Чтобы тебя нелегкая взяла!—закричалъ Легри.

— За что же?—спросила она.—Я пошла только затворить дверь. Какъ ты думаешь, Симонъ, что это тамъ дѣлается на чердакѣ?

— Не твое дѣло!—отрывисто отвѣтилъ Легри.

— Вотъ какъ! Ну, хорошо!—проговорила Касси.—Во всякомъ случаѣ, я рада, что сплю теперь не подъ чердакомъ.

Разсчитывая на сильный вѣтеръ, Касси въ этотъ вечеръ отворила окно на чердакѣ. Разумѣется, что въ ту минуту, какъ она отворила дверь, сквозной вѣтеръ потушилъ свѣчку.

Дѣйствуя такимъ образомъ на воображеніе Легри, Касси, наконецъ, довела его до того, что онъ скорѣе бы согласился всунуть голову въ пасть свирѣпаго льва, чѣмъ пойти осмотрѣть загадочный чердакъ.

По ночамъ же, когда весь домъ спалъ, Касси мало-по-малу перенесла туда достаточное на нѣсколько недѣль количество съѣстныхъ припасовъ, а также и большую часть платьевъ Эммелины и своихъ. Приготовивъ все такимъ образомъ, онѣ ждали только удобнаго случая, чтобы привести въ исполненіе давно обдуманный планъ.

Касси воспользовалась минутой, когда Легри былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и убѣдила его взять ее съ собою въ сосѣдній городъ, на Красной-Рѣкѣ. При величайшемъ напряженіи памяти, она замѣтила

каждый поворотъ дороги и мысленно сообразила, сколько нужно времени, чтобы пройти пѣшкомъ это пространство.

Наконецъ, все было приготовлено для побѣга...

Настал̀ъ вечеръ. Легри поѣхалъ верхомъ въ сосѣднюю ферму. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Касси, казалось, была въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Легри. Теперь она вмѣстѣ съ Эммелиной, въ комнатѣ послѣдней, въ хлопотахъ за двумя узелками.

— Довольно этого, — сказала Касси. — Надѣвай шляпку—и пойдемъ. Теперь самая пора.

— Да насъ теперь могутъ увидѣть! — возразила Эммелина.

— Ну, такъ что-же? — хладнокровно отвѣтила Касси. — Вѣдь они во всякомъ случаѣ погонятся за нами. А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы уйдемъ чрезъ заднюю дверь и тотчасъ-же повернемъ налѣво. Замбо или Квимбо непремѣнно увидятъ насъ и погонятся за нами. Тогда мы зайдемъ въ болото; тамъ они уже не могутъ за нами гнаться, не созвавъ другихъ и не выпустивъ собакъ. Пока-же они будутъ всѣ суетиться и, какъ водится, другъ друга съ ногъ сбивать, мы пойдемъ по ручью, который течетъ позади дома Этимъ мы совершенно собьемъ съ толку собакъ, которыя и не найдутъ нашего слѣда въ водѣ. Всѣ выбѣгутъ изъ дому, чтобы искать насъ, а мы тогда чрезъ заднюю лѣстницу заберемся на чердакъ, гдѣ для насъ приготовлена отличная постель въ одномъ изъ большихъ сундуковъ. Мы должны будемъ остаться тамъ довольно долго, потому что Легри, конечно, все поставитъ вверхъ дномъ, чтобы найти насъ. Онъ

выпишетъ старыхъ надсмотрщиковъ изъ другихъ плантацій,—и начнется погоня. Они осмотрятъ каждое мѣстечко въ болотѣ. Легри хвастаетъ, что никто отъ него не могъ убѣжать. Такъ пусть же онъ поищетъ насъ!..

Онѣ безъ шума вышли изъ дому и сквозь вечерній сумракъ, при слабомъ блескѣ молодого мѣсяца, направились къ болотамъ. Какъ Касси предвидѣла,

едва онѣ успѣли дойти до болота, окружающаго плантацію, какъ грозный голосъ издали закричалъ имъ остановиться. То былъ не Замбо, а самъ Легри, который гнался за ними съ проклятіями и угрозами. Бѣдная Эммелина совсѣмъ растерялась. Схвативъ за руку свою спутницу, она воскликнула:

— Касси, я упаду въ обморокъ!

— Въ такомъ случаѣ я убью тебя,—отвѣтила та выхвативъ кинжалъ и сверкнувъ имъ предъ своей испуганною подругой.

Эта угроза произвела должное дѣйствіе. Эммелина не упала въ обморокъ, а послѣдовала за Касси въ болото, гдѣ Легри не могъ уже, безъ посторонней помощи, гнаться за ними.

Была поднята тревога. Началась невообразимая суматоха. Легри обѣщалъ даже пять долларовъ тому, кто приведетъ бѣглянокъ. Выпустили всѣхъ собакъ. Разрѣшено было даже стрѣлять по бѣглянкамъ.

Погонщики, при свѣтѣ факеловъ и лаѣ собакъ,

перемѣшаннымъ съ крикомъ людей, направились къ болоту. Домашняя прислуга слѣдовала въ нѣкоторомъ отдаленіи. Домъ, понятно, опустѣлъ, и Касси съ Эммелиной не трудно было войти въ него чрезъ заднюю дверь. Еще слышны были крики преслѣдователей, и изъ оконъ гостиной видно было всю толпу, разсѣявшуюся по болоту.

— О, ради Бога, спрячемся скорѣй! — воскликнула Эммелина, глядя изъ окна на эту звѣрскую погоню.

— Нечего спѣшить, — хладнокровно сказала Касси.—Всѣ ушли смотрѣть, какъ охотятся за нами, и этого имъ хватитъ на сегодняшній вечеръ! Мы еще успѣемъ уйти на чердакъ. Пока-же,—прибавила она. вынимая ключъ изъ кармана сюртука Легри, который онъ сбросилъ тутъ въ поспѣшности,—я захвачу денегъ на дорогу.

Она отперла бюро, вынула пачку ассигнацій и наскоро пересчитала ихъ.

— Ахъ, не дѣлай этого, Касси! — воскликнула Эммелина.

— Что ты?—возразила Касси.—Или ты хочешь умереть съ голоду среди болота! Не лучше-ли намъ имѣть деньги, чтобы заплатить за переѣздъ до свободныхъ штатовъ? — и она спрятала ассигнаціи у себя на груди.

— Но это значитъ украсть!—печально прошептала Эммелина.

— Украсть!—проговорила Касси съ презрительнымъ смѣхомъ. — Пусть тѣ, которые похищаютъ и тѣло, и душу другихъ, упрекаютъ насъ въ кражѣ! Каждая эта ассигнація украдена и отнята у бѣдныхъ, голодныхъ, несчастныхъ созданій, которыя пропадаютъ и гибнутъ для его выгодъ. Такъ пусть-же упрекаютъ насъ въ воровствѣ!.. Пойдемъ, однако; у меня тамъ есть запасъ свѣчей и кое-какія книги, чтобы скоротать время. Ты можешь быть увѣрена, что они не придутъ туда отыскивать насъ. А если-бы имъ вздумалось придти,—я готова разыграть предъ ними роль привидѣнія.

Онѣ отправились на чердакъ и устроились на новосельѣ съ полнымъ удобствомъ.

Касси занялась французскою книгой, а Эммелина, усталая и измученная, задремала. Ее разбудили громкіе крики, топотъ лошадей и лай собакъ. Она вскочила, слабо вскрикнувъ.

— Это возвратилась погоня! — успокоила ее Касси.—Не бойся. Взгляни въ это окошечко: видишь ты всѣхъ ихъ? Симону пришлось отложить погоню до другого дня... Да, завтра ему опять придется приняться за охоту, но дичь-то ушла!..

— Ради Бога, не говори! — воскликнула Эммелина.—Что, если они услышатъ?

— Если они и услышатъ что-нибудь, такъ еще больше будутъ бояться подойти сюда, — сказала Касси.—Не безпокойся, мы можемъ шумѣть, сколько угодно; это только напугаетъ ихъ.

Наконецъ, тишина воцарилась во всемъ домѣ. Легри, проклиная неудачу, легъ спать, отлагая месть до слѣдующаго дня.

ГЛАВА XXXV.

Жертва мести.

ПОБѢГЪ Эммелины и Касси до крайности раздражилъ и безъ того свирѣпаго Легри. Гнѣвъ его,—какъ можно было предвидѣть,—разразился на беззащитномъ Томѣ. Когда Легри сообщилъ своимъ невольникамъ вѣсть о побѣгѣ, отъ него не ускользнуло, что лицо Тома вдругъ просіяло и что онъ невольно поднялъ руки, какъ-бы благодаря небо. Онъ замѣтилъ также, что Томъ не принялъ участія въ погонѣ.

Томъ остался дома съ немногими другими, которые научились у него обращаться къ Богу и молиться о спасеніи бѣглыхъ.

Когда Легри возвратился,—вся ненависть, накипѣвшая въ его душѣ противъ бѣднаго невольника, разгорѣлась съ новой силой.

— Я ненавижу его!—говорилъ Легри въ эту безсонную ночь, сидя на своей постели.—Я ненавижу его... Вѣдь онъ мой! Я могу съ нимъ дѣлать, что хочу! Кто мнѣ помѣшаетъ въ этомъ?..

На слѣдующее утро онъ собралъ съ сосѣднихъ плантацій партію охотниковъ, съ ружьями и собаками, чтобы окружить болото и систематически приняться за розыскъ.

«Будетъ успѣхъ, — думалъ онъ, — хорошо; если же нѣтъ, то потребую къ себѣ Тома и поставлю на своемъ... Я переломлю его упрямство, или...»

Тутъ въ душѣ его шевельнулось нѣчто ужасное, на что душа его сейчасъ же согласилась.

Охота была продолжительна, шумна, дѣятельна, но, конечно, безуспѣшна. Касси съ злобною радостью смотрѣла съ чердака на Легри, когда тотъ, усталый и измученный, слѣзалъ съ лошади.

— Ну, теперь, Квимбо,—проговорилъ Легри, развалившись въ креслѣ въ своей пріемной комнатѣ, — ступай сейчасъ и приведи ко мнѣ Тома! Живо! Старый песъ знаетъ все дѣло, и я вытяну правду изъ его черной шкуры или покажу ему, что значитъ не слушаться меня.

Замбо и Квимбо ненавидѣли другъ друга, но сходились въ одномъ—въ сильной ненависти къ Тому. Когда Легри купилъ его, онъ сказалъ имъ, что на-

мѣренъ сдѣлать Тома главнымъ надсмотрщикомъ во время своего отсутствія, и это было поводомъ для непріязни, которая усилилась еще болѣе, когда эти гнусные рабы увидѣли, что онъ впалъ въ немилость у ихъ господина.

Томъ, услыхавъ, что Легри требуетъ его къ себѣ, понялъ въ чемъ дѣло,—и его охватило предчувствіе грозной бѣды. Вѣдь ему были извѣстны намѣренія бѣглянокъ и мѣсто, гдѣ онѣ теперь скрываются. Онъ зналъ также, съ какимъ ужаснымъ человѣкомъ будетъ имѣть дѣло, — хорошо зналъ всю его жестокость и деспотическую необузданность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что вѣра въ Бога дастъ ему силу лучше умереть, чѣмъ выдать беззащитныхъ.

Поднявъ глаза къ небу, Томъ проговорилъ:

— Въ руки Твои предаю душу мою, о Боже, праведный, Искупитель грѣховъ моихъ! — и тихо, безъ ропота отдался въ руки Квимбо, который грубо схватилъ его и повлекъ къ Легри.

— Да, да, вотъ тебѣ!—говорилъ великанъ, таща его за собой.—Достанется тебѣ теперь! Масръ твоей спины не пожалѣетъ! Не вывернуться тебѣ теперь, голубчикъ! Съ тобой шутить не станутъ! Вздумалъ помогать хозяйскимъ неграмъ бѣжать! Попотчуютъ же тебя за это и порядкомъ, вспомни мое слово!

Но Томъ не слышалъ этихъ безчеловѣчныхъ, насмѣшливыхъ словъ. Внутри его раздавался иной голосъ, голосъ свыше, который говорилъ ему: «Не бойся убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить!» Онъ весь былъ проникнутъ этими словами...

— Послушай, Томъ! — сказалъ Легри, схвативъ

его за воротъ и произнося слова сквозь зубы, въ припадкѣ неистоваго бѣшенства.—Послушай, Томъ, знаешь ли ты, что я рѣшился убить тебя?..

— Это очень можетъ быть, масръ, — спокойно отвѣтилъ Томъ.

— Я это сдѣлаю, Томъ,—проговорилъ со страшнымъ спокойствіемъ Легри,—если ты не скажешь мнѣ всего, что знаешь о бѣглянкахъ.

Томъ молчалъ.

— Не слышишь ты, что ли?—проревѣлъ Легри, какъ разъяренный левъ, и толкнулъ его ногою.—Говори же!

— Мнѣ нечего говорить, масръ, — кротко, спокойно, но рѣшительно отвѣтилъ Томъ.

— Ты смѣешь запираться предо мною, старый ты черный христіанинъ!.. Развѣ же ты этого дѣла не знаешь?—спросилъ Легри.

Томъ молчалъ.

— Говори же!—закричалъ Легри и со всей силы ударилъ его. — Говори, знаешь-ли ты объ этомъ дѣлѣ?..

— Знаю, масръ, но ничего не могу сказать вамъ. Я готовъ умереть.

Легри тяжело вздохнулъ. Стараясь на минуту побѣдить свое бѣшенство, онъ схватилъ Тома за руку и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, сказалъ страшнымъ голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго:

— Послушай, Томъ, ты воображаешь, что если я спускалъ тебѣ прежде, такъ и теперь не исполню того, что говорю? Знай же, что теперь я *справлюсь* съ тобою или *убью тебя*. То или другое. Я сочту каждую каплю крови, имѣющейся у тебя, и стану

выпускать каплю по каплѣ, пока ты не покоришься мнѣ.

Томъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Масръ! Если-бы вы были больны, или въ горѣ, или при смерти, и я могъ бы спасти васъ, — съ радостью умеръ бы за васъ и пожертвовалъ бы послѣднею кровью изъ моего сердца. Если-бы и теперь кровь моя, изъ этого несчастнаго, дряхлаго тѣла, могла спасти вашу драгоцѣнную душу, — я съ радостью пролилъ бы ее, какъ Спаситель пролилъ свою кровь за насъ. О, масръ, не берите этого грѣха на свою душу! Онъ повредитъ вамъ больше, чѣмъ мнѣ. Дѣлайте все, что хотите. Мои страданія вѣдь скоро кончатся, но ваши,—если вы не раскаетесь,—*никогда* не кончатся.

Слова эти, прямо вырвавшись изъ сердца, вызвали минутную паузу. Легри съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Тома, и въ комнатѣ стало такъ тихо, что слышенъ былъ стукъ маятника въ старыхъ часахъ, словно онъ мѣрно высчитывалъ послѣднія мгновенія, данныя для покаянія и исправленія ожесточенному сердцу. Но это продолжалось всего лишь нѣсколько секундъ. Мигъ нерѣшительности пролетѣлъ, и снова духъ тьмы овладѣлъ душою Легри. Онъ въ бѣшеномъ изступленіи бросился на свою несчастную жертву и однимъ ударомъ сшибъ Тома съ ногъ, такъ что тотъ грохнулся объ полъ.

. . . .

. . . .

Мы не будемъ мучить читателя разсказомъ о безчеловѣчномъ жестокосердіи и о пролитой крови...

Мужественное, благородное, вѣрное сердце Тома

осталось непоколебимымъ. Во время истязаній, онъ видѣлъ предъ собою святой примѣръ Небеснаго Учителя.—и никакія мученія не могли заставить Тома произнести иныя слова, кромѣ словъ молитвы и святой вѣры.

— Онъ ужь еле-живъ, масръ, — сказалъ Замбо, противъ воли тронутый терпѣніемъ своей жертвы.

— Бей еще, пока не сдастся! Бей его, бей!—гремѣлъ Легри.—Я изъ него всю кровь вытяну по каплѣ, пока не сознается.

Томъ открылъ глаза и взглянулъ на своего господина.

— Бѣдное ты, несчастное твореніе! — сказалъ онъ.— ы ничего больше не можешь сдѣлать со мною. Отъ всей души прощаю тебя! — и онъ окончательно впалъ въ безчувствіе.

— Ну, теперь, кажется, совсѣмъ доконали,—сказалъ Легри, подходя, чтобы взглянуть на него.—Да, совсѣмъ. По крайней мѣрѣ зажали ему глотку, и то хорошо!

Но Томъ еще не умеръ. Его дивныя рѣчи и благочестивыя молитвы подѣйствовали на зачерствѣлыя сердца негровъ, служившихъ орудіями пытки. Какъ только Легри ушелъ,—они вынесли его изъ чулана, гдѣ происходило истязаніе, снесли внизъ и, въ простотѣ своей, принялись приводить его въ чувство, словно онъ нуждался въ этомъ.

— Не правда-ли, худое дѣло мы сдѣлали? — сказалъ Замбо.—Авось-либо масръ одинъ станетъ отвѣчать за это, а не мы.

Они обмыли его раны, устроили ему постель изъ выброшенной хлопчатой бумаги; одинъ изъ нихъ по-

шелъ въ господскій домъ и выпросилъ у Легри рюмку водки, подъ тѣмъ предлогомъ, что усталъ и хочетъ выпить, но принесъ водку Тому и вылилъ ее ему въ горло.

— Охъ, Томъ,—сказалъ Квимбо,—мы тебя больно измучили!

— Я вамъ отъ всего сердца прощаю! — отвѣтилъ Томъ слабымъ голосомъ.

— Томъ, скажи намъ, кто такой Іисусъ?—спросилъ Замбо. — Тотъ Іисусъ, который стоялъ около тебя нынче вечеромъ, кто Онъ?...

Слова эти пробудили новыя силы въ изнемогавшей, ослабѣвшей душѣ Тома. Онъ въ нѣсколькихъ краткихъ и сильныхъ словахъ разсказалъ имъ исторію Дивнаго Учителя, Его жизнь и смерть, Его вѣчное присутствіе и могущество искупленія.

И они плакали, эти дикіе люди.

— Зачѣмъ я прежде никогда не слыхалъ объ этомъ!—сказалъ Замбо.—А все-таки вѣрую, не могу не вѣрить! Господь Іисусъ, помилуй насъ!

— Бѣдняги! — проговорилъ Томъ. — Я готовъ бы все на свѣтѣ вытерпѣть, лишь бы привести васъ ко Христу! Господи Боже мой! Дай мнѣ еще эти двѣ души, молю Тебя!

И молитва его была услышана.

ГЛАВА XXXVI.

Молодой баринъ.

ДВА дня спустя, по аллеѣ изъ камелій, ведущей къ дому Легри, катилась легкая тележка. Молодой человѣкъ, правившій лошадьми, поспѣшно остановилъ ихъ. Бросивъ поводья и выпрыгнувъ изъ экипажа, онъ освѣдомился — дома-ли хозяинъ?

То былъ Джорджъ Шельби.

По несчастному случаю, письмо миссъ Офеліи къ мистрисъ Шельби мѣсяца два пролежало на почтѣ въ какомъ-то захолустьѣ, прежде чѣмъ достигло по назначенію. Между тѣмъ, пока оно было получено, Томъ уже успѣлъ пропасть изъ виду въ отдаленныхъ болотахъ Красной Рѣки.

Мистрисъ Шельби отнеслась къ извѣстію съ величайшимъ участіемъ; но дѣйствовать тотчасъ было невозможно, потому что она въ это время ухаживала за больнымъ своимъ мужемъ, который лежалъ въ бреду сильной горячки. Мистеръ Джорджъ Шельби, уже превратившійся изъ маленькаго мальчика въ

рослаго юношу, былъ ея вѣрнымъ и постояннымъ помощникомъ, а также единственнымъ распорядителемъ и управляющимъ по дѣламъ своего отца. Миссъ Офелія имѣла благоразуміе, между прочимъ, выставить имя повѣреннаго, заправлявшаго дѣлами семейства Сентъ-Клера... Въ тревогѣ только и можно было сдѣлать, что написать къ этому повѣренному нѣсколько вопросовъ о дѣлѣ. Внезапная кончина мистера Шельби, случившаяся чрезъ нѣсколько дней, вызвала массу другихъ заботъ, совершенно иного рода.

Мистеръ Шельби доказалъ великое довѣріе къ способностямъ своей жены, назначивъ ее единственною душеприказчицей и наслѣдницей своихъ помѣстій. Вслѣдствіе этого, у ней оказалось вдругъ множество важныхъ и сложныхъ хлопотъ.

Между тѣмъ пришелъ отвѣтъ отъ повѣреннаго, о которомъ упоминала миссъ Офелія. Онъ писалъ, что Томъ проданъ съ публичнаго торга; получивъ за него деньги, онъ болѣе ничего не знаетъ о немъ.

Ни Джорджъ, ни мистрисъ Шельби не удовольствовались такимъ извѣстіемъ. Мѣсяцевъ шесть спустя, будучи вызванъ на Югъ по дѣламъ своей матери, Джорджъ рѣшился лично побывать въ Новомъ-Орлеанѣ и разузнать на мѣстѣ о судьбѣ Тома и о томъ, нельзя-ли какъ-нибудь возвратить его?

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безплодныхъ поисковъ, Джорджъ случайно напалъ на человѣка, обладавшаго требуемыми свѣдѣніями. Запасшись деньгами, юный Шельби пустился на пароходѣ по Красной Рѣкѣ, рѣшившись непремѣнно отыскать своего стараго друга и выкупить его.

Войдя въ домъ, онъ нашелъ Легри въ пріемной, который принялъ его нѣсколько надменно.

— Мнѣ извѣстно,—сказалъ молодой человѣкъ, — что вы купили въ Новомъ-Орлеанѣ негра, по имени Тома. Онъ принадлежалъ прежде моему отцу, и я пріѣхалъ узнать, не могу-ли я выкупить его.

Легри нахмурился и вспыльчиво заговорилъ:

— Да, я купилъ этого молодца и, нечего сказать, дьявольскій товаръ попался мнѣ! Самый отъявленный бунтовщикъ, самый дерзкій, нахальный скотъ! Подучиваетъ моихъ негровъ бѣжать отъ меня и уже сманилъ двухъ дѣвокъ, изъ которыхъ каждая стоитъ отъ восьми сотъ до тысячи долларовъ. Въ этомъ онъ самъ сознался. Когда же я сталъ спрашивать его, куда онѣ дѣвались, то говоритъ, что знаетъ, да не скажетъ. Я задалъ ему порядочную трепку. Теперь онъ, кажется, умирать собрался; но не знаю еще, какъ-то это ему удастся!

— Гдѣ онъ? — нетерпѣливо спросилъ Джорджъ.— Покажите мнѣ его!

Щеки юноши пылали, глаза горѣли, но изъ осторожности онъ пока ничего болѣе не говорилъ.

— Онъ тамъ, вонъ, въ сараѣ,—сказалъ мальчикъ, державшій у крыльца лошадь Джорджа подъ уздцы.

Легри толкнулъ мальчика ногою и закричалъ на него. Джорджъ, не говоря ни слова, повернулся и пошелъ туда.

Уже два дня прошло послѣ рокового вечера истязанія. Томъ все лежалъ, но не страдалъ уже болѣе, потому что всякая способность страдать была въ немъ отшиблена и уничтожена. По большей части онъ находился въ спокойномъ забытьи... Темною

ночью, тайкомъ, прокрадывались къ нему бѣдныя, горемычныя созданія, чтобы воздать ему нѣжною заботой за тѣ братскія попеченія, на которыя онъ всегда былъ такъ щедръ къ нимъ. Правда, что эти бѣдные ученики ничего не могли дать кромѣ чашки холодной воды, — но за то хоть воду подавали отъ всего сердца.

Касси, крадучись, выходила изъ своего убѣжища и, подслушивая разговоры, узнала, какую жертву Томъ принесъ ей и Эммелинѣ.

Войдя въ сарай, Джорджъ почувствовалъ, что голова его закружилась и сердце болѣзненно сжалось.

— Можетъ ли это быть? Возможно ли? — проговорилъ онъ, ставъ на колѣна возлѣ умирающаго. — Дядя Томъ! мой бѣдный, несчастный старый другъ!..

Этотъ голосъ, повидимому, пробудилъ умирающаго. Онъ тихо повернулъ голову, улыбнулся и произнесъ слова изъ одного методистскаго гимна:

Спаситель смягчаетъ страдальческій одръ,
Съ отрадой на немъ умираю...

Молодой человѣкъ наклонился къ Тому, и изъ глазъ его потекли слезы, дѣлавшія честь благородному его сердцу.

— О, милый дядя Томъ! Приди въ себя, заговори еще разъ! Взгляни только: это—я, масръ Джорджъ, твой маленькій Джорджъ! Развѣ ты не узнаешь меня?

— Масръ Джорджъ?—проговорилъ Томъ слабымъ голосомъ, открывая глаза.—Масръ Джорджъ?!..

Взоръ его выразилъ изумленіе. Наконецъ, мысль эта начала какъ-будто наполнять его душу, блуждающій взглядъ мало-по-малу остановился, глаза забли-

стали, лицо прояснилось. Онъ сложилъ свои жесткія руки—и слезы потекли по щекамъ его.

— Слава Тебѣ, Господи! Этого... этого только и нужно было мнѣ!... Такъ они не забыли меня!... Это—утѣшеніе для моей души, великая радость для старика! Теперь я умру спокойно! Благослови, душе моя, Господа!...

— Ты не умрешь, ты не долженъ даже думать объ этомъ! Я пріѣхалъ, чтобы взять тебя и отвезти домой! — говорилъ Джорджъ съ порывистою горячностью.

— Охъ, масръ Джорджъ, поздно уже! Господь пришелъ за мною, зоветъ меня — и я жду не дождусь, когда пойду туда. Царство небесное лучше Кентукки...

— О, не умирай! Это убьетъ меня! У меня сердце разрывается, какъ подумаю, что ты вытерпѣлъ, какъ лежишь теперь тутъ, въ этомъ старомъ сараѣ! Мой бѣдный, несчастный другъ!

— Не называйте меня бѣднымъ! — торжественно отвѣтилъ Томъ. — Я *былъ* бѣденъ, но теперь все это миновало. Теперь я стою у самой двери въ Царствіе и скоро войду туда. О, масръ Джорджъ, *настало для меня Царствіе Небесное!* Побѣду Господь Іисусъ послалъ мнѣ! Буди имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка!..

Джорджъ былъ пораженъ силою, восторженностью и величіемъ, съ какими были произнесены эти слова. Онъ стоялъ въ благоговѣйномъ молчаніи.

Томъ схватилъ его руку и продолжалъ:

— Не говорите бѣдняжкѣ Хлоѣ, въ какомъ видѣ вы нашли меня здѣсь: ей и такъ будетъ слишкомъ

тяжело! Скажите только, что видѣли, какъ я отхожу въ Царствіе, и что ни для кого не хочу оставаться здѣсь. Скажите ей, что вездѣ и всегда Спаситель былъ со мною, и съ Нимъ все было мнѣ легко и сладко. А бѣдныя мои дѣти?... Охъ! часто болѣло по нимъ мое сердце!... Скажите имъ всѣмъ, чтобы шли за мною!... Поклонитесь отъ меня барину, милой, доброй барынѣ и всѣмъ нашимъ. Какъ я люблю

ихъ! Очень люблю всякаго, всякаго человѣка... Только во мнѣ и есть, что любовь одна!... Ахъ, масръ Джорджъ! Вотъ что значитъ быть христіаниномъ!...

Внезапный приливъ жизненной силы, оживившій умирающаго при свиданіи съ молодымъ Шельби, началъ видимо ослабѣвать. Наступилъ явный упадокъ силъ; Томъ закрылъ глаза, и на лицѣ его проявилось непередаваемое словами выраженіе, свидѣтельствовавшее о приближеніи иной жизни.

Онъ началъ медленно и тяжело дышать. Жизнь угасала...

— Кто, кто разлучитъ насъ со Вселюбящимъ Христомъ! — проговорилъ онъ голосомъ, боровшимся съ предсмертною слабостью, улыбнулся и... уснулъ на-вѣки.

Джорджъ сидѣлъ неподвижно, исполненный торжественнаго благоговѣнія. Ему казалось, что мѣсто это священно. Когда онъ закрылъ глаза умершаго и всталъ, душа его была занята одною мыслью, выраженною простосердечнымъ старымъ другомъ его въ словахъ: «Вотъ что значитъ быть христіаниномъ!»

Онъ обернулся. Легри угрюмо стоялъ за нимъ.

Въ зрѣлищѣ послѣднихъ минутъ Тома было что-то такое, что усмирило природную пылкость страстнаго юноши. Онъ почувствовалъ, что присутствіе Легри было ему только непріятно. Желая поскорѣе избавиться отъ него, онъ проговорилъ, указывая на мертваго:

— Вы извлекли изъ него все, что могли. Сколько стоитъ тѣло? Я возьму его и похороню, какъ слѣдуетъ.

— Я мертвыми не торгую, — грубо отвѣтилъ Легри.—Берите его, пожалуй, и хороните, гдѣ и какъ хотите.

Джорджъ, обращаясь къ тремъ неграмъ, глядѣвшимъ на покойника, попросилъ, чтобы они помогли ему донести трупъ до повозки и принесли лопату.

Одинъ изъ негровъ побѣжалъ за лопатою, двое другихъ помогли Джорджу положить трупъ въ повозку.

Джорджъ ни слова не говорилъ хозяину планта-

цип. даже не смотрѣлъ на него. Тотъ же, въ свою очередь, не отмѣнялъ его приказаній и только посвистывалъ, съ видомъ притворнаго равнодушія. Онъ угрюмо тоже послѣдовалъ къ повозкѣ.

Бережно уложивъ мертвое тѣло на свой плащъ, Джорджъ обернулся, пристально посмотрѣлъ на Легри и проговорилъ съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Я еще не сказалъ вамъ своего мнѣнія насчетъ этого ужаснѣйшаго поступка... Сэръ, эта невинная кровь вопіетъ о правосудіи! Я объявлю объ этомъ убійствѣ, и первому же судьѣ докажу на васъ.

— Доказывайте, пожалуй!—отвѣтилъ Легри, презрительно щелкнувъ пальцами.—Хотѣлъ бы я знать, какъ вы это сдѣлаете! Гдѣ вы возьмете свидѣтелей? Чѣмъ вы докажете свое обвиненіе?... Посмотримъ!...

Джорджъ вспомнилъ, что въ помѣстьѣ не было ни

одного бѣлаго человѣка; судъ же южныхъ штатовъ не признаетъ свидѣтельства цвѣтныхъ людей.

— Да и что за тревога изъ-за одного умершаго негра!—сказалъ Легри.

Эти слова произвели дѣйствіе, подобное воспламененію искрой порохового погреба.

Джорджъ обернулся и однимъ ударомъ по лицу сшибъ съ ногъ Легри. Стоя надъ нимъ, съ выраженіемъ гнѣва и отваги на пылающемъ лицѣ, онъ невольно напоминалъ собою своего великаго патрона, Св. Георгія, поражающаго дракона.

Нѣкоторымъ людямъ такое сшибаніе съ ногъ несомнѣнно приноситъ пользу. Какъ только кто-нибудь хорошенько хватитъ ихъ объ землю, — они тотчасъ получаютъ къ нему должное почтеніе. Къ числу такихъ именно людей принадлежалъ Легри. А потому, когда онъ всталъ и отряхнулъ пыль со своего платья,— взоръ его, слѣдившій за медленно удалявшеюся повозкой, выражалъ очевидное благоговѣніе.

За предѣлами плантаціи былъ сухой, песчаный пригорокъ, осѣненный нѣсколькими деревьями. Тутъ выкопали могилу.

— Снять, что-ли, съ него плащъ, масръ? — спросилъ одинъ изъ негровъ, когда могила была вырыта.

— Нѣтъ, нѣтъ! Засыпьте его вмѣстѣ съ плащемъ. Теперь это только я и могу дать тебѣ, мой бѣдный Томъ!..

Тѣло завернули, опустили въ могилу и молча засыпали. Насыпанный бугоръ обложили зеленымъ дерномъ.

— Теперь можете уйти, ребята,—сказалъ Джорджъ, сунувъ имъ въ руку по монетѣ.

Но они не трогались съ мѣста.

— Если-бы молодой баринъ купилъ насъ! — сказалъ одинъ.

— Мы бы усердно служили,—прибавилъ другой.

— Плохое здѣсь житье, масръ! — проговорилъ первый.—Пожалуйста, масръ, купите насъ!

— Не могу, не могу! — отвѣтилъ Джорджъ съ усиліемъ, махнувъ имъ рукою.—Это невозможно!

Бѣдняки грустно и молча удалились.

«Боже вѣчный, будь свидѣтелемъ, — молился Джорджъ, становясь на колѣна у могилы своего бѣднаго друга, — что съ этого часа я клянусь сдѣлать все, что только можетъ сдѣлать *одинъ человѣкъ*, чтобы смыть съ моей родины это безчестное пятно проклятаго рабства!..»

Нѣтъ памятника на могилѣ нашего друга. Да ему и не нужно его. Богу извѣстно, гдѣ онъ лежитъ, и Онъ воскреситъ его къ безсмертію въ тотъ день, когда пріидетъ во славѣ Своей.

ГЛАВА XXXVII.

Разсказъ о привидѣніи.

ОКОЛО этого времени въ домѣ Легри начали особенно часто поговаривать о привидѣніяхъ.

Всѣ шопотомъ увѣряли другъ друга, что въ глухую полночь, по лѣстницѣ на чердакъ слышны чьи-то шаги, раздающіеся по всѣмъ комнатамъ.

Дѣйствительно, въ часы, назначенные собственно для привидѣній, высокая фигура, въ бѣломъ саванѣ, бродила по усадьбѣ Легри: она ходила и внѣ дома, и тихо скользила по всѣмъ комнатамъ, изрѣдка исчезала, потомъ, снова появившись, медленно всходила по мрачной лѣстницѣ на роковой чердакъ. Утромъ же всѣ двери находили запертыми такъ-же крѣпко, какъ съ вечера.

Объ этихъ толкахъ зналъ и Легри. Они тѣмъ сильнѣе возбудили его вниманіе, что всѣ видимо старались скрывать ихъ отъ него. Онъ сталъ пить болѣе обыкновеннаго, бодро держалъ голову и громче чѣмъ когда-либо ругался въ продолженіе дня; но по ночамъ снились ему недобрые сны; онъ спалъ безпокойно и ему мерещились разные ужасы. На другой день послѣ того, какъ было увезено тѣло Тома, Легри поѣхалъ вечеромъ въ ближайшій городъ на пирушку и много пилъ. Возвратившись домой поздно, онъ заперъ дверь, взялъ къ себѣ ключъ и легъ въ постель.

Какъ бы человѣкъ ни старался заглушить въ себѣ совѣсть, но для злодѣя душа человѣческая — страш-

ный, безпокойный, мучительный товарищъ... Голосъ духа пробивается сквозь всѣ преграды и раздается подобно пророческому трубному звуку послѣдняго суда.

Легри заперъ дверь, заставилъ ее стуломъ, зажегъ ночникъ, поставилъ его у своего изголовья и тутъ же

положилъ пистолеты. Онъ осмотрѣлъ всѣ петли и крючки у оконъ, поклялся, что «теперь не боится ни чорта, ни служителей его»,—и легъ спать.

Усталый, онъ крѣпко заснулъ; но вскорѣ начались страшныя сновидѣнія. Онъ началъ пробуждаться. Ему казалось, что кто-то вошелъ въ его комнату. Онъ слышалъ, какъ отворялась дверь, но не могъ

пошевельнуть ни ногой, ни рукой. Наконецъ, онъ вздрогнулъ отъ ужаса и обернулся: дверь была отворена и онъ увидѣлъ руку, гасившую огонь.

При блѣдномъ свѣтѣ луны, онъ разглядѣлъ... нѣчто бѣлое, медленно скользившее къ нему. Онъ слышалъ тихій шелестъ одежды. Привидѣніе остановилось у его постели; холодная рука легла на его руку; тихій, ужасный голосъ трижды прошепталъ: «Приди! приди! приди!» Потъ выступилъ у него отъ страха, онъ лежалъ недвижно и не видалъ, какъ и когда исчезъ призракъ. Онъ вскочилъ съ постели, бросился къ двери, но она была попрежнему затворена и заперта. Легри упалъ въ обморокъ...

Послѣ этого, онъ запилъ еще сильнѣе, — пилъ безъ мѣры, запоемъ.

Вскорѣ въ окрестности разнесся слухъ, что Легри боленъ и умираетъ. Никто не могъ выдержать ужасовъ, окружавшихъ этотъ предсмертный одръ. Легри бредилъ, кричалъ и разсказывалъ о такихъ видѣніяхъ, отъ которыхъ кровь застывала въ жилахъ слушателей...

По странному стеченію обстоятельствъ, въ ту самую ночь, какъ видѣніе впервые посѣтило Легри, наружная дверь найдена была утромъ растворенною; нѣкоторые же изъ негровъ видѣли, какъ двѣ бѣлыя тѣни шли по аллеѣ, ведущей на большую дорогу.

Предъ самымъ разсвѣтомъ Касси и Эммелина остановились на минуту подъ деревьями, въ маленькой рощѣ, неподалеку отъ города.

Касси одѣлась испанскою креолкой, то-есть вся въ черномъ. Маленькая черная шляпа ея была по-

крыта густо вышитымъ вуалемъ, спущеннымъ на лицо.

Во время побѣга рѣшено было, что она будетъ называть себя испанской дамой, Эммелина же—служанкой ея.

Находясь съ дѣтства въ общеніи съ особами высшаго круга, Касси ни рѣчью, ни движеніями, ни манерами не противорѣчила принятой ею на себя роли. Въ прежнія времена у ней былъ огромный запасъ пышныхъ нарядовъ, отъ которыхъ осталось еще достаточно платьевъ и драгоцѣнныхъ украшеній, чтобы помочь ей поддержать свое достоинство.

Она остановилась въ предмѣстьѣ города, гдѣ продаютъ дорожные сундуки. Купивъ красивый чемоданъ, она попросила купца послать съ нею кого-нибудь, чтобы донести покупку. Такимъ образомъ она пошла по городу въ сопровожденіи слуги, несшаго чемоданъ, и Эммелины, тащившей дорожный мѣшокъ и различные узелки, — совершенно какъ знатная дама.

Въ городѣ она встрѣтила Джорджа Шельби, остановившагося тутъ въ ожиданіи парохода.

Касси замѣтила этого юношу со своего наблюдательнаго поста на чердакѣ, видѣла, какъ онъ увозилъ тѣло Тома, и съ тайнымъ восхищеніемъ смотрѣла на его стычку съ Легри. Впослѣдствіи же, прогуливаясь по ночамъ подъ видомъ привидѣнія, она прислушивалась къ разговорамъ негровъ и узнала, кто былъ Джорджъ и каковы были его отношенія къ Тому. Поэтому она тотчасъ ободрилась, узнавъ, что онъ тоже ожидаетъ парохода.

Поведеніе и манеры Касси, ея ловкость и доста

токъ въ деньгахъ — устранили всякое подозрѣніе на ея счетъ.

Къ вечеру пришелъ пароходъ. Джорджъ Шельби помогъ Касси взойти на палубу съ тою вѣжливостію, которая такъ свойственна всякому кентукійцу, и позаботился о прінсканіи ей спокойной каюты.

Во все время переѣзда по Красной Рѣкѣ, Касси не выходила изъ своей каюты и лежала въ постели, подъ предлогомъ нездоровья, служанка же ея съ неутомимымъ усердіемъ ухаживала за нею.

Когда, наконецъ, достигли Миссиссипи и Джорджъ узналъ, что иностранкѣ предстояло ѣхать дальше, какъ и ему, онъ предложилъ приготовить ей каюту на томъ пароходѣ, гдѣ самъ взялъ мѣсто, и добродушно выражая участіе къ слабому ея здоровью — изъявилъ готовность служить чѣмъ могъ.

Мы снова видимъ нашихъ путниковъ, благополучно пересѣвшихъ на пароходъ «*Синсиннети*», быстро плывущій вверхъ по рѣкѣ.

Здоровье Касси поправилось. Она выходитъ на палубу, появляется къ обѣду и замѣчена пассажирами, какъ женщина, сохранившая слѣды рѣдкой красоты.

Съ момента, какъ Джорджъ увидѣлъ ее въ первый разъ, его поразило въ ней неуловимое, неопредѣленное сходство съ кѣмъ-то. Нѣчто подобное случалось вѣроятно со всякимъ, и каждый можетъ припомнить, какъ это бываетъ мучительно. Джорджъ не могъ удержаться, чтобы безпрестанно не смотрѣть на нее и не наблюдать за нею.

Касси замѣтила это, и ею овладѣло безпокойство. Она подумала, что онъ что-нибудь подозрѣваетъ, и,

наконецъ, рѣшилась совершенно ввѣриться его великодушію, разсказать ему всю свою исторію.

Джорджъ былъ расположенъ искренно сочувствовать всякому, убѣжавшему отъ Легри, потому что не могъ равнодушно ни вспомнить, ни говорить о немъ. Нимало не заботясь о послѣдствіяхъ, онъ увѣрилъ Касси, что всѣми силами будетъ стараться покровительствовать ей и помогать побѣгу.

По сосѣдству съ каютою Касси была другая, которую занимала француженка, г-жа Де-Ту, съ миленькой дочкой, лѣтъ двѣнадцати.

Узнавъ изъ разговора съ Джорджемъ, что онъ изъ Кентукки, она выразила особенное желаніе познакомиться съ нимъ короче.

Джорджъ часто сидѣлъ у двери ея каюты, и Касси, сидя на палубѣ, слышала ихъ разговоръ.

Госпожа Де-Ту особенно подробно разспрашивала о Кентукки, гдѣ, по ея словамъ, она провела первую половину своей жизни. Къ удивленію, Джорджъ нашелъ, что ея мѣстопребываніе находилось гдѣ-то очень близко отъ его помѣстья. Разспросы же ея доказывали такое знаніе мѣстныхъ жителей, что онъ изумился.

— Не знаете ли вы, — спросила у него однажды госпожа Де-Ту,—по сосѣдству кого-нибудь, носящаго фамилію Гаррисъ?

— Есть одинъ старый такой господинъ, — отвѣтилъ Джорджъ.—Онъ живетъ неподалеку отъ имѣнія моего отца, но мы съ нимъ мало имѣемъ сношеній.

— У него, кажется, очень много невольниковъ?— сказала госпожа Де-Ту, съ такимъ видомъ, который

обличалъ, повидимому, гораздо большее участіе къ вопросу, нежели она того желала.

— Да, много,—отвѣтилъ Джорджъ, очевидно удивленный выраженіемъ ея лица.

— Не знаете ли вы у него молодого мулата Джорджа?

— О, конечно! Джорджъ Гаррисъ. Я его хорошо знаю. Онъ женился на горничной моей матери, но теперь бѣжалъ въ Канаду.

— Бѣжалъ!—подхватила госпожа Де-Ту съ живостію.—Слава Богу!

Джорджъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее, но промолчалъ.

Госпожа Де-Ту склонила лицо на руку и залилась слезами.

— Это братъ мой!—проговорила она.

— Какъ!—воскликнулъ Джорджъ съ выраженіемъ сильнѣйшаго изумленія.

— Да, мистеръ Шельби, — отвѣтила госпожа Де-Ту, гордо поднявъ голову и отирая слезы:—Джорджъ Гаррисъ—мой братъ.

— Вы меня изумляете! — сказалъ Джорджъ, отодвигая свой стулъ шага на два и пристально глядя на госпожу Де-Ту.

— Меня продали въ южныя провинціи, когда онъ былъ еще ребенкомъ, — сказала она. — Меня купилъ добрый и благородный человѣкъ. Онъ увезъ меня въ Вестъ-Индію, освободилъ и женился на мнѣ. Недавно онъ скончался, и вотъ я ѣду въ Кентукки, чтобъ узнать, нельзя ли найти и выкупить своего брата.

— Я слыхалъ отъ него о сестрѣ Эмиліи, которую продали на Югъ,—сказалъ Джорджъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это именно я, — отвѣтила госпожа Де-Ту. — Скажите, пожалуйста, что онъ за человѣкъ?...

— Прекрасный молодой человѣкъ! Несмотря на проклятое рабство, тяготѣвшее надъ нимъ, онъ оказалъ удивительные успѣхи. По уму и нравственнымъ правиламъ, это человѣкъ замѣчательный. Все это мнѣ хорошо извѣстно, — прибавилъ Джорджъ, — потому что онъ женился у насъ.

— А какова жена его?—съ живѣйшимъ участіемъ продолжала г-жа Де-Ту разспросы.

— О, это просто сокровище!—отвѣтилъ Джорджъ.— Красивая, умненькая, милая дѣвушка и очень нравственная. Мать моя сама занималась ея воспитаніемъ и держала ее почти какъ родную дочь. Она прекрасно читаетъ и пишетъ, шьетъ и вышиваетъ, и превосходно поетъ.

— Она родилась въ вашемъ домѣ?

— Нѣтъ. Отецъ купилъ ее во время одной изъ поѣздокъ своихъ въ Новый-Орлеанъ и привезъ въ подарокъ моей матери.

Джорджъ сидѣлъ спиною къ Касси и не могъ замѣтить живѣйшаго интереса, выражавшагося на лицѣ ея во время этого разговора.

Касси, наконецъ, дотронулась до его руки и съ мертвенною блѣдностью на лицѣ спросила:

— Вы знаете имена тѣхъ, у кого она куплена?

— Кажется, какой-то Симонсъ былъ главнымъ распорядителемъ этого дѣла. Насколько могу припомнить, это именно имя выставлено въ купчей крѣпости.

— О, Боже мой! — произнесла Касси, и безъ чувствъ упала на полъ каюты...

Касси узнала, наконецъ, гдѣ ея дочь.

ГЛАВА XXXVIII.

Послѣдствія.

КАССИ и госпожа Де-Ту немедленно отправились къ Канаду и принялись осматривать всѣ селенія, въ которыхъ размѣстились многочисленныя толпы бѣглыхъ невольниковъ. Въ Амгерстбергѣ онѣ нашли миссіонера, у котораго Джорджъ и Элиза укрывались по прибытіи своемъ въ Канаду; онъ же помогъ найти слѣды ихъ до Монреаля.

Прошло уже пять лѣтъ, какъ Джорджъ и Элиза жили на свободѣ. Джорджъ нашелъ себѣ постоянную работу въ магазинѣ какого-то почтеннаго машиниста и зарабатывалъ тамъ достаточно денегъ, чтобы содержать семейство, увеличившееся еще малюткою-дочерью.

Маленькій Гарри, красивый и умный мальчикъ, былъ опредѣленъ въ хорошую школу и оказывалъ большіе успѣхи.

Заглянемъ въ кабинетъ Джорджа. Потребность знанія, самоусовершенствованія, побудившая его въ дѣтствѣ научиться читать и писать, несмотря даже на всѣ трудности и лишенія, пережитыя имъ, — эта же потребность заставляла его и теперь посвящать все свободное время своему образованію.

Онъ сидитъ у стола и дѣлаетъ выписки изъ книги, которую только-что читалъ.

— Что же, Джорджъ,—сказала Элиза,—тебя цѣлый день не было дома; положи-ка книгу, да поговоримъ немножко, покуда я приготовлю чай. Ну-же!

Маленькая Элиза помогала въ этомъ случаѣ матери. Она подползла къ отцу, пытается вытолкнуть

книгу изъ его рукъ и лѣзетъ къ нему на колѣна, желая замѣнить книгу своею особой.

— Ахъ ты, плутенокъ!—говоритъ Джорджъ, уступая ребенку, какъ и всѣ мужчины въ такихъ случаяхъ.

— Вотъ такъ! — сказала Элиза, начиная рѣзать хлѣбъ.

Она уже не такъ моложава, какъ прежде; станъ ея сталъ немножко плотнѣе; прическа имѣетъ болѣе

степенный видъ. Но лицо, очевидно, дышитъ полнымъ счастьемъ и довольствомъ.

— Гарри, мой милый мальчикъ, какъ ты рѣшилъ свою задачу?—спрашиваетъ Джорджъ, положивъ руку на голову сына.

Гарри уже безъ длинныхъ кудрей, но съ тѣми же чудными глазами и красивымъ, смѣлымъ личикомъ, которое вспыхиваетъ отъ удовольствія, когда онъ отвѣчаетъ торжественно:

— Я рѣшилъ задачу, папа, всю рѣшилъ *самъ*, и *никто* не помогалъ.

— Вотъ это хорошо! — говоритъ отецъ. — Береги свою самостоятельность, дитя мое. Тебѣ это легче, чѣмъ было бѣдному твоему отцу.

Въ эту минуту раздался легкій стукъ въ двери, и Элиза пошла отворять.

— А, это вы!—радостно воскликнула она и тѣмъ привлекаетъ вниманіе своего мужа.

Оба они устремились на встрѣчу къ доброму амгерстбергскому пастору. Съ нимъ пришли двѣ дамы, которыхъ Элиза пригласила сѣсть.

Пасторъ, сопутствовавшій Касси и г-жѣ Де-Ту, приготовился уже начать приличную случаю рѣчь, какъ вдругъ госпожа Де-Ту бросилась прямо на шею къ Джорджу съ восклицаніемъ:

— О, Джорджъ! Неужели ты не узнаешь меня? Я сестра твоя—Эмилія...

Подобнымъ же образомъ поступила и Касси въ отношеніи Элизы.

По приглашенію пастора, всѣ преклонили колѣна. Есть чувства, до того потрясающія и тревожныя, что нельзя успокоить ихъ иначе, какъ изливъ на

лоно Любви всеобъемлющей... Послѣ этого, члены вновь соединеннаго семейства обняли другъ друга, свято ввѣрившись Тому, Кто избавилъ ихъ отъ стольких бѣдствій и опасностей и такими неисповѣдимыми путями снова свелъ вмѣстѣ...

Госпожа Де-Ту разыскала и сына Касси, Генри. Этотъ молодой человѣкъ, отличающійся энергическимъ характеромъ, бѣжалъ нѣсколькими годами раньше своей матери, нашелъ пріютъ у гостепріимныхъ жителей Сѣвера, всегда помогающихъ несчастнымъ, и тамъ получилъ образованіе. Такимъ образомъ все семейство соединилось теперь вмѣстѣ.

Теперь—объ остальныхъ лицахъ нашего пов ствованія.

Миссъ Офелія взяла Топси съ собою въ Вермонтъ. Сначала Топси сочли тамъ страннымъ и безполезнымъ добавленіемъ къ правильному и благоустроенному хозяйству; но миссъ Офелія такъ добросовѣстно, такъ удачно трудилась надъ воспитаніемъ своего пріемыша, что дѣвочка вскорѣ заслужила любовь всего семейства и благосклонность сосѣдей. Достигнувъ совершеннолѣтія, она сама пожелала креститься и сдѣлалась членомъ мѣстной церкви. Потомъ она оказала столько благоразумія, дѣятельности, усердія и любви къ добру, что ее, наконецъ, рѣшительно признали способною и годною къ исполненію обязанностей миссіонерки и послали въ одно изъ африканскихъ поселеній, гдѣ она съ успѣхомъ и пользою учитъ дѣтей своей родины.

———

ГЛАВА XXXIX.

Освободитель.

Въ тотъ день, когда ожидали молодого масра Джорджа, въ домѣ Шельби все пришло въ праздничное движеніе.

— А что, миссизъ, не слыхать-ли чего о молодомъ баринѣ?—спросила Хлоя.

— Какъ же, онъ написалъ мнѣ только одну строчку о томъ, что если успѣетъ—непремѣнно будетъ дома сегодня вечеромъ. Только и всего.

— А о моемъ старикѣ, знать, ни словечка не помянулъ?—сказала Хлоя, суетясь съ чашками.

— Нѣтъ, ничего. Онъ совсѣмъ ни о чемъ не писалъ; говоритъ, что все самъ разскажетъ, когда пріѣдетъ домой.

— Старикъ мой, поди, не узнаетъ своихъ мальчишекъ, да и дѣвочку тоже. Господи! вѣдь она теперь совсѣмъ большая стала, да такая умница, разумница, моя Полли! Она теперь тамъ, дома, присматриваетъ за лепешками въ печи. Я состряпала нынче тѣ самыя лепешки, которыя старикъ мой больно любилъ! Точно такія пекла я ему въ то утро, какъ его увезли отсюда. Охъ, Господи помилуй! Порядкомъ-таки помучилась я въ то утро!..

Мистрисъ Шельби вздохнула; при этихъ словахъ что-то тяжелое легло ей на сердце. Она чувствовала нѣкоторое безпокойство съ той минуты, какъ получила письмо Джорджа, и ей казалось, что онъ умалчиваетъ и скрываетъ что-то.

— Миссизъ, а счеты-то у васъ?—спросила Хлоя съ живостію.

— Да, Хлоя.

— То-то. Я хочу показать своему старику тѣ самые счеты, которые мнѣ выдавалъ *хозяинъ*...

Хлоя особенно настаивала, чтобы сохранялись тѣ самые счеты, по которымъ она получала жалованье и которые желала показать мужу, какъ блистательное доказательство ея способностей.

Въ эту минуту послышался стукъ колесъ.

— Масръ Джорджъ!—вскрикнула Хлоя, бросаясь къ окну.

Мистрисъ Шельби побѣжала къ наружной двери и очутилась въ объятіяхъ сына. Хлоя тревожно вперила глаза въ темную дверь.

— О, *бѣдная* тетушка Хлоя! — проговорилъ Джорджъ, остановившись и съ состраданіемъ взявъ ее жесткую, черную руку въ свои руки.—Я отдалъ бы все свое состояніе, чтобы привезти съ собою Тома, но онъ уже отошелъ въ лучшій міръ!

Горестное восклицаніе вырвалось изъ устъ мистрисъ Шельби, но Хлоя ничего не сказала.

Они вошли въ столовую. Деньги, которыми такъ гордилась Хлоя, все еще лежали на столѣ.

— Вотъ! — проговорила она, собравъ билеты и дрожащею рукой подавая ихъ госпожѣ своей. — Никогда больше не хочу ни видѣть, ни слышать о нихъ. Такъ и случилось, какъ я ожидала: продали и убили его тамъ, на этихъ плантаціяхъ!...

Хлоя отвернулась и гордо пошла вонъ изъ комнаты! Мистрисъ Шельби тихо послѣдовала за нею, взяла ее за руку, посадила въ кресло и сама сѣла возлѣ.

— Бѣдная моя, добрая Хлоя!—сказала она.

Хлоя склонила голову на плечо госпожи своей и зарыдала:

— О, миссизъ, простите вы меня! Надорвалось мое сердечко...

— Знаю, знаю, что такъ, — сказала мистрисъ Шельби, и слезы ручьемъ потекли изъ ея глазъ. — Не мнѣ утѣшить тебя, но Господу Іисусу все возможно: Онъ исцѣляетъ болящихъ и врачуетъ раны сердечныя.

На нѣсколько минутъ водворилось молчаніе, всѣ плакали вмѣстѣ. Наконецъ, Джорджъ сѣлъ около плачущей вдовы и, взявъ ея руку, просто и торжественно передалъ ей сцену величавой смерти ея мужа и его послѣднее прощаніе.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ этого. Однажды утромъ всѣ слуги помѣстья Шельби собрались въ большихъ сѣняхъ, раздѣлявшихъ домъ надвое, ожидая прихода молодого барина, который имѣлъ что-то сообщить имъ.

Къ общему удивленію, онъ вышелъ къ нимъ съ цѣлою кипой бумагъ, заключавшихъ въ себѣ отпускные паспорты для всѣхъ. Всѣ они одинъ за другимъ были прочтены вслухъ и розданы по принадлежности. Сцена эта сопровождалась слезами, всхлипываніями и возгласами присутствующихъ.

Многіе изъ слугъ тѣснились вокругъ Джорджа, усердно прося его не отсылать ихъ прочь, и съ тревожнымъ выраженіемъ на лицахъ отдавали ему назадъ свои вольныя.

— Намъ не надо воли больше нынѣшней! У насъ

всегда есть все, что нужно. Мы не хотимъ покидать стараго дома, барина съ барыней и всего остального!...

— Любезные друзья,—обратился къ нимъ Джорджъ, съ трудомъ добившись минуты молчанія. — Вамъ не зачѣмъ оставлять меня. Земли наши будутъ обрабатываться такъ-же, какъ и прежде; рабочихъ рукъ потребуется столько же, за домомъ необходимъ тотъ же уходъ. Но только теперь вы—свободные люди, и я буду платить вамъ за работу, смотря по обоюдному уговору. Выгода въ этомъ та, что если я войду въ долги или умру, — что очень легко можетъ случиться, — васъ уже не могутъ взять и продать. Я хочу попрежнему управлять имѣніемъ и учить васъ тому, чему вы, можетъ-быть, еще долго не выучитесь, а именно — какъ пользоваться правами свободныхъ людей, которыя я вамъ даю. Полагаю, что вы захотите быть хорошими людьми и станете учиться. Надѣюсь, что и мнѣ Богъ пошлетъ терпѣнія и охоты учить васъ. Ну, друзья мои, теперь обратитесь къ Богу и поблагодарите Его за дарованную вамъ благословенную свободу.

Престарѣлый негръ, патріархальной наружности, выросшій, посѣдѣвшій и даже утратившій зрѣніе въ этомъ помѣстьѣ, выпрямился и, поднявъ дрожащую руку къ небу, сказалъ:

— Принесемъ благодареніе Господу!

Всѣ преклонили колѣна. Ни одно торжественное молебствіе не возносилось къ небесамъ съ чувствомъ, болѣе трогательнымъ и искреннимъ, чѣмъ эта сердечная молитва честнаго старика.

Когда всѣ встали, другой негръ запѣлъ извѣстный

гимнъ методистовъ, каждый куплетъ котораго оканчивался словами:

Настало время искупленья,
Опять отчизну обрѣли мы!...

— Еще одно слово. — сказалъ Джорджъ, остановивъ радостныя изліянія толпы.—Вы помните нашего добраго старика Тома?

Тутъ Джорджъ въ короткихъ словахъ разсказалъ имъ о смерти Тома, о его прощальныхъ привѣтствіяхъ всему дому и прибавилъ:

— На его могилѣ, друзья мои, поклялся я предъ Богомъ, что никогда болѣе не буду владѣть рабомъ, если только возможно освободить его; что никогда не подвергну горькой разлукѣ со своими друзьями и домашними и одинокой смерти на чужой сторонѣ, какъ умеръ бѣдный нашъ Томъ. Такъ, если вы радуетесь свободѣ,—знайте, что вы обязаны ею этому доброму старику, и отплатите за то добромъ его женѣ и дѣтямъ. Вспоминайте о своей волѣ всякій разъ, какъ будете проходить мимо хижины дяди Тома! Пусть она всегда служитъ вамъ напоминаніемъ и внушаетъ каждому изъ васъ желаніе идти по его слѣдамъ, — быть такимъ же честнымъ и вѣрующимъ христіаниномъ, какъ онъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.